

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

№ 6

**ЧУВАШСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ
ВЕСТНИК**

АРХЕОЛОГИЯ
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ
ПРАВОВЕДЕНИЕ
СОЦИОЛОГИЯ
ФИЛОЛОГИЯ
ЭКОНОМИКА
ЭТНОЛОГИЯ

Чебоксары – 2011

*Учредитель БНУ «Чувашский государственный
институт гуманитарных наук»*

Редакционная коллегия:

Ю.М. Артемьев, д.ф.н., проф., **И.И. Бойко**, д.и.н., проф., **Ю.Н. Исаев**, к.ф.н.
(главный редактор), **В.П. Иванов**, д.и.н., **М.Г. Кондратьев**, д. искусств., проф.,
Г.А. Николаев, к.и.н. (заместитель главного редактора), **Л.П. Петров**, к.ф.н.,
А.А. Трофимов, д. искусств., проф. (художественный редактор), **А.П. Хузангай**, к.ф.н.

Ответственный редактор
Г.А. Николаев

Чувашский гуманитарный вестник.
Чебоксары, 2011. № 6

Научный журнал
Основан в феврале 2006 г.
Выходит 1 раз в год

© Чувашский государственный институт
гуманитарных наук, 2011
© Редакция журнала
«Чувашский гуманитарный вестник»
(составитель), 2011

По данным русских летописей, публикаций актовых материалов, фактических сведений «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера можно предположить, что в середине 1520-х годов при бракосочетании дочери казанского хана с сибирским ханом в Сибирское ханство была переведена значительная группа служилых чувашей вместе с захваченными в 1524 г. в плен русскими пушкарями при двух трофейных пушках. Служилые чувашаи на мысу, расположенном на р. Иртыш, основали крепость – Чувашский городок. Потомки переведенцев в 1582 г. обороняли Чувашский городок от отряда Ермака и потерпели поражение. Уцелевшие служилые чувашаи разбрелись среди местных татар, манси и хантов и утратили свою этническую идентичность.

Ключевые слова: сибирские летописи, Казанское ханство, Сибирское ханство, хан Кучум, Иван IV, служилые чувашаи, Тимофей Ермак, Чувашский мыс, Чувашский городок.

Рассматриваемый в настоящей статье вопрос в XVIII в. изучал академик Российской академии наук немец Г.Ф. Миллер в своей «Истории Сибири»¹. Из чувашских авторов известный журналист В.И. Васильев в газете «Советская Чувашия» в 2006 г. опубликовал статью «На Чувашской горе Ермаку повезло», написанную по помещённой в Интернете Ремезовской летописи «История Сибирская» в переводе на современный русский язык².

В ходе распада Золотой Орды в начале 1420-х годов в Западной Сибири образовалось ханство, выделившееся из территории улуса Шейбана. Столицей ханства стал г. Чимги Тура (Тюмень), а само ханство называлось Тюменским. Ханами этого ханства до конца XV в. были чингисиды из династии Шейбанидов. В 1495 г. ханский престол захватили представители татарского княжеского рода Тайбуги, не чингисиды. В том же году столица была перенесена в г. Сибирь (Кашлык, Искер), само ханство стали именовать Сибирским. Оно в достаточной степени не обособилось от Узбекского ханства и Ногайской Орды, граничило с Пермью, Казанским ханством, с толеутами в прииртышских степях. На севере границы ханства достигали низовьев Оби, на востоке оно граничило с так называемой Пегой Ордой. В состав ханства входили татары и сибирские племена вогулов, остяков и др. Остяки (ханты),

---

Василий Дмитриевич Дмитриев – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: human2000@yandex.ru.

вогулы (манси) и другие местные племена, входившие в пределы Сибирского ханства, занимались оленеводством, охотой и сбором лесных плодов. Занятиями сибирских татар являлись пастбищно-кочевое скотоводство (сочеталось с зачатками земледелия), охота, рыболовство. Торговля в ханстве находилась в руках бухарцев. Из ханства вывозили меха, кожи домашних животных, рыбу, кость мамонта, шерсть.

Татарское общество состояло из беков (князей), мурз, тарханов и служилых татар. Остяки, вогулы и другие племена являлись ясачными, платили ясак (мехами) хану и татарским феодалам. Сибирский хан Едигер из рода Тайбуги в 1555 г. признал вассальную зависимость от Москвы. Но чингид-шейбанид Кучум (1520 – не ранее 1598), сын правителя Бухары – хана Муртазы в том же 1555 г. вступил в борьбу за трон Сибирского ханства, в 1563 г. сверг Едигера и захватил власть. Он стал проводить жёсткую антироссийскую политику, нападать на владения Строгановых, вёл борьбу с непокорными беками и племенными князьями своего ханства, выступал за расширение и упрочение позиций ислама в ханстве³.

Важнейшими источниками, содержащими сведения о Сибирском ханстве, походе казачьей дружины Ермака в Сибирь, о топонимах *Чувашева гора*, *Чувашская гора*, *Чувашский мыс*, *Чувашский городок*, *Чувашев городок*, *городок Чуваши*, *Чувашево*, *Чувашский град*, о чувашах в Сибирском ханстве, являются сибирские летописи – Есиповская, Строгановская и Ремезовская (в состав последней вошел «Кунгурский летописец»).

По особенностям содержания сибирские летописи можно разделить на две традиции. Первую традицию можно назвать кунгурско-ремезовской, вторую – есиповско-строгановской. Наиболее ранние сведения о походе Ермака были зафиксированы в письменных материалах полковых писарей дружины Ермака и «Кунгурском летописце».

В 1592–1593 гг. одним из полковых писарей дружины Ермака был составлен «Кунгурский летописец» (Кунгурская летопись), который к 1596 г. был доставлен в Москву – в Посольский приказ. «Кунгурский летописец» оказал влияние на общероссийский «Новый летописец», составленный при участии патриарха Филарета, отца царя Михаила Федоровича, в котором представлена официальная концепция присоединения Сибири к России, и на «Описание новых земель Сибирского государства» (конец XVII в.). В 1622–1623 гг. в вотчине Строгановых в г. Сольвычегодске на основании сохранившейся переписки Строгановых с дружиной Ермака, других материалов, возможно, рукописи «Написание, како приидоша в Сибирь...», сочиненной участниками дружины Ермака, и составленного на основе «Написания...» «Синодика Тобольского собора» неизвестный автор написал Строгановскую летопись – «О взятии Сибирской земли» (1-я редакция). В 1636 г. дьяк Тобольского архиерейского дома Савва Есипов, ознакомившись с указной грамотой церковного собора от 16 февраля 1636 г., составил летопись «О Сибири и о сибирском взятии», названную позже Есиповской. Наверное, он использовал и указанные выше «Написание...», «Синодик Тобольского собо-

ра», черновики отписей Строгановым, переданную казаками Ермака в Тобольскую архиепископию Строгановскую летопись и другие материалы. В конце XVII в. выдающийся русский географ, картограф, историк С.У. Ремезов с участием сыновей и племянника составил лицевой (то есть иллюстрированный) свод – Ремезовскую летопись. В этот летописный свод вошёл выявленный С.У. Ремезовым «Кунгурский летописец», подлинник которого до наших дней не сохранился. Им были использованы и Строгановская, и Есиповская летописи, другие источники⁴.

Не может быть сомнения в том, что «Кунгурский летописец» вошел лишь в состав Ремезовской летописи, в названии первой публикации которой в скобках было указано «Кунгурская» [летопись]. Только на эту публикацию ссылается А.И. Копылов в статье о Кунгурской летописи. По интересующим нас вопросам чувашская топонимика представлена в Строгановской, Есиповской и Ремезовской (фактически Кунгурско-Ремезовской) летописях, а о службе чувашей в войске Кучума было сказано лишь в «Кунгурском летописце» и пишется в Ремезовской летописи. Тексты первой публикации Ремезовской летописи 1880 г. и второй публикации 1907 г. полностью совпадают. Вероятно, Ремезовская летопись ныне интересует многих читателей. Её поместили в Интернете в переводе на современный русский язык⁵.

Семен Ульянович Ремезов (1642 – около 1720) – тобольский сын боярский, с 1712 г. – дворянин, в 1682–1690 гг. – ясачный сборщик, составитель плана и описания Тобольского уезда (1683–1710), градостроитель – основатель каменного кремля в Тобольске (1697–1706), автор многих чертёжных книг, географических, этнографических и исторических трудов о Сибири: «Хорографическая чертёжная книга» (1697–1711), «Чертёжная книга Сибири» (1699–1701), «Служебная чертёжная книга» (1702–1830), «О грани и межах всей Сибири», «Уподобление Сибирские страны», «Описание Сибири», «Описание о сибирских народах и граней их земли» (1677–1698). Иллюстрированную Ремезовскую летопись он составил в 1690-е годы. Опытный исследователь не мог составить некачественную летопись. К достоверности фактического материала он относился ответственно. К тому же только ему стал известным «Кунгурский летописец»⁶.

Есиповская и Строгановская летописи, как и Ремезовская, опубликованы в подготовленном Археографической комиссией сборнике «Сибирские летописи», изданном в 1907 г.⁷ Списки Есиповской летописи в 1987 г. опубликованы в томе 36 Полного собрания русских летописей (ПСРЛ)⁸.

Основное содержание этих трёх летописей – поход дружины Ермака в Сибирь. В литературе одни авторы считают Ермака (род.? – умер 6 августа 1585 г.) донским казаком, другие – жителем Приуралья. Однако во второй половине XVI в. вольного донского казачества, служившего России, ещё не было. Казачье конное войско, наряду со стрелецким пешим, было создано Иваном IV при проведении военной реформы 1550 г. В Казанском ханстве казаками (чув. *хусах*) назывались служилые татары, имевшие небольшие земельные наделы, а также мелкие служилые люди из чувашей, марийцев и удмуртов. В «Синодике Ермаковым казаком», написанном в Тобольске

в 1622 г., указан казачий атаман «Ермакъ Тимофеевъ сынъ Повольскій», в статье 135 Ремезовской летописи – «Ермакъ Тимофеевъ сынъ Повольскій», в переводе этой летописи на современный русский язык – «Ермак Тимофеев сын Поволжский». Вместо слова «Волжск» до XIX в. писали «Вольск». Следовательно, Ермаку была дана фамилия «Поволжский», несомненно, по месту рождения и жительства. По-видимому, он был уроженцем и жителем Казанской земли (территории бывшего Казанского ханства). В письменных источниках, исторических сказаниях и песнях указывается, что дружина Ермака сформировалась в Казани. Так, в наказе царя Федора Ивановича, направленном 25 ноября 1584 г. в Священную Римскую империю, послу Лукьяну Новосельцеву предложено было отвечать на вопрос о присоединении Сибирского ханства к России усилиями отряда Ермака так: «Кучюм царь посаженный был отца Государя нашего да учал быть непослушен... И Государя нашего отец за это непослушание велел на него итти из Перми казакам своим волжским и казанским, и астраханским с вогненным боем»⁹.

В статье о Ермаке в «Советской исторической энциклопедии» обоснованно утверждается, что Ермак – «предводитель похода в Сибирь, в результате которого распалось Сибирское ханство Кучума и было положено начало присоединения Сибири к Русскому государству». Автор энциклопедической статьи сообщает, что Строгановы, получив в 1574 г. от Ивана IV разрешение выдвинуть форпосты на Обь и Иртыш, в 1577 г. пригласили дружину Ермака для защиты своих владений от набегов Сибирского ханства. Дружина Ермака в 1650 чел. (по другим данным, в 840 чел., 3000 чел.) выступила в поход в Сибирь с реки Чусовой, как считал Г.Ф. Миллер, 12–13 июня 1579 г. С.В. Бахрушин утверждает, что Ермак выступил в поход 1 сентября 1581 г., зимовал на Ермаковом городище; дальнейшее движение по сибирским рекам – май–июнь 1582 г. по Тоболу; 21 июля 1582 г. – бой в Бабасанах; 1 августа – «взятие г. Карачина». В трёхдневном сражении (23–25 октября 1582 г.) на Иртыше под Чувашским городком дружина Ермака разбила войско Кучума, очистила городок от кучумовцев. 26 октября 1582 г. Ермак занял столицу ханства город Кашлык (Сибирь). Войско Кучума откочевало в степь. Сибирское ханство распалось, но Кучум и другие татарские феодалы собрали крупные военные силы. В декабре 1582 г. Ермак отправил в Москву к Ивану IV вестового с просьбой о помощи военной силой. Но царь прислал к нему лишь 500 стрельцов. Дружина Ермака заняла и другие города на территории Сибирского ханства. В ночь на 6 августа 1585 г. Кучум неожиданно напал на дружину Ермака и уничтожил её основную часть. Ермак, спасаясь, в кольчуге переплывал через реку Вагас, утонул. Остатки его дружины под командой М. Мещеряка осенью 1585 г. покинули Сибирь¹⁰.

Дружина Ермака, сыграв огромную историческую роль в присоединении к России Западной Сибири, в измерениях конца XVI в. понесла большие жертвы, достойные вечной памяти. 16 февраля 1636 г. Совет Освященного собора, святейший патриарх Филарет и царь Михаил Фёдорович в грамоте первому архиепископу сибирскому Киприану указали и распорядились возглашать вечную память Ермаку Тимофееву сыну Поволжскому и каждо-

му, кто убит был: **23 октября** 107 казакам, убитым Кучумом под Чувашиами – вечная память большая; **5 ноября** 20 казакам, убитым при ловле рыбы, во время сна, на Абалацком озере – вечная память меньшая; в июне и июле месяцах воевавшим в низовьях Иртыша, по Оби и по Тавде, взявшим Назымский, Кодский и Лабутинский городки – вечная память средняя; **17 апреля** атаману Ивану Кольцову с 40 казаками, обманутым и убитым хитрым Карачей в третий год после взятия города Сибири (Кашлыка) – вечная память большая; 6 августа Ермаку Тимофееву с 300 казаками, [погибшими] в четвёртый год после взятия города Сибири – вечная память, возглас большой. «И с тех пор до нынешнего дня установилось всеобщее поминовение – и в Москве, и здесь, в Тобольске, – Ермаку и соратникам его во время службы при поминовении убиенных за православие – вечная память, возглас большой»¹¹.

В Ремезовской летописи, вобравшей в себя «Кунгурский летописец», содержатся сведения о чуваших в составе войск Кучума и о сражениях отряда Ермака за взятие Чувашского городка, обороняемого в основном чувашскими воинами. О месте расположения этого городка С.В. Бахрушин писал: «Центром Сибирского юрта был Кашлык, или Искер; вдоль берега Иртыша подступы к Кашлыку оберегались укрепленными городками (Сузгун-тура, Бицик-тура, городок на Чувашском мысе, городок мурзы Аттика, Ебалак); на противоположном берегу Иртыша был расположен город, принадлежавший Кучумову караче»¹².

Приведём цитаты из Ремезовской (Кунгурской) летописи: «24 статья. Во второе лето (своего воцарения, то есть в 1564 г. – *В.Д.*) ехавъ Кучюмъ в Казань и дочь Казанского царя Мурата взять въ жену и с нею многихъ Чювашъ и абызь и рускаго полону людей и приехавъ на Сибирку пребываше славно». В переводе на нынешний русский язык эта статья выглядит так: «Во второй год [своего царствования], отправившись в Казань, Кучум взял в жёны дочь казанского царя Мурата, а с ней множество чувашей, и абызов, и русских пленников и, приехав на Сибирку, жил в почёте»¹³.

«42 статья. Собрание же вои Чюваши, Казачьи орды, Вогуличи, Остяки и вси Татарове отпустивъ Кучюмъ изъ города своего с сыномъ своимъ Маметкуломъ по Тоболу на встречу Ермаку, сам же учинивъ засеку подъ Чюваши (то есть под Чувашским городком. – *В.Д.*) на Иртыше реке и грады окопми укрепивъ и на усть Тоболу крепкую стражу поставивъ». Перевод: «И тогда собравшееся войско чувашей, казачью орду, вогулов, остяков и всех татар Кучум отпустил из города своего с сыном своим Маметкулом по Тоболу навстречу Ермаку. Сам же устроил засеку около Чувашей (Чувашского городка. – *В.Д.*) на Иртыше, укрепив город, а в устье Тобола крепкий дозор поставив»¹⁴.

«61 статья. Октября въ 1 день изыдоша с Кучюмляны на брань до засеки в стругахъ и ту приступиша крепце, бияхуса с самемъ Кучюмомъ, хотяще взять Чювашский градъ на горе Чювашской и ту засясти на зиму, да «пробудемъ в сидении сохранно», яко крепокъ бе Чювашский градъ окопми. И того

дни бишася, и невредимы помощью великаго Бога проплывъ, вспять въ Атинской городокъ возвратишася и седоша ту». Перевод: «И 1 октября вышли [казаки] на бой с кучумлянами в стругах к засеке и отсюда пошли на приступ, смело сражаясь с самим Кучумом, желая взять город Чувашский на горе Чувашской и здесь осесть на зиму, дескать, в осаде будем надежно укрыты, так как укреплен был город Чувашский окопами [редутами]. И, в тот день сразившись, поплыли обратно невредимыми с помощью великаго Бога, в Атинский городок возвратились и засели в нём»¹⁵.

«63 статья. Умыслиша же казацы на совершенный ударъ, и се брань четвёртая с Кучюмляны. Кучюму жъ стоящу на горе и с сыномъ его Маметкуломъ у засеки, егда жъ казацы по воли Божии изыдоша изъ города единогогласно глаголюще: «С нами Богъ, разумеите языцы и покаряйтеся, яко с нами Богъ». И разишася вси воедино, и бысть брань велия октября въ 23 день, емлющесь за руки, секуще противныя своя. Кучюму же с горы стреляющу, казацы жъ огнемъ поганыхъ множество поपालяша безъ исцелении, убивша; погании же, нудими Кучюмомъ, отъ казаковъ велми оскудеваша, плакашася, невольно биющесь, умирающе». Перевод: «И тогда задумали все казаки завершающий удар, и была эта битва с кучюмлянами четвёртой. Кучум же стоял на горе у засеки с сыном своим Маметкулом. И тогда казаки по воле Божьей вышли из городка, единогогласно восклицая: «С нами Бог! Подумайте, язычники, и покоритесь, потому что с нами Бог!» И 23 октября началось сражение и произошла великая битва, дрались врукопашную, побеждая противников своих. Кучум же [с горы] стрелял. Казаки же из огнестрельного оружия множество нечестивых подстреляли, убивая насмерть. Нечестивые же, понуждаемые Кучумом, от казаков сильно пострадали, сражаясь не по своей воле, плакали, умирая»¹⁶.

«64 статья. Оружия же не бе у Кучумлянъ, точию луки и стрелы, копия и сабли; бе же две пушки у Чювашъ; казацы жъ умолвиша голкъ ихъ; они же бросиша ихъ с горы в Ыртышъ. Стояще Кучюмъ на Чювашской горе и видевъ многое падение своихъ, зельно плакашесь самъ и вси погани, и повеле агунамъ и абызамъ своимъ вопити велми кумиромъ молитву свою, спяша бо боги ихъ; и беспомощень пребывъ и безчестень, нудимъ невидимую Божию силою и помышля бежати; и бишася три дни безъ опочиву неотступно». Перевод: «Ружей же не было у кучумлян, только луки и стрелы, копыя и сабли, у чувашей были две пушки, казаки заставили их умолкнуть, и те сбросили их с горы в Иртыш. Когда стоял Кучум на Чувашской горе, то, видя большие потери среди своих, молился со слезами сам и все неверные, приказав агунам и абызам своим взывать с мольбою к кумирам, но спали боги их, и оказался [Кучум] беспомощен и опозорен, тесним невидимую силой и задумал бежать. А сражались три дня без сна неотступно». В сражении с кучумовцами казаки потеряли 107 человек»¹⁷.

Сражения под Чувашевым 1 и 23 октября 1582 г. С.В. Бахрушин комментирует так: «1 октября происходит первый бой под Чувашевым и 23 октября вторичный бой под Чувашевым; 24 октября имеет место бегство остяков, а 25-го бегство самого Кучума; 26 октября казаки вступают в столицу

Кучума. Из этих дат две даты были заимствованы из Есиповской летописи – дата сражения под Чувашевым (23 октября) и вступления в г. Сибирь (26 октября). Легко убедиться, что датировка Чувашиской битвы во втором источнике Ремезова была иная, чем в Есиповской летописи, и в результате попытки согласовать показания обеих летописей явилось удвоение рассказа, и казаки дважды выступают из Агтинского городка 1 и 23 октября, причём в обоих случаях сражению предшествует размышление казаков о том, продолжать поход или вернуться назад, доказательства в пользу последнего решения разбиты пополам. Несмотря на указанные противоречия, вся последовательность событий так правдоподобна, что большинство исследователей, начиная с Миллера, кладут в основу истории похода Ермака положение Ремезова, и надо полагать, что в пользу этого есть большие основания»¹⁸.

В Ремезовской летописи далее сообщается, что 24 октября князьки низовских остяков раньше всех вышли из подданства и власти Кучума и все остяки бросились бежать в дремучие леса. 25 октября под вечер и вогулы тайком сбежали с оборонительной линии Кучума за Яскалбинские непроходимые болота и озёра. Как Кучум увидел падение своего ханства, сбежал из своей столицы Кашлыка (Сибири). За ним все из города бежали в Степь, в Казачью Орду, на прежнее своё место. Города Чувашский, Кашлык, Сузгун, Абалак и другие были оставлены опустевшими. Вечером 25 числа, как прекратилась подчувашская битва, казаки отошли за реку и заночевали, поставив стражу. Утром, вставши, помолились Богу и вошли без страха в город 26 октября 1582 г. «Когда же вошли в город Сибирь и увидели брошенное имущество и добычу огромную, и хлеба [зерна], то сказали: «С нами Бог!» Тогда охватила их сильная радость... Пронёсся слух о Ермаке и о казаках по всей Сибирской земле, и напал страх Божий на всех живущих повсюду в той земле басурман. И на четвёртый день после взятия [города] Сибири [остяцкий] демьянский князь Бояр с многочисленными подарками пришёл к Ермаку, и необходимые припасы принёс, и ясак дал. Ермак же, по достоинству наградив, отпустил их. А после того начали ходить постоянно живущие поблизости татары с жёнами, и с детьми, и с родичами, давая ясак. И разрешил им Ермак жить по-прежнему в домах своих, как жили и при Кучуме»¹⁹.

По всей вероятности, оставшиеся в живых чуваша, служившие в Чувашском городке, после взятия его отрядом Ермака разбрелись по татарским селениям, остяцким и вогульским юртам. В статье 74 Ремезовской летописи указывается, что в марте 1583 г. пятидесятник дружины Ермака Богдан Брызга с 50 казаками прибыл в устье реки Демьянки, впадающей в Иртыш, «до болшево ихъ зборнаго княжца Демаяна: и городъ ихъ великъ и крепокъ, и в зборе 2000 Татаръ и Вогуличъ и Остяковъ; приступали по три дни, не могли попасть в крепость горы и хотеша возвратитися и думали, какъ взять, и се роспутища ходу и голодь близъ. И спрашивали у техъ, кои приехали с ними в подводахъ и съ есакомъ, како молятся; одинъ же в нихъ, Чувашенинъ, былъ у Кучума русаго полону, сказалъ: «Молятся де они рускому Богу, и тотъ де руской Богъ литой золотой в чаше седить, и в ту де чашу, наливши воды, пьютъ и зовутъ его Христомъ, а сказывають де, привезенъ отъ Владимирова

крещения, и для того живутъ смело. Отпустите де меня к нимъ, и я де могу его унести, и что они думаютъ, скажю вамъ всё». 75 статья. И в вечеръ дни пошелъ и по утру рано в табары пришёлъ (чувашин. – *В.Д.*), сказалъ: «Ворожать де и говорятъ: лутче де намъ здатся живымъ, и на томъ де у нихъ и положено. А бога де ихъ взять не могъ: противъ де его вся ситдять и молятся и стоятъ; а онъ де поставленъ на столъ, и кругомъ горить жиръ, и курятся серою, аки в ковше». Егда же начахомъ приступати на косогорь, они же, видя мнози разбегошася с роды в домы своя иныхъ князей Романа Славнаго; и ту в городке шертовали и есакъ взяли и весновали, а молбища не сыскали»²⁰. Утверждение «Чувашиниъ былъ у Кучнома рускаго полону», как представляется, не соответствует действительности.

Г.Ф. Миллер в своей «Истории Сибири» содержание статей 75 и 76 Ремезовской летописи излагает так: «Демьян, или Нимнян, собрал до 2000 человек остяков и вогулов, которые, вероятно, пришли с реки Конды. Он ожидал казаков с тем большей смелостью, что для обороны имел на горе большой и крепкий городок. Казакам было весьма трудно овладеть этим местом. В течение трёх дней они упорно старались взять городок, но ничего не достигли. Так как они захватили с собой из Туртаской волости недостаточное количество продовольствия, в надежде найти его здесь в изобилии, то скоро начался у них голод, и они стали уже думать о возвращении назад, когда Брызга случайно узнал от татар, которые служили у него в обозе подводчиками, о причине упорства остяков. Среди татар был один чуваш, которого хан Кучум когда-то вывез из Казани; он часто бывал прежде среди остяков; по его словам, у них имелся идол, про которого остяки рассказывают, что он привезён к ним из России, где его почитали под именем Христа. Этот идол вылит из золота и сидит в чаше, в которую остяки наливают воду, и после того, как они выпьют этой воды, они твёрдо верят, что с ними не может случиться никакого несчастья. Вероятно, это и является причиной их упорства. Он требовал, что если ему разрешат, он отправится к остякам и попытается украсть идола, во всяком случае, он надеется проведать намерение остяков для того, чтобы казаки могли принять свои меры. Это предложение было принято, и вечером того же дня чуваш был отпущен в городок к остякам под видом перебежчика. На следующее утро он опять же был в лагере и принёс следующее сообщение. Остяки находятся в большом страхе; они поставили идола на стол, а вокруг него жгут в особых чашах сало и серу. Сами же в великом множестве стоят и сидят перед столом и возносят идолу непрерывные молитвы, что и помешало чувашу украсть его. При этом они гадают: сдаваться им казакам или продолжать сопротивление, и уже пришли к тому заключению, что лучше сдать. После этого казаки с новой силой начали наступление, которое едва только началось, как большинство остяков и вогулов бежали из городка и рассеялись по своим юртам. Остальные прекратили сопротивление, и казаки могли без особых усилий овладеть этим местом»²¹.

В Ремезовской летописи далее следуют статьи 77–157, в которых описываются продолжение похода Ермака, сбор ясака, бои, гибель Ермака и др.²²

Г.Ф. Миллер в своей «Истории Сибири», написанной по документальным и нарративным источникам, собранным им лично в составе Великой Сибирской экспедиции 1733–1743 гг., обратил внимание на чувашскую топонимику в Сибирских летописях и упоминания в них этноса чувашей. Касаясь воинов-чувашей в войске Кучума, оборонявших Чувашский городок (Чувашский град, городок Чувашево, городок Чуваши), академик пишет: «Этот городок был заселён, по всей вероятности, чувашами, которых хан когда-то вывез из Казани»²³.

Утверждение Ремезовской летописи о том, что во второй год своего царствования (получается: в 1564 г.) Кучум ездил в Казань и взял в жёны дочь казанского хана Мурата, а с ней как приданое «множество чувашей и абызов и русских пленников», после чего в столице Кашлыке (Сибири) жил славно, содержит три неточности: 1) в 1564 г. Казанское ханство не существовало, оно было покорено войсками Ивана IV в 1552 г.; 2) с 1438 г. по 1552 г. в Казанском ханстве царствующего хана Мурата не было; 3) в Казани в 1564 г. русских пленных (полоняников) уже не было. Об этом пишет и Г.Ф. Миллер: «Но когда Ремезовская летопись сообщает, что Кучум через два года после своего прибытия ездил в Казань, женился там на дочери казанского хана Мурата и привёз вместе с ней в Сибирь большое количество русских и чувашских пленных, то всё это очевидная ошибка, так как тогда Казань уже не имела своих собственных ханов и находилась в полной зависимости от русской власти»²⁴.

Г.Ф. Миллер неправомерно превратил чувашей в «пленных в Казани», поставив их наравне с русскими пленными. В Ремезовской летописи нигде не сказано, что чувашей, служившие в войске Кучума, – пленные. В Казанском ханстве из чувашей были ясачные люди и служилые люди. Служилые чувашей подчинялись непосредственно хану. Казанский хан мог подарить сибирскому хану как приданое определённое количество служилых чувашей вместе с их семьями. Как видно из Ремезовской летописи, чувашские воины были вместе с пушкарями. Сам Г.Ф. Миллер пишет: «В Ремезовской летописи по поводу этого сражения (за Чувашский городок. – *В.Д.*) отмечено, что Кучум, кроме обыкновенного оружия татар: стрел, луков, копий и сабель, имел ещё две пушки, которые он поставил против казаков на Чувашском мысу, но казаки будто бы умели их заговаривать, так что эти пушки не могли им причинить вреда, а потому хан, вынужденный бежать, будто бы приказал сбросить их с высокого берега в реку Иртыш... Откуда же Кучум мог взять эти пушки, так как татары в Сибири не умели их лить, и нельзя предположить также, что он получил их из Бухары, где в то время также не знали пушечного дела. Но если мы согласимся с тем, что Кучум ездил в Казань, то могло случиться, что он привёз в Сибирь эти пушки оттуда, а к казанским татарам они могли ещё раньше попасть в качестве добычи от русских»²⁵. Г.Ф. Миллер ссылается на указание Н. Витзена²⁶ об этих же двух чугунных пушках. Хан будто убегая, «велел сбросить в Иртыш две имевшиеся у него чугунные большие пушки, из которых каждая была длиною

в два аршина и стреляла сорокапудовыми (? – В.Д.) ядрами. Одну из них казаки потом вытащили из реки, и она будто бы в то время находилась в Тобольске»²⁷. О чувашах в войске Кучума и о двух пушках сочинитель «Кунгурского летописца» мог узнать только из устных преданий. В преданиях обычно допускается путаница в датах, именах, мерах и географических названиях.

Невозможно признать убедительным и предположение Г.Ф. Миллера относительно Мурата. Он пишет: «Можно лишь допустить, что Мурат был татарским мурзой, принадлежал прежде к Казанскому царству и после завоевания его царём Иваном Васильевичем предьявлял ещё на это царство свои притязания»²⁸. Но сибирский хан не мог войти в брачные отношения с дочерью татарского мурзы. Татарский мурза не мог владеть ни служилыми чувашами, ни чугунными пушками, захваченными от русских.

По нашему мнению, загадку о чувашах в Сибирском ханстве и о чувашских топонимах можно разгадать.

Устойчиво используемые чувашские топонимы не только в «Кунгурском летописце» и Ремезовской летописи, но и в Есиповской и Строгановской летописях не могли сложиться за короткое время, с 1564 г. к 80-м годам XVI в. В сборнике «Сибирские летописи», где представлены Есиповская, Строгановская и Ремезовские летописи, 44 раза встречаются чувашские топонимы: *Чувашьё, Чувашево, Чувашино, Чувашский мыс, Чувашская гора высокая, Чувашский городок, городок Чуваши, Чувашский град*²⁹.

Широко употребляемые чувашские топонимы не могли установиться за сравнительно короткий срок пребывания Кучума на престоле. По всей вероятности, они возникли ещё в первые десятилетия XVI в. Кстати, можно отметить, что эти чувашские топонимы сохранились до наших дней. Главный редактор Чувашского книжного издательства В.Н. Алексеев скопировал из Интернета распоряжение губернатора Тюменской области С.С. Собянина от 13 июня 2001 г. № 369-р «О памятнике природы регионального значения «Киселёвская гора с Чувашским мысом» в г. Тобольске», Положение о памятнике природы регионального значения «Киселёвская гора с Чувашским мысом» – приложение № 1 к указанному распоряжению, паспорт этого памятника и ряд многоцветных снимков этой местности. Археологический памятник «Чувашский мыс» на правом берегу реки Иртыш охраняется государством³⁰.

Многозначны для нас приведённые выше следующие фразы из «Ремезовской летописи по Мировничеву списку»: 1) сибирский хан взял в жёны дочь казанского хана «и с нею многих Чювашь и абызь, и рускаго полону людей» (статья 24); 2) перед сражением Ермака за Чувашский городок в городке имелось «собрание же вои Чуваши»; перевод: «собравшееся войско чувашей» (статья 42); 3) «бе же две пушки у Чювашь; казацы же умолвиша голкъ ихъ; они же бросиша ихъ с горы в Ъртышь»; перевод: «у чувашей было две пушки, казаки заставили их умолкнуть, и те (чувашаи. – В.Д.) сбросили их с горы в Иртыш» (статья 64). Эти фразы свидетельствуют, что да-

рѣнные казанским ханом сибирскому хану чуваша были служилыми людьми, не ясачными. Они были многочисленны, составляли «войско чувашей». Среди них были и абызы – грамотные чиновники. По преданию, в с. Абызово Вурнарского района Чувашской Республики во второй половине XVI–XVII вв. проживало несколько служилых чувашей, у них был абыз. По его должности и поселение получило название Абызово. Чувашские воины в Чувашском городке, помимо других своих обязанностей, обслуживали две чугунные пушки, привезѣнные из Казани. Вместе с чувашскими воинами в Сибирское ханство были доставлены из Казани русские военнопленные. Они, вероятно, были приведены для обслуживания пушек, были пушкарями. Чувашские воины вместе с русскими полоняниками основали на Чувашском мысу на высокой горе Чувашский городок (Чувашский град), где были установлены и эти пушки. Когда могли быть захвачены Казанью русские пушки, кто их захватил? Как служилые чуваша могли иметь отношение к этим пушкам?

Мы уже поняли, что в поисках ответа необходимо обратиться к какой-то давности от событий, связанных с походом Ермака и его гибелью.

Разгадка, по нашему мнению, заключается в следующем. Австрийский посол Сигизмунд Герберштейн, человек со склонностью к познанию истории, в 1526 г. побывал в Москве и собрал немало сведений о прошлом Московской Руси, которое позже изложил в книге «Записки о Московии». В них, как и в русских летописях, сообщается, что в 1524 г. казанский престол занял молодой крымский царевич Сафа-Гирей, сын царевича Фатых-Гирея. В том же году великий князь Московский Василий III возобновил военные действия против Казани. С. Герберштейн сообщает, что Василий III отправил против Казани 130-тысячное войско. «Казанский летописец» («Казанская история»), написанный неизвестным автором в 60-х годах XVI в., указывает на 150 тысяч отправленного против Казани войска. Были отправлены: большая группа войск по суше, осадившая город, и две флотилии по Волге. Первая флотилия доплыла до Казани. Группы войск действовали несогласованно. Последней шла вторая флотилия, перевозившая артиллерию. Еѣ постигла неудача. Во время остановки флотилии около д. Малый Сундырь (ниже нынешнего Козьмодемьянска) она, как пишет С. Герберштейн, ночью с высокого горного берега подверглась нападению, в результате «начальник флота Палецкий, оставив в руках неприятелей 90 больших судов, из которых на каждом было до 30 человек, отвязал от берега свой корабль, выплыв на середину Волги и под прикрытием тумана, почти нагой, прибыл к войску»³¹ (вероятно, под Казань).

Более подробно описано это событие в «Казанском летописце» («Казанской истории»). Заметим, что чувашей северо-западных и центральных районов Чувашии, вошедших позднее в состав Козьмодемьянского, Чебоксарского, Кокшайского и Цивильского уездов, как и горных марийцев Козьмодемьянского уезда, в XVI в. в русских источниках называли «черемисами», так как до занятия этой территории чувашами в конце XIV – первой

трети XV в. на ней обитала «горная черемиса» (горные марийцы)³². Анонимный сочинитель пишет: «От нечаемья нашия беды тоя рати в лодиях на Волге черемисы злыя казанския наших побии, весь яртоулный полк, убиша 5 000, передовой полк весь побииша 15 000, а от болшого полка 10 000 некоим ухищрением. В теснинах бо реки тоя, в местех островных, запрудииша великим древием и камением, и доспеша аки праги, и ту згрузившимся ладьям и друга от други сокрушахуся. И к тому спереди и созади черемиса стужавше их стрелянием и убиванием, не пропускающе их. И подсецаху великое древие, дубие, осокорие, и держажу на ужицах и на ладьях пушажу с высоких гор и з берегов сюду же миновати, и погружатися от единого древа ладьям 5 и боле с людми, и з запасом, и стенобитным нарядом (то есть артиллерией. – В.Д.). Много пушек великих и малых погрязе, много людей истопоша, и метажуся сами в воду от страха. После же того вешние воды лета того **весь наряд огненный, и ядри, и зелье, и пушки черемиса поизвлече и все в Казань отпровадиша**, и воинских вещей много себе понаизбраша: ово в лодиях погружающася стояще в них в ларцех, и в коробьях, ово со усопших мертвецъ, снимаша великия черезы, полны насыпаны сребра, ово же в песцех находяще, и светлых портищъ и оружия без числа. И Волга явися поганым златоструйный Тигр, безчисленное богатство, злато и сребро и жемчугу, и камение драгое...» Далее сообщается, что сохранившиеся русские полки в устье Свияги и под Казанью воевали против татарских войск, которые вынуждены были скрыться в Казанском кремле. «И се бо приплывше лодьи немноги отбитыя, а воеводы же замедлиша, пробивающася сквозе праги и теснины. И мало их оставшеся живых з гладу, и сказующе им 30 000 войска своего изгубление зла. Воеводам же содрогнувшимся, и ужасошася, и повоеваша нагорную черемису. Воеводы же подумавше, яко несть лзе приступити ко граду без стенобитного наряду, всему в Волге утопише. И не стояше у града у Казани ни единого дни, поидоша на Русь с щетою, а не с радостию войска своего, с печалию великою. И много же войска с Казани идуще, з гладу на пути изомроша, овии же чёрною болезнию на Русь пришедша, долго болевше, помроша. Князь великий же о всех людех, яко же о первых, избиенных в Казани, долго печален бысть. И несть тоя радости, кая (не) мимо ходит на земли. И вся бо яко цветы увядают, яко стень мимо грядёт»³³.

Из этой длинной цитаты нам видно, что разгром второй русской флотилии был проведён в 1524 г. «горной черемисой» – горными марийцами и чувашами, причём в военно-техническом отношении весьма умело и очень успешно, с применением загораживания Волги и скатывания с высокого правого берега дубовых брёвен, давивших ладьи и русских воинов. Горными людьми были захвачены огромные военные трофеи, а множество пушек, вытасненных со дна Волги, вместе с пленными воинами, среди которых было немало пушкарей, отправлено в Казань.

«Сибирское ханство постоянно раздиралось феодальными междоусобицами и династической борьбой Шейбанидов и потомков местного кня-

жеского рода Тайбуги. В 1495 г. [хан из Шейбанидов] был убит тайбугином Махметом [Махмутеком], возглавившим новый политический союз, который по имени его главной ставки – Сибирь (Кашлык) стал именоваться Сибирским ханством»³⁴. «В первой половине XVI в. ханы из династии Тайбуги установили брачные связи с казанскими ханами, а ханы Едигер и Бекбулат признали себя вассалами Москвы (1555 г.). В 1563 г. сибирский престол захватил шейбанид Кучум, и династия Тайбуги прекратилась»³⁵. Приведённые отрывки из энциклопедических статей, утверждающие об установлении в первой половине XVI в. брачных связей между казанскими ханами и сибирскими ханами-тайбугинами позволяют высказать правдоподобное предположение: «молодой казанский хан Сафа-Гирей, полное имя которого звучало «Сафа Керенбинов Махамет Имип хан»³⁶, мог выдать замуж за сибирского хана из рода Тайбуги в 1524 или 1525 г., может быть, несколько позже, возможно, имевшуюся дочь умершего в 1518 г. хана Мухаммед Амина. Имя этого хана в Сибирском ханстве могло трансформироваться в Мурата. При выдаче ханской дочери замуж за хана Сибирского ханства могли в качестве приданого дать сибирскому хану две пушки, пленных русских пушкарей, группу служилых чувашей (казаков) с их семьями. О численности дарёных чувашей сказать трудно. В казачьем приказе Российского государства, как и в стрелецком приказе, состояло 500 чел. Служилые чуваша в ханстве могли основать Чувашев городок. Так что они были не малочисленны. К 80-м годам XVI в. русских пушкарей могли унаследовать их внуки, служилых чувашей – также их внуки с семьями. Археологические раскопки на территории Чувашского городка, проведенные в конце XIX в., показали, что городок, основанный чувашами, просуществовал несколько десятилетий. В томе XXXVIII А «Энциклопедического словаря» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, изданном в 1903 г., указывается, что Чувашский городок «был укреплен с двух сторон неглубоким рвом и низким валом. При раскопках были найдены предметы, относящиеся к периоду татарского владычества – костяные изделия, стрелы, стремяна, металлические украшения, сбруя, глиняные чашки и проч.»³⁷ Во время взятия Ермаком Чувашского городка на высокой горе (холме) Чувашского мыса многие оборонявшие городок чувашские воины с русскими пушкарями (из родов пленных русских) погибли, а оставшиеся в живых, как видно из Кунгурской (Ремезовской) летописи, растворились среди татар, остяков и выгулов (ханты и манси) и через продолжительное время утеряли свою этническую идентичность.

Источники и литература

¹ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. I. VII+667 с., ил., карты. (Есть дополненное переиздание 1999 г.)

² *Васильев В.И.* На чувашской горе Ермаку повезло // Советская Чувашия. 2006, 26 октября. № 208–209. С. 17.

³ *Мухамедьяров Ш.Ф.* Сибирское ханство // Советская историческая энциклопедия (СИЭ). М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1969. Т. 12. Стб. 828–829; Кучум // Татарская энциклопедия. Казань: Ин-т татар. энциклопедии, 2006. Т. 3. С. 545–546.

⁴ *Сергеев В.И.* К вопросу о походе в Сибирь дружины Ермака // Вопросы истории, 1959. № 1; *Его же.* Сибирские летописи // СИЭ. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1969. Т. 12. Стб. 823–824; *Бахрушин С.В.* Очерки истории колонизации Сибири в XVI – начале XVII вв. // Научные труды. М.: 1955, Т. 3. Ч. 1.

⁵ Краткая Сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками. СПб., 1880. II с., 39 листов, 48 с., III с.; Ремезовская летопись по Мировичеву списку. История Сибирская // Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 312–366; *Ремезов С.У.* История Сибирская (Перевод на современный русский язык) URL:http://www.remezovi.ru/work/HistoryRemezovNov.htm. 22 с.; *Копылов А.И.* Кунгурская летопись // СИЭ. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1965. Т. 8. Стб. 294.

⁶ Ремезов С.У. // СИЭ. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1968. Т. 11. Стб. 1016–1017.

⁷ Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 1–311.

⁸ ПСРЛ. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. М.: Наука, 1987. 383 с.

⁹ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранных. СПб., 1851. Ч. I. Стб. 922; Ермак // СИЭ. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1964. Т. 4. Стб. 508–509.

¹⁰ Ермак // СИЭ. Т. 4. Стб. 508–509; *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. I. С. 492 (примечание С.В. Бахрушина).

¹¹ Краткая Сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками. С. 97; Сибирская летопись. С. 353–354; Цитируется из Интернета: *Ремезов С.У.* История Сибирская (перевод на современный русский язык). С. 17.

¹² *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. I. С. 476.

¹³ Ремезовская летопись по Мировичеву списку. С. 319–320; *Ремезов С.У.* Указ. соч. С. 3.

¹⁴ Ремезовская летопись по Мировичеву списку. С. 323; *Ремезов С.У.* Указ. соч. С. 5.

¹⁵ Ремезовская летопись по Мировичеву списку. С. 229–230; *Ремезов С.У.* Указ. соч. С. 7–8.

¹⁶ Ремезовская летопись по Мировичеву списку. С. 330; *Ремезов С.У.* Указ. соч. С. 8.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. I. С. 486.

¹⁹ *Ремезов С.У.* Указ. соч. С. 8–9; Ремезовская летопись по Мировичеву списку. С. 331–333.

²⁰ Ремезовская летопись по Мировичеву списку. С. 333–334.

²¹ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. I. С. 242–243.

²² Ремезовская летопись по Мировичеву списку. С. 334–366.

²³ *Миллер Г.Ф.* Указ. соч. Т. I. С. 229.

²⁴ Там же. С. 197.

²⁵ Там же. С. 230.

²⁶ *Witsen N.* Noord en Oost Tartaryen. Ed. 1. Amsterdam, 1692; Ed. 2. Amsterdam, 1705.

²⁷ *Миллер Г.Ф.* Указ. соч. Т. I. С. 230.

²⁸ Там же. С. 197.

²⁹ Сибирские летописи. С. 19, 21, 23, 24, 66, 67, 69–71, 99, 100, 106, 126, 128, 129, 131, 133, 166, 174, 195, 196, 198, 199, 201, 203, 237, 244–247, 263, 264, 277–280, 298, 299, 323, 329, 330, 332, 334, 343, 253.

³⁰ Личный архив В.Н. Алексева.

³¹ *Герберштейн С.* Записки о Московии. СПб., 1866. С. 147–148; *Худяков М.* Очерки по истории Казанского ханства. Казань: Татгосиздат, 1923. С. 84–85.

³² См.: *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1959. С. 5–17.

³³ Казанская история / Подготовка текста, вступительная статья и примечания Г.Н. Моисеевой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 67–68.

³⁴ Мухамедьяров Ш.Ф. Сибирское ханство. Стб. 829.

³⁵ Тайбуга // СИЭ. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1973. Т. 13. Стб. 68.

³⁶ Димитриев В.Д. Земельный документ времён Казанского хана Сафа-Гирея // Учёные записки ЧНИИ ЯЛИЭ. Чебоксары, 1966. Вып. XXXI. С. 275.

³⁷ Н.А. Чувашская гора // Энциклопедический словарь / Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1903. Т. XXXVIII А. С. 938.

V.D.Dimitriev

About the Chuvash in the Siberian khanate

According to the Russian chronicles, publications of act materials, factual data of “The history of Siberia” of G.F. Miller, one can imagine that in the middle of 1520s during the marriage of the daughter of Kazan khan with the Siberian khan, a considerable part of service Chuvashes together with the Russian prisoners of war, artillery men, in 1524 and two captured cannons have been sent to the Siberian khanate. The service Chuvashes have founded a fortress – the Chuvash town – on the cape located on the Irtysh river. The descendants of the Chuvashes sent in 1582 defended the Chuvash town from the Ermak troop, but suffered defeat. The survived service Chuvashes have dispersed among the local Tatars, Mansis and Khaits and lost their ethnic identity.

**ВОЕННО-ИНЖЕНЕРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО
НА ТЕРРИТОРИИ ЧУВАШСКОЙ АССР
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

ЧГВ, 2011 г., № 6
© Д.А. Захаров

С началом Великой Отечественной войны население Чувашской АССР было мобилизовано на строительство оборонительных сооружений – Сурского рубежа и Казанского обвода. С ноября 1941 до января 1942 г. около 85 тыс. чел. ежедневно принимали участие в возведении военно-инженерных объектов. Наравне с мужчинами работали женщины, старики и подростки. Трудармейцев преследовали бытовые и производственные трудности, жесткие холода ниже –30°. Население Чувашии проявило трудовой героизм. В установленные сроки масштабные оборонительные сооружения были построены.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военно-инженерное строительство, Сурский оборонительный рубеж, Казанский оборонительный рубеж, трудовой героизм населения Чувашской АССР.

В последние годы изучение вопросов строительства оборонительных сооружений на территории Чувашии в годы Великой Отечественной войны заметно активизировалось. В периодической печати, на сайтах Интернета опубликованы заметки краеведов и сотрудников республиканских архивов¹. В коллективной монографии «История Чувашии Новейшего времени. Книга 1» данной теме отведен небольшой сюжет, написанный Г.А. Александровым². В 2011 г. вышла брошюра А.В. Ерлыгина «Сурский и Казанский оборонительные рубежи»³. Настоящая работа призвана углубить достигнутый уровень знаний по данной проблематике. Автором рассматривается ряд сюжетов, недостаточно изученных раньше: вопросы бытового размещения мобилизованного населения, их повседневной жизни, условий труда, настроения. В основу статьи положены рассекреченные документы Государственного исторического архива Чувашской Республики, материалы Государственного архива современной истории Чувашской Республики. Многие из них в научный оборот вводятся впервые. Привлечены и воспоминания участников строительства, полученные нами в ходе устных бесед, а также опубликованные на интернет-сайтах.

Дмитрий Анатольевич Захаров – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и региональной истории, заместитель декана исторического факультета Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева; Nestor13@yandex.ru.

К началу октября 1941 г. стратегическая обстановка на советско-германском фронте резко усложнилась: противник стремительно прорывался в центральные районы России, угрожая захватом Москвы. В сложившейся ситуации одной из первостепенных задач стала организация в широких масштабах работ по возведению оборонительных сооружений с большим охватом тыловых регионов страны. Решением Государственного Комитета Обороны (ГКО) СССР от 13 октября 1941 г. было образовано Главное Управление Оборонительного строительства (ГУОС) при Народном комиссариате обороны, а также утвержден план его работ. Согласно принятому плану предстояло построить две оборонительные линии: первую – от Медвежьегорска по восточному берегу Онежского озера до Рыбинского водохранилища, рекам Ока, Цна, Дон до Азовского моря (Череповецкий, Рыбинско-Ярославско-Иваново-Вознесенский, Горьковский укрепленные районы). План второй линии предполагал строительство рубежей по северному и восточному берегам Волги от Горького до Астрахани (Казанский, Ульяновский, Куйбышевский, Саратовский, Сталинградский укрепленные районы)⁴. На возведение оборонительных объектов отводился срок до 10 декабря 1941 г. Таким образом, по берегам р. Волги предстояло создать новый стратегический эшелон обороны, которому Верховное Главнокомандование отводило значительную роль в сдерживании противника.

Согласно утвержденной ГКО схеме, по территории Чувашской АССР должны были пройти два оборонительных рубежа общей протяженностью около 380 км. Первый, Сурский оборонительный рубеж, проходил по трассе от с. Засурское (Засурье) Ядринского района мимо с. Пандиково Красночетайского, с. Сурский Майдан Алатырского районов до границы республики с Ульяновской областью. Второй, Казанский обвод, включал в себя укрепленную линию от Звениговского Затона через с. Октябрьское, с. Шоркистры и д. Арабоси Урмарского района до границы Татарской АССР у с. Янтиково и с. Можарки Янтиковского района⁵.

В конце октября 1941 г. были созданы необходимые управления по возведению оборонительных сооружений. Строительство Сурского оборонительного рубежа было поручено 12-му Управлению оборонительного строительства (УОС), которое расположилось непосредственно в Чебоксарах, а возведением Казанского обвода занималось 11-е УОС, образованное в столице Татарской АССР. На территории Чувашии им были подчинены шесть Военно-полевых строителей (ВПС) с центрами в Ядрине, Шумерле, Порецком, Алатыре, Октябрьском и Янтикове⁶.

Управления комплектовались в основном за счет местных кадров: так, на возведение Сурского рубежа были задействованы землемеры, лесники, руководящие работники Татарской, Марийской и Чувашской республик. Например, заместителем начальника оборонительных работ был назначен секретарь Чувашского обкома ВКП(б) П.Т. Пивоваров, а главным инженером стал начальник строительства завода № 320 Еремин. Под многими документами, хранящимися в архивах республики, стоит подпись председа-

Зоны ответственного строительства ВПС

ВПС №	Входящие районы	Граница между ВПС	Центр ВПС	Начальник ВПС
ВПС 1	Ядринский Сундырский Советский Аликовский	с. Засурское до Пандиково	г. Ядрин	М.Ф. Терентьев, зам. председателя СНК ЧАССР
ВПС 2	Шумерлинский Калининский Красночетайский Вурнарский	с. Пандиково исключается до устья р. Алгашка включительно	г. Шумерля	Н.Н. Бобров, секретарь обкома ВКП(б)
ВПС 3	Порецкий Кувакинский Ибресинский Комсомольский часть Первомайского	р. Алгашка исключается до Сурского Майдана включительно	с. Порецкое	И.В. Новиков, Наркомхоз
ВПС 4	Алатырский Шемуршинский Яльчикский часть Первомайского Чкаловский	с. Сурский Майдан исключается до границы Чувашской АССР включительно	г. Алатырь	В.Н. Чернов, зав. с/х отделом обкома ВКП(б)
ВПС 5	Урмарский Октябрьский Марпосадский Козловский Цивильский	Звениговский затон до с. Шоркистры и д. Арабоси включительно	с. Октябрьское	В.Г. Григорьев, зам. председателя СНК ЧАССР
ВПС 6	Казанский Шихазанский Янтиковский Красноармейский	с. Шоркистры и д. Арабоси до границ Татарской АССР до д. Можарки	с. Янтиково	Восканян

ля СНК Чувашии А.В. Сомова, что подчеркивало особый контроль со стороны республиканских властей. Всего в управляющие структуры было мобилизовано 845 местных специалистов и еще 160 прибыли по разнарядке ГУОС НКО⁷.

Большой объем работ и сжатые сроки требовали от руководства республики и управлений оборонительного строительства жесткой организации труда. В этом отношении имел значительный опыт начальник 12-го УОС Фома Акимович Леонюк⁸, который до этого назначения находился на различных руководящих должностях в системе НКВД, в том числе в 1937–1939 гг. был сначала помощником, а затем заместителем начальника ГУЛАГа НКВД СССР. Незадолго до войны в связи с чистками в системе госбезопасности Ф.А. Леонюк был снят с высокой должности и отправлен в Украинскую ССР начальником одной из автомобильных дорог, которую прокладывали силами заключенных. Таким образом, с началом войны в республику для руководства оборонным строительством был определен чело-

век, практиковавший массовые аресты людей и привыкший использовать труд заключенных. Он стремился вернуть утраченное положение в системе НКВД и «реабилитировать» себя в глазах Москвы посредством успешно выполненной им работы.

Первоочередной задачей являлась трудовая мобилизация населения, которая согласно решению СНК Чувашской АССР и обкома ВКП(б) от 28 октября 1941 г. должна была охватить свыше 160 тыс. чел. «физически здорового трудоспособного населения в возрасте не ниже 17 лет»⁹. Из них почти 115 тыс. чел. планировалось задействовать на возведении Сурского рубежа, а 45 тыс. чел. – Казанского обвода¹⁰. Однако фактически в строительстве рубежей ежедневно принимало участие в среднем 85 тыс. чел., иногда эта цифра доходила до 110 тыс. чел.¹¹ Людей отправляли на строительные объекты в большой спешке, часто без должного разъяснения. В результате многие трудармейцы не имели собой сменного белья, теплой одежды, необходимой обуви. Уже через несколько недель с мест стали сигнализировать о необходимости обеспечения работающих рукавицами, телогрейками, лаптями и др. вещами.

Размещением и бытовым обустройством должны были заниматься местные советские, партийные и хозяйственные органы, а организацией питания и снабжения фуражом – колхозы. Медицинским учреждениям предписывалось оказывать врачебную помощь и снабжать медикаментами. Однако сжатые сроки мобилизации не позволили в должной мере сразу организовать быт призванных на строительный фронт. Мобилизованное население размещалось в домах колхозников, бараках, зданиях организаций и учреждений, специально отстроенных землянках. Порою в землянках размером 6×7 м жили по 25–45 чел. Красноречив в данном случае приказ, подписанный в декабре 1941 г. начальником 12-го армейского управления строительства и секретарем чувашского обкома ВКП(б): «...Домашним хозяйкам в колхозах и поселках, у которых размещены рабочие бригады, за обеспечение последних хорошими бытовыми условиями, т.е. содержание в теплоте и чистоте помещения, своевременное приготовление горячей пищи, кипяченой воды и т.д., выдавать денежную премию»¹². Безусловно, не все домовладельцы были рады расквартированию рабочих бригад, и безучастное отношение к быту размещенных было далеко не самым худшим вариантом взаимоотношений между ними. Случалось, что конфликты между хозяином дома и мобилизованными приобретали национальную окраску. Так, отмечались «единичные», как указывается в документах, «факты издевательских действий по отношению к [лицам] чувашской национальности» со стороны русских домовладельцев. Например, лесник Первомайского кордона Рыбаков, вместо предоставления помещения чулана для размещения в нем рабочих, заявил: «Чем чувашей пустить в чулан, я лучше загоню свою корову». Он же через некоторое время у чувашской женщины, которая шла за водой к колодцу, отобрал ведро и, отбросив его в сторону, заявил: «Вам, поганым чувашам, воды из колодца брать не дам, идите в озеро»¹³.

Еще сложнее обстояло дело с обеспечением мобилизованных продовольствием, которое должно было поставляться за счет фондов местных кол-

хозов, Чувашпотребсоюза и Чувашторга. Согласно нормам, установленным Совнаркомом Чувашской АССР, задействованные на строительстве оборонительных сооружений рабочие должны были получать в день 800 г хлеба, 600 г овощей и картофеля. Так, в декабре 1941 г. по 11-му УОС планировалось снабжение на одного человека по следующей разрядке: 20 кг муки, 8 кг картофеля, 4 кг овощей, по 2 кг крупы и мяса, 0,75 кг масла¹⁴. Однако НКВД республики в декабре того же года сигнализировал, что «не совсем хорошо обстоит дело со снабжением продуктами питания людей, занятых на строительстве военно-полевых сооружений. На некоторых участках производимых работ общественное питание не организовано. Снабжение продуктами питания проходит с перебоями и есть отдельные случаи снабжения недоброкачественными продуктами, вследствие чего имеются отдельные факты заболевания»¹⁵. Например, бригадир Криушинского колхоза Козловского района Кудряшов доставлял гнилой картофель, не обеспечивал кипяченой водой и, более того, расходовал продукты питания «по своему усмотрению». В колхозе «Правда» Шемуршинского района полевые рабочие за неимением других продуктов питались в течение 3 дней исключительно тыквой, которую выпрашивали у местных жителей. В Порецком районе был зафиксирован случай поставки червивого хлеба. По Канашскому, Цивильскому, Чебоксарскому и другим районам отмечались факты, когда продовольствие не привозилось по нескольку дней¹⁶. Безусловно, среди причин плохого снабжения продуктами была и отдаленность строительных объектов от колхозов. В декабрьские морозы, например, картофель не доставляли по той причине, что он мог замерзнуть в пути.

Отсутствие бесперебойной организации питания отрицательно сказывалось на трудоспособности, настроении и трудовой дисциплине призванных на работу крестьян. Случалось, что они, не обеспеченные продовольствием, не выходили на работу, а иногда уходили домой. Местные власти направляли дезертиров обратно к месту работы. Часть из них была взята под арест органами внутренних дел: им выдвигалось обвинение по статье 59-б Уголовного кодекса РСФСР¹⁷.

На некоторых строительных объектах отмечались панические настроения. НКВД сообщал, что на одном из участков прошел слух, что «всех детей скоро отправят в Сибирь, а взрослых оставят для работы здесь». Органы НКВД фиксировали подобные факты как «антисоветские проявления, нездоровые настроения». Например, такие: «ну и жизнь тяжелая, хуже не бывает. Разве это закон, когда оставляют дома одних ребят, а всех взрослых отправляют на строительство?» (Еремеев, д. Тимирзьяксы Аликовского района); «над нами власть смеется, работаем по целым дням, а нам дают на 5 человек одну пачку махорки. Вот до чего дожили» (Якимов, д. Шоркасы этого же района); «Советский Союз войной изморил весь народ, из деревень всех выгнали на копку ям, и это для уничтожения нас самих, так как это мероприятие ничего не даст и не спасет» (Павлов, Ишлейский район); «эти укрепления нужно было строить раньше, а теперь только мучают народ. К то-

му же колхозники на строительстве ничем не обеспечены и ничего не получают» (Игнатьев, д. Поваркасы Цивильского района)¹⁸. Подобные разговоры и распространение слухов в условиях военного времени оценивались как государственные преступления, и виновные осуждались по статьям 58-10 (контрреволюционная пропаганда) и 58-14 (контрреволюционный саботаж) УК РСФСР, высшей мерой наказания по которым был расстрел.

Условия труда резко ухудшились с наступлением сильных холодов. Согласно приказу ГКО работы должны были вестись до 30° мороза включительно, однако в декабре 1941 г. температура опускалась ниже данного порога несколько раз. По воспоминаниям участников строительства, воздух остужался до -40°. В то же время теплой одежды для строителей не хватало, вследствие чего крестьяне получали тяжелые обморожения. Из воспоминаний труженицы тыла М.А. Алексеевой (д. Мижули Мариинско-Посадского района): «Зимой в лютый мороз пришлось мне рыть окопы. Название деревни не помню. Туда добирались пешком. Промерзлый грунт трудно подавался, приходилось долбить сантиметр за сантиметром. Люди простужались, болели. Некоторые, не выдержав суровых условий быта, уходили домой. По законам военного времени их судили, отправляли на принудительные работы. Питание было очень скудное. Я заболела и вернулась домой»¹⁹. Тяжелые воспоминания о трудной работе на морозе остались и у А.Г. Чекалиной (с. Кудеиха Порецкого района): «Уходили из дома затемно, чтобы к восьми часам быть на месте. Где работать, определяли старшие, не наши – из стройбата, я большей частью работала на рытье окопов внизу, киркой да ломом; бросали комья на 1 ярус, а потом «вторые» бросали землю наверх, делали бруствер. Снимешь варежки пот вытереть, а потом забудешься, за лом без рукавицы потной рукой схватишь, рука-то сразу примерзает, с кожей отдирали»²⁰.

Согласно докладу начальника ВПС-7²¹, ситуация с выходом на работу в первой декаде декабря стала катастрофичной: около 50% мобилизованных уклонялись от военного строительства. В данном случае нельзя утверждать, что это были сплошь дезертиры: зачастую сами районы недопоставляли нужное количество рабочей силы.

Об аналогичной ситуации, сложившейся в декабре 1941 г., сигнализировали и из других управлений: так, начальник ВПС-6 указывал на то, что из 14 тыс. колхозников в среднем работали 6–7 тыс. чел. При этом указывалось, что «ответственные работники района, живущие еще мирными настроениями, окончательно забросили оборонительные работы»²³. Сходным было положение и на ВПС-4.

Однако, несмотря на бытовые трудности, голод, холод и болезни, мобилизованное население Чувашии героически выполняло план ГКО. Военное строительство проходило в тяжелейших условиях, требовавших от трудармейцев большого приложения физических сил, выносливости. Работы в основном велись вручную, без применения взрывчатки, при этом остро испытывался недостаток в инструментах. Огромная тяжесть ложилась на

Выход на работу мобилизованных по ВПС-7
(по состоянию на 3 декабря 1941 г.)²²

Район	Число людей по плану	Фактически	В % от списочного состава
Мариинско-Посадский	5600	3085	55
Октябрьский	5600	3239	57
Козловский	6700	2683	40
Цивильский	8300	4069	49
Урмарский	8200	3721	45
Всего	34400	16521	48

плечи подростков и женщин, которые вырабатывали в день свыше 1 кубометра мерзлой земли. Труженица тыла К.В. Плотникова (д. Шордауши Цивильского района) вспоминала: «Вместе с другими женщинами из нашей деревни отправили нас копать окопы, противотанковые рвы около д. Аблязово Козловского района. Малолетняя дочь осталась на попечении престарелого деда. Затемно, в 6 утра шли на рабочее место (окопы находились в 2 км от деревни) и заканчивали трудовой день в 6 часов вечера, ничего уже не было видно, но не разрешалось бросать работу. В короткие зимние дни большую часть работы приходилось выполнять в темное время суток. Но таково было указание, и его никто не обсуждал. Понимали, что это нужно, чтобы отстоять Родину от немецких захватчиков. Брались за лом и долбили замерзшую за ночь землю, приложив все усилия»²⁵. При сильных морозах землю сначала оттаивали кострами, а затем ее кусками откалывали с помощью клиньев. Трудоемкость такой работы была очень высокой, она буквально изматывала людей. Каждый кубометр промерзшего грунта давался с огромным трудом. «Мы рыли глубокие траншеи, клали на них жерди и хворост, а затем прикрывали землей: танк провалится – не выберется. Было очень холодно. Огонь разводили, чтобы погреться во время отдыха, а когда работали, пот лил в три ручья. От лопаты и лома горели руки. Я простудилась. Все тело покрыли чирьи. Работать, да не то что работать, пошевелиться было больно, но председатель сельсовета Новоженин Николай Алексеевич просил: «Иди, хоть лопатой не можешь работать, так где-нибудь еще твоя помощь понадобится». Шла и работала, народу ходило много, всех не упомнишь, многие умерли»²⁶, – такие воспоминания остались у О.И. Рассказовой из с. Кудеиха Порецкого района.

Зимой на строительстве оборонительных объектов было широко развернуто социалистическое соревнование. В приказе № 46 от 18 декабря 1941 г. указывались основные положения о премировании победителей²⁷. Так, передовому участку ВПС, давшему наивысшие показатели по перевыполнению шестидневного задания по производству строительных работ, вруча-

Выход на работу мобилизованных по ВПС-4

Район	Число людей по плану	Фактически	В % от списочного состава
Первомайский	2890	1449	50
Чкаловский	7020	3801	54
Шемуршинский	5250	1953	37
Яльчикский	7480	2538	34
Алатырский	10200	3738	37
Всего	32840	13479	41

лось переходящее Красное знамя и денежная премия в размере 2 тыс. руб. для премирования передовых бригад, передовиков и бригадиров. Отдельным рабочим, звеньям и бригадирам, выполнявшим дневные задания на 200 и более процентов в течение недели, оплачивали выработку в полуторном размере и вручали красный флажок «двухсотника». Отдельные рабочие и инженерно-технический персонал, проявлявшие инициативу в развитии стахановского движения, отмечались в приказах по полевому строительству и участку.

Одной из первых была отмечена бригада Х.С. Булатова, председателя колхоза «Красный Октябрь» Чкаловского района, которая выполнила свое производственное задание на 200%. Заслужили поощрение бригады колхозов им. Калинина Первомайского района, «Волга» Шумерлинского района, им. Ленина Ядринского района и др. Соцсоревнование, развернувшееся в ВПС-6, позволило увеличить производство в некоторых бригадах до 280%. В этом соревновании 1-е место занял Канаашский (1-й участок), 2-е место – Янтиковский (4-й участок), 3-е место – Шихазанский районы (3-й участок)²⁸.

Большую помощь в проведении социалистического соревнования оказывала партийно-политическая и агитационно-массовая работа, на которую были призваны 420 политруков и 3200 агитаторов. В качестве начальников участков и их помощников работали секретари райкомов ВКП(б), председатели райисполкомов. Помощниками начальников ВПС и участков по политической части служили заведующие и сотрудники отделов пропаганды обкома и райкомов ВКП(б). Под их руководством периодически проводились собрания, митинги, вечера вопросов и ответов, демонстрации кинокартин, выпускались боевые листки и проч.²⁹ Среди рабочих массово распространялась брошюра с докладом И.В. Сталина от 6 ноября 1941 г., призывающим трудящееся население сделать все необходимое для скорейшей победы над врагом. Кроме того, ежедневно доставлялось до 3 тыс. экземпляров республиканских и 6 тыс. районных газет. В Ядринском и Янтиковском ВПС выпускались свои небольшие печатные листовки, в которых освещался ход соцсоревнования, отмечались передовики, стахановцы строительства, производился обмен опытом.

Пропаганда оказывала определенное воздействие на трудящихся, особенно на колхозную молодежь. Так, молодежная бригада колхоза «Труд» Калининского района в составе 18 чел. выполняла дневную норму земляных работ на 220%. Звено учащихся 9–10 классов Семеновской средней школы в составе 18 чел. выкапывало по 8–10 кубометров земли при задании 3–4 м³. Женская бригада из колхоза «Тугас» Ишлейского района ежедневно перевыполняла норму на 225%³⁰. К концу строительства насчитывалось свыше 15 тыс. чел., которые перевыполняли план, из них «двухсотников» было 7848 чел.

Несмотря на многочисленные трудности, строительство Сурского рубежа было завершено 20 января 1942 г., а Казанского обвода – 25 января 1942 г., причем ряд полевых строений (Алатырь, Поречское, Шумерля, Янтиково) работы закончили досрочно. За период строительства на рубежах, протянувшихся по территории республики на 380 км, было вынуто около 5 млн кубометров грунта, оборудовано 2347 огневых точек (железобетонные артиллерийские доты, пулеметные дзоты, бронеколпаки и минометные площадки) и 1970 землянок, в том числе по Сурскому рубежу – 1607 огневых точек и 1490 землянок. Производительность труда на земляных работах составила 1,42 кубометра на человеко-день³¹.

Показательной была работа ВПС-6, которая была выполнена досрочно, неоднократно отмечалась благодарностями руководства и ставилась в пример другим военно-полевым строительством.

За героический труд в тяжелых условиях Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Чувашской АССР было награждено 167 чел., занесено на республиканскую Доску почета 280 чел., большое количество рабочих было удостоено денежных премий³³.

Для охраны линии обороны после окончания строительства были образованы 3 комендатуры. В первое время охрану осуществляли конно-велосипедные войска. Кроме того, ответственность за содержание оборонительных сооружений возлагалась на исполкомы районных советов и колхозы³⁴.

Таблица 4

Итоги работ по ВПС-6³²

Виды объектов Районы	Противотанковые препятствия (км)	Земляные работы по всем сооружениям (тыс. м ³)	Оборонительные сооружения (шт.)	Землянки (шт.)
Канашский	13,3	168,6	104	67
Красноармейский	10,6	147,9	72	29
Шихазановский	12,9	156,2	79	57
Янтиковский	16,4	165,1	108	8
Всего по ВПС-6	53,2	637,8	363	161

В условиях военного времени огневые рубежи тщательно маскировались с помощью веток деревьев, а также покрывались снегом. Амбразуры выкрашивали в белый цвет. Летом применялись другие способы и средства маскировки. Весной 1942 г. стали готовиться к паводку. К каждому сельсовету было прикреплено несколько километров оборонительного рубежа, которые несли ответственность за работы на своем участке. Имеющийся инвентарь огневых точек (железные печки, трубы и проч.) разместили в населенных пунктах в специальных помещениях под наблюдением комендантов. Принятые меры оказались весьма кстати, так как весенний разлив оказался очень сильным. Правый берег Суры заливался водой на высоту до 1,5 м, а ширина распространения составляла 5 км³⁵. В итоге большинство огневых рубежей оказались затопленными, их пришлось восстанавливать в мае–июле 1942 г. Для этого от полевых работ были оторваны свыше 5 тыс. крестьян. На протяжении 1943 г. укрепления поддерживались в порядке и ремонтировались, но война все дальше уходила на запад, и стратегическая необходимость в них со временем отпала.

В соответствии с директивой Военного совета Приволжского военного округа от 5 марта 1944 г. дальнейшая охрана и поддержание в порядке тыловых оборонительных сооружений на территории Чувашской АССР были прекращены. Дзоты, убежища, бараки и землянки, пригодные под овощехранилища или полевые станы, передавались по актам колхозам и другим организациям. Остальные объекты разбирались, полученный материал расходовался на нужды народного хозяйства.

Кроме оборонительных рубежей, в годы войны на территории республики возводился еще один стратегический инженерный объект – мост через Суру возле г. Ядрина. Его начали строить еще в 1941 г. на случай отступления войск с последующим занятием огневых точек Сурского рубежа. На постройку деревянного моста было направлено около 45 тыс. гражданского населения Чувашии³⁶. Как вспоминала М.И. Григорьева из д. Хирле-Сиры Ядринского района, «объём работ был очень большим... Рыли землю и таскали её носилками. Кто-то возил лесоматериалы к мосту на телегах»³⁷. 12 августа 1943 г. досрочно, на 2 месяца и 25 дней раньше утвержденного графика, коллектив рабочих 4-го строительного района под руководством Грекова полностью подготовил мост через реку длиной в 654 м и дамбу. Официальное открытие движения по мосту и дамбе состоялось 15 августа 1943 г.³⁸ В дальнейшем мост функционировал еще 20 лет, пропуская автомобильный и гужевой транспорт.

Строительство военно-инженерных объектов в условиях войны явилось серьезным испытанием для населения Чувашской АССР, органов государственной власти. В кратчайшие сроки предстояло провести мобилизацию, обеспечить жильем, продовольствием и строительным инвентарем десятки тысяч людей и, наконец, приступить к работе. В такой спешке республиканские и местные органы власти не смогли на первых порах обеспечить должные условия труда. Однако, несмотря на все трудности, мобилизо-

ванное население Чувашии проявило трудовой героизм: в условиях суровой зимы в установленные сроки были возведены масштабные военно-инженерные сооружения. Еще никогда ранее Чувашия не знала такой грандиозной стройки, потребовавшей значительного приложения физических сил, стойкости духа и привлечения огромных ресурсов. По прошествии времени можно утверждать, что республика с достоинством выдержала это испытание и внесла определенный вклад в укрепление обороноспособности страны.

Литература и источники

¹ Устимова Л.В. Возведение оборонных объектов на территории республики // Вклад трудящихся Чувашии в Победу в Великой Отечественной войне: Материалы науч.-практич. конф. Чебоксары, 2010. С. 19–21.

² Изоркин А.В., Клементьев В.Н., Александров Г.А. История Чувашии Новейшего времени. Кн. 1. 1917–1945. Чебоксары, 2001. С. 237–238.

³ Ерлыгин А.В. Сурский и Казанский оборонительные рубежи. Чебоксары, 2011. 24 с.

⁴ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. ГУОС. Оп. 12109. Д. 4. Л. 33.

⁵ Изоркин А.В., Клементьев В.Н., Александров Г.А. Указ. соч. С. 237.

⁶ Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Ф. 1. Оп. 23. Д. 13. Л. 18.

⁷ ЦАМО РФ. Ф. ГУОС. Оп. 12109. Д. 3902. Л. 54; Д. 3934. Л. 79; Д. 5659. Л. 16.

⁸ Леонюк Ф.А. (1892–1967), с 1918 г. сотрудник ВЧК – ОГПУ – НКВД. В 1935–1937 гг. начальник УНКВД Куйбышевской области, в 1937 г. начальник УНКВД Красноярского края. С 1937 г. помощник и заместитель начальника ГУЛАГа НКВД СССР, затем на других руководящих постах в этой системе. К моменту назначения в Чувашскую АССР имел звание старший майор госбезопасности. Позже дослужился до звания генерал-майора. Лишен звания в 1957 г. с формулировкой «как дискредитировавший себя за время работы в органах... и недостойный в связи с этим высокого звания генерала» (Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 275. Т. 4. Л. 98).

⁹ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-203. Оп. 11. Д. 22. Л. 77.

¹⁰ ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 23. Д. 13. Л. 1–2.

¹¹ Там же. Л. 151.

¹² ГИА ЧР. Ф. Р-203. Оп. 11. Д. 22. Л. 44 об.

¹³ Там же. Д. 30. Л. 237.

¹⁴ Там же. Д. 22. Л. 23, 28.

¹⁵ Там же. Д. 30. Л. 236.

¹⁶ Там же. Л. 236–237.

¹⁷ Статья 59-6 УК РСФСР 1926 г.: «Отказ или уклонение в условиях военного времени от внесения налогов или от выполнения повинностей (в частности, военно-автотранспортной, военно-конской, военно-повозочной и военно-судовой) влекут за собой лишение свободы на срок не ниже шести месяцев с повышением, при особо отягчающих обстоятельствах, вплоть до высшей меры социальной защиты – расстрела, с конфискацией имущества».

¹⁸ Павлова Е.И. Сурский оборонительный рубеж. URL: <http://www.mar-pamiat.narod.ru/ctr50.htm>.

¹⁹ Там же.

²⁰ Кирилина Н. Труженицы тыла из Кудеихи. URL: <http://www.gov.cap.ru/hierarchy.asp?page=/.5022/12337/84123/110099/110553/110554>.

²¹ ВПС-7 был образован в начале декабря 1941 г. в помощь ВПС-6, который не успевал с выполнением плана.

²² ГИА ЧР. Ф. Р-203. Оп. 11. Д. 22. Л. 20.

²³ Там же. Л. 55.

²⁴ Сост. по: Там же. Л. 97.

²⁵ Павлова Е.И. Сурский оборонительный рубеж. URL: <http://www.mar-pamiat.narod.ru/ctr50.htm>.

²⁶ Кирилина Н. Труженицы тыла из Кудеихи. URL: <http://www.gov.cap.ru/hierarchy.asp?page=/5022/12337/84123/110099/110553/110554>.

²⁷ ГИА ЧР. Ф. Р-203. Оп. 11. Д. 22. Л. 42–44 об.

²⁸ ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 23. Д. 13. Л. 37.

²⁹ Там же. Л. 151.

³⁰ Там же. Л. 152–153.

³¹ Чувашская АССР в период Великой Отечественной войны (июнь 1941–1945 гг.) : сборник документов и материалов. Чебоксары, 1975. С. 85.

³² Сост. по: ГИА ЧР. Ф. Р-203. Оп. 11. Д. 73. Л. 16–17.

³³ Изоркин А.В., Клементьев В.Н., Александров Г.А. Указ. соч. С. 238.

³⁴ ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 23. Д. 13. Л. 59.

³⁵ ГИА ЧР. Ф. Р-11. Оп. 11. Д. 4. Л. 17.

³⁶ Ерлыгин А.В. Указ. соч. С. 12.

³⁷ Савельев Г. Из династии педагогов. URL: http://www.kprf21.ru/journal/598/iz_dinastii_pedagogov/.

³⁸ ГИА ЧР. Ф. Р-203. Оп. 19. Д. 543.

D.A.Zakharov

War engineering construction on the territory of the Chuvash ASSR during the Great patriotic war

At the beginning of the Great patriotic war the population of the Chuvash ASSR was mobilized for construction of defense facilities – the Sura military line and the Kazan outline. From November 1941 till January 1942 about 85 thousand people participated every day in construction of war engineering facilities. Women, elderly people and teenagers worked together with men. There were many everyday and working difficulties, and hard colds under –30 degrees for these people. The population of Chuvashia showed a work heroism. These large-scale defense facilities have been constructed at a stated time

ЧГВ, 2011 г., № 6
© Э.Е. Лебедев

ПРИЧАСТИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Причастия со значением настоящего времени в современных тюркских языках обладают определенными функциональными особенностями, в ряду которых важное место занимают: способность к субстантивации, способность к образованию вторичных форм при помощи падежных аффиксов и послелогов, употребление в разных синтаксических функциях и т.д. Выявление и сопоставление подобных функциональных особенностей в разных тюркских языках открывает возможность для создания цельной системы тюркских причастных форм.

Ключевые слова: причастия, субстантивно-адъективные формы, аналитические и синтетические формы причастий, субстантивация.

Лексико-грамматический класс слов, традиционно называемый в тюркологии причастиями, обладает множеством свойств, которые не вписываются в классическую трактовку понятия «причастие» на базе индоевропейских языков. Исследователями давно замечены основные особенности тюркских причастий: их функциональная близость с именами действия, способность к образованию вторичных глагольных форм, способность иметь различные синтаксические функции. Отличия тюркских причастий от причастий индоевропейских языков настолько существенны, что перед ученым, изучающим эту тематику, невольно встает вопрос о правомерности использования термина «причастие» в отношении слов этого лексико-грамматического класса. И в работах современных исследователей тюркских языков встречаются попытки применить другие термины в отношении отдельных форм, которые явно не вписываются в традиционное понимание сути и содержания понятия «причастие», например «субстантивно-адъективные формы»¹. Эти попытки основаны на том, что каждый термин должен прежде всего отражать внутреннюю, сущностную природу явления, не следовать только его внешним проявлениям в виде формальных показателей, то есть он должен основываться на функционально-семантическом содержании той или иной формы. Перед современной лингвистикой стоит задача выработки точного, адекватного материалу метода интерпретации сути языкового явления, которое традиционно называется причастием. Вопрос о

Эдуард Евгеньевич Лебедев – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: edlebed@gmail.com

правомерности использования термина «причастие» в отношении таких единиц, как формы с аффиксами *-нӑ/-нӗ*, *-акан/-екен*, *-ас/-ес* и других, должен быть поднят и в чувашском языкознании.

Изучением причастий в чувашском языке занимались многие известные ученые. Считаем необходимым привести здесь упоминание о некоторых классических работах, где рассмотрена проблематика причастий. Н.И. Ашмарин в своей монографии «Опыт исследования чувашского синтаксиса» (Ч. I) посвятил причастиям несколько отдельных разделов, где он рассматривает такие вопросы, как времена причастных форм, употребление причастий на *-ан/-ен*, *-а/-е тӑран*, отрицательной формы причастия будущего времени на *-ас/-ес* и др. Много места уделено автором анализу использования причастных форм прошедшего и будущего времени с аффиксом выделения *-и*, а также с многочисленными послелогоми. Словосочетания с подобными формами Н.И. Ашмарин называет «предложениями-именами». По традиции свои положения автор богато иллюстрирует примерами из разговорной речи чувашей².

И.П. Павлов выделяет в чувашском языке продуктивные и непродуктивные формы причастия, которые в свою очередь делятся на группы. Продуктивные причастные формы: 1) на причастия изъявительного наклонения (настоящего, прошедшего и будущего времен), 2) причастия долженствования наклонения; непродуктивные формы: 1) на причастия постоянно-го действия (*-ан/-ен*), 2) причастия достаточности (*-малӑх/-мелӑх*), 3) причастия возможности (*-и/-ми*), 4) причастия притворного действия (*-анци/-енци*)³.

Такая же классификация предлагается в работе «Материалы по грамматике современного чувашского языка. Часть первая. Морфология», где отдельный параграф посвящен активному и пассивному значению причастий в чувашском языке⁴.

В классическом труде И.А. Андреева «Причастия в чувашском языке» представлено подробное описание всех причастных форм в чувашском языке, как продуктивных на нынешнем этапе развития языка, так и ставших уже непродуктивными, перешедших в разряд лексикализовавшихся форм (например, причастия на *-чӑк/-чӑк*, *-кӑч/-кӑч*, *-кӑн/-кӑн* и др.). Автор приводит несколько важных, на наш взгляд, замечаний по поводу функционально-семантической природы причастий. Например, мнение о том, что способность причастий принимать падежные аффиксы, аффиксы принадлежности, использоваться с послелогоми свойственна формам, у которых наиболее проявлен признак времени⁵. Классификацию причастий в чувашском языке И.А. Андреев предлагает на основе глагольных признаков. Первую группу составляют причастия со значением времени (*-нӑ/-нӗ*, *-ас/-ес*, *-ан/-ен*, *-акан/-екен*), вторую – со значением модальности, третью – пережиточные причастные формы⁶.

Чувашским языкознанием до настоящего времени накоплено много репрезентативного эмпирического материала в отношении так называемых

причастных форм. Наряду с богатым иллюстративным материалом, представленным еще в работах Н.И. Ашмарина, осмыслены многие языковые явления, связанные с этим разрядом слов. В первую очередь это касается тех случаев, когда употребление в речи причастий явно выходит за рамки собственно причастных функций, когда налицо проявление их именных свойств. В этой связи справедливо замечание И.А. Андреева: «Благодаря ... сохранению свойств имени, в широком смысле этого слова, сфера применения причастий в современном языке становится чрезвычайно широкой»⁷. Однако, несмотря на все успехи, которые достигло чувашское языкознание в этой области, все они относятся, прежде всего, к первой половине и середине XX в. Требования нынешнего времени заставляют нас вернуться к данной проблематике и поставить новые задачи, решение которых позволит вывести науку о чувашском языке на новый уровень. На наш взгляд, наиболее актуальным направлением исследования сейчас должно стать выявление всех соотношений и связей между компонентами системы причастных форм на базе функционально-семантического анализа. Для этого необходимо не только учитывать и аккумулировать все предыдущие достижения чувашского языкознания, но и продолжать исследование в отношении установления всех закономерностей использования причастий в речи.

Исследование чувашских причастий не должно быть ограничено пределами одного языка, так как факты других тюркских языков помогают более полно раскрыть сущность данного класса слов. По этой причине в этой статье мы привлекаем к анализу материал нескольких тюркских языков. Более того, именно на материал других тюркских языков сделан основной упор. Мы считаем, что такой подход поможет в дальнейшем лучше объяснить факты собственно чувашского языка. Тема, заявленная в названии, конечно же, не может быть полностью раскрыта в рамках одной статьи. Такой объем материала возможно освоить лишь на базе подробного монографического исследования. И мы здесь, естественно, не ставим подобных целей. Цель нашей работы – наметить и предложить основные направления исследований для решения тех вопросов, которые ставят на повестку дня достижения современного тюркского языкознания (о чем уже было сказано выше), а также представить предварительную классификацию тюркских причастий настоящего времени на базе функционально-семантического анализа.

Учитывая то, что объем статьи не позволяет сделать подробный анализ причастных форм всех современных тюркских языков, а также то, что основные тенденции употребления причастий в речи имеют сходные черты в большинстве языков агглютинативного типа, мы считаем достаточным ограничиться данными языков – представителей основных групп тюркской языковой семьи. Проводя исследование тюркских причастных форм, мы, следуя традиции, разбиваем их на две основные группы: синтетические и аналитические формы.

Синтетические формы причастий настоящего времени в тюркских языках можно разделить на следующие подгруппы: 1) причастия на *-an/-en*, *-yan/-yen*, *-agan/-egen* и др., 2) причастия на *-ar/-er*, 3) причастие на *-dyk*, 4) причастия на *-uĉy/-üĉi*, *-qĉy/-uqĉy/-ikĉy/-ükĉü*. Последняя группа причастных форм образовалась уже в новотюркский период развития языков. Примечателен тот факт, что большинство из вновь возникших в тюркских языках форм причастий – это причастия настоящего времени⁸. В этом факте прослеживается тенденция более четкой временной дифференциации, стремление к передаче более узконаправленных значений, так как исторически именно причастия так называемого настоящего времени не были четко дифференцированы во временном отношении (то есть имели, как правило, семантику постоянного действия).

К аналитическим причастным формам со значением настоящего времени относятся следующие: 1) *-y/-e/-j + turġan* или *-yp/-ip + turġan*, 2) *-yp/-ip + jor(u)-, olur-, jat-* (в форме настоящего-будущего времени). Вспомогательные глаголы, используемые в этих аналитических формах, в основном принадлежат семантической группе глаголов статики – «стоять», «лежать», или глаголов движения – «ходить». В их лексическом значении преобладает семантика неопределенности протекания действия⁹.

К главным особенностям функционирования причастных форм настоящего времени в тюркских языках относится то, что в подавляющем большинстве языков причастия имеют способность принимать аффиксы принадлежности и падежей, приобретая при этом способность употребляться в различных синтаксических функциях, а также образуют особые формы с послелогом, служебными именами и с падежными аффиксами, с передачей «различных временных, пространственных, причинно-следственных отношений»¹⁰. Попытка систематизации этих форм на базе данных различных тюркских языков может дать ответы на вопросы: почему именно таким образом передается то или иное значение в языке? Как эти формы взаимодействуют в системе? Чем и почему они отличаются от соответствующих форм в другом языке?

Синтетические формы причастий в тюркских языках

1. Форма на *-an/-en*, *-yan/-yen*, *-agan/-egen*.

В большинстве тюркских языков (в первую очередь кыпчакской группы) эта причастная форма имеет значение прошедшего времени. Однако в языках огузской и булгарской групп она передает значение настоящего времени или действия, происходящего постоянно, действия, не связанного во временном отношении, являющегося свойством предмета:

Џул кукринче тире хирёс килекен пуйёс курёнса кайрё (Артемьев) – На повороте показался поезд, **который идет** навстречу нам.

Эпё сана паллакан сынна куртём (куратён, курён) – Я видел (вижу, увижу) человека, **который знает** тебя¹¹.

Yaklaştırdığım ateşler yalnız fitili kızartıyor ve oradan hoş olmayan kokular çıkarıyordu (Ali S.) – Огонь, который я приблизил, лишь подпалил фитиль, от него исходил неприятный (дурно **пахнувший**) запах.

*Akşamları istasyona yakın ve Frankfurt'un damlarına **bakan** bir penceresi olan küçük kira dairemde geride bıraktığım günü bir çeşit sessizlikle hatırladım ve bu bana şiir yazdırırdı* (Pamuk O.) – По вечерам в полной тишине я вспоминал оставшиеся в прошлом дни, которые я проводил в снимаемой мной за небольшую плату комнате, расположенной недалеко от вокзала, в которой **было** только одно окно, **выходившее** на крыши Франкфурта, все это толкало меня на написание стихов.

*Daha çok Avustralya ve Yeni Zelanda'da, birkaç türü de Pasifik Adaları'nda **yaşayan** balıklar çiçeklerden balözünü emerek ve çiçeklerin arasında buldukları küçük böcekleri yiyerek beslenir* (Temel Britannica) – **Живущие** большей частью в Австралии и Новой Зеландии некоторые виды медососов питаются тем, что сосут нектар цветов и едят маленьких жучков, которых находят среди цветов.

Встречаются случаи, когда контекстуально эта форма причастия имеет значение прошедшего времени. Это происходит тогда, когда причастием выражается действие, являющееся дополнительным по отношению к основному действию высказывания. И если основное действие происходит в прошлом, то и действие, передаваемое причастием, тоже вполне логично имеет значение прошедшего времени:

*Пасар салансан вёсем пёр аш **сутакан** вырăс патне пынă* – Когда базар разъехался, они подошли к одному русскому, **продававшему** мясо¹².

*Gece yarısına kadar **süren** ve vali muavini, belediye başkan vekili ve Kars'ın diğer önde gelenlerin katıldığı müsamereler yer yer coşkulu tezahürat ve alkışlarla kesildi* (Pamuk O.) – Вечеринки, **продолжавшиеся** до полуночи, в которых принимали участие и заместитель губернатора, и представитель начальника администрации, и другие важные персоны Карса, прерывались громкими манифестациями и аплодисментами.

В чувашском языке отмечено использование причастия на *-акан/-екен* в составе аналитической формы со вспомогательным глаголом *пул-*, которая имеет значение начала совершения действия:

*Ахаль чух тем нек харсăрчĕ, халĕ старшинаран **хăракан** пултăм* (Артемьев) – Обычно я был очень смелым, а теперь **стал бояться** старшины.

Интересно употребление этого причастия в функции сказуемого, когда оно передает значение обычно совершающегося действия:

*Эсĕ ав леш кукăралла кай, унта кăвакал нумай **пулакан*** – Ты ступай вон к тому заливу, там **обыкновенно бывает** много уток¹³.

Субстантивированная форма причастия на *-акан/-екен* бывает двух видов: с аффиксом выделения *-и* (либо *-скер*) и без аффикса выделения. В случае субстантивации эта форма способна принимать аффиксы категорий имени существительного: *каякансем, каякансене, каякансемпе; каяканнисем, каяканнисене, каяканнисемпе* и др.

В гагаузском языке форма на *-(й)ан/- (й)ен* наиболее употребительная. И хотя основным значением этой формы считается настоящее время, она способна передавать значение и действия в прошедшем времени и постоянного действия:

Иванижик ачан геллер, падишах ону сорэр, деер: сән ми өлдүрән змейи? – Когда Иванушка приходит, падишах его спрашивает, говорит: ты убил (букв. «убивший») змея?

Чифтчиләр саде ишидәрдиләр, ани вар Совет Бирлиш, ангысы верер хак ишлейән инсана – Крестьяне только слышали, что есть Советский Союз, который дает права трудящимся (букв. «работающему человеку»)¹⁴.

Интересны примеры, в которых эта причастная форма используется в страдательном значении. В близком по своей структуре турецком языке причастие с аффиксом *-(y)ан* не может употребляться в таком значении (без аффикса страдательного залога). Для этого существует форма с *-dik*, с которой в этом случае имеется четкое разграничение функций. Но в гагаузском, так же как в чувашском и некоторых других тюркских языках (чув. *вулакан кёнеке* «книга, которую читают»), такое употребление вполне возможно:

Биз тутэжэз сенин гөстөрән йолуну – Мы будем держать путь, **указанный** тобой (букв. «твой указывающий путь»).

Берекедин бүүк йортусуна истейән мусафирлери чаарыжэйз – На большой праздник урожая мы позовем **желанных** гостей (букв. «желающих гостей»).

Но наряду с этим данное причастие может употребляться и в форме страдательного падежа. Какие функционально-семантические факторы влияют на выбор причастия либо в форме страдательного залога, либо без нее – еще предстоит выяснить на базе более обширного материала.

Иллән бойнуйу кылыч кесмеер – **Склоненную** шею сабля не рубит¹⁵.

При субстантивации причастия на *-(й)ан/- (й)ән* приобретают способность принимать формы числа, принадлежности и падежа. Сам по себе этот факт не является исключительным, так как подобные явления встречаются во многих тюркских языках. Обращает на себя внимание то, что в генеалогически близком турецком языке субстантивированная форма причастия с аффиксом *-(y)ан/- (y)ен* не может присоединять аффиксы принадлежности, ограничивается лишь аффиксами числа и падежей. Возникает вопрос: что повлияло на подобное различие в развитии одной и той же формы в двух родственных языках?

Каланы 28 ушак хепси биринжи класса гечтиләр ислә ноталарлан – Остальные (букв. «оставшиеся») 28 детей все перешли в первый класс с хорошими отметками¹⁶.

Форма на *-ан/-ен* в современном чувашском языке малоупотребительна и присутствует в основном как составной компонент имен существительных, образованных от причастия: *автан* «петух», *суран* «рана», *тăван* «родной» и др. У Н.И. Ашмарина можно встретить примеры из чувашского фольклора, где присутствует эта причастная форма:

Пурйанан пурнайс пайрайссыр пулмасть – Проживаемая жизнь без кризиса не бывает¹⁷.

2. Форма на *-ar/-er*.

В якутском языке причастие на *-ar/-ыыр* может выступать в различных синтаксических функциях: подлежащего, определения и дополнения. При этом его временное значение выражает в основном постоянное действие, традиционно отмечаемое в грамматиках как настоящее-будущее время.

Үлэлиир аһыыр, үлэлээбэт аһаабат – **Работающий** есть, не работающий не есть.

Үчүгэйдик үлэлиир кинини бириэмийэлээччилэр – Хорошо **работающего** человека обычно премируют.

Причастие с аффиксом *-ar/-ыыр* активно используется в языке в падежных формах и с послелогоми, передавая при этом различные обстоятельственные значения:

Ваня үөрэнэрин тухары биһиги киниэхэ көмөлөһөрбүтүн тохтотуохпут суоҕа – Пока Ваня **учится**, мы не прекратим ему своей помощи.

Валя тахсарын кытта ийэтэ дьиэтин хомуйбутунан барда – **Как только** Валя **вышел**, его мать сразу начала прибираться в доме.

Ким хайдах сатырынан кэпсэтэр, билсир – Каждый беседует **как умеет**, знакомится.

Ээйиктен төннөрбөр олус да сылайбытым, быстыбытым – **Когда** я **возвращался** из Эйика, как я устал, утомился.

В последних двух представленных примерах это причастие используется с формами орудного падежа.

Стоит особо отметить необычность использования причастия на *-ar/-ыыр* с аффиксом дательного падежа в функции инфинитива:

Приказ: таммах хаан хаалыар диэри турарга – Приказ: **стоять** до последней капли крови.

Старшай лейтенант Махнев биир взводун командирын ынгыртаран ылан маннык бойобуой соруудагы биэрбитэ: дэриэбинэни өстөөхтөн босхолоурга, оно биһиги чаастарбыт өрүһү туорууларыгар кыагы үөскэтэргэ – Старший лейтенант Махнев, вызвав к себе командира одного из своих взводов, дал следующее боевое задание: **освободить** деревню от врага, тем самым **создать** возможность для наших частей переправиться через реку¹⁸.

Помимо якутского языка это явление встречается также и в татарском языке.

В турецком языке это причастие потеряло свою продуктивность и встречается уже, как правило, в именах существительных, произошедших от субстантивировавшегося причастия: *döner* «вид мясного блюда» (досл. вращающийся), *yazar* «писатель» (досл. пишущий) и др.

3. Форма на *-dyk*.

Распространена в турецком, азербайджанском, якутском языках. Определительная функция этой формы – лишь одна из многих:

Şu budala serçe bile üç günlük ömrünü keyifle geçiriyor da, biz, arasından uçuştumuz ağaçları bile fark etmiyoruz (Ali S.) – Этот глупый скворец проводит в радости даже те три дня, которые ему отпущены, а мы не замечаем и деревьев, среди которых **мы летаем**.

Böyle zamanlarda, dünyaya acıma ve sevgi duyduğu adamın gözüyle bakmaya çalışırdı (Pamuk O.) – В такие дни он пытался смотреть на мир глазами человека, **который чувствует** сострадание и любовь.

Эта форма, как правило, не используется в качестве определения субъекта действия; подобная функция возложена на причастие с аффиксом *-(y)an/-(y)en*. Среди возможных функций формы на *-dik* могут быть определение объекта действия, места нахождения, времени и др.

Bulgaristan ile Sırbistan'ın imzaladıkları anlaşmanın gizli ekinde iki ülke koşullar uygun olursa Osmanlı'lara saldırılmayı ve Makedonya'yı aralarında uygun bir biçimde paylaşmayı kararlaştırmışlardı (Temel Britannica) – В секретном приложении к договору, **подписанному** Болгарией и Сербией, оба государства договорились о том, что, если позволят обстоятельства, они нападут на Османскую империю и разделят между собой Македонию, так, чтобы обе стороны не остались в накладе.

Bu kuşlar, bal porsuğu denen bir porsuk türünün ya da karşılaştıkları insanların tepesinde döne döne uçup şakıyarak onları arı yuvalarının bulunduğ u yere doğru götürürler (Temel Britannica) – Эти птицы кружатся, чирикают, над медовым барсуком (один из видов барсука), либо над людьми, которых они повстречали, и приводят их к месту, **где находятся** гнезда пчел.

Ertesi gün bir posta güvercini her şeyin yolunda gittiği haberini getirdi ve onlardan alınan son haber bu oldu (Temel Britannica) – На следующий день почтовый голубь принес весточку, **что все идет хорошо**, которое стало последним известием, полученным от них.

1930'da bir Norveç araştırma ekibi, havalandıkları tarihten tam 33 yıl sonra ve öngörülen rotanın çok doğusundaki Beyaz Ada'da Andrée ve arkadaşlarının donmuş cesetlerini bir raslantı sonucunda buldu (Temel Britannica) – В 1930 году одна норвежская исследовательская группа нашла замерзшие трупы Андре и его товарищей на Белом острове, через 33 года после того, **как они поднялись** в воздух, и гораздо восточнее от предполагаемого их местонахождения.

İnsanlı bir balonun bugüne kadar çıkabildiği en büyük yükseklik 37.740 metredir (Temel Britannica) – Самая большая высота, **на которую** до сегодняшнего дня **поднимался** воздушный шар с человеком, была – 37740 метров.

В чувашском языке наглядные примеры с причастием настоящего времени в подобных употреблениях мы встречаем в работах Н.И. Ашмарина. Считаем необходимым привести здесь некоторые из них, с тем, чтобы провести сравнение использования чувашских причастий с вышеуказанными примерами из турецкого языка: *Шыв асакан хёр* – Девушка, **которая черпает** воду; *Хёр асакан шыв* – Вода, **которую черпает** девушка; *Шыв асакан*

пучă – Колодец **из которого черпают** воду; *Тур-келли пурăнакан келет* – Амбар **в котором обитает** дух тур-келли¹⁹. Как мы видим, чувашское причастие на *-акан/-екен* может быть использовано в тех же функциях, что и турецкая форма с *-dik*.

Одной из особенностей формы с *-dik* является то, что она, как правило, используется с аффиксами принадлежности. В связи с этим наблюдается некоторая субстантивация формы. Однако полной субстантивации не происходит, так как сохраняется семантика времени; кроме этого, форма сохраняет также способность принимать аффиксы отрицательного статуса, возможности и невозможности и, при необходимости, аффиксы залогов:

Bu buluş nedeniyle Banting ve deneylerin yapıldığı laboratuvarın sahibi olan John J. R. Macleod 1923 Nobel Tıp Ödülü'nü aldılar (Temel Britannica) – В результате этого открытия Бантинг и владелец лаборатории, **где производились** опыты, Джон Дж.Р. Маклауд получили в 1923 г. Нобелевскую премию по медицине.

Yağan olağanüstü güzellikteki karın onu yıllar sonra görebildiği İstanbul'dan bile daha mutlu kıldığını hissediyordu (Pamuk O.) – Он чувствовал, что падающий снег, обладающий потрясающей красотой, делал его даже более счастливым, чем Стамбул, **который он смог увидеть** спустя годы.

Форма с аффиксом *-dik* в турецком языке часто употребляется в синтаксических функциях прямого и косвенного дополнения и обстоятельства. В этих случаях рассматриваемая форма сочетается с аффиксами родительного, винительного, дательного, исходного и местного падежей, а также с целым рядом послелогов, среди которых наиболее употребительны *için* «для», «из-за», *gibi* «как», *kadar* «до», *zaman* «время», *halde* «в состоянии», *beri* «с», *göre* «по» и др. Сочетания формы на *-dik* с послелогом, как уже было сказано, передают различные обстоятельственные значения: места, времени, подobia, предела и т.д.²⁰ (в скобках после каждого примера мы даем соответствующие чувашские формы):

Uyuyakaldıktan biraz sonra başının otobüsün sarsıntısıyla yanındaki yolcunun omzuna, sonra da göğsüne düştü gününü bilseydi çok utanırdı (Pamuk O.) – Если бы она узнала, **что**, когда уснула, при каждой встряске автобуса она **ударялась** головой о плечо и в грудь соседа, она бы сильно смутилась (чув. *ўкнине*).

Hem efe, hem fakir olduğuma mı kızardı kim bilir... (Ali S.) – Кто знает, может быть, он злился **из-за того, что** я являюсь разбойником и **беден** (чув. *чухăн пулăран*).

Ve bunun için çenemi avuçlarıma ve kollarımı dizlerime dayar, gözümü yere veya ufka çevirerek gördüklerimin daha ötesindeki şeyleri de bilmek isterdim (Ali S.) – И поэтому я сидел, подперев подбородок ладонями и опершись локтями на колени, и косился на землю или на небо, желая познать то, что находится по другую сторону **видимого** мною (чув. *курнин*).

Bunlara rağmen Serhat Şehir Gazetesi'ne geldiğinde bir huzursuzluk duyuyordu (Pamuk O.) – Несмотря на это, когда он пришел в редакцию газе-

ты «Серхат Шехир», он не чувствовал никакого беспокойства (чув. *килнӗ чух*).

Ama Ka'nın hayal ettiğinden bambaşka bir şey söyledi İpek (Pamuk O.) – Но Ипек сказала совсем не то, что представляла Ка (чув. *куç умне ўкернинчен*).

Bir yandan Trablusgarp Savaşı'nın öte yandan iç çekişmelerin güçsüz düşürdüğü Osmanlılar ayaklanmayı bastırmak için gerektiği gibi davranamadılar (Temel Britannica) – Османское государство не смогло предпринять **все необходимые** действия, чтобы подавить восстание, так как с одной стороны было связано Триполитанской войной, с другой стороны оно ослабло из-за внутренних противоречий (чув. *кирлӗ пулнӗ нек*).

Hafif bir gazla dolu olduğu için havada yükselabilen balonlar, uçakların ve bütün hava taşıtlarının öncüsüdür (Temel Britannica) – Воздушные шары, которые могли подниматься в воздух **из-за того, что наполнялись** легким газом, стали предшественниками самолетов и других летательных аппаратов (чув. *тулли пулнӗран*).

Ben anladığım zaman alev saçtığı sarmıştı... (Ali S.) – **Когда я это понял**, огонь уже охватил обшивку (чув. *ӗнланнӗ чух*).

Bu tehlikeyi gücümüzün yettiği kadar kendimizden uzak tutmaya çabaladık (Ali S.) – Мы старались держать эту опасность подальше от себя, **насколько хватало** наших сил (чув. *çитнӗ таран*).

İşte Ankara'ya geldiğimizden beri yazmaya değer bir bu olay geçti başımdan (Nesin A.) – И вот, **с тех пор как мы приехали** в Анкару, только одно событие, произошедшее со мной, было достойно описания (чув. *килнӗренне*).

Кроме этого, форма на *-dik* может использоваться в функции подлежащего. В этом случае она не принимает падежных аффиксов и послелогов:

Gelen adamın sallanmasından, bir sarhoş olduğu anlaşılıyordu (Nesin A.) – Так как идущий человек сильно пошатывался, было件нятно, **что он пьян**.

В якутском языке это причастие образуется при помощи аффикса *-тах* и ее фонетических вариантов. Одной из самых важных особенностей этой формы является то, что она стала основой форм двух наклонений: предположительного и второго условного²¹.

Кроме этого, она может принимать формы четырех падежей: дательного, исходного, винительного, родительного. Каждая из этих вновь образованных форм передает свое значение:

а) форма дательного падежа – значение условного инфинитива:

Өлөөрү гыммыт киһи дитэххэ, олус эрчимнээхтик ынчыктыыр (ГСЯЛЯ) – **Если принять во внимание**, что умирающий человек, то он стонет чересчур энергично;

б) форма исходного падежа – значение различных обстоятельств, в частности обстоятельства времени:

Колхозка киирдэҕиттэн быһа оҕуруокка үлэлиир – **Со времени вступления** в колхоз он все работает на огороде;

в) форма винительного падежа – значение прямого дополнения:

Мин онгордохпун кер – Посмотри мною **сделанное** (как я сделал).

Если в турецком языке использование данного причастия в определенном значении без аффиксов принадлежности еще встречается, то в якутском языке оно в этом значении уже не употребляется (за исключением одного слова *диэ* «говорить»)²².

4. Форма на *-иçу/-йçи*, *-qçу/-иqçу/-икçу/-йкçи*.

Эта форма в татарском языке выступает только как определение субъекта действия, чем отличается от других причастных форм:

Гөлшаһидэ коридор буйлап килүче кешене таньмады да – Гульшахида даже не узнала человека, **идущего** по коридору.

Видимо, именно в связи с вышеуказанным обстоятельством у причастия с аффиксом *-учы* отсутствует необходимость принимать аффиксы принадлежности.

Что же касается значений, передаваемых этой формой, то весьма велико количество случаев, когда эта форма имеет значение постоянного действия:

Шулай, Шарифжан, мылтык тота белүче ничә кешең бар? – Итак, Шарифжан, сколько у тебя человек, **умеющих** держать винтовку?

Явление субстантивации этой формы также прослеживается в языке, хотя и не является для нее типичной²³.

Все сказанное о рассматриваемом причастии в татарском языке в целом характерно и для соответствующей формы в башкирском языке:

Базарза сэй һатыусы саузәгәрзәр бөгөн күп булды – Сегодня на базаре было много купцов, **продающих** чай²⁴.

Аналитические формы причастий в тюркских языках

1. Форма на *-у/-е/-j + turγan* или *-ур/-ип + turγan*.

Глагольные аналитические формы были характерны для тюркских языков всегда. В языке рунических памятников древних тюрков уже были распространены подобные формы²⁵. Факты современных тюркских языков позволяют сделать вывод о том, что происхождение и функционирование глагольных аналитических форм (акционсартовых, временных, модальных) вытекают из самой сути тюркского языкового строя и отражают его своеобразие.

Аналитические формы причастий образованы от форм с акционсартовыми либо временными значениями (произошедшими в свою очередь от акционсартовых форм). Исходной являлась форма со значением продолжительности совершения действия, выражаемая, как правило, глаголами статики или движения. Обращает на себя внимание тот факт, что причастие *-γan*, являющееся в большинстве тюркских языков причастием прошедшего времени, в аналитической форме передает уже значение действия, происходящего в настоящее время, либо постоянного действия.

В татарском языке эта форма образуется сочетанием деепричастия на *-а/-э* от знаменательного глагола и причастной формой вспомогательного глагола *тор-* «стоять»:

Энэ жәйләрен бөтенләй кибеп бетә торган инеш – Вон речка, которая почти **высыхает** летом.

Светлана үрелеп кенә өстәл өстеннән укый торган китабын алды – Светлана, потянувшись, достала со стола книгу, **которую читала**.

Как показывают примеры, определяемое здесь, в отличие от синтетической формы с аффиксом *-учы*, может быть не только субъектом действия, но и объектом, а также выступать и в качестве других составляющих действия: места, времени, орудия и др.

Возможно использование этой формы и для передачи постоянного действия:

Галиулла шахтерлар кия торган жеп чабаталарын чишенеп ташлады да сәже өстенә сузылып ятты (И. Гази) – Галиулла развязал лапти из бечевки, **которые обычно надевают** шахтеры, и растянулся на нарах.

Бәшир байның көне-төне пар белән эшли торган тегермәне түкелдәп утыра – Тикает мельница Башир бая, **которая** день и ночь **работает** на пару.

Встречаются случаи субстантивации этой формы:

Ул алай түбәнгә карап авызына су кабып тора торганнардан түгел – Он не из тех, **которые** смотрят вниз и **молчат**, как будто набрали в рот воды²⁶.

Аналитическая форма причастия *-а/-э торган* в башкирском языке обладает теми же особенностями, что и в татарском языке:

Мәскәүгә оса торған самолет – Самолет, **летающий** в Москву²⁷.

В карачаево-балкарском языке существуют две аналитические формы причастия настоящего времени – конструкции, состоящие из первичного деепричастия и слова *тургъан*. Отличаются они формой первого компонента: *-а/-е* либо *-ып/-ип*. В семантическом плане разница состоит в том, что вариант с деепричастием на *-ып/-ип* передает значение постоянного действия – *сөleşе тургъан* «говорящий» (сейчас), *жазып тургъан* «пишущий» (часто)²⁸.

В ногайском языке аналитическая форма *-а/-е таган* грамматикализовалась, что отражается в ее слитном написании. Основным значением этой формы является постоянное действие:

Куртка бир де сол озин кыйнайтаган соравга явап таба алмайды – Старушка никак не может найти ответ на **мучающий** ее вопрос.

Эрте келетаган Рамазан бу кеше келмей, бек кешке калган – Рано **возвращающийся (обычно)** Рамазан в этот вечер не пришел (вовремя), задержался допоздна.

Эта аналитическая форма имеет способность принимать формы именных категорий: числа, принадлежности и падежа, подвергаясь субстантивации:

Аман-эсен коьрисеегиньиз, – деп озгаратаганлар артыннаң карап калдылар – «Да, встретимся живы-здоровы», – сказав так, провожающие остались, провожая их взглядом.

Сен ийтегенде, ол куьшли йыгылган, ама авыр бир зат та болган йок, – деп доктор баска авырыйтаганларга кетти – «Когда ты толкнул, он сильно упал, но ничего серьезного не случилось», – сказав так, доктор ушел к другим больным²⁹.

2. Форма на *-ур/-ип (-а/-е) + jor(u)-, olur-, jat-* (в форме настоящего-будущего времени).

Аналитическая форма со вспомогательными глаголами *тур-* «стоять», *чор-* «ходить», *олур-* «сидеть» и *чыт-* «лежать» используется в тувинском языке. Первым компонентом формы здесь выступает дееспричастие на *-ып/-ип*, образованное от знаменательного глагола. Вспомогательный же глагол принимает аффикс настоящего-будущего времени *-ар/-ер*: *ажилдап турар* «работающий», *анңап чоруур* «охотящийся», *бижип олуар* «пишущий», *аарып чыдар* «болеющий» и т.д.³⁰

В ногайском языке тоже существуют аналитические формы причастий, образованные от вспомогательных глаголов с аналогичными значениями. Но здесь в качестве знаменательной части выступает дееспричастие на *-а/-е*, а вспомогательный глагол принимает аффикс прошедшего времени *-ган*. Кроме этого, причастие используется уже в грамматикализованном виде (мы включаем эту форму в раздел аналитических форм на том основании, что, несмотря на слитное написание, вспомогательный глагол еще воспринимается как самостоятельный элемент формы):

а) аналитическая форма со вспомогательным глаголом *ят-*.

Алдында бараяткан бир яяв коьрингинде, муның коркынышы тагы да бек куьшленди – Когда показался впереди идущий пешеход, его страх еще больше усилился.

Сонъ Кантемир сувык дымкыл кумда эгилип-тоьгилип йылаяткан Айсылувды коьрди – Потом Кантемир увидел на холодном сыром песке горько плачущую Айсылув.

Значением этой формы является настоящее актуальное действие, происходящее в данный момент.

Субстантивация этого причастия встречается в языке также достаточно часто:

Булардынъ аты арып келеятканын анъласа да, Рамазан ога карап: Бараяк еринъиз алыс болса, арбага олтырынъыз, деди – Понимая даже, что их лошадь идет уставшая, Рамазан посмотрел на него и сказал: «Если ваш путь далек, садитесь на арбу»;

б) аналитическая форма со вспомогательным глаголом *ытыр-*.

Ол, сораытырган затыннан оьзи де коркып, сорады – Он спросил, сам даже боясь спрашиваемой вещи.

Куьнбаттар беттен аздаадай ысылдап, оьлим отты шашып келеытырган душпаннаны алдын бумага коьтерилди сав халк – Весь народ под-

нялся преградить путь врагу, **идушему** со стороны запада, шипя и разбрасывающая смертельный огонь, как дракон.

Субстантивированная форма данного причастия:

Авыл ийти-кусы ман кетейтырганларды тап авылдынь шетиндеги Уькен-Тобьбединь аргы ягына шеким озгарды – Весь аул (букв. с собаками и птицами) провожал **отъезжающих** до Большого холма, находящегося на окраине аула³¹.

Аналитические формы причастий в тюркских языках в целом обладают теми же особенностями, что и синтетические формы причастий. Так, например, им также присуща способность принимать аффиксы именных категорий и функционировать в предложении в роли подлежащего, дополнений и различных обстоятельств. Однако отмечены и функционально-семантические отличия аналитических форм от синтетических. В татарском языке только аналитическая форма причастия может употребляться для определения объекта действия, его места, времени и др. Семантика вспомогательного глагола может влиять на значения аналитической формы причастия. В ногайском языке форма, производная от вспомогательного глагола *тур-* «стоять» передает значение постоянного действия, а формы со вспомогательными глаголами *ят-* и *ятыр-* передают значения настоящего актуального действия, происходящего в данный момент.

* * *

Проведенное исследование семантики и функционирования причастных форм настоящего времени в тюркских языках приводит нас к некоторым размышлениям и выводам. В первую очередь стоит отметить, что общие тенденции развития причастий характерны для всех рассмотренных в этой статье тюркских языков. В каждом языке имеются причастные формы, способные употребляться не только в функции определения, но и в функциях других членов предложения, образуя при этом субстантивированные формы причастий. В большинстве языков подобная субстантивация причастий происходит с помощью формантов категорий имени существительного путем присоединения аффиксов числа, принадлежности и падежей. Возможно, наиболее продуктивный способ такой субстантивации мы встречаем в турецком языке, изобилующем соответствующими примерами. Однако это не единственный способ субстантивации причастий. Так, например, в чувашском языке для этой цели используется особая форма, создаваемая присоединением выделительного аффикса *-и*. Основы, образованные таким образом, могут присоединять к себе лишь аффиксы числа и падежей: *килекеннисене* «к приходящим», *килекеннисенчен* «от приходящих», *килекеннисемпе* «с приходящими» и т.д. Следует отметить, что если субстантивация причастия в чувашском языке происходит без участия выделительного аффикса (*килекенсем* «приходящие»), то аффиксы принадлежности вполне могут присоединяться к основе: *килекенмёрсене* «к нашим приходящим». Что говорит

о том, что в чувашском языке в случае с причастием на *-акан/-екен* категория принадлежности и категория выделения взаимно исключают друг друга.

Случаи использования форм причастий в сочетании с аффиксами падежей и с различными послелогоми во всевозможных обстоятельственных значениях достойны отдельного подробного исследования. Как правило, формы, производные от причастий с вышеуказанными значениями, образовались относительно недавно. На это указывает то, что происхождение значения формы из значений отдельных ее компонентов прослеживается еще достаточно явно (ср. тур. *geldiğim zaman* «когда я пришел» из «время, когда я пришел»), хотя процесс грамматикализации полнозначных слов здесь уже налицо. Образование новых производных от причастий форм продолжается и поныне, так как сам механизм их создания очень продуктивен. Не исключено, что в ближайшем будущем мы будем свидетелями появления новых форм, образованных от причастий с использованием аффиксов падежей и послелогов.

Форма причастия непосредственным образом связана с возможностями его функционирования. Так, некоторые причастия, выполняя свою основную функцию – функцию определения, имеют способность определять только субъект действия. В связи с этим они не могут присоединять к себе аффиксы страдательного залога для того, чтобы выступить в качестве определения объекта действия. Представителем этой группы является форма *-учы/-уче* в татарском языке (функция определения объекта действия в татарском языке возложена на аналитическую форму *-а/-э + торган*). С другой стороны, существуют формы, которые вполне свободно могут определять как субъект действия, так и его объект без аффиксов страдательного залога. К группе этих причастий относятся: причастия на *-акан/-екен* в чувашском языке и причастия на *-(й)ан/--(й)ен* в гагаузском языке. Например, чув. *эпӗ сыракан сыру* «письмо, которое я пишу», *эсӗ тӓвакан ёҫ* «дело, которое ты делаешь» и т.д. (В чувашском языке данное причастие может определять и место: *эпир килекен сурт* «дом, куда мы приходим».) Турецкая форма *-dik* находится как бы на границе двух групп причастий – употребляемых без аффикса страдательного залога и с аффиксом страдательного залога, но выражая при этом уже несколько другие отношения: *Kemal'in okuduğu kitap dersanede kaldı* – Книга, которую читает Кемаль, осталась в аудитории, *Şehrin işgal edildiği gün* – День, когда город оккупировали³². Наконец, третью группу составляют причастные формы, которые определяют объект действия только с аффиксом страдательного залога. К таким формам относятся причастия на *-(y)an/--(y)en* в турецком языке: *basılan kitap* «издаваемая книга».

Налицо связь некоторых причастных форм в тюркских языках с их временной семантикой. Как правило, существует разделение форм со значением настоящего актуального действия и форм со значением постоянного действия. В карачаево-балкарском языке аналитическая форма причастия с деепричастием на *-а/-е* в качестве первого компонента передает значение настоящего действия, а с деепричастием на *-ын/-ун* – значение постоянного действия.

На основании проведенного исследования причастия со значением настоящего времени в тюркских языках можно классифицировать по следующим группам:

1. По функциональному признаку способности принимать аффиксы именных категорий (числа, принадлежности, падежа) и употребляться в сочетании с различными послелогоми:

1) Причастные формы, не способные принимать аффиксы именных категорий (тат. *-учы/-үче*; башк. *-усы/-үсе* – за исключением редких случаев субстантивации);

2) Причастные формы, выступающие, как правило, только в определительной функции и принимающие аффиксы именных категорий лишь в случае их субстантивации (чув. *-акан/-екен*; тур. *-(y)an/-(y)en*; гаг. *-йан/-йен*; тат., башк. *-а/-э торган*; кар.-балк. *-а/-е* или *-ып/-ип тургъан*; ног. *-а/-е ят-(ятыр-)*);

3) Причастные формы, принимающие аффиксы именных категорий и образующие сочетания с послелогоми, выступая при этом в различных синтаксических функциях (як. *-ар/-ыыр, -тах/-тэх*; тур. *-dik*).

2. По признаку способности определять в высказывании субъект, объект, время, место действия др.:

1) Причастия, способные определять только субъект действия (тур. *-(y)an/-(y)en*; тат. *-учы/-үче*; башк. *-усы/-үсе*);

2) Причастия, способные определять, помимо субъекта действия, его объект, время, место и др. (тур. *-dik* – кроме субъекта действия; чув. *-акан/-екен*; гаг. *-йан/-йен*).

Литература

¹ Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол (на материале старобалканско-тюркского языка). Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. С. 122–126.

² Ашмарин Н.И. Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 1. Казань: Типолитография Е.М. Ключникова, 1903. С. 438–547.

³ Павлов И.П. Хальхи чăваш литература чĕлхи. Морфологи. Шупашкар: Чăваш АССР кĕнеке изд-ви, 1965. С. 261–278.

⁴ Материалы по грамматике современного чувашского языка. Часть первая. Морфология. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1957. С. 216–235.

⁵ Андреев И.А. Причастие в чувашском языке. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1961. С. 15.

⁶ Там же. С. 71–254.

⁷ Там же. С. 9.

⁸ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М.: Наука, 1988. С. 227.

⁹ Лебедев Э.Е. Акционсартовые значения сложновербальных аналитических форм в чувашском и турецком языках. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2004.

¹⁰ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М.: Наука, 1988. С. 455.

¹¹ Андреев И.А. Причастие в чувашском языке. С. 128.

¹² Ашмарин Н.И. Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 1. С. 439.

¹³ Там же. С. 245.

¹⁴ Покровская Л.А. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1964. С. 231.

- ¹⁵ Там же. С. 232.
- ¹⁶ Там же. С. 233.
- ¹⁷ *Ашмарин Н.И.* Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 1. С. 446.
- ¹⁸ Грамматика современного якутского литературного языка. М.: Наука, 1982. С. 228–230.
- ¹⁹ *Ашмарин Н.И.* Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 1. С. 379, 382.
- ²⁰ *Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. С. 441–454.
- ²¹ Грамматика современного якутского литературного языка. С. 236.
- ²² Там же. С. 236–237.
- ²³ Татарская грамматика. Морфология. Казань: Институт языка, литературы и истории им. Ибрагимова АН Татарстана, 1997. С. 220–221.
- ²⁴ Грамматика современного башкирского литературного языка. М.: Наука, 1981. С. 315.
- ²⁵ *Кононов А.Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л.: Наука, 1980.
- ²⁶ Татарская грамматика. Морфология. С. 222–223.
- ²⁷ Грамматика современного башкирского литературного языка. С. 316.
- ²⁸ Грамматика карачаево-балкарского языка. Нальчик: Изд-во «Эльбрус», 1976. С. 217–218.
- ²⁹ Грамматика ногайского языка. Черкесск: Ставропольское кн. изд-во, 1973. С. 264–265.
- ³⁰ *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Грамматика тувинского языка. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. С. 314.
- ³¹ Грамматика ногайского языка. С. 266–267.
- ³² *Айляров Ш.С.* Развернутые члены предложения в современном турецком языке. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. С. 28.

E.E.Lebedev

Participles with the meaning of the present time in the Turkic languages

The participles with the meaning of present time in modern Turkic languages have certain functional peculiarities, in series of which an important place is taken by the capability for substantiveness, capability for formation of secondary forms with the help of casual affixes and postpositions, use in different syntactic functions, etc. The identification and comparison of similar functional peculiarities in different Turkic languages gives an opportunity for establishing an entire system of Turkic participial forms.

Речевой этикет любого народа является сложной системой, образованную из вербальных и невербальных компонентов. Вербальная часть этикета, как правило, в разных языках имеет существенные отличия, а невербальная его составляющая у большинства народов идентична, хотя и встречаются семантические отличия. В данной работе объектом внимания выступают невербальные средства этикетного общения чувашей.

Ключевые слова: чувашский речевой этикет, невербальные средства этикетного общения, жесты, мимика, телодвижения.

Этикет является важным составляющим и повседневной жизни, и торжественных мероприятий. Без употребления формул этикетного общения не проходит и дня, конечно, если не учитывать нестандартные ситуации, когда человек оказывается изолированным от окружающего мира, от других людей. В настоящее время изучением разных сторон этикета занимаются главным образом такие отрасли гуманитарной науки, как этнология, культурология и языкознание.

Речевой этикет является совокупностью правил речевого поведения, речевых разрешений и запретов, связанных с социальными признаками говорящих, обстановкой и стилистическими ресурсами языка. Речевой этикет задает коммуникантам рамки речевых правил, определяющих пределы проходящего общения¹. Исследование *вербальных средств этикетного общения* (далее ВСЭО) и *невербальных средств этикетного общения* (далее НСЭО) чувашского языка исходя из понимания термина «речевой этикет» в приведенном выше смысле даёт возможность выявить наиболее характерные черты, этикетные особенности межличностной коммуникации.

Исследователь башкирского этикета Р.Р. Баязитова, ссылаясь на работы Ю.В. Бромлея², А.К. Байбурина³, М. Нэппа и Д. Холла⁴, отмечает: «В повседневной жизни мы постоянно сталкиваемся с множеством сигналов, передаваемых посредством слова и невербальными способами. По мнению Ю.В. Бромлея, в функционировании этносов существенную роль играют невербальные средства и атрибуты коммуникации, стереотипизирован-

---

Александр Валерьянович Кузнецов – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: timer1975@yandex.ru.

ные действия, имеющие знаковый характер: жесты, мимика, поза. А.К. Байбурин, определяя этикет, как и обряд, многослойным образованием, отмечает, что этикетная ситуация включает, как правило, словесные компоненты, движения, жесты, позу, мимику, элементы пространства, атрибутику и т.п. Невербальное общение определяют как коммуникацию, осуществляемую не словесными средствами (то есть слова – это вербальный элемент общения)»⁵.

Этикет является сложной системой знаков, с помощью которых люди передают общественно принятое понимание ситуации, характера общения, взаимных отношений адресанта и адресата и т.д. Высказывания-действия в процессе появления и становления как системы предполагают существование языка, являются вторичными образованиями на его базе. Часто ВСЭО произносятся автоматически, в определенные моменты общения, заменяясь / сопровождаясь НСЭО: приветствие и прощание могут передаваться/сопровождаться *поцелуем, поклоном, рукопожатием, снятием головного убора, похлопыванием по спине* и т.п.; благодарность может передаваться *поклоном, кивком головы, похлопыванием по спине (или притопом в танце)*, приглашение может передаваться *кивком головы справа налево / слева направо, взмахом рукой по направлению к себе, при котором ладонь направлена в сторону приглашающего (или притопом в танце)*, одобрение передается *похлопыванием по спине, рукопожатием, ударом в ладони, сжатым кулаком с направленным вверх большим пальцем* и т.д. ВСЭО и НСЭО являются смысловыми единицами, которые производятся в целях коммуникации. Подобные знаки дают человеку возможность намеренно употреблять их в функции коммуникации, действовать с учетом последствий для себя и других, контролировать свое поведение. При этом, особенно в ситуации общения с представителями других народов, надо учитывать, что «один и тот же жест у разных народов может трактоваться по-разному и нести определенную коммуникативную нагрузку в контексте данной культуры. Например, у болгар, в отличие от огромного большинства народов мира, кивок головой сверху вниз означает отрицание, а справа налево – согласие. <...> Чтобы понять значение того или иного знака, необходимо учитывать этническую принадлежность и статус участников общения, ситуацию»⁶.

Как известно, существуют замкнутые и открытые системы. НСЭО и ВСЭО являются открытыми знаковыми системами, так как тематические группы средств общения как чувашского речевого этикета, так и иноэтнического все время обогащаются новыми единицами. Но при этом они не превращают исходную составляющую в новый знаковый строй и не образуют систему, разграниченную конкретным количеством знаков.

НСЭО являются плавно переходящей в сферу устойчивых компонентов общения незамкнутой сферой, так как в замкнутых системах количество знаков строго определено и каждый новый знак превращает исходную систему в новую знаковую систему, а в открытых системах возникновение нового знака не разрушает старой системы⁷.

По мнению Е.А. Падучевой, Дж. Остин впервые привлек внимание к тому, что произнесение высказывания может представлять собой и сообщ-

щение информации, и совершение других действий. В процессе общения люди не просто строят предложения, а используют их для совершения таких действий, как приказание, обещание, выражение благодарности и т.д., являющихся речевыми актами. Дж. Остин обнаружил существование перформативных предложений, что положило начало теории речевых актов. Перформативными являются повествовательные по структуре предложения, обладающие следующим свойством: оно является не высказыванием, которое описывает действие, а равносильно осуществлению этого действия⁸. Так, с точки зрения теории речевых актов, произнесение ВСЭО представляет собой речевое действие, или речевой акт, то есть выполнение конкретного дела с помощью речи. Отсюда следует, что высказыванием *Кайшк пар-ха* «Дайка ложку» осуществляется просьба, *Брă каç пултăр* «Добрый вечер пусть будет» – приветствие, *Сёт сӳлӗне кайса су сӳлӗне таврăн* «По молочной дороге отправляясь, по масляной дороге вернись» – пожелание; а *Тав тăватăн!* (букв. «Благодарность делаю!»), *Тавтануç!* (букв. «Благодарность и поклон!»), *Тав та сире, нуç та сире!* (букв. «И благодарность вам, и поклон вам!»), *Сӳре сити тайма нуç сана!* (букв. «До земли поклоненная голова тебе!»), *Мӗнле сăмахсем каласа тав тумаллине те пӗлместӗн!* (букв. «Какие слова говоря благодарить тебя, даже не знаю»), *Ёрехмет!* / *Арахмат!* / *Рехмет!* «Спасибо» и т.д. представляют собой небольшую часть системно организованной коммуникативно-семантической группы «Благодарность» чувашского языка и, так как выполняют конкретное действие, являются речевыми актами. Приведенные ВСЭО могут сопровождаться или заменяться такими НСЭО, как *поклон, поясной поклон, поклон с приложением правой руки к сердцу, поклон с касанием кончиков пальцев правой руки к ноге человека, которому выражается благодарность* и т.п.

Э. Бенвенист писал, что высказывания, подобные *Я клянусь!* являются актами принятия на себя обязательства, а не описаниями выполняемого акта⁹. В чувашском языке данному высказыванию соответствуют *Туна тăватăн!* (букв. «Клятву делаю!»), *Сăмах паратăн!* (букв. «Слово даю!») и т.д.

В старину клятвы, имеющие большое значение, сопровождалась откусыванием хлеба с кончика ножа. Также было распространено клятвенное заверение, сопровождавшееся «кусанием земли». В настоящее время приведенные НСЭО в повседневной жизни практически не встречаются.

Высказывания-акты и высказывания-действия, выделенные Дж. Остином, Э. Бенвенистом, Е.В. Падучевой, Н.И. Формановской и др., являются ВСЭО, знаками языка, вступающими «в семиологические отношения лишь через посредство речи, «мифа», который сопутствует «обряду»; «протокола», который регламентирует формы вежливости. Эти знаки в процессе их появления и становления как системы уже предполагают существование языка, благодаря которому они производятся и интерпретируются¹⁰, и, следовательно, ВСЭО являются вторичными образованиями на базе существующего языка. Это справедливо, так как ВСЭО были созданы, когда язык уже

существовал, и очень часто они произносятся автоматически, в определенные моменты общения заменяясь или сопровождаясь НСЭО: приветствие и прощание могут передаваться и / или сопровождаться кивком головы, вставанием, поклоном, рукопожатием, взмахами руки и др.

Исследователи НСЭО указывают на то, что к подклассу этикетных относятся такие жесты приветствия и прощания, как *рукопожатие, поцелуй, вставание, махание рукой, поклон* и др., застольные этикетные жесты, дипломатические жесты и др. Этикетные жесты могут сопровождать речь как иллюстративные и подчеркивать ритуальный характер вербальной коммуникации¹¹.

Традиционный чувашский этикет, как и этикет других народов, в разные периоды исторического развития содержал различные компоненты. В нем содержались элементы народных верований, отдельные нормы мусульманского и христианского этикетов, а также особенности культуры поведения соседствовавших с чувашами народов.

По настоящее время чувашский этикет включает элементы дохристианского этикета. Еще недавно их однозначно относили к «языческим», но в последние одно-два десятилетия эти черты духовной культуры чувашей начали различать отголоски мусульманства и собственно чувашские «языческие», «народные», «домусульманские». Из всей общности традиционного этикета остановимся в данной работе на запрещающих действиях, движениях танцоров – эквивалентах ВСЭО, наиболее распространенных акциональных, кинесических и других компонентах. Рассматриваемые запреты, табу касаются разных сфер жизни чувашей и выражают отношение к соплеменникам, к душам умерших, к явлениям природы, к неодушевленным предметам и т.д.

Табу, запреты в старину были широко распространены у многих народов. Но с течением времени в большинстве культур они забылись. Одним из самых устойчивых, сохранившимся до сегодняшнего дня видом табу является запрет на вступление в брак близких родственников (до седьмого колена). Н.В. Никольский отмечает, что «народная совесть не позволит чувашам брачиться даже в самых отдаленных степенях родства. Не брачатся родственные по кумовству. Но усыновленные могут вступать в браки с детьми усыновивших»¹².

Существует немало запретов, затрагивающих отношение человека к природе. Чувашаи испокон веков стремились жить в согласии с окружающим миром, это отразилось в их древних верованиях. По представлениям чувашей, в природе все гармонично, поэтому всякое вмешательство, в том числе и сельскохозяйственные работы, должны проводиться в свое время. Так, зимой нельзя копать землю – она спит, весной во время *синце* нельзя производить любые земляные работы – земля беременна и т.п. Л.А. Иванов отмечает, что «старинным земледельческим праздником чувашей был *синце* или *уяв*, известный также под названием *сёр прасникё* (праздник земли) и *канлё вӑхӓт* (время покоя), который приурочивался ко времени завершения посева яро-

вых и посадки овощей до начала поднятия пара и тянулся от 5 дней до 4 недель. Этот праздник является по сути дела выражением почтения к «беременной» земле»¹³. Вышеназванный праздник еще недавно сопровождался массовыми молодежными гуляниями, хороводами (*вйй карти, карта вййи, ташй карти* и др.), свадьбами. Свадебные гуляния у чувашей еще несколько десятилетий назад всегда приурочивались к этому времени и к периоду после уборки хлебов до начала полевых работ. *Ѕинџе* от других весенне-летних обрядов календарного цикла отличался тем, что в данное время накладывался запрет на большинство домашних и сельскохозяйственных работ, связанных с копкой земли. Во время этих праздников запрещалось рвать траву, ломать деревья, стирать белье, разводить огонь, лазить на крышу и т.д. Несоблюдение запрета, непослушание наказывались очень строго. По воззрениям чувашей, нарушение запретов влекло за собой тяжелые бедствия, болезни, мор, а чаще всего градобития. Праздники, аналогичные *Ѕинџе*, встречаются у ряда народов Среднего Поволжья. У марийцев подобный праздник носил название *sincksa*¹⁴.

Существует запрет на работы после заката солнца: добрые дела делаются днем, когда властвуют силы добра, а темные дела – ночью, когда хозяйничают силы тьмы. Исключением являются некоторые обряды, которые должны выполняться без свидетелей, без чужих глаз.

О бытовании подобных запретов свидетельствуют исследования башкирских ученых. Р.Р. Баязитова утверждает, что «нельзя зимой копать землю – она спит, трогать залежавшийся камень – разрывать корни, охотиться на определенные виды птиц, рубить некоторые виды деревьев – они священны. Многие из этих запретов имеют научное объяснение. Под камнем, например, существует целая экосистема, передвинув его, мы нарушаем это равновесие. По поверьям, нельзя заниматься делами в определенное время суток, особенно после заката солнца. С наступлением темноты нельзя ходить за водой, стричь волосы, ногти, подметать или выносить что-либо из дома, мыться в бане, выливать воду и т.д.»¹⁵.

Ввиду того, что чуваша и башкиры являются представителями тюркской общности, у них встречается ряд схожих запретов. Вместе с тем немало и различий, вызревших под влиянием разных факторов – конфессиональных, социокультурных и др.

Из приведенных Р.Р. Баязитовой запретов, распространенных среди башкир, кроме перечисленных выше, у чувашей встречаются запреты на выполнение следующих действий: в темное время суток ходить за водой, стричь волосы (кроме темного времени суток нельзя стричь волосы и при старой луне), ногти, подметать, выносить что-нибудь из дома, выливать воду. Мыться в бане с наступлением темноты не запрещается, но существует запрет в любое время суток мыться в бане одному: злой дух *ийе* может навести порчу, подменить в бане человеческих детей своими и т.д. По словам Л.А. Иванова, зловредным духам *ийе*, обитавшим «в заброшенных домах, банях, конюшнях, хлевах и других постройках, <...> чуваша приписывали

паралич конечностей и ревматические болезни, ночные удушья, слабость и хилость ребенка, кашель и недомогание»¹⁶. Запрет мыться в бане одному имеет рациональное объяснение: в бане можно угореть, что может привести к летальному исходу. А если человек не один, то есть шанс, что все одновременно не угорят (состояние здоровья у всех разное); угоревшего могут вынести на свежий воздух, вовремя оказать помощь и спасти от смерти.

Существуют другие запреты, ограничивающие разные действия чувашей. Например, нельзя указывать пальцем в сторону кладбища или креста; нельзя показывать пальцем на другого человека. Были запреты, ограничивающие действия взрослых и детей (нельзя пришивать пуговицу или шить, не снимая одежду, вертеть головной убор, касаться метелкой ног, примерять чужую одежду прежде хозяина и т.д.); только детей (нельзя наступать на ноги другому – мать умрет, болтать ногами – черти заведутся или, в некоторых районах, мать умрет, плевать в огонь – волдыри появятся, много плакать – горе звать, смеяться в грозу – молния ударит, смотреть снаружи в окно – быть покойнику). До сих пор у башкир и чувашей запрещены рукопожатия на кладбищах во время похорон. Башкирские и чувашские дети «свое недовольство выказывают, сморщив нос, пренебрежение – выпячиванием нижней губы, обиду – надув губы. <...> Иногда, даже взрослые, сказав нелепость, слегка прикусывая, показывают кончик языка и ожидающе смотрят на собеседника»¹⁷. Кроме этого, чувашки свое недовольство выражают сморщенным лбом, резким поворотом головы в сторону, наклоном головы в сторону в сочетании с движением верхней части туловища в ту же сторону и поднятием подбородка. Радость же сопровождается улыбкой, при этом громко смеяться считается неприличным, движением руки или обеих рук с слегка согнутыми пальцами вверх и т.д.

Вера в магическую силу предметов, действий в какой-то степени влияла на поведение людей. Считалось, что дело, начатое правой рукой, даст больше положительных результатов, левая рука считалась нечистой. Правой рукой подают сосуд с напитком и той же рукой возвращают посуду тому, кто ведаёт трапезой, обувь сначала надевают на правую ногу, порог переступают правой ногой и т.д. Если кто-то переступит порог или подаст вещь левой рукой, считалось, что у него дурные намерения. Вера в магическую силу взгляда – боязнь сглаза. Особенно опасными представлялись черные глаза. Запрещали пристально смотреть на кого-либо или на что-либо. Например, нельзя смотреть на ноги входящего – признак недружелюбного отношения к нему. О вере в силу слов говорит огромный набор заклинаний, благопожеланий, приветствий, которыми оформлен речевой этикет. Почтительно относились к порогу. Отсюда и запреты: нельзя здороваться через порог, сильно хлопать дверью – жизнь будет суровой, дверь открывать ударом ноги – будешь злоязыким, наступать на порог или сидеть на нем – мать или отец умрет, не вырастешь и т.п.

Традиционные танцы также содержат компоненты, являющиеся эквивалентами благодарственных, пригласительных и т.п. выражений. Напри-

мер, хореограф З.И. Григорьев пишет, что после круга девушка возвращается на свое место и делает «припадание», а парень, сделав «тройной притоп», еще раз приглашает ее на танец¹⁸.

В.А. Милютин также обратил внимание на этикетные движения в чувашском народном танце. Так, в статье «Чăваш халăх ташшисен курăмлă тĕсĕсем» он пишет: «Хăрах урапа кĕтеслĕ туса теприне тивертни» куçам вăхăтĕнче пĕçĕсене вылятаççĕ; малтан пĕр еннелле, унтан тепĕр еннелле çамăллăн çаврăна-çаврăна илеççĕ. Ташă вăхăтĕнче виçĕ саккăрмĕшне суламлăн палăртса «виçĕлле таптам» тăваççĕ – хисеплесе чĕннĕшĕн, тарават пулнăшăн ыр хуçана çапла тав тăваççĕ»¹⁹. Таким образом, З.И. Григорьев и В.А. Милютин отмечают разное значение хореографического движения «виçĕлле таптам» («тройной притоп») в чувашском народном танце: «приглашение» (З.И. Григорьев) и «благодарность» (В.А. Милютин). В упомянутой выше статье В.А. Милютин пишет о другой форме выражения благодарности – поклоне: «Ташă вĕçĕнчи ритуал питĕ сирĕп: купăсçăна пуç тайса тав тăваççĕ те ташлама теприне чĕнеççĕ»²⁰ (Ритуал в конце танца всегда строгий: преклоняя голову благодарят гармониста и только потом приглашают другого [человека] на танец) (перевод наш. – А.К.).

К настоящему времени НСЭО стали объектом научного исследования; так, «позы и жесты человека изучает такое направление, как кинесика, при этом исследователи под первым (жестом. – А.К.) понимают элемент статический, а под вторым (позой. – А.К.) – динамический. Исследователи отмечают, что движение приобретает статус жеста, когда имеет знаковый характер и коммуникативную направленность, в соответствии с функциональной классификацией выделяют жесты приветствия, прощания, подзывания, согласия, отрицания, удивления, оскорбления и т.д.»²¹.

Таким образом, анализ относительно небольшого количества жестов, телодвижений и запретов производить те или иные действия, встречающихся в повседневной жизни чувашей, показал, что в ситуации этикетного общения наряду с вербальными активно используют невербальные компоненты коммуникации. В некоторых ситуациях (танец, обряды) жесты и телодвижения словами не сопровождаются, всю смысловую нагрузку они несут в себе. Сравнительный анализ НСЭО чувашей с соответствующими единицами башкир показывает, что основная часть НСЭО данных тюркоязычных народов семантически совпадает. Это наиболее четко прослеживается в запретах производить разные действия, выполнять работу. Для составления общей картины и понимания системы НСЭО чувашей в целом необходимо провести сравнительный и сопоставительный анализ соответствующих средств этикетного общения всех народов Волжско-Уральского региона, а также тюркоязычных народов мира.

Литература

¹ *Формановская Н.И.* Вы сказали «Здравствуйте!»: Речевой этикет в нашем общении. М.: Знание, 1982. С. 60.

² *Бромлей Ю.В.* Этнические функции культуры и этнография // Этнознаковые функции культуры. М., 1991. С. 5–22.

³ *Байбурин А.К.* Об этнографическом изучении этикета // Этикет у народов Передней Азии. М.: Наука, 1988. С. 12–37.

⁴ *Нэнн М., Холл Д.* Невербальное общение: Пер. с англ. Учебное пособие. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК; М.: Олма-Пресс, 2004. 254 с.

⁵ *Баязитова Р.Р.* Традиционный семейный этикет башкир: монография / Отв. ред. М.В. Мурзабулатов. Уфа: Изд-во БГПУ, 2007. С. 122.

⁶ Там же. С. 123.

⁷ *Клычков Г.С.* К классификации знаковых систем // Семиотика и восточные языки / Отв. ред. Ю.В. Рождественский. М.: Наука, 1967. С. 63.

⁸ *Падучева Е.В.* Высказывание и его связь с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений) / Отв. ред. В.А. Успенский. М.: Наука, 1985. С. 19–20.

⁹ *Бенвенист Э.* Общая лингвистика / Пер. с фр. / Под ред., с вступ. ст. и коммент. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс, 1974. С. 299.

¹⁰ Там же. С. 75.

¹¹ *Крейдлин Г.Е.* Кинесика // *Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е.* Словарь языка русских жестов. Москва–Вена: Языки русской культуры; Венский славистический альманах, 2001. С. 196.

¹² *Никольский Н.В.* Краткий чувашско-русский словарь. Казань: Типолитография унта, 1919. С. 68.

¹³ *Иванов Л.А.* Религиозные верования и обряды. Преодоление религиозных предрассудков // Чуваши: Этнографическое исследование: В 2-х частях. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1970. Ч. 2. С. 158.

¹⁴ Там же. С. 158–159.

¹⁵ *Баязитова Р.Р.* Запрет в формировании культуры поведения башкир // Башкирская филология: к 70-летию со дня рождения академика АН РБ З.Г. Ураксина. Уфа: Гилем, 2005. С. 342–343.

¹⁶ *Иванов Л.А.* Религиозные верования и обряды. Преодоление религиозных предрассудков... С. 158.

¹⁷ *Баязитова Р.Р.* Традиционный семейный этикет башкир... С. 129.

¹⁸ *Григорьев З.И.* Чувашский лирический // Чувашские бальные танцы. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1973. С. 6.

¹⁹ *Милютин В.А.* Чăваш халăх ташшисен курăмля тĕсĕсем // Халăх эткерĕ: упраса аталантарас ыйтусем. Шупашкар: Чăваш патшалăх гуманитарĕ институтĕ, 1996. С. 47.

²⁰ Там же. С. 50.

²¹ *Баязитова Р.Р.* Традиционный семейный этикет башкир... С. 123.

A.V.Kuznetsov

About nonverbal components of the Chuvash speech etiquette

The speech etiquette of any people is a complex system formed from verbal and nonverbal components. The verbal part of the etiquette, as a rule, has substantial differences in various languages, but its nonverbal part is identical by the majority of peoples, though there are semantic differences. This work is devoted to nonverbal means of etiquette association of the Chuvashes.

ОСОБЕННОСТИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА ЧУВАШЕЙ (По материалам Чувашской антропозокологической экспедиции 1994–1995 гг.)

ЧГВ, 2011 г., № 6
© Е.Г. Лебедева

Работа основана на материалах посемейного обследования взрослого коренного сельского населения Моргаушского и Мариинско-Посадского районов Чувашской Республики, собранных участниками комплексной международной экспедиции в 1994–1995 гг. В статье приводится подробное описание результатов исследования по одному из разделов общей антропозокологической программы – морфологии головы и лица. В научный оборот вводятся новые данные об антропологическом типе чувашей, необходимые для проведения дальнейших региональных антропологических и этногенетических исследований.

Ключевые слова: Чувашская антропозокологическая экспедиция, чуваша, посемейные исследования, антропологический тип, кефалометрия.

Происхождение чувашского народа в контексте проблематики, связанной с расо- и этногенезом народов Поволжья и Приуралья, остается доминирующей темой антропологических исследований в Чувашском государственном институте гуманитарных наук. Однако, несмотря на введение в научный оборот новых материалов по антропологии чувашей, неоднозначность трактовки ранних этапов генезиса этноса не позволила чувашским ученым выработать единую концепцию по данному вопросу¹. Вместе с тем можно констатировать, что решение огромного спектра этногенетических проблем на современном этапе во многом зависит не только от комплексной интерпретации уже имеющихся материалов, но и от накопления новых данных, в том числе и о физическом облике чувашей.

Определение физического типа населения какой-либо территории является наиболее традиционным аспектом исследований этнической антропологии, так как физическая внешность людей несет информацию об историческом развитии человеческих популяций, если маркируется преимуще-

---

Елена Геннадьевна Лебедева – старший научный сотрудник отдела этнологии и антропологии Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: E.G.L.book@yandex.ru.

ственно системой так называемых расовых признаков². Под группой антропологических особенностей, часто называемых также расово-диагностическими, традиционно понимается морфологический комплекс, с помощью которого описывается строение головы, лица, черепа, длина тела, форма и цвет волос, цвет кожи и глаз, обволошенность. Г.А. Аксянова отмечает следующие свойства черт физической внешности человеческих популяций (то есть расовых черт), которые методологически обосновывают их использование в качестве маркеров исторических процессов: признаки физической внешности человека имеют генетическую природу; формирование каждого антропологического типа (расы) приурочено к определенной территории; при длительно протекающем расообразовательном процессе разные типы соединены цепью переходных вариантов; исторические условия определяют сложение конкретных биологических расовых комплексов; антропологические признаки характеризуются большой индивидуальной и межгрупповой изменчивостью, которая подчиняется закону нормального распределения; расовые классификации – иерархичны; различия между группами по таксономическому комплексу исторически более информативны, чем отклонения по единичным признакам³. Измерения головы и лица (кефалометрия) являются составной частью классической расоведческой программы. В настоящее время изучение расового состава этнических групп европейской и азиатской частей России в основном завершено. Можно назвать лишь отдельные территориальные группы современного населения, по которому желательно собрать дополнительные сведения. К числу таких популяций следует отнести чувашей, последнее исследование которых по расовой программе было проведено в 50-х годах XX в.⁴ И только спустя полвека, в 2008 г., Г.А. Аксяновой была обследована группа чувашей Урмарского района и впервые чуваша Татарстана (материалы не опубликованы). Особый интерес представляет изучение антропологических особенностей локальных, этнотерриториальных и этнографических групп чувашей.

Не останавливаясь на истории изучения физического типа народа, подробно изложенной в статье Т.И. Алексеевой⁵, следует заметить, что практически нет разногласий между учеными по поводу антропологической неоднородности чувашей при общности антропологических черт, присущих коренному населению всей Чувашии. По мнению М.С. Акимовой⁶, чуваша в целом характеризуются низким ростом, длинной и средней ширины головой, мезокефалией, довольно высоким и средней ширины лицом, высокой верхней губой. Она выделяет также специфические антропологические черты, очень характерные именно для чувашских популяций, к числу которых относятся значительная по европейскому масштабу высота лица, мезокефалия, высокая верхняя губа. Основной вывод исследования М.С. Акимовой: чуваша по антропологическому облику не представляют собой однородную группу. В их составе обнаруживаются следующие компоненты: субуральский, являющийся основным, понтийский, представленный в незначитель-

ном проценте, и монголоидный. Характеристика, данная Т.И. Алексеевой⁷, кардинально не отличается от той, которая описана М.С. Акимовой. По мнению К.Ю. Марк, обследованные ею чувашаи (современные верховые, средненизовые и низовые этнографические группы) характеризуются европеоидным обликом с некоторой примесью монголоидности. Эта комбинация признаков получила название волжско-камского типа, весьма близкого к сублапоноидному и субуральскому типам⁸. В географическом распределении антропологических черт населения Чувашии всеми исследователями отмечено, что европеоидные и монголоидные черты в чувашском населении выражены неравномерно. Монголоидный комплекс резче проявляется в северных районах республики, где население характеризуется более плоским лицом и большей частотой эпикантуса. Эти особенности сближают северных чувашей с соседними мари, а южных – с мордвой и татарами⁹.

В данном сообщении анализируются материалы о физической внешности двух этнографических групп чувашей по материалам Чувашской антропологической экспедиции 1994–1995 гг. Учитывая специфику изученных групп, основной целью исследования было введение в научный оборот новых данных об антропологическом типе чувашей, проведение адекватных межгрупповых и межэтнических сопоставлений.

Сведения о материале и методика исследования. Материалом для работы послужили данные, собранные во время первой Чувашской антропологической экспедиции (1994–1995 гг.) в Моргаушском и Мариинско-Посадском районах Чувашской Республики [совместно со специалистами НИИ и Музея антропологии МГУ, кафедры антропологии биологического факультета МГУ и Чувашского государственного института гуманитарных наук при содействии кафедры анатомии и антропологии Тель-Авивского университета (Израиль) и финансовой поддержке РФФИ]¹⁰. В Моргаушском районе обследование проводилось в следующих населенных пунктах: Сятракасинский сельский совет (с/с) – Сятракасы, Кашмаши, Хоракасы, Ятманкино, Торинкасы, Оточево, Синьял-Оточево; Юськасинский с/с – Юськасы, Вурманкасы, Верхние Панклеи, Нижние Панклеи, Старые Мадики, Актай, Падаккасы, Хорнкасы; Москакасинский с/с – Ахманеи, Москакасы, Сидуккасы, Полевые Хачики, Нижние Хачики, Лесные Хачики, Ивановка, Калмыково. В Мариинско-Посадском районе экспедиция работала в населенных пунктах Эльбарусовского с/с – Эльбарусово, Вурманкасы, Тогаево; Первочурашевского с/с – Первое Чурашево, Вурман-Кошки, Синьял-Ирх-Сирмы, Ирх-Сирмы-Ронги, Караньялы, Мижули; Октябрьского с/с – Октябрьское, Акшики, Большое Аккозино, Передние Бокаши, Старое Тогаево, Хорнъялы; Бичурино Бичуринского с/с.

В программу посемейных обследований (фиксированные семейные связи «родители–дети») входили антропологические измерения головы и тела (соматологические исследования), оссеография кисти, дерматоглифика, общий анамнез, физиологические показатели, элементы демографии, сбор об-

разцов волос. По антропологической программе в населенных пунктах Моргаушского (этнографическая группа – верховые чуваши) и Мариинско-Посадского (этнографическая группа – средненизовые чуваши) районов было обследовано 297 мужчин и 249 женщин. Обработка проводилась отдельно по районам, по поколениям и полу. Сведения по организации групп для обработки и анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1

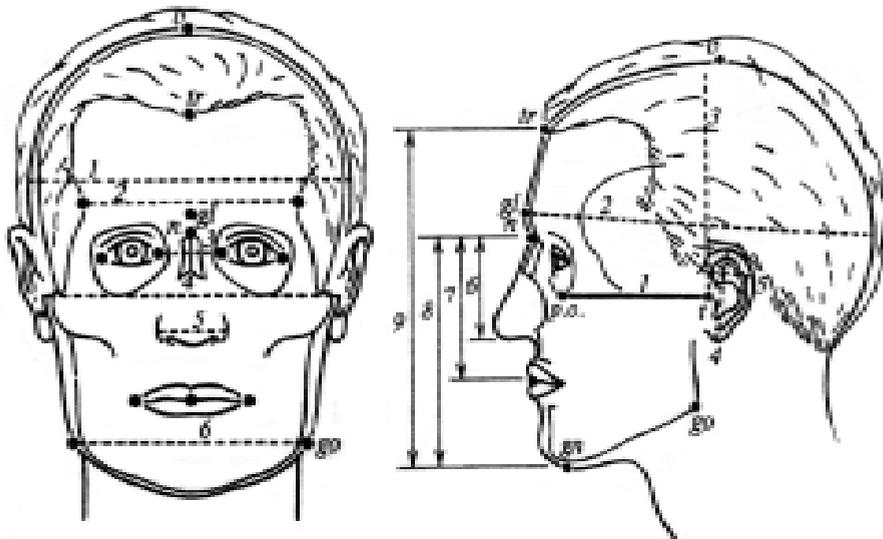
Организация материала и основные сведения о выборках

№ выб.	Описание материала. Характеристика выборки	Числ. N	Возрастной интервал, лет	Средний возраст, лет
	<i>Моргаушский район ЧР</i>			
1	Мужчины, 1 поколение, отцы	66	52–81	64,1
2	Мужчины, 2 поколение, сыновья	97	21–47	32,5
3	Мужчины, суммарная выборка	163	21–81	45,3
4	Женщины, 1 поколение, матери	72	53–77	62,6
5	Женщины, 2 поколение, дочери	62	19–49	33,8
6	Женщины, суммарная выборка	134	19–77	49,3
	<i>Мариинско-Посадский район ЧР</i>			
7	Мужчины, 1 поколение, отцы	64	49–84	63,2
8	Мужчины, 2 поколение, сыновья	70	18–58	32,1
9	Мужчины, суммарная выборка	134	18–84	46,9
10	Женщины, 1 поколение, матери	75	44–79	62,5
11	Женщины, 2 поколение, дочери	40	23–45	32,2
12	Женщины, суммарная выборка	115	23–79	51,9
	<i>Два района Чувашии, суммарно</i>			
13	Мужчины, 1 поколение, отцы	130	49–84	62,6
14	Мужчины, 2 поколение, сыновья	167	18–58	32,3
15	Мужчины, суммарная выборка	297	18–84	46,0
16	Женщины, 1 поколение, матери	147	44–79	62,5
17	Женщины, 2 поколение, дочери	102	19–49	33,2
18	Женщины, суммарная выборка	249	19–79	50,5

Чувашское население двух районов изучалось по стандартной измерительной расово-морфологической программе (измерения были проведены автором проекта доктором биологических наук, ведущим научным со-

трудником НИИ и Музея антропологии МГУ, профессором О.М. Павловским). Описательные признаки не входили в программу. Автором статьи вычислено и проанализировано более 30 параметров (абсолютные размеры и индексы, связанные с краниальной – мозговой и с фациальной – лицевой частями головы). Данные по этим признакам – численность обследованных, средние арифметические с ошибкой средней, средние квадратические отклонения, минимальные и максимальные значения, коэффициенты вариации – приведены по группам в таблицах 2–10, 16–24. Обработка материала производилась методами одномерной и многомерной статистики с использованием пакета программ STATISTICA 6.0 и программы «Тест» (разработчик Е.В. Дерябин).

Методическое описание анализируемых параметров. Измерения головы человека и отдельных ее частей (кефалометрия) являются составной частью унифицированных методов классической расоведческой программы¹¹.

Рис. 1. Основные точки и размеры головы

Точки: v – верхушечная; tr – трихион; gl – глабелла; n – назион (верхненосовая); t – трагион (козелковая); go – гонион; gn – гнатион.

Размеры в норме анфас: 1 – максимальная ширина черепа (поперечный диаметр); 2 – наименьшая ширина лба; 3 – расстояние между внутренними углами глаз; 4 – скуловая ширина (ширина лица, скуловой диаметр); 5 – ширина носа; 6 – ширина нижней челюсти (нижнечелюстной диаметр).

Размеры в профильной норме: 1 – линия, проходящая через козелковую точку и нижний край орбиты, так называемая франкфуртская горизонталь (горизонтальность данной линии является стандартным положением при описаниях и измерениях головы); 2 – наибольшая длина головы (продольный диаметр); 3 – высота головы; 4 – длина уха; 5 – ширина уха; 6 – высота носа (может измеряться от нижнего края бровей, от назион и от наиболее глубокой точки переносья); 7 – высота средней части лица; 8 – морфологическая высота лица, 9 – физиономическая высота лица¹².

К основным кефалометрическим признакам относятся (рис. 1): *продольный диаметр* – наибольшая длина головы, прямое расстояние от глабеллы до затылочной точки; *поперечный диаметр* – наибольшая ширина головы, расстояние между боковыми стенками мозговой коробки; *скуловой диаметр* – наибольшее расстояние между наружными поверхностями скуловых дуг; *высота лица физиономическая* – расстояние от трихиона до подбородочной точки; *высота лица морфологическая* – расстояние от верхненокосовой до подбородочной точки; *наименьшая ширина лба* – наименьшее расстояние между фронтотемпоральными точками над скуловыми отростками; *нижнечелюстная ширина (диаметр)* – расстояние между наиболее выступающими в стороны точками углов нижней челюсти; *высота носа* – расстояние между верхненокосовой и субспинальной точками; *ширина носа* – наибольшее расстояние между крыльями носа; *высота верхней губы* – от подносковой точки до верхнего края красной каймы верхней губы; *толщина губ* – высота красной каймы обеих губ при закрытом рте; *ширина рта* – расстояние между углами губ.

Соотношения основных диаметров выражают с помощью указателей (индексов), вычисляя величину одного в процентах другого. Нестандартные параметры анализировались как важные в расово-диагностическом отношении. В изученных группах были вычислены генерализованные показатели краниального и фациального отделов головы. Под генерализованным показателем подразумевается вычисленный параметр, характеризующий соотношение двух или более размеров. Классический пример генерализованного показателя – головной указатель, представляющий в процентах отношение ширины головы к ее длине. В настоящей работе рассчитаны также губолицевой указатель – отношение высоты верхней губы к морфологической высоте лица от бровей и носо-скуловой указатель – отношение ширины носа к скуловому диаметру¹³.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Мужчины

Моргаушский район (табл. 1: выборки 1, 2, 3; табл. 2–4, 12).

Продольный диаметр в двух исследованных выборках мужчин Моргаушского района (поколение «отцы» – выборка 1 и «сыновья» – выборка 2) характеризуется средними величинами (189,91 мм и 191,28 мм соответственно). У сыновей он несколько больше, но это отличие статистически недостоверно. В суммарной выборке (3) параметр составил 190,72 мм. *Поперечный диаметр* в выборке отцов имеет среднее значение (155,09 мм) в отличие от сыновей с очень большим значением данного параметра 158,55 мм, что достоверно отличает два поколения ($p < 0,001$). Суммарная выборка 157,15 мм – большие категории измерительных признаков. *Наименьшая ширина лба*: параметр не имеет статистических различий в данных группах

(отцы 108,36 мм, сыновья 108,92 мм); суммарная выборка 108,69 мм. *Скуловой диаметр (ширина лица скуловая)*: значения данного параметра в двух мужских группах практически равны и относятся к категориям больших (отцы 143,56 мм, сыновья 143,54 мм). Суммарная выборка 143,55 мм. *Нижнечелюстной диаметр (ширина лица нижнечелюстная)*: средняя по этому параметру меньше во втором поколении (сыновья 112,84 мм, отцы 114,06 мм), но разница статистически недостоверна. Суммарная выборка 113,33 мм (категория больших и очень больших значений по европейскому масштабу). *Физиономическая высота лица* составила: первое поколение 186,88 мм, второе поколение 190,52 мм, суммарная выборка 189,16 мм. Различие по данному параметру между двумя группами статистически достоверно ($p < 0,01$). *Разность (продольный диаметр – физиономическая высота лица)* в выборке отцов составила +2,63 мм, сыновей +0,62 мм, в суммарной выборке +1,37 мм. *Морфологическая высота лица (от бровей)*: отцы 130,06 мм, сыновья 129,39 мм. Разница между выборками статистически недостоверна. Суммарно: 129,66 мм (очень большая категория значений по европейскому масштабу). *Морфологическая высота лица (от переносья)*: отцы 122,26 мм, сыновья 122,35 мм, суммарно 122,31 мм. *Высота носа от нижнего края бровей* составила в группе первого поколения 60,39 мм, второго – 59,52 мм. Разница статистически недостоверна. В суммарной выборке 59,87 мм. *Высота носа от переносья*: отцы 52,59 мм, сыновья 52,47 мм, различия статистически недостоверны. Суммарная выборка 52,52 мм. *Нособровное расстояние*: отцы 7,80 мм, сыновья 7,04 мм, суммарно 7,35 мм (большая категория значения признака). *Ширина носа*: очень большая величина данного параметра достоверно меньше у сыновей (37,18 мм; $p < 0,001$). У отцов 39,12 мм (исключительно большая категория), в суммарной выборке 37,96 мм. *Ширина рта*: по данному параметру наблюдается статистически достоверное различие между двумя выборками (отцы 52,53 мм, сыновья 50,42 мм; $p < 0,001$). Суммарно: 51,28 мм. *Высота верхней губы*: зафиксировано статистически достоверное различие по двум выборкам: отцы 17,45 мм, сыновья 15,84 мм ($p < 0,001$). Суммарно: 16,49 мм. *Толщина обеих губ*: первое поколение 13,45 мм (среднее значение), второе 16,31 мм (категория очень больших значений). Статистически достоверно различие между двумя группами ($p < 0,001$). Суммарно: 15,16 мм (большая категория). *Обхват головы*: первое поколение 566,36 мм, второе 574,48 мм, различие статистически достоверно ($p < 0,001$). Суммарная выборка 571,20 мм. *Головной указатель* в двух выборках Моргаушского района попадает в разряд брахикефалии (отцы 81,73%, сыновья 82,94%, суммарно 82,45%). Наблюдается достоверное различие между двумя поколениями по данному параметру ($p < 0,05$). *Модуль головы* (полусумма продольного и поперечного диаметров) характеризует общую величину головы в плановой проекции. Отцы 172,49 мм, сыновья 174,92 мм. Суммарно 173,94 мм.

Таблица 2

Характеристика измерительных параметров головы и лица
 чувашей Морганшского района (мужчины первого поколения, отцы, выборка 1)

Признаки	п		min		max		X	m (X)	S	V, %
	2	3	4	5	6	7				
1	66	52,00	81,00	64,06	0,68	5,55	8,67			
Возраст, лет	66	175,00	204,00	189,91	0,80	6,46	3,40			
Продольный диаметр головы, мм	66	144,00	170,00	155,09	0,65	5,25	3,38			
Поперечный диаметр головы, мм	66	98,00	120,00	108,36	0,57	4,66	4,30			
Наименьшая ширина лба, мм	66	133,00	158,00	143,36	0,75	6,07	4,23			
Скуловой диаметр, мм	66	100,00	125,00	114,06	0,64	5,19	4,55			
Нижнечелюстной диаметр, мм	56	162,00	205,00	186,88	1,31	9,79	5,24			
Физиономическая высота лица, мм	56	-17,00	31,00	+2,63	1,31	9,79				
Ранность, продольный диам. – физ. высота лица, мм	66	112,00	145,00	130,06	0,86	6,97	5,36			
Морфологическая высота лица (от нижнего края бровей), мм	66	105,00	140,00	122,26	0,95	7,72	6,32			
Морфологическая высота лица (от переносья), мм	66	51,00	72,00	60,39	0,55	4,48	7,41			
Высота носа от нижнего края бровей, мм	66	43,00	65,00	52,59	0,57	4,63	8,80			
Высота носа от переносья, мм	66	2,00	14,00	7,80	0,32	2,62	33,51			
Носорыльное расстояние, мм	66	32,00	49,00	39,12	0,41	3,30	8,44			
Ширина носа, мм	66	44,00	60,00	52,53	0,44	3,59	6,83			
Ширина рта, мм	66	12,00	23,00	17,45	0,30	2,46	14,08			
Высота верхней губы, мм	65	8,00	23,00	13,45	0,37	2,95	21,96			
"Голщина" обеих губ, мм	66	535,00	600,00	566,36	1,93	15,68	2,77			
Обхват головы, мм										

1	2	3	4	5	6	7	8
Модули, мм							
– головы	66	162,00	184,50	172,49	0,55	4,51	2,62
– лица физиономический	56	150,50	177,50	165,09	0,89	6,63	4,02
– лица морфологический (от нижнего края бровей)	66	126,50	147,50	136,80	0,63	5,12	3,74
– лица морфологический (от переносья)	66	122,50	145,00	132,91	0,67	5,41	4,07
– носа (от нижнего края бровей)	65	45,00	58,00	49,75	0,34	2,77	5,56
– носа (от переносья)	65	41,50	54,50	45,82	0,36	2,90	6,33
Указатели, %							
– головной	66	74,02	89,50	81,73	0,44	3,56	4,35
– челюстно-лобный	66	95,28	120,41	105,38	0,67	5,45	5,17
– челюстно-скуловой	66	72,14	86,81	79,50	0,40	3,24	4,07
– лицевой физиономический	56	70,35	87,57	77,21	0,62	4,62	5,98
– лицевой морфологический (от нижнего края бровей)	66	78,87	103,01	90,71	0,67	5,40	5,96
– лицевой морфологический (от переносья)	66	73,94	95,07	85,26	0,71	5,75	6,74
– губо-лицевой*	66	9,30	17,60	13,42	0,22	1,77	13,20
– носовой (от нижнего края бровей)	65	47,22	83,05	65,17	0,92	7,38	11,33
– носовой (от переносья)	65	55,74	104,26	75,03	1,12	9,06	12,68
– носо-скуловой*	65	22,08	32,84	27,27	0,29	2,33	8,55

Условные обозначения: n – численность выборки; min – минимальное значение параметра; max – максимальное значение параметра; X – средняя арифметическая; m(X) – ошибка средней арифметической; S – стандартное отклонение; V – коэффициент вариации.

Примечание: * Губо-лицевой указатель рассчитывается как отношение высоты верхней губы к морфологической высоте лица от бровей. Носо-скуловой указатель рассчитывается как отношение ширины носа к скуловому диаметру¹⁴.

Таблица 3

**Характеристика измерительных параметров головы и лица чувашей
Моргаушского района (мужчины второго поколения, сыновья, выборка 2)**

Признаки	п		min		max		X	m (X)	S	V, %
	2	3	4	5	6	8				
1										
Возраст, лет	97	21,00	47,00	32,45	0,57	5,60	17,26			
Продольный диаметр головы, мм	97	177,00	204,00	191,28	0,58	5,70	2,98			
Поперечный диаметр головы, мм	97	139,00	168,00	158,55	0,53	5,17	3,26			
Наименьшая ширина лба, мм	97	96,00	120,00	108,92	0,57	5,65	5,18			
Скуловой диаметр, мм	97	129,00	157,00	143,54	0,59	5,76	4,01			
Нижнечелюстной диаметр, мм	97	100,00	131,00	112,84	0,61	5,96	5,28			
Физиологическая высота лица, мм	94	173,00	210,00	190,52	0,79	7,67	4,02			
Разность продольный диам. – физ. высота лица, мм	94	-23,00	17,00	+0,62	0,80	7,76				
Морфологическая высота лица (от нижнего края бровей), мм	97	112,00	150,00	129,39	0,71	6,99	5,40			
Морфологическая высота лица (от переносья), мм	97	104,00	141,00	122,35	0,69	6,76	5,53			
Высота носа от нижнего края бровей, мм	97	49,00	68,00	59,52	0,38	3,74	6,28			
Высота носа от переносья, мм	97	42,00	60,00	52,47	0,35	3,43	6,53			
Носоровное расстояние, мм	97	3,00	13,00	7,04	0,22	2,19	31,15			
Ширина носа, мм	97	33,00	45,00	37,18	0,24	2,35	6,33			
Ширина рта, мм	97	43,00	57,00	50,42	0,32	3,18	6,30			
Высота верхней губы, мм	97	10,00	20,00	15,84	0,23	2,30	14,54			
"Толщина" обеих губ, мм	97	11,00	22,00	16,31	0,27	2,70	16,54			
Объем головы, мм	97	540,00	610,00	574,48	1,47	14,48	2,52			

1	2	3	4	5	6	7	8
Модули, мм							
– головы	97	164,50	184,50	174,92	0,44	4,33	2,48
– лица физиономического	94	154,50	182,50	167,03	0,56	5,39	3,23
– лица морфологического (от нижнего края бровей)	97	123,50	152,50	136,46	0,52	5,07	3,71
– лица морфологического (от переносья)	97	119,50	148,00	132,94	0,50	4,93	3,70
– носа (от нижнего края бровей)	97	42,00	53,50	48,40	0,24	2,32	4,80
– носа (от переносья)	97	39,00	50,00	44,82	0,22	2,21	4,92
Указатели, %							
– головной	97	73,16	91,53	82,94	0,32	3,16	3,81
– челюстно-лобный	97	92,92	116,67	103,75	0,58	5,66	5,46
– челюстно-скуловой	97	70,55	87,97	78,64	0,36	3,52	4,48
– лицевой физиономический	94	66,67	83,06	75,43	0,37	3,56	4,72
– лицевой морфологический (от нижнего края бровей)	97	76,97	107,19	90,24	0,54	5,32	5,89
– лицевой морфологический (от переносья)	97	73,68	99,28	85,34	0,53	5,18	6,07
– губо-лицевой*	97	7,69	16,26	12,23	0,16	1,58	12,95
– носовой (от нижнего края бровей)	97	53,03	81,82	62,70	0,57	5,57	8,88
– носовой (от переносья)	97	58,33	91,84	71,11	0,63	6,18	8,68
– носо-скуловой*	97	22,76	30,20	25,96	0,17	1,70	6,56

Условные обозначения и примечание(*): как в таблице 2.

Таблица 4

**Характеристика измерительных параметров головы и лица чувашей
Моргаушского района (суммарная группа мужчин, выборка 3)**

Признаки	n	min	max	X	m (X)	S	V, %
1	2	3	4	5	6	7	8
Возраст, лет	163	21,0	81,0	45,25	1,29	16,53	36,53
Продольный диаметр головы, мм	163	175,0	204,0	190,72	0,47	6,04	3,17
Поперечный диаметр головы, мм	163	139,0	170,0	157,15	0,13	5,46	3,47
Наименьшая ширина лба, мм	163	96,0	120,0	108,69	0,41	5,26	4,84
Скуловой диаметр, мм	163	129,0	158,0	143,55	0,46	5,87	4,09
Нижнечелюстной диаметр, мм	163	100,0	131,0	113,33	0,45	5,68	5,01
Физиономическая высота лица, мм	150	162,0	210,0	189,16	0,71	8,67	4,58
Разность продольный диам. – физ. высота лица, мм	150	- 23,0	31,00	+ 1,37	0,70	8,59	
Морфологическая высота лица (от нижнего края бровей), мм	163	112,0	150,0	129,66	0,55	6,97	5,38
Морфологическая высота лица (от переносья), мм	163	104,0	141,0	122,31	0,56	7,14	5,84
Высота носа от нижнего края бровей, мм	163	49,0	72,0	59,87	0,32	4,06	6,78
Высота носа от переносья, мм	163	42,0	65,0	52,52	0,31	3,95	7,52
Нособровное расстояние, мм	163	2,0	14,0	7,35	0,19	2,39	32,52
Ширина носа, мм	162	32,0	49,0	37,96	0,23	2,92	7,69
Ширина рта, мм	163	43,0	60,0	51,28	0,27	3,49	6,81
Высота верхней губы, мм	163	10,0	23,0	16,49	0,19	2,49	15,10
"Толщина" обеих губ, мм	162	8,0	23,0	15,16	0,25	3,13	20,65
Обхват головы, мм	163	535,0	610,0	571,20	1,21	15,45	2,70

1	2	3	4	5	6	7	8
Модули, мм							
– головы	163	162,0	184,5	173,94	0,36	4,55	2,62
– лица фризнопомический	150	150,5	182,5	166,31	0,49	5,94	3,57
– лица морфологический (от нижнего края бровей)	163	123,5	152,5	136,60	0,39	5,08	3,72
– лица морфологический (от переносья)	163	119,5	148,0	132,93	0,40	5,11	3,84
– носа (от нижнего края бровей)	162	42,0	58,0	48,94	0,20	2,59	5,29
– носа (от переносья)	162	39,0	54,5	45,23	0,20	2,55	5,64
Указатели, %							
– головной	163	73,16	91,53	82,45	0,26	3,37	4,09
– челюстно-лобный	163	92,92	120,41	104,41	0,44	5,62	5,38
– челюстно-скуловой	163	70,55	87,97	78,99	0,27	3,43	4,34
– лицевой физиономический	150	66,67	87,57	76,10	0,33	4,07	5,35
– лицевой морфологический (от нижнего края бровей)	163	76,97	107,19	90,43	0,42	5,34	5,91
– лицевой морфологический (от переносья)	163	73,68	99,28	85,30	0,42	5,40	6,33
– губо-лицевой*	163	7,69	17,60	12,71	0,14	1,76	13,85
– носовой (от нижнего края бровей)	162	47,22	83,05	63,69	0,51	6,45	10,13
– носовой (от переносья)	162	55,74	104,26	72,68	0,60	7,69	10,58
– носо-скуловой*	162	22,08	32,84	26,49	0,16	2,08	7,85

Условные обозначения и примечание (*): как в таблице 2.

Для выборки первого поколения характерна средняя по величине мозговая коробка брахицефальной формы (модуль 172,49 мм, головной указатель 81,73%), удлиненное и широкое лицо, довольно крупное по модулю, большая ширина нижней челюсти (114,06 мм), которая значительно превосходит ширину лба (108,36 мм), очень широкий нос (39,12 мм), увеличенное нособровное расстояние (7,80 мм), высокая верхняя губа (17,45 мм), средней толщины губы (13,45 мм).

Для мужчин второго поколения характерна заметно более крупная мозговая коробка брахицефальной формы (модуль 174,92 мм, головной указатель 82,94%), удлиненное и широкое лицо, крупное по модулю, средняя ширина нижней челюсти (112,84 мм), широкий нос (37,18 мм), увеличенное нособровное расстояние (7,04 мм), высокая верхняя губа (15,84 мм), большой толщины губы (16,31 мм).

Резюмируя первую часть проведенного анализа (мужские выборки Моргаушского района), следует обратить внимание на следующие моменты. Группы первого и второго поколений (отцы и сыновья) имеют статистически достоверные различия средних по следующим параметрам: поперечный диаметр головы, головной указатель, физиономическая высота лица, ширина носа, ширина рта, высота верхней губы, толщина обеих губ и обхват головы (табл. 12). Обе выборки характеризуются брахицефалией, при этом показатель в группе сыновей больше, чем у их родителей. Возможно, это связано с происходящим в настоящее время процессом брахицефализации, аналогичному вековому процессу относительного расширения мозговой капсулы у человека.

Мариинско-Посадский район (табл. 1: выборки 7, 8, 9; табл. 5–7, 12).

Продольный диаметр в мужских выборках Мариинско-Посадского района (поколения «отцы» – выборка 7 и «сыновья» – выборка 8) характеризуется средними величинами (190,69 мм и 189,79 мм соответственно). В суммарной выборке 9 параметр составил 190,22 мм. *Поперечный диаметр* в выборке первого поколения имеет среднее значение (154,69 мм), в отличие от выборки сыновей с большим значением данного параметра 157,83 мм, что достоверно отличает два поколения ($p < 0,001$) аналогично группам Моргаушского района. Суммарно: 156,33 мм. *Наименьшая ширина лба*: параметр не имеет статистически достоверных различий (отцы 106,42 мм, сыновья 107,11 мм, суммарно – 106,78 мм). *Скуловой диаметр (ширина лица скуловой)*: значения данного параметра в двух мужских выборках практически равны (отцы 142,66 мм, сыновья 142,79 мм). Суммарная выборка 142,72 мм (значения параметра на границе средних и больших категорий). *Нижнечелюстной диаметр (ширина лица нижнечелюстная)*: средняя по этому параметру несколько меньше во втором поколении (отцы 115,36 мм, сыновья 112,69 мм), разница статистически достоверна ($p < 0,01$). Суммарно: 113,96 мм (большие категории). *Физиономическая высота лица* составила

в группе первого поколения 186,93 мм, в группе второго поколения 191,50 мм, в суммарной выборке 189,43 мм. Различия по данному параметру между поколениями статистически достоверно ($p < 0,01$). *Разность* (продольный диаметр – физиономическая высота лица) у отцов +3,91 мм, у сыновей: –1,71 мм, в суммарной выборке + 0,84 мм. *Морфологическая высота лица (от бровей)*: средние величины составили: отцы 130,31 мм, сыновья 131,61 мм (очень большие категории измерительных признаков). Разница между группами статистически недостоверна. Суммарная выборка 130,99 мм. *Морфологическая высота лица (от переносья)*: первое поколение 122,25 мм, сыновья 125,09 мм, суммарно 123,73 мм; различия статистически достоверны ($p < 0,1$). *Высота носа от нижнего края бровей* составила в выборке отцов 61,33 мм, сыновей 59,51 мм. Разница статистически достоверна ($p < 0,01$). В суммарной выборке средняя равна 60,38 мм. *Высота носа от переносья* соответственно составила: отцы 53,27 мм, сыновья 52,99 мм, различия статистически недостоверны. Суммарная выборка 53,12 мм. *Нособровное расстояние*: отцы 8,06 мм, сыновья 6,53 мм, суммарно 7,26 мм (большая категория). Разница между поколениями статистически достоверна ($p < 0,001$). *Ширина носа*: средняя величина по этому параметру достоверно меньше во втором поколении (36,93 мм, $p < 0,001$). В первом поколении 39,05 мм (большая категория), в суммарной выборке 37,94 мм. *Ширина рта*: по данному параметру наблюдается статистически достоверное различие между двумя выборками (отцы 51,45 мм, сыновья 50,07 мм; $p < 0,01$). Суммарно 50,73 мм. *Высота верхней губы*: статистически достоверное различие по двум выборкам: отцы 17,70 мм, сыновья 15,94 мм ($p < 0,001$). Суммарная выборка 16,78 мм. *Толщина обеих губ*: первое поколение 13,47 мм (среднее значение), второе 17,29 мм (категория очень больших значений). Статистически достоверно различие между двумя группами ($p < 0,001$). Суммарно: 15,52 мм (большая категория). *Обхват головы*: первое поколение 568,98 мм, второе 573,50 мм, суммарно 571,34 мм. *Головной указатель* в двух мужских группах Мариинско-Посадского района попадает в разряд брахикефалии (отцы 81,19%, сыновья 83,25%, суммарная выборка 82,26%). Наблюдается достоверное различие между двумя поколениями по данному параметру ($p < 0,001$). *Модуль головы* (полусумма продольного и поперечного диаметров): выборка родителей 172,69 мм, сыновей 173,81 мм, суммарно 173,27 мм.

Для выборки мужчин первого поколения (7, отцы) Мариинско-Посадского района характерна средняя мозговая коробка брахикефальной формы (модуль 172,69 мм, головной указатель 81,19%), удлиненное (186,93 мм) и широкое (142,66 мм) лицо, довольно крупное по модулю (164,75 мм), большая ширина нижней челюсти (115,36 мм), которая значительно превосходит ширину лба (106,42 мм), очень широкий нос (39,05 мм), увеличенное нособровное расстояние (8,06 мм), высокая верхняя губа (17,70 мм), средней толщины губы (13,47 мм).

Таблица 5

**Характеристика измерительных параметров головы и лица чувашей
Маринско-Посадского района (мужчины первого поколения, отцы, выборка 7)**

Признаки	n	min	max	X			S	V, %
				6	7	8		
1	2	3	4	5	6	7	8	
Возраст, лет	64	49,0	84,00	63,17	0,79	6,33	10,02	
Продольный диаметр головы, мм	64	177,00	212,00	190,69	0,91	7,29	3,82	
Поперечный диаметр головы, мм	64	143,00	168,00	154,69	0,65	5,23	3,38	
Наименьшая ширина лба, мм	64	98,00	116,00	106,42	0,53	4,20	3,95	
Скуловой диаметр, мм	64	135,00	155,00	142,66	0,62	4,98	3,49	
Нижнечелюстной диаметр, мм	64	103,00	133,00	115,36	0,79	6,39	5,54	
Физиологическая высота лица, мм	58	167,00	205,00	186,93	1,23	9,35	5,00	
Разность продольный диам. – физ. высота лица, мм	58	-15,00	+26,00	+3,91	1,19	9,06		
Морфологическая высота лица (от нижнего края бровей), мм	64	109,00	155,00	130,31	1,04	8,29	6,36	
Морфологическая высота лица (от переносья), мм	64	106,00	143,00	122,25	0,95	7,58	6,20	
Высота носа от нижнего края бровей, мм	64	51,00	75,00	61,33	0,54	4,31	7,03	
Высота носа от переносья, мм	64	44,00	62,00	53,27	0,46	3,70	6,95	
Нособровное расстояние, мм	64	3,00	13,00	8,06	0,32	2,59	32,13	
Ширина носа, мм	64	33,00	47,00	39,05	0,38	3,04	7,78	
Ширина рта, мм	64	43,00	62,00	51,45	0,46	3,68	7,15	
Высота верхней губы, мм	64	10,00	25,00	17,70	0,42	3,34	18,87	
Толщина ^а обеих губ, мм	60	9,00	21,00	13,47	0,35	2,74	20,34	
Обхват головы, мм	64	530,00	610,00	568,98	2,13	17,0	2,99	

1	2	3	4	5	6	7	8
Модули, мм							
– головы	64	160,50	188,00	172,69	0,67	5,38	3,12
– лица физиогномического	59	152,50	177,50	164,75	0,74	5,66	3,44
– лица морфологического (от нижнего края бровей)	64	123,50	151,50	136,48	0,65	5,24	3,84
– лица морфологического (от переносья)	64	122,0	146,0	132,45	0,61	4,92	3,71
– носа (от нижнего края бровей)	64	45,00	56,50	50,19	0,32	2,57	5,12
– носа (от переносья)	64	41,50	52,00	46,16	0,28	2,28	4,94
Указатели, %							
– головной	64	74,13	87,96	81,19	0,38	3,02	3,72
– челюстно-лобный	64	98,23	127,27	108,52	0,83	6,64	6,12
– челюстно-скуловой	64	72,54	90,71	80,89	0,49	3,92	4,85
– лицевой физиогномический	58	66,34	87,43	76,39	0,56	4,23	5,54
– лицевой морфологический (от нижнего края бровей)	64	78,08	107,35	91,42	0,76	6,07	6,64
– лицевой морфологический (от переносья)	64	74,66	100,74	85,76	0,69	5,57	6,49
– губо-лицевой*	64	8,20	18,05	13,54	0,27	2,18	16,10
– носовой (от нижнего края бровей)	64	45,33	82,35	63,99	0,84	6,73	10,52
– носовой (от переносья)	64	54,84	95,45	73,70	1,00	8,00	10,85
– носо-скуловой*	64	23,91	33,83	27,37	0,24	1,92	7,01

Условные обозначения и примечание (*): как в таблице 2.

Таблица 6

**Характеристика измерительных параметров головы и лица чувашей
Маринско-Посадского района (мужчины второго поколения, сыновья, выборка 8)**

Признаки	п	min		max		X	m (X)	S	V, %
		3	4	5	6				
1	70	18,00	58,00	32,11	0,77	6,48	20,18		
Возраст, лет	70	174,00	207,00	189,79	0,82	6,88	3,63		
Продольный диаметр головы, мм	70	144,00	169,00	157,83	0,62	5,23	3,31		
Поперечный диаметр головы, мм	70	97,00	117,00	107,11	0,55	4,64	4,33		
Наименьшая ширина лба, мм	70	132,00	154,00	142,79	0,63	5,25	3,68		
Скуловой диаметр, мм	70	102,00	122,00	112,69	0,64	5,37	4,77		
Нижнечелюстной диаметр, мм	70	168,00	212,00	191,50	1,08	9,01	4,70		
Физиологическая высота лица, мм	70	-23,00	-23,00	-1,71	1,06	8,86			
Разность: продольный диам. – физ. высота лица, мм	70	113,00	150,00	131,61	0,76	6,38	4,85		
Морфологическая высота лица (от нижнего края бровей), мм	70	102,00	142,00	125,09	0,79	6,62	5,79		
Морфологическая высота лица (от переносья), мм	70	54,00	68,00	59,51	0,40	3,37	5,66		
Высота носа от нижнего края бровей, мм	70	41,00	61,00	52,99	0,39	3,23	6,10		
Высота носа от переносья, мм	70	2,00	14,00	6,53	0,27	2,23	34,15		
Нособровное расстояние, мм	70	29,00	43,00	36,93	0,36	3,01	8,15		
Ширина носа, мм	70	43,00	56,00	50,07	0,37	3,08	6,15		
Ширина рта, мм	70	11,00	21,00	15,94	0,25	2,07	12,99		
Высота верхней губы, мм	70	10,00	24,00	17,29	0,36	2,99	17,29		
"Толщина" обших губ, мм	70	540,00	615,00	573,50	1,92	16,07	2,80		
Обхват головы, мм									

1	2	3	4	5	6	7	8
Модули, мм							
– головы	70	160,00	187,00	173,81	0,57	4,73	2,72
– лица физиономический	70	152,50	180,00	167,14	0,73	6,08	3,64
– лица морфологический (от нижнего края бровей)	70	124,00	151,50	137,2	0,57	4,75	3,46
– лица морфологический (от переносья)	70	118,50	148,00	133,94	0,57	4,79	3,58
– носа (от нижнего края бровей)	70	44,50	53,50	48,22	0,26	2,14	4,44
– носа (от переносья)	70	37,50	49,00	44,96	0,25	2,09	4,65
Указатели, %							
– головной	70	72,73	89,89	83,25	0,43	3,59	4,31
– челостно-лобный	70	90,43	119,59	105,33	0,67	5,60	5,32
– челостно-скуловой	70	73,76	86,52	78,95	0,39	3,23	4,09
– лицевой физиономический	70	65,53	81,55	74,67	0,41	3,42	4,58
– лицевой морфологический (от нижнего края бровей)	70	80,92	105,63	92,24	0,55	4,63	5,02
– лицевой морфологический (от переносья)	70	75,56	98,59	87,68	0,38	4,84	5,52
– губо-лицевой*	70	8,94	15,87	12,12	0,18	1,49	12,29
– носовой (от нижнего края бровей)	70	46,03	76,79	62,27	0,76	6,39	10,26
– носовой (от переносья)	70	51,79	84,38	70,19	0,91	7,60	10,83
– носо-скуловой*	70	20,69	30,66	25,89	0,24	2,03	7,84

Условные обозначения и примечание (*): как в таблице 2.

Таблица 7

Характеристика измерительных параметров головы и лица чувашей
Маринско-Посадского района (суммарная выборка мужчин, 9)

Признаки	п	min	max	X	m (X)	S		V, %
						7	8	
1	2	3	4	5	6	7	8	
Возраст, лет	134	18,00	84,00	46,95	1,45	16,83	35,85	
Продольный диаметр головы, мм	134	174,00	212,00	190,22	0,61	7,06	3,71	
Поперечный диаметр головы, мм	134	143,00	169,00	156,33	0,47	5,44	3,48	
Наименьшая ширина лба, мм	134	97,00	117,00	106,78	0,38	4,43	4,15	
Скуловой диаметр, мм	134	132,00	155,00	142,72	0,44	5,10	3,57	
Нижнечелюстной диаметр, мм	134	102,00	133,00	113,96	0,52	6,01	5,27	
Физиономическая высота лица, мм	128	167,00	212,00	189,43	0,83	9,41	4,97	
Равнось. продольный диам. – физ. высота лица, мм	128	- 23,00	+ 26,00	+ 0,84	0,83	9,35		
Морфологическая высота лица (от нижнего края бровей), мм	134	109,00	155,00	130,99	0,64	7,36	5,62	
Морфологическая высота лица (от переносья), мм	134	102,00	143,00	123,73	0,62	7,21	5,83	
Высота носа от нижнего края бровей, мм	134	51,00	75,00	60,38	0,34	3,94	6,53	
Высота носа от переносья, мм	134	41,00	62,00	53,12	0,29	3,45	6,49	
Нособровное расстояние, мм	134	2,00	14,00	7,26	0,22	2,53	34,85	
Ширина носа, мм	134	29,00	47,00	37,94	0,28	3,19	8,41	
Ширина рта, мм	134	43,00	62,00	50,73	0,29	3,43	6,76	
Высота верхней губы, мм	134	10,00	25,00	16,78	0,25	2,88	17,16	
"Толщина" обеих губ, мм	130	9,00	24,00	15,52	0,30	3,45	22,23	
Обхват головы, мм	134	530,00	615,00	571,34	1,44	16,61	2,91	

1	2	3	4	5	6	7	8
Модули, мм							
– головы	134	160,00	188,00	173,27	0,44	5,06	2,92
– лица физиономического	129	152,50	180,0	166,05	0,53	5,99	3,61
– лица морфологического	134	123,50	151,5	136,86	0,43	4,99	3,65
(от нижнего края бровей)							
– лица морфологического	134	118,50	148,0	133,23	0,42	4,89	3,67
(от переносья)							
– носа (от нижнего края бровей)	134	44,50	56,5	49,16	0,22	2,55	5,19
– носа (от переносья)	134	37,50	52,0	45,53	0,19	2,25	4,94
Указатели, %							
– головной	134	72,73	89,89	82,26	0,30	3,48	4,23
– челюстно-лобный	134	90,43	127,27	106,85	0,54	6,30	5,89
– челюстно-скуловой	134	72,54	90,71	79,87	0,32	3,69	4,11
– лицевой физиономический	128	65,53	87,43	75,45	0,34	3,89	5,16
– лицевой морфологический (от нижнего края бровей)	134	78,08	107,35	91,84	0,46	5,36	5,84
– лицевой морфологический (от переносья)	134	74,66	100,74	86,77	0,46	5,27	6,07
– губо-лицевой*	134	8,20	18,05	12,79	0,17	1,98	15,48
– носовой (от нижнего края бровей)	134	45,33	82,35	63,09	0,57	6,58	10,43
– носовой (от переносья)	134	51,79	95,45	71,87	0,69	7,96	11,08
– носо-скуловой*	134	20,69	33,83	26,60	0,18	2,11	7,93

Условные обозначения и примечание (*): как в таблице 2.

Для мужчин второго поколения (8, сыновья) характерна крупная мозговая коробка брахикефальной формы (модуль 173,81 мм, головной указатель 83,25%), удлиненное (191,50 мм) и широкое (142,79 мм) лицо, крупное по модулю (167,14 мм), средняя ширина нижней челюсти (112,69 мм), широкий нос (36,93 мм), увеличенное нособровное расстояние (6,53 мм), высокая верхняя губа (15,94 мм), очень большой толщины губы (17,29 мм).

Резюмируя данные по мужским группам Мариинско-Посадского района, следует отметить следующие тенденции (табл. 12). Различия средних между поколениями наблюдаются по значениям поперечного диаметра головы, головного указателя, физиономической высоты лица, ширине носа, ширине рта, высоте верхней губы, толщине обеих губ, обхвату головы. В отличие от групп Моргаушского района наблюдается статистически достоверная разница между поколениями по нижнечелюстному диаметру и высоте носа от нижнего края бровей. Сохраняется тенденция более высокого показателя головного указателя у сыновей по сравнению с отцами, более узкого носа и рта у сыновей, а также более утолщенных губ во втором поколении. Данные тенденции характерны для мужских групп двух изученных районов Чувашии и соответствуют известному возрастному тренду кефалометрических признаков.

Сравнение суммарных мужских выборок двух изученных районов Чувашии

Следующий этап анализа посвящен сравнению суммарных мужских выборок первого поколения двух районов Чувашии со вторым поколением также двух районов вместе (табл. 1: выборки 13, 14, 15; табл. 8–10, 12).

Продольный диаметр в выборках мужчин первого (13, отцы) и второго (14, сыновья) поколений двух изученных районов характеризуется средними величинами (190,29 мм и 190,65 мм соответственно). В суммарной выборке (15) параметр составил 190,49 мм. Градация признака – средняя. *Поперечный диаметр* в выборке первого поколения имеет среднее значение (154,89 мм), в отличие от выборки второго поколения с очень большим значением данного параметра 158,25 мм, что достоверно отличает два поколения ($p < 0,001$). Суммарная выборка 156,78 мм относится к большим категориям измерительных признаков. *Наименьшая ширина лба*: параметр не имеет различий в данных группах (отцы 107,41 мм, сыновья 108,16 мм), суммарная выборка 107,83 мм. *Скуловой диаметр (ширина лица скуловая)*: значения данного параметра в двух мужских группах практически равны (отцы 143,12 мм, сыновья 143,22 мм). Суммарная выборка 143,18 мм (большая категория по измерительным признакам). *Нижнечелюстной диаметр (ширина лица нижнечелюстная)*: средняя по этому параметру больше в первом поколении (отцы 114,70 мм, сыновья 112,77 мм), $p < 0,01$. Суммарная выборка 113,62 мм (большие категории). *Физиономическая высота лица* состави-

ла в группе отцов 186,90 мм, в группе сыновей 190,94 мм, в суммарной выборке 189,28 мм. Различие по данному параметру между двумя группами статистически достоверно ($p < 0,001$). *Разность* (продольный диаметр – физиономическая высота лица) в первом поколении составила +3,28 мм, в группе сыновей: –0,38 мм, в суммарной: +1,12 мм. *Морфологическая высота лица (от бровей)*: средние величины составили: родители 130,18 мм, дети 130,32 мм. Разница между группами статистически недостоверна. Суммарная выборка 130,26 мм. *Морфологическая высота лица (от переносья)*: отцы 122,25 мм, сыновья 123,49 мм, суммарно 122,95 мм; отмечена тенденция к достоверности различий между группами. *Высота носа от нижнего края бровей* составила в группе первого поколения 60,85 мм, второго 59,52 мм. Разница статистически достоверна ($p < 0,01$). В суммарной выборке средняя равна 60,10 мм. *Высота носа от переносья* соответственно составила: отцы 52,92; сыновья 52,69; различия статистически недостоверны. Суммарная выборка 52,79 мм. *Нособровное расстояние*: отцы 7,93 мм, сыновья 6,83 мм, суммарно 7,31 мм (большая категория). Разница между поколениями статистически достоверна ($p < 0,001$). *Ширина носа*: средняя величина по этому параметру достоверно меньше во втором поколении (37,07 мм, $p < 0,001$). В первом поколении 39,09 мм, в суммарной выборке 37,95 мм (очень большая категория). *Ширина рта*: по данному параметру наблюдается статистически достоверное различие между двумя выборками (отцы 52,00 мм, сыновья 50,28 мм, $p < 0,001$). Суммарная выборка 51,03 мм. *Высота верхней губы*: отмечено статистически достоверное различие – отцы 17,58 мм, сыновья 15,88 мм ($p < 0,001$). Суммарная выборка 16,62 мм. *Толщина обеих губ*: первое поколение 13,46 мм (среднее значение), второе 16,72 мм (очень большой показатель). Статистически достоверно различие между двумя группами ($p < 0,001$). Суммарная выборка 15,32 мм. *Обхват головы*: отцы 567,65 мм, сыновья 574,07 мм; разность статистически достоверна ($p < 0,001$). Суммарная выборка 571,26 мм. *Головной указатель* во всех изученных группах двух районов попадает в разряд брахикефалии (отцы 81,46%, сыновья 83,07%, суммарная выборка 82,37%). Наблюдается достоверное различие между двумя поколениями по данному параметру ($p < 0,05$). *Модуль головы* (полусумма продольного и поперечного диаметров): выборка родителей 172,59 мм, сыновей 174,45 мм, суммарная выборка 173,64 мм.

При сопоставлении объединенных мужских выборок двух поколений (отцы и сыновья) двух районов вместе, естественно, сохраняются тенденции, описанные отдельно для каждого района. Наблюдается статистически достоверное различие между поколениями по следующим параметрам: поперечный диаметр головы, головной указатель, нижнечелюстной диаметр (ширина лица нижнечелюстная), высота носа от нижнего края бровей, ширина носа, ширина рта, высота верхней губы, толщина обеих губ, обхват головы. Отмеченные тенденции можно объяснить как возрастными, так и эпохальными причинами.

Таблица 8

Характеристика измерительных параметров головы и лица в суммарной выборке мужчин первого поколения (13, два района Чувашии)

Признаки	n	min	max	X	m (X)	S	V, %
1	2	3	4	5	6	7	8
Возраст, лет	130	49,00	84,00	63,62	0,52	5,94	9,34
Продольный диаметр голоты, мм	130	175,00	212,00	190,29	0,60	6,86	3,61
Поперечный диаметр голоты, мм	130	143,00	170,00	154,89	0,46	5,22	3,37
Наименьшая ширина лба, мм	130	98,00	120,00	107,41	0,59	4,53	4,22
Скуловой диаметр, мм	130	133,00	158,00	143,12	0,49	5,56	3,88
Нижнечелюстной диаметр, мм	130	100,00	133,00	114,70	0,51	5,83	5,08
Физиогномическая высота лица, мм	114	162,00	205,00	186,90	0,89	9,53	5,10
Разность, продольный диам. – физ. высота лица, мм	114	- 17,00	+ 31,00	+ 3,28	0,88	9,41	
Морфологическая высота лица (от нижнего края бровей), мм	130	109,00	155,00	130,18	0,67	7,62	5,85
Морфологическая высота лица (от переносья), мм	130	105,00	143,00	122,25	0,67	7,62	6,23
Высота носа от нижнего края бровей, мм	130	51,00	75,00	60,85	0,59	4,40	7,23
Высота носа от переносья, мм	130	43,00	65,00	52,92	0,57	4,19	7,92
Нособровное расстояние, мм	130	2,00	14,00	7,93	0,23	2,60	32,79
Ширина носа, мм	129	32,00	49,00	39,09	0,28	3,16	8,08
Ширина рта, мм	130	43,00	62,00	52,00	0,32	3,66	7,04
Высота верхней губы, мм	130	10,00	25,00	17,58	0,26	2,91	16,55
"Толщина" обеих губ, мм	125	8,00	23,00	13,46	0,25	2,84	21,10
Обхват головы, мм	130	530,00	610,00	567,65	1,43	16,33	2,88

1	2	3	4	5	6	7	8
Модули, мм							
– головы	130	160,5	188,0	172,59	0,43	4,94	2,86
– лица физиономического	115	150,5	177,5	164,91	0,57	6,13	3,72
– лица морфологического (от нижнего края бровей)	130	123,5	151,5	136,64	0,45	5,16	3,78
– лица морфологического (от переносья)	130	122,0	146,0	132,68	0,45	5,16	3,89
– носа (от нижнего края бровей)	129	45,0	58,0	49,97	0,24	2,67	5,34
– носа (от переносья)	129	41,5	54,5	45,99	0,23	2,61	5,68
Указатели, %							
– головной	130	74,02	89,50	81,46	0,29	3,30	4,05
– челюстно-лобный	130	95,28	127,27	106,92	0,55	6,24	5,84
– челюстно-скуловой	130	72,14	90,71	80,18	0,32	3,64	4,54
– лицевой физиономический	114	66,34	87,57	76,79	0,41	4,43	5,77
– лицевой морфологический (от нижнего края бровей)	130	78,08	107,35	91,06	0,50	5,73	6,29
– лицевой морфологический (от переносья)	130	73,94	100,74	85,51	0,49	5,64	6,59
– губо-лицевой*	130	8,20	18,05	13,48	0,17	1,98	14,69
– носовой (от нижнего края бровей)	129	45,33	83,05	64,58	0,62	7,06	10,93
– носовой (от переносья)	129	54,84	104,26	74,37	0,75	8,55	11,49
– носо-скуловой*	129	22,08	33,83	27,32	0,19	2,13	7,79

Условные обозначения и примечание (*): как в таблице 2.

Таблица 9

Характеристика измерительных параметров головы и лица в суммарной выборке мужчин второго поколения (14, два района Чувашии)

Признаки	n	min	max	X	m (X)	S	V, %
1	2	3	4	5	6	7	8
Возраст, лет	167	18,0	58,00	32,31	0,46	5,97	18,48
Продольный диаметр головы, мм	167	174,0	207,00	190,65	0,48	6,24	3,27
Поперечный диаметр головы, мм	167	139,0	169,00	158,25	0,40	5,19	3,28
Наименьшая ширина лба, мм	167	96,0	120,00	108,16	0,41	5,31	4,91
Скуловой диаметр, мм	167	129,0	157,00	143,22	0,43	5,55	3,88
Нижнечелюстной диаметр, мм	167	100,0	131,00	112,77	0,44	5,71	5,06
Физиологическая высота лица, мм	164	168,0	212,00	190,94	0,64	8,26	4,33
Разность продольный диам. – физ. высота лица, мм	164	- 23,0	+ 23,00	- 0,38	0,65	8,30	
Морфологическая высота лица (от нижнего края бровей), мм	167	112,0	150,00	130,32	0,33	6,81	5,23
Морфологическая высота лица (от переносья), мм	167	102,0	142,00	123,49	0,33	6,82	5,52
Высота носа от нижнего края бровей, мм	167	49,0	68,00	59,52	0,28	3,58	6,01
Высота носа от переносья, мм	167	41,0	61,00	52,69	0,26	3,35	6,36
Нособровное расстояние, мм	167	2,0	14,00	6,83	0,17	2,22	32,50
Ширина носа, мм	167	29,0	45,00	37,07	0,20	2,64	7,12
Ширина рта, мм	167	43,0	57,00	50,28	0,24	3,13	6,23
Высота верхней губы, мм	167	10,0	21,0	15,88	0,17	2,20	13,85
"Толщина" обеих губ, мм	167	10,0	24,00	16,72	0,22	2,86	17,11
Обхват головы, мм	167	540,0	615,00	574,07	1,17	15,13	2,64

1	2	3	4	5	6	7	8
Модули, мм							
– головы	167	160,0	187,00	174,45	0,35	4,52	2,59
– лица физиономического	164	152,5	182,50	167,08	0,44	5,68	3,39
– лица морфологического (от нижнего края бровей)	167	123,5	152,50	136,77	0,38	4,94	3,61
– лица морфологического (от переносья)	167	118,5	148,00	133,36	0,38	4,88	3,66
– носа (от нижнего края бровей)	167	42,0	53,50	48,32	0,17	2,24	4,64
– носа (от переносья)	167	37,5	50,00	44,88	0,17	2,15	4,79
Указатели, %							
– головной	167	72,73	91,53	83,07	0,26	3,34	4,02
– челюстно-лобный	167	90,43	119,59	104,41	0,44	5,67	5,43
– челюстно-скуловой	167	70,55	87,97	78,77	0,26	3,39	4,30
– лицевой физиономический	164	65,53	83,06	75,11	0,27	3,51	4,67
– лицевой морфологический (от нижнего края бровей)	167	76,97	107,19	91,08	0,39	5,12	5,62
– лицевой морфологический (от переносья)	167	73,68	99,28	86,32	0,39	5,16	5,98
– губо-лицевой*	167	7,69	16,26	12,18	0,12	1,54	12,64
– носовой (от нижнего края бровей)	167	46,03	81,82	62,52	0,46	5,91	9,45
– носовой (от переносья)	167	51,79	91,84	70,72	0,53	6,80	9,62
– носо-скуловой*	167	20,69	30,66	25,93	0,14	1,84	7,10

Условные обозначения и примечание (*): как в таблице 2.

Характеристика измерительных параметров головы и лица в суммарной выборке мужчин (15, отцы и сыновья, два района Чувашии)

Признаки	n	min		max		X	m (X)	S	V, %
		3	4	5	6				
1	297	18,0	84,00	46,02	0,97	16,66	36,20		
Возраст, лет	297	174,0	212,00	190,49	0,38	6,51	3,42		
Продольный диаметр головы, мм	297	139,0	170,00	156,78	0,32	5,46	3,48		
Поперечный диаметр головы, мм	297	96,0	120,00	107,83	0,29	4,99	4,63		
Наименьшая ширина лба, мм	297	129,0	158,00	143,18	0,32	5,54	3,87		
Скуловой диаметр, мм	297	100,0	133,00	113,62	0,34	5,83	5,13		
Нижнечелюстной диаметр, мм	278	162,0	212,00	189,28	0,54	9,00	4,75		
Физиономическая высота лица, мм	278	- 23,0	- 31,00	- 1,12	0,54	8,94			
Разность продольный диам. – физ. высота лица, мм	297	109,0	155,00	130,26	0,42	7,17	5,50		
Морфологическая высота лица (от нижнего края бровей), мм	297	102,0	143,00	122,95	0,42	7,19	5,85		
Морфологическая высота лица (от переносья), мм	297	49,0	75,00	60,10	0,23	4,01	6,67		
Высота носа от нижнего края бровей, мм	297	41,0	65,00	52,79	0,22	3,74	7,08		
Высота носа от переносья, мм	297	2,0	14,00	7,31	0,14	2,45	33,52		
Нособровное расстояние, мм	296	29,0	49,00	37,95	0,18	3,05	8,04		
Ширина носа, мм	297	43,0	62,00	51,03	0,20	3,47	6,79		
Ширина рта, мм	297	10,0	25,00	16,62	0,15	2,67	16,06		
Высота верхней губы, мм	292	8,0	24,00	15,32	0,19	3,27	21,34		
"Голландия" обхват губ, мм	297	530,0	615,00	571,26	0,93	15,96	2,79		
Обхват головы, мм									

1	2	3	4	5	6	7	8
Модули, мм							
– головы	297	160,0	188,00	173,64	0,28	4,79	2,76
– лица физиономический	279	150,5	182,50	166,19	0,36	5,95	3,58
– лица морфологический (от нижнего края бровей)	297	123,5	152,50	136,72	0,29	5,03	3,68
– лица морфологический (от переносья)	297	118,5	148,00	133,06	0,29	5,01	3,77
– носа (от нижнего края бровей)	296	42,0	58,00	49,04	0,15	2,57	5,24
– носа (от переносья)	296	37,5	54,50	45,36	0,14	2,42	5,34
Указатели, %							
– головной	297	72,73	91,53	82,37	0,20	3,41	4,14
– челюстно-лобный	297	90,43	127,27	105,51	0,35	6,05	5,73
– челюстно-скуловой	297	70,55	90,71	79,39	0,21	3,57	4,49
– лицевой физиономический	278	65,53	87,57	75,80	0,24	3,99	5,26
– лицевой морфологический (от нижнего края бровей)	297	76,97	107,35	91,07	0,31	5,39	5,92
– лицевой морфологический (от переносья)	297	73,68	100,74	85,96	0,31	5,38	6,26
– губо-лицевой*	297	7,69	18,05	12,75	0,11	1,86	14,39
– носовой (от нижнего края бровей)	296	45,33	83,05	63,42	0,38	6,51	10,26
– носовой (от переносья)	296	51,79	104,26	72,31	0,45	7,81	10,80
– носо-скуловой*	296	20,69	33,83	26,54	0,12	2,09	7,87

Условные обозначения и примечание (*): как в таблице 2.

Мужчины, сравнительные данные

Следует напомнить, что мужские и женские выборки Моргаушского района относятся к верховым, а выборки Мариинско-Посадского района – к средненизовым чувашам. Таким образом, цель сравнительного анализа – сопоставить две этнографические группы чувашей.

Выборки первого поколения, отцы (табл. 11: группы М1 и МП1; табл. 12).

Достоверная разница по t-критерию Стьюдента между верховыми и средненизовыми чувашами первого поколения (отцы) фиксируется по следующим параметрам: наименьшая ширина лба (верховые 108,36 мм, средненизовые 106,42 мм, $p < 0,01$); ширина рта (верховые 52,53 мм, средненизовые 51,45 мм, $p < 0,05$); челюстно-лобный и челюстно-скуловой указатели. По всем остальным параметрам статистически достоверных отличий между группами не обнаружено.

Выборки второго поколения, сыновья (табл. 11: группы М2 и МП2; табл. 12).

Статистически достоверные различия между выборками второго поколения (сыновья) верховых и средненизовых чувашей отмечены по следующим параметрам: наименьшая ширина лба (верховые 108,92 мм, средненизовые 107,11 мм, $p < 0,05$); разность продольного диаметра и физиономической высоты лица (верховые + 0,62 мм, средненизовые – 1,71 мм, $p < 0,05$); морфологическая высота лица от бровей (верховые 129,39 мм, средненизовые 131,61 мм, $p < 0,05$); морфологическая высота лица от переносья (верховые 122,35 мм, средненизовые 125,09 мм, $p < 0,01$); толщина обеих губ (верховые 16,31 мм, средненизовые 17,29 мм, $p < 0,05$); челюстно-лобный и лицевые морфологические указатели. Как тенденция к достоверности группы незначительно различаются по продольному диаметру головы, нособровному расстоянию, модулю головы, лицевому физиономическому указателю (табл. 12).

Результаты межэтнических антропологических сопоставлений отражены в таблицах 13, 14, 15 и на рисунках 2, 3. По результатам проведенного кластерного анализа можно заключить, что среди наиболее близких по расовосоматологическому профилю из 13 признаков к чувашам (группа первого поколения, отцы) находятся южные удмурты (биологическое расстояние между ними 4,8). Аналогичная картина наблюдается при сопоставлении этих же этнических групп с выборкой чувашей второго поколения (попарное расстояние между «сыновьями» и южными удмуртами 4,9). Небольшие расстояния между чувашами (отцы) и марийцами (6,9), а также удмуртами (6,2). Максимальные попарные расстояния получены при сопоставлении чувашей с центральными башкирами (10,9) и манси (10,5). Аналогичные тенденции сохраняются и для выборки чувашей второго поколения (сыновья): попарное расстояние с марийцами 7,3, с северными коми 7,8, с центральными башкирами 10,0 и максимальное с манси – 14,7. Межгрупповые антропологические соотношения иллюстрируют рисунки 2 и 3.

Измерительные признаки головы и лица в мужских выборках чувашей,
Моргаушский и Мариинско-Посадский районы Чувашии

Признаки	МУЖЧИНЫ									
	М1	М2	М сум	МПШ	МП2	МП сум	Ч1	Ч2	Ч сум.	
Численность	66	97	163	64	70	134	130	167	297	
Возраст, лет	X 64,06	32,45	45,25	63,17	32,11	46,95	63,62	32,31	46,02	
	S 5,55	5,60	16,53	6,33	6,48	16,83	5,94	5,97	16,66	
Продольный диаметр головы, мм	X 189,91	191,28	190,72	190,69	189,79	190,22	190,29	190,65	190,49	
	S 6,46	5,70	6,04	7,29	6,88	7,06	6,86	6,24	6,51	
Поперечный диаметр головы, мм	X 155,09	158,55	157,15	154,69	157,83	156,33	154,89	158,25	156,78	
	S 5,25	5,17	5,46	5,23	5,23	5,44	5,22	5,19	5,46	
Наименьшая ширина лба, мм	X 108,36	108,92	108,69	106,42	107,11	106,78	107,41	108,16	107,83	
	S 4,66	5,65	5,26	4,20	4,64	4,43	4,53	5,31	4,99	
Скуловой диаметр, мм	X 143,56	143,54	143,55	142,66	142,79	142,72	143,12	143,22	143,18	
	S 6,07	5,76	5,87	4,98	5,25	5,10	5,56	5,55	5,54	
Нижнечелюстной диаметр, мм	X 114,06	112,84	113,33	115,36	112,69	113,96	114,70	112,77	113,62	
	S 5,19	5,96	5,68	6,39	5,37	6,01	5,83	5,71	5,83	
Физиономическая высота лица, мм	X 186,88	190,52	189,16	186,93	191,5	189,43	186,90	190,94	189,28	
	S 9,79	7,67	8,67	9,35	9,01	9,41	9,53	8,26	9,00	
Разность, продольный диаметр головы физиономической высоты лица, мм	X 12,63	10,62	11,37	13,91	- 1,71	10,84	13,28	- 0,38	11,12	
	S 9,79	7,76	8,59	9,06	8,86	9,35	9,41	8,30	8,94	

1		2	3	4	5	6	7	8	9	10
Морфологическая высота лица (от нижнего края бровей), мм	X	130,06	129,39	129,66	130,31	131,61	130,99	130,18	130,32	130,26
	S	6,67	6,99	6,97	8,29	6,38	7,36	7,62	6,81	7,17
Морфологическая высота лица (от переносья), мм	X	122,26	122,35	122,31	122,25	125,09	123,73	122,25	123,49	122,95
	S	7,72	6,76	7,14	7,58	6,62	7,21	7,62	6,82	7,19
Высота носа (от нижнего края бровей), мм	X	60,39	59,52	59,87	61,33	59,51	60,38	60,85	59,52	60,10
	S	4,48	3,74	4,06	4,31	3,37	3,94	4,40	3,58	4,01
Высота носа (от переносья), мм	X	52,59	52,47	52,52	53,27	52,99	53,12	52,92	52,69	52,79
	S	4,63	3,43	3,95	3,70	3,23	3,45	4,19	3,35	3,74
Нособровное расстояние, мм	X	7,80	7,04	7,35	8,06	6,53	7,26	7,93	6,83	7,31
	S	2,62	2,19	2,39	2,59	2,23	2,53	2,60	2,22	2,45
Ширина носа, мм	X	39,12	37,18	37,96	39,05	36,93	37,94	39,09	37,07	37,95
	S	3,30	2,35	2,92	3,04	3,01	3,19	3,16	2,64	3,05
Ширина рта, мм	X	52,53	50,42	51,28	51,45	50,07	50,73	52,0	50,28	51,03
	S	3,59	3,18	3,49	3,68	3,08	3,43	3,66	3,13	3,47
Высота верхней губы, мм	X	17,45	15,84	16,49	17,70	15,94	16,78	17,58	15,88	16,62
	S	2,46	2,303	2,49	3,34	2,07	2,88	2,91	2,20	2,67
"Голщина" обеих губ, мм	X	13,45	16,31	15,16	13,47	17,29	15,52	13,46	16,72	15,32
	S	2,95	2,70	3,13	2,74	2,99	3,45	2,84	2,86	3,27
Обхват головы, мм	X	566,36	574,48	571,20	568,98	573,5	571,34	567,55	574,07	571,26
	S	15,68	14,48	15,45	17,00	16,07	16,61	16,33	15,13	15,96

1		2	3	4	5	6	7	8	9	10
Модули, мм										
– головы		X 172,49	174,92	173,94	172,69	173,81	173,37	172,59	174,45	173,64
		S 4,51	4,33	4,55	5,38	4,73	5,06	4,94	4,52	4,79
– лица физиономический		X 165,09	167,03	166,31	164,75	167,14	166,05	164,91	167,08	166,19
		S 6,63	5,39	5,94	5,66	6,08	5,99	6,13	5,68	5,95
– лица морфологический (от нижнего края бровей)		X 136,80	136,46	136,60	136,48	137,2	136,86	136,64	136,77	136,72
		S 5,12	5,07	5,08	5,24	4,75	4,99	5,16	4,94	5,03
– лица морфологический (от переносья)		X 132,91	132,94	132,93	132,45	133,94	133,23	132,68	133,36	133,06
		S 5,41	4,93	5,11	4,92	4,79	4,89	5,16	4,88	5,01
– носа (от нижнего края бровей)		X 49,75	48,40	48,94	50,19	48,22	49,16	49,97	48,32	49,04
		S 2,77	2,32	2,59	2,57	2,14	2,55	2,67	2,24	2,57
– носа (от переносья)		X 45,82	44,82	45,23	46,16	44,96	45,53	45,99	44,88	45,36
		S 2,90	2,21	2,55	2,28	2,09	2,25	2,61	2,15	2,42
Указатели, %										
– головной		X 81,73	82,94	82,45	81,19	83,25	82,26	81,46	83,07	82,37
		S 3,56	3,16	3,37	3,02	3,59	3,48	3,30	3,34	3,41
– челостно-лобный		X 105,38	103,75	104,41	108,52	105,33	106,85	106,92	104,41	105,51
		S 5,45	5,66	5,62	6,64	5,60	6,30	6,24	5,67	6,05
– челостно-скуловой		X 79,50	78,64	78,99	80,89	78,95	79,87	80,18	78,77	79,39
		S 3,24	3,52	3,43	3,92	3,23	3,69	3,64	3,39	3,57
лицевой физиономический		X 77,21	75,43	76,10	76,39	74,67	75,45	76,79	75,11	75,80
		S 4,62	3,56	4,07	4,23	3,42	3,89	4,43	3,51	3,99

1		2	3	4	5	6	7	8	9	10
– лицевой морфологический (от нижнего края бровей)	X	90,71	90,24	90,43	91,42	92,24	91,84	91,06	91,08	91,07
	S	5,40	5,32	5,34	6,07	4,63	5,36	5,73	5,12	5,39
– лицевой морфологический (от переносья)	X	85,26	85,34	85,30	85,76	87,68	86,77	85,51	86,32	85,96
	S	5,75	5,18	5,40	5,57	4,84	5,27	5,64	5,16	5,38
– губо-лицевой	X	13,42	12,23	12,71	13,54	12,12	12,79	13,48	12,18	12,75
	S	1,77	1,58	1,76	2,18	1,49	1,98	1,98	1,54	1,86
– носовой (от нижнего края бровей)	X	65,17	62,70	63,69	63,99	62,27	63,09	64,58	62,52	63,42
	S	7,38	5,57	6,45	6,73	6,39	6,58	7,06	5,91	6,51
– носовой (от переносья)	X	75,03	71,11	72,68	73,70	70,19	71,87	74,37	70,72	72,31
	S	9,06	6,18	7,69	8,00	7,60	7,96	8,55	6,80	7,31
посе-скуловой	X	27,27	25,96	26,49	27,37	25,89	26,60	27,32	25,93	26,54
	S	2,33	1,70	2,08	1,92	2,03	2,11	2,13	1,84	2,09

Условные обозначения. Изученные группы. Моргаушский район: М1 – первое поколение, отцы; М2 – второе поколение, сыновья; М сум. – объединенная выборка двух поколений, отцы и сыновья. Мариинско-Посадский район: МП1 – первое поколение, отцы; МП2 – второе поколение, сыновья; МП сум. – объединенная выборка двух поколений, отцы и сыновья. Чувашия (два района): Ч1 – первое поколение, отцы; Ч2 – второе поколение, сыновья; Ч сум. – объединенная выборка двух поколений, отцы и сыновья. X – средняя арифметическая, S – стандартное отклонение.

Достоверная разница по t-критерию Стьюдента в изученных группах чувашей

Признаки	Сравниваемые группы (1–6 мужчины; 7–12 женщины)											
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Продольный диаметр головы, мм	*			*								
Поперечный диаметр, мм	+++											
Наименьшая ширина лба, мм				*								
Скуловой диаметр, мм	–								*	*		
Нижнечелюстной диаметр, мм	*								+	–		
Физиономическая высота лица, мм	++							*				+
Разность продольный диаметр – физиономическая высота лица, мм	*											+
Морфологическая высота лица (от нижнего края бровей), мм	–											++
Морфологическая высота лица (от переносья), мм					*							++
Высота носа (от нижнего края бровей), мм	*										*	
Высота носа (от переносья), мм									*			+
Нособровное расстояние, мм				*					*			++
Ширина носа, мм												–
Ширина рта, мм	+++	++	+		+++	*		+		–	+	–

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Высота верхней губы, мм	++	++	-	-	+++	-	+	++	++	-	+++	++
"Голщина" обзих губ, мм		++										+
Обхват головы, мм		*										-
Модули, мм												
- головы				*								-
- лица физиономический				-								*
- лица морфологический (от нижнего края бровей)												+
- лица морфологический (от переносья)				*								+
- носа (от нижнего края бровей)												-
- носа (от переносья)												+
Указатели, %												
- головной												-
- челюстно-лобный										*		+
- челюстно-скуловой						+	-	-	-	-		*?
- лицевой физиономический	*			*		*	*	*		*		+
- лицевой морфологический (от нижнего края бровей)	+											+
- лицевой морфологический (от переносья)						+	-	-	++	++	-	++

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
– губо-лицевой		+++							*			*
– носовой		*										
(от нижнего края бровей)												
– носовой (от переносья)		++							*			+
– носо-скуловой	+++	+++	–	–	+++	–	+++	+++	–	–	+++	–

Условные обозначения: достоверная разница по критерию t: + достоверность различия на 95%-ном уровне значимости; ++ достоверность различия на 99%-ном уровне значимости; +++ достоверность различия на 99,9%-ном уровне значимости; — различие незначимости; * различие недостоверно; * тенденция к достоверности.

Примечание:

Сравниваемые группы (мужчины):

- 1 – два поколения мужчин Моргаушского района (табл. 2, 3).
- 2 – два поколения мужчин Марининско-Посадского района (табл. 5, 6).
- 3 – первое поколение (отцы) Моргаушского и Марининско-Посадского районов (табл. 2, 5).
- 4 – второе поколение (сыновья) Моргаушского и Марининско-Посадского районов (табл. 3, 6).
- 5 – первое поколение (два района вместе) и второе поколение (два района вместе) (табл. 8, 9).
- 6 – суммарная выборка Моргаушского района и суммарная выборка Марининско-Посадского района (табл. 4, 7).

Сравниваемые группы (женщины):

- 7 – два поколения женщин Моргаушского района (табл. 12, 13).
- 8 – два поколения женщин Марининско-Посадского района (табл. 15, 16).
- 9 – первое поколение (матери) Моргаушского и Марининско-Посадского районов (табл. 12, 15).
- 10 – второе поколение (дочери) Моргаушского и Марининско-Посадского районов (табл. 13, 16).
- 11 – первое поколение (два района вместе) и второе поколение (два района вместе) (табл. 18, 19).
- 12 – суммарная выборка Моргаушского района и суммарная выборка Марининско-Посадского района (табл.14, 17).

Антропологическая характеристика народов Поволжья и Приуралья (мужские выборки)

Признаки	Удмурты южные		Марийцы суммарно*	Коми южные*	Коми северные*	Коми-пермяки*	Башкиры северозападные*	Башкиры центральные*	Манси*	Чуваши, первое поколение*	Чуваши, второе поколение*
	Аксеянова	Каянова, Золотарева	Марк, Аксеянова	Дубова	Золотарева	Аксеянова	Дубова	Золотарева	Аксеянова	Лебедева	Лебедева
Продольный диаметр головы, мм	192,3	189,2	190,1	190,8	187,0	196,4	197,8	189,9	190,29	190,65	
Поперечный диаметр головы, мм	155,6	154,8	156,3	154,2	155,3	156,1	157,5	151,3	154,89	158,25	
Головной указатель, %	80,9	82,0	82,2	80,9	83,0	79,4	79,6	79,8	81,46	83,07	
Модуль головы, мм	174,0	172,0	173,2	172,5	171,1	176,4	177,8	170,6	172,59	174,45	
Наименьшая ширина лба, мм	106,6	107,5	111,1	109,8	109,0	105,5	106,7	100,6	107,41	108,16	
Нижнечелюстной диаметр, мм	112,2	111,1	110,6	112,2	114,3	112,5	113,4	110,8	114,70	112,77	
Челюстно-лобный указатель, %	105,3	103,3	99,5	102,3	104,9	106,7	106,2	110,8	106,92	104,41	
Морфологическая высота лица (от нижнего края бровей), мм	130,9	127,1	126,1	128,7	127,5	128,3	132,6	127,4	130,18	130,32	
Скуловой диаметр, мм	142,3	141,7	141,9	142,2	142,8	144,0	145,3	144,0	143,12	143,22	
Модуль лица морфологический (от нижнего края бровей), мм	136,6	134,4	134,0	135,5	135,7	136,2	139,0	135,7	136,64	136,77	
Ширина носа, мм	37,9	37,4	35,4	34,7	36,8	36,1	37,8	38,7	39,09	37,07	
Посевой указатель (от бровей), %	62,9	63,8	63,8	61,0	66,2	61,9	62,5	66,8	64,58	62,52	
Толщина¹ бровей губ, мм	14,8	14,0	13,8	12,9	14,2	14,5	14,3	13,9	13,46	16,72	

* Аксеянова Г.А. К антропологической характеристике южных удмуртов // Этнографическое обозрение, 2003. № 2. С. 116.

Таблица 14

Попарные межгрупповые расстояния (по Евклиду)

Группы	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Удмурты южные	0,00	6,5	10,1	7,0	8,7	6,5	8,4	11,7	4,8
2. Марийцы суммарно ¹⁵		0,00	6,1	5,7	5,6	10,6	14,2	11,9	6,9
3. Коми южные ¹⁵			0,00	6,1	8,7	12,8	15,7	17,4	11,3
4. Коми северные ¹⁵				0,00	8,3	10,0	12,9	15,1	8,4
5. Коми-пермяки ¹⁵					0,00	13,0	15,6	12,6	6,2
6. Башкиры сев.-запад. ¹⁵						0,00	6,3	13,2	9,4
7. Башкиры центральные ¹⁵							0,00	16,6	10,9
8. Манси ¹⁵								0,00	10,5
9. Чуваша (отцы)									0,00

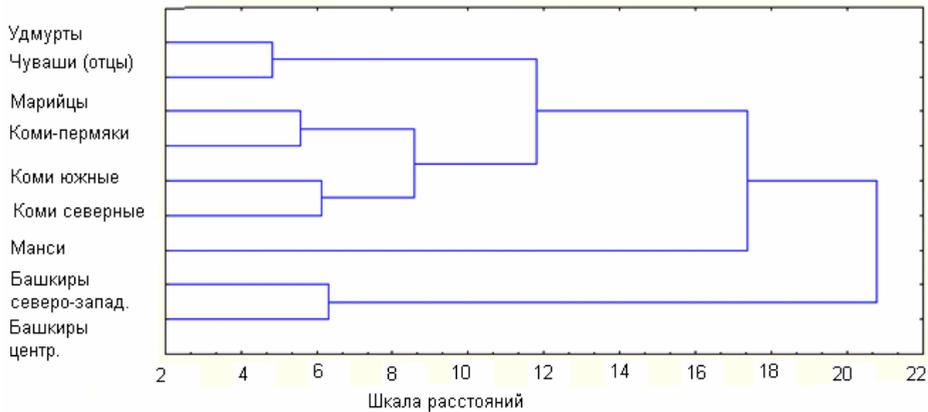

Рис. 2. Кластеризация групп (по табл. 14).

Таблица 15

Попарные межгрупповые расстояния (по Евклиду)

Группы	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Удмурты южные	0,00	6,5	10,1	7,0	8,7	6,5	8,4	11,7	4,9
2. Марийцы суммарно		0,00	6,1	5,7	5,6	10,6	14,2	11,9	7,3
3. Коми южные			0,00	6,1	8,7	12,8	15,7	17,4	9,2
4. Коми северные				0,00	8,3	10,0	12,9	15,1	7,8
5. Коми-пермяки					0,00	13,0	15,6	12,6	8,2
6. Башкиры сев.-зап.						0,00	6,3	13,2	8,8
7. Башкиры центр.							0,00	16,6	10,0
8. Манси								0,00	14,7
9. Чуваша (сыновья)									0,00

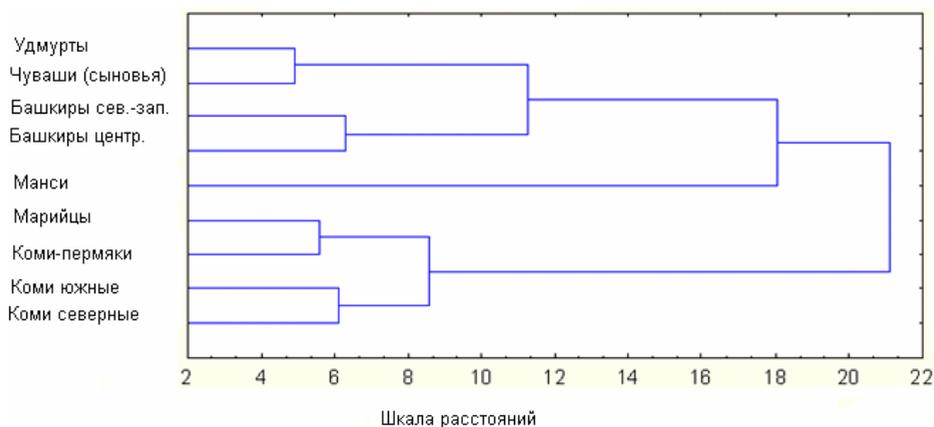

Рис. 3. Кластеризация групп (по табл. 15).

Женщины

Моргаушский район (табл. 1: выборки 4, 5, 6; табл. 12, 16–18).

Продольный диаметр в двух исследованных женских группах Моргаушского района (поколения «матери» – выборка 4 и «дочери» – выборка 5) характеризуется средними величинами (182,11 мм и 182,42 мм соответственно), различия недостоверны. В суммарной выборке 6 параметр составил 182,25 мм. *Поперечный диаметр* в выборке первого поколения (матери) имеет среднее значение (147,88 мм) в отличие от выборки второго поколения (дочери) с большим значением данного параметра 152,29 мм, что достоверно отличает два поколения ($p < 0,001$). Суммарная выборка 149,92 мм. Аналогичная тенденция отмечена и в мужских группах. *Наименьшая ширина лба*: параметр имеет статистически достоверные различия (матери 103,86 мм, дочери 107,02 мм; $p < 0,001$), суммарная выборка 105,32 мм. *Скуловой диаметр (ширина лица скуловая)*: значения данного параметра составили: матери 134,31 мм, дочери 136,68 мм; различия статистически достоверны, $p < 0,01$. Суммарная выборка 135,40 мм. *Нижнечелюстной диаметр (ширина лица нижнечелюстная)*: средняя по этому параметру несколько больше во втором поколении (дочери 107,71 мм, матери 106,19 мм), в мужских группах, наоборот, разница статистически достоверна ($p < 0,05$). Суммарная выборка 106,89 мм. *Физиономическая высота лица* в группе первого поколения составила 172,47 мм, в группе второго поколения 177,76 мм, в суммарной выборке 174,92 мм. Различия по данному параметру между двумя группами статистически достоверно ($p < 0,001$). *Разность* (продольный диаметр – физиономическая высота лица) в группе матерей равна +9,64, в группе дочерей +4,66 мм, в суммарной выборке +7,34 мм. *Морфологическая высота лица (от бровей)*: матери 117,03; дочери 120,03. Разница между группами статистически достоверна, $p < 0,01$. Суммарная выборка 118,42 мм. *Морфологическая высота лица (от переносья)*: матери 108,85 мм, дочери 111,71 мм;

$p < 0,01$. Суммарно 110,17 мм. *Высота носа от нижнего края бровей* составила в группе первого поколения 55,93 мм, второго 57,00 мм. Разница статистически достоверна, $p < 0,05$. В суммарной выборке 56,43 мм. *Высота носа от переносья*: матери 47,81 мм, дочери 48,77 мм, различия как тенденция к достоверности. Суммарная выборка 48,25 мм. *Нособровное расстояние*: матери 8,13 мм, дочери 8,26 мм, суммарно 8,19 мм. *Ширина носа*: средняя величина данного параметра достоверно меньше у дочерей (34,76 мм; $p < 0,01$). У матерей 36,14 мм, в суммарной выборке 35,50 мм. *Ширина рта*: по данному параметру различие между двумя выборками недостоверно (матери 48,29 мм, дочери 47,82 мм, суммарно 48,07 мм). *Высота верхней губы*: зафиксировано статистически достоверное различие по двум группам: матери 15,03 мм, дочери 14,11 мм ($p < 0,05$). Суммарная выборка 14,60 мм. *Толщина обеих губ*: первое поколение 11,89 мм, второе 15,24 мм. Статистически достоверно различие между двумя группами ($p < 0,001$), суммарно 13,48 мм. *Обхват головы*: первое поколение женщин 549,49 мм, второе 558,87 мм, различие статистически достоверно ($p < 0,001$). Суммарная выборка 553,83 мм. *Головной указатель* в двух женских группах Моргаушского района попадает в разряд брахикефалии (матери 81,25%, дочери 83,54%, суммарная выборка 82,31%). Наблюдается достоверное различие между двумя поколениями по данному параметру ($p < 0,05$). *Модуль головы* (полусумма продольного и поперечного диаметров): матери 164,99 мм, дочери 167,35 мм; $p < 0,001$. Суммарно 166,09 мм.

Женщины Моргаушского района по сравнению с мужчинами характеризуются меньшими значениями краниометрических параметров. Для выборки матерей (первое поколение) характерна средняя мозговая коробка, умеренная брахикефалия (модуль 164,99 мм, головной указатель 81,25%), продольный диаметр сильнее превосходит физиономическую высоту лица (на 9,64 мм). Лицо относительно более широкое за счет уменьшения морфологической высоты, увеличенное нособровное расстояние (8,13 мм). Соотношение между высотой верхней губы и высотой лица (губо-лицевой указатель) достоверно меньше, чем у мужчин (12,82% и 13,42% соответственно), нос относительно более узкий, высокая верхняя губа (15,03), средней толщины губы (11,89 мм).

Для женщин второго поколения (дочери) характерна более округлая форма головы (брахикефалия, головной указатель 83,54%), продольный диаметр больше физиономической высоты лица (на 4,66 мм), более удлиненное лицо, увеличенное нособровное расстояние (8,26 мм). Губо-лицевой указатель достоверно меньше (11,77%), нос относительно более узкий, высокая верхняя губа (14,11 мм), большая толщина обеих губ (15,24 мм).

Анализ женских групп Моргаушского района Чувашии показал, что выборки первого и второго поколений (матери и дочери) имеют статистически достоверные различия средних по следующим параметрам: поперечный диаметр головы, головной указатель, наименьшая ширина лба, ширина лица скуловая, ширина лица нижнечелюстная, физиономическая высота лица,

Характеристика измерительных параметров головы и лица чувшей Моргаушского района (женщины первого поколения, матери, выборка 4)

Признаки	п		min	max	X	m (X)	S	V, %
	2	3						
1	72	72	53,00	77,00	62,56	0,71	6,06	9,69
Возраст, лет								
Продольный диаметр головы, мм	72	72	170,00	194,00	182,11	0,61	5,15	2,83
Поперечный диаметр головы, мм	72	72	139,00	163,00	147,88	0,58	4,96	3,35
Наименьшая ширина лба, мм	72	72	89,00	116,00	103,86	0,60	5,12	4,93
Скуловой диаметр, мм	72	72	122,00	147,00	134,31	0,65	5,48	4,08
Нижнечелюстной диаметр, мм	72	72	95,00	122,00	106,19	0,67	5,66	5,33
Физиономическая высота лица, мм	72	72	154,00	194,00	172,47	1,02	8,64	5,01
Разность, продольный диам. – физ. высота лица, мм	72	72	- 7,00	+ 29,00	+ 9,64	1,02	8,69	
Морфологическая высота лица (от нижнего края бровей), мм	72	72	100,00	140,00	117,03	0,76	6,44	5,50
Морфологическая высота лица (от переносья), мм	72	72	90,00	128,00	108,85	0,79	6,78	6,23
Высота носа от нижнего края бровей, мм	72	72	48,00	63,00	55,93	0,43	3,66	6,54
Высота носа от переносья, мм	72	72	39,00	54,00	47,81	0,43	3,69	7,72
Нособровное расстояние, мм	72	72	4,00	13,00	8,13	0,28	2,35	28,91
Ширина носа, мм	72	72	30,00	42,00	36,14	0,29	2,42	6,69
Ширина рта, мм	72	72	40,00	56,00	48,29	0,44	3,76	7,79
Высота верхней губы, мм	72	72	10,00	21,00	15,03	0,29	2,46	16,37
"Толщина" обих губ, мм	69	72	8,00	19,00	11,89	0,27	2,22	18,67
Обхват головы, мм	72	72	520,0	580,00	549,49	1,73	14,66	2,67

1	2	3	4	5	6	7	8
Модули, мм							
– головы	72	154,50	174,50	164,99	0,47	3,97	2,41
– лица физиономический	72	141,50	166,00	153,39	0,66	5,64	3,68
– лица морфологический (от нижнего края бровей)	72	114,00	137,00	125,67	0,53	4,47	3,56
– лица морфологический (от переносья)	72	109,00	133,00	121,58	0,53	4,52	3,72
– носа (от нижнего края бровей)	72	41,50	50,50	46,03	0,23	1,92	4,17
– носа (от переносья)	72	36,00	46,00	41,97	0,24	2,03	4,84
Указатели, %							
– голвлой	72	76,06	90,05	81,25	0,37	3,12	3,84
– челюстно-лобный	72	90,57	116,67	102,41	0,69	5,93	5,79
– челюстно-скуловой	72	71,11	87,59	79,11	0,45	3,80	4,80
– лицевой физиономический	72	64,89	89,63	78,03	0,52	4,38	5,61
– лицевой морфологический (от нижнего края бровей)	72	67,22	114,75	87,01	0,73	6,21	7,14
– лицевой морфологический (от переносья)	72	70,07	104,92	81,16	0,69	5,88	7,24
– губо-лицевой*	72	8,47	16,80	12,82	0,21	1,81	14,12
– носовой (от нижнего края бровей)	72	49,18	85,71	64,96	0,81	6,92	10,65
– носовой (от переносья)	72	56,60	102,44	76,16	1,01	8,57	11,25
– носо-скуловой*	72	22,45	33,60	26,95	0,25	2,13	7,90

Условные обозначения и примечание (*): как в таблице 2.

Характеристика измерительных параметров головы и лица чувшей
 в оргвушского района (женщины второго поколения, дочери, выборка 5)

Признаки	п	min	max	X	m (X)	S	V, %
1	62	19,00	49,00	33,79	0,75	5,93	17,55
Возраст, лет	62	174,00	196,00	182,42	0,59	4,69	2,57
Продольный диаметр головы, мм	62	142,00	162,00	152,29	0,59	4,63	3,04
Поперечный диаметр головы, мм	62	96,00	120,00	107,02	0,61	4,79	4,48
Наименьшая ширина лба, мм	62	124,00	149,00	136,68	0,68	5,32	3,89
Скуловой диаметр, мм	62	98,00	120,00	107,71	0,59	4,65	4,32
Нижнечелюстной диаметр, мм	62	163,00	192,00	177,76	0,85	6,67	3,75
физиологическая высота лица, мм	62	- 10,00	+ 20,00	+ 4,66	0,86	6,76	
Рваность, продольный диам. – физ. высота лица, мм	62	112,00	133,00	120,03	0,72	5,68	4,73
Морфологическая высота лица (от нижнего края бровей), мм	62	103,00	123,00	111,71	0,69	5,43	4,86
Морфологическая высота лица (от переносья), мм	62	50,00	64,00	57,00	0,40	3,17	5,56
Высота носа от нижнего края бровей, мм	62	42,00	54,00	48,77	0,38	3,02	6,19
Высота носа от переносья, мм	62	5,00	14,00	8,26	0,28	2,20	26,63
Нособровное расстояние, мм	62	30,00	44,00	34,76	0,35	2,77	7,97
Ширина носа, мм	62	39,00	59,00	47,82	0,46	3,60	7,53
Ширина рта, мм	62	11,00	21,00	14,11	0,28	2,17	15,38
Высота верхней губы, мм	62	10,00	20,00	15,24	0,29	2,26	14,83
"Голдлина" обхват губ, мм	62	535,00	595,00	558,87	1,65	12,98	2,32
Обхват головы, мм							

1	2	3	4	5	6	7	8
Модули, мм							
– головы	62	159,0	178,0	167,35	0,42	3,33	1,99
– лица физиономический	62	148,0	167,5	157,22	0,62	4,84	3,08
– лица морфологический (от нижнего края бровей)	62	121,0	139,0	128,35	0,57	4,50	3,51
– лица морфологический (от переносья)	62	117,0	135,0	124,19	0,56	4,40	3,54
– носа (от нижнего края бровей)	62	41,0	52,5	45,88	0,31	2,39	5,21
– носа (от переносья)	62	36,0	48,5	41,76	0,30	2,38	5,69
Указатели, %							
головой	62	75,66	90,29	83,54	0,42	3,31	3,96
– челюстно-лобный	62	93,33	111,0	100,75	0,56	4,42	4,39
– челюстно-скуловой	62	73,05	85,38	78,83	0,33	2,59	3,29
– лицевой физиономический	62	67,39	84,05	76,96	0,44	3,48	4,52
– лицевой морфологический (от нижнего края бровей)	62	78,32	100,0	87,89	0,56	4,38	4,98
– лицевой морфологический (от переносья)	62	72,60	91,13	81,82	0,53	4,15	5,07
– губо-лицевой*	62	8,27	17,95	11,77	0,23	1,81	15,38
– носовой (от нижнего края бровей)	62	50,0	73,68	61,10	0,63	4,95	8,10
– носовой (от переносья)	62	56,60	83,02	71,41	0,72	5,69	7,97
– носо-скуловой*	62	21,74	31,82	25,45	0,26	2,03	7,98

Условные обозначения и примечание (*): как в таблице 2.

Характеристика измерительных параметров головы и лица чувашей
Моргаушского района (суммарная группа женщин, выборка б)

Признаки	n	min		max	X	m (X)	S	V, %
		3	4					
I	2				5	6	7	8
Возраст, лет	134	19,00	77,00		49,25	1,35	15,59	31,65
Продольный диаметр головы, мм	134	170,00	196,00		182,25	0,43	4,93	2,71
Поперечный диаметр головы, мм	134	139,00	163,00		149,92	0,46	5,28	3,52
Наименьшая ширина лба, мм	134	89,00	120,00		105,32	0,45	5,20	4,94
Скуловой диаметр, мм	134	122,00	149,00		135,40	0,48	5,51	4,07
Нижнечелюстной диаметр, мм	134	95,00	122,00		106,89	0,45	5,25	4,91
Физиологическая высота лица, мм	134	154,00	194,00		174,92	0,71	8,20	4,69
Разность: продольный диам. – физ. высота лица, мм	134	- 10,00	+ 29,00		+ 7,34	0,71	8,22	
Морфологическая высота лица (от нижнего края бровей), мм	134	100,00	140,00		118,42	0,54	6,26	5,29
Морфологическая высота лица (от переносья), мм	134	90,00	128,00		110,17	0,55	6,33	5,75
Высота носа от нижнего края бровей, мм	134	48,00	64,00		56,43	0,30	3,47	6,15
Высота носа от переносья, мм	134	39,00	54,00		48,25	0,29	3,41	7,07
Пособровное расстояние, мм	134	4,00	14,00		8,19	0,20	2,28	27,84
Ширина носа, мм	134	30,00	44,00		35,50	0,23	2,67	7,52
Ширина рта, мм	134	39,00	59,00		48,07	0,32	3,68	7,66
Высота верхней губы, мм	134	10,00	21,00		14,60	0,20	2,37	16,23
"Голщина" обшей губ, мм	131	8,00	20,00		13,48	0,24	2,79	20,69
Обхват головы, мм	134	520,00	595,00		553,83	1,26	14,63	2,64

1	2	3	4	5	6	7	8
Модули, мм							
– головы	134	154,50	178,00	166,09	0,33	3,86	2,32
– лица физиономический	134	141,50	167,50	155,16	0,48	5,61	3,62
– лица морфологический	134	114,00	139,00	126,91	0,40	4,67	3,68
(от нижнего края бровей)							
– лица морфологический	134	109,00	135,00	122,79	0,40	4,64	3,78
(от переносья)							
– носа (от нижнего края бровей)	134	41,00	52,50	45,96	0,19	2,15	4,68
– носа (от переносья)	134	36,00	48,50	41,87	0,19	2,19	5,23
Указатели, %							
– лобной	134	75,66	90,29	82,31	0,29	3,40	4,13
– челюстно-лобный	134	90,57	116,67	101,64	0,46	5,33	5,24
– челюстно-скуловой	134	71,11	87,59	78,98	0,28	3,29	4,17
– лицевой физиономический	134	64,89	89,63	77,53	0,35	4,01	5,17
– лицевой морфологический (от нижнего края бровей)	134	67,22	114,75	87,42	0,47	5,44	6,22
– лицевой морфологический (от переносья)	134	70,07	104,92	81,47	0,44	5,14	6,31
– губо-лицевой*	134	8,27	17,95	12,34	0,16	1,88	15,24
– носовой (от нижнего края бровей)	134	49,18	85,71	63,18	0,55	6,37	10,08
– носовой (от переносья)	134	56,60	102,44	73,96	0,67	7,73	10,45
– носо-скуловой*	134	21,74	33,60	26,26	0,19	2,21	8,42

Условные обозначения и примечание: как в таблице 2.

морфологическая высота лица, высота носа от нижнего края бровей, высота носа от переносья (как тенденция), ширина носа, высота верхней губы, толщина обеих губ и обхват головы, а также по ряду модулей и указателей (табл. 12). Обе выборки характеризуются брахикефалией, при этом показатель в группе детей больше, чем у родителей, что, возможно, связано с происходящим в настоящее время процессом брахикефализации, о чем упоминалось выше. Характерно, что женские группы двух поколений, в отличие от мужских, отличаются по наименьшей ширине лба, морфологической высоте лица, скуловой ширине, что, как правило, не связано с возрастными изменениями.

Мариинско-Посадский район (табл. 1: выборки 10, 11, 12; табл. 19–21, 12).

Продольный диаметр в обследованных женских группах Мариинско-Посадского района (поколения «матери» – выборка 10 и «дочери» – выборка 11) характеризуется средними величинами 182,77 мм и 181,58 мм соответственно, различия недостоверны. В суммарной выборке 12 параметр составил 182,36 мм. *Поперечный диаметр* в первом поколении имеет среднее значение 148,75 мм, в отличие от второго поколения с более высоким значением данного параметра 151,75 мм, что достоверно отличает два поколения ($p < 0,01$). Суммарная выборка: 149,79 мм. Аналогичная тенденция отмечена и в мужских группах. *Наименьшая ширина лба*: параметр практически идентичен в данных группах, матери 104,32 мм, дочери 104,90 мм, суммарная выборка 104,52 мм. *Скуловой диаметр (ширина лица скуловая)*: значения данного параметра в двух женских группах практически равны: матери 135,53 мм, дочери 135,25 мм, суммарная выборка 135,43 мм. *Нижнечелюстной диаметр (ширина лица нижнечелюстная)*: средняя по параметру недостоверно меньше у дочерей 107,28 мм, матери 108,04 мм, в мужских группах наоборот. Суммарная выборка 107,77 мм. *Физиономическая высота лица* в выборке первого поколения составила 176,51 мм, второго поколения 178,93 мм, в суммарной выборке 177,36 мм. Различие по данному параметру между двумя группами статистически недостоверно. *Разность* (продольный диаметр – физиономическая высота лица) у матерей равна + 6,37, у дочерей + 2,65 мм, в суммарной выборке + 5,05 мм. *Морфологическая высота лица (от бровей)*: матери 120,99 мм, дочери 121,48 мм, разница между группами статистически недостоверна. Суммарная выборка 121,16 мм. *Морфологическая высота лица (от переносья)*: матери 113,44 мм, дочери 114,18 мм, суммарно 113,69 мм. *Высота носа от нижнего края бровей* составила в первом поколении 56,64 мм, во втором 56,70 мм. Разница статистически недостоверна. В суммарной выборке 56,66 мм. *Высота носа от переносья*: матери 49,09 мм, дочери 49,40 мм, различия недостоверны. Суммарная выборка 49,20 мм. *Нособровное расстояние*: матери 7,55 мм, дочери 7,30 мм, суммарно 7,46 мм. *Ширина носа*: средняя величина данного параметра достоверно меньше у дочерей 34,33 мм; $p < 0,01$. У матерей

36,48 мм, в суммарной выборке 35,73 мм. *Ширина рта*: по данному параметру наблюдается статистически достоверное различие между двумя выборками (матери 48,57 мм, дочери 47,35 мм, $p < 0,05$). Суммарно: 48,14 мм. *Высота верхней губы*: зафиксировано статистически достоверное различие по двум выборкам: матери 16,11 мм, дочери 14,28 мм ($p < 0,001$). Суммарная выборка 15,46 мм. *Толщина обеих губ*: первое поколение 13,00 мм, второе 16,25 мм; статистически достоверно различие между двумя группами ($p < 0,001$). Суммарно: 14,18 мм. *Обхват головы*: первое поколение женщин 554,27 мм, второе 557,25 мм, суммарная выборка 555,30 мм. *Головной указатель* в двух женских группах Мариинско-Посадского района попадает в разряд брахикефалии (матери 81,44%, дочери 83,62%, суммарная выборка 82,14%). Наблюдается достоверное различие между двумя поколениями по данному параметру ($p < 0,01$). *Модуль головы* (полусумма продольного и поперечного диаметров): матери 165,79 мм, дочери 166,41, суммарно 166,00 мм.

Женщины Мариинско-Посадского района по сравнению с мужчинами характеризуются меньшими значениями краниометрических параметров. Для выборки матерей (первое поколение) характерна средняя мозговая коробка брахикефальной формы (модуль 165,79 мм, головной указатель 81,44%), продольный диаметр превосходит физиономическую высоту лица на 6,37 мм. Лицо относительно менее широкое за счет увеличения физиономической и морфологической высоты лица, увеличенное нособровное расстояние (7,55 мм), нос относительно более узкий, высокая верхняя губа (16,11 мм), средней толщины губы (13,00 мм).

Для женщин второго поколения (дочери) характерна более округлая форма головы (брахикефалия, головной указатель 83,62%), продольный диаметр незначительно больше физиономической высоты лица (на 2,65 мм), более удлиненное лицо, увеличенное нособровное расстояние (7,30 мм). Губолицевой указатель достоверно меньше (11,76%), нос относительно более узкий, большая толщина обеих губ (16,25 мм).

По результатам анализа двух женских групп Мариинско-Посадского района отмечены статистически достоверные различия по следующим параметрам: поперечный диаметр головы, головной указатель, ширина носа, ширина рта, высота верхней губы, толщина обеих губ (табл. 12). Обе выборки характеризуются брахикефалией, при этом показатель в группе дочерей больше, чем у матерей. Можно констатировать, что женские группы двух поколений Моргаушского района различаются больше, чем аналогичные группы Мариинско-Посадского района.

Характеристика измерительных параметров головы и лица чувашей
Маринско-Посадского района (женщины первого поколения, матери, выборка 10)

Признаки	n	min	max	X	m (X)	S	V, %
1	2						
Возраст, лет	75	44,0	79,0	62,47	0,73	6,31	10,10
Продольный диаметр головы, мм	75	165,0	194,0	182,77	0,67	5,81	3,18
Поперечный диаметр головы, мм	75	139,0	168,0	148,75	0,58	5,05	3,39
Наименьшая ширина лба, мм	74	91,0	114,0	104,32	0,57	4,89	4,69
Скуловой диаметр, мм	75	124,0	146,0	135,53	0,56	4,89	3,61
Нижнечелюстная диаметр, мм	75	97,0	120,0	108,04	0,66	5,74	5,31
Физиономическая высота лица, мм	73	158,0	193,0	176,51	0,98	8,41	4,76
Разность продольный диам. – физ. высота лица, мм	73	- 10,0	+ 34,0	+ 6,37	1,17	9,98	
Морфологическая высота лица (от нижнего края бровей), мм	73	104,0	138,0	120,99	0,76	6,52	5,39
Морфологическая высота лица (от переносья), мм	73	97,0	135,0	113,44	0,81	6,91	6,09
Высота носа от нижнего края бровей, мм	75	48,0	63,0	56,64	0,35	3,03	5,35
Высота носа от переносья, мм	75	42,0	60,0	49,09	0,41	3,59	7,31
Нособровное расстояние, мм	75	3,0	13,0	7,55	0,26	2,25	29,80
Ширина носа, мм	75	32,0	44,0	36,48	0,31	2,64	7,24
Ширина рта, мм	74	41,0	58,0	48,57	0,39	3,39	6,98
Высота верхней губы, мм	72	8,0	23,0	16,11	0,31	2,59	16,08
"Голщина" обхват губ, мм	70	8,0	19,0	13,00	0,29	2,44	18,77
Обхват головы, мм	75	520,0	590,0	554,27	1,80	15,59	2,81

1	2	3	4	5	6	7	8
Модули, мм							
– головы	75	153,5	178,5	165,79	0,50	4,36	2,63
– лица физиономический	73	135,5	168,5	155,61	0,71	6,06	3,89
– лица морфологический (от нижнего края бровей)	73	115,5	141,5	128,25	0,56	4,77	3,72
– лица морфологический (от переносья)	73	112,0	140,0	124,49	0,56	4,82	3,87
– носа (от нижнего края бровей)	75	43,5	63,64	46,81	0,32	2,76	5,89
– носа (от переносья)	75	39,0	74,47	43,23	0,49	4,26	9,85
Указатели, %							
– головной	75	74,09	89,08	81,44	0,37	3,23	3,97
– челюстно-лобный	74	91,67	116,16	103,62	0,64	5,48	5,29
– челюстно-орбитальный	75	72,06	89,92	79,72	0,39	3,34	4,19
– лицевой физиономический	73	69,27	85,19	76,91	0,43	3,65	4,75
– лицевой морфологический (от нижнего края бровей)	73	80,71	100,0	89,33	0,56	4,75	5,32
– лицевой морфологический (от переносья)	73	74,29	95,49	83,76	0,59	5,11	6,10
– губо-лицевой*	72	7,08	17,65	13,29	0,23	1,93	14,52
– носовой (от нижнего края бровей)	75	54,84	91,67	64,61	0,72	6,23	9,64
– носовой (от переносья)	75	24,44	104,76	73,95	1,13	9,83	13,29
– носо-орбитальный*	75	14,66	33,07	26,79	0,28	2,42	9,03

Условные обозначения и примечание (*): как в таблице 2.

Таблица 20

**Характеристика измерительных параметров головы и лица чувашей
Маринско-Посадского района (женщины второго поколения, дочери, выборка 11)**

Признаки	n	min	max	X	m (X)	S	V, %
1							
Возраст, лет	40	23,00	45,00	32,20	0,70	4,43	13,76
Продольный диаметр головы, мм	40	169,00	194,00	181,58	0,92	5,82	3,21
Поперечный диаметр головы, мм	40	142,00	163,00	151,75	0,82	5,20	3,43
Наименьшая ширина лба, мм	40	96,00	117,00	104,90	0,69	4,41	4,20
Скуловой диаметр, мм	40	126,00	147,00	135,25	0,78	4,91	3,63
Нижнечелюстной диаметр, мм	40	90,00	115,00	107,28	0,87	5,53	5,15
Физиологическая высота лица, мм	40	150,00	194,00	178,93	1,50	9,49	5,30
Равность, продольный диам. – физ. высота лица, мм	40	- 18,00	+ 21,00	+ 2,65	1,50	9,49	
Морфологическая высота лица (от нижнего края бровей), мм	40	103,00	136,00	121,48	1,18	7,46	6,14
Морфологическая высота лица (от переносья), мм	40	97,00	132,00	114,18	1,13	7,14	6,25
Высота носа от нижнего края бровей, мм	40	47,00	64,00	56,70	0,71	4,47	7,88
Высота носа от переносья, мм	40	42,00	58,00	49,40	0,66	4,17	8,44
Нособровное расстояние, мм	40	4,00	11,00	7,30	0,32	2,05	28,08
Ширина носа, мм	40	30,00	40,00	34,33	0,37	2,37	6,90
Ширина рта, мм	40	41,00	52,00	47,35	0,39	2,47	5,22
Высота верхней губы, мм	40	10,00	19,00	14,28	0,31	1,95	13,66
"Голщина" обеих губ, мм	40	10,00	21,00	16,25	0,41	2,59	15,94
Обхват головы, мм	40	525,00	590,00	557,25	2,51	15,85	2,84

1	2	3	4	5	6	7	8
Модули, мм							
– головы	40	157,00	177,00	166,41	0,75	4,75	2,85
– лица физиономический	40	144,50	170,50	157,09	0,98	6,20	3,95
– лица морфологический (от нижнего края бровей)	40	116,00	140,50	128,38	0,85	5,35	4,17
– лица морфологический (от переносья)	40	113,00	136,00	124,71	0,82	5,16	4,14
– носа (от нижнего края бровей)	40	39,00	51,00	45,51	0,45	2,85	6,26
– носа (от переносья)	40	36,50	46,50	41,86	0,42	2,64	6,31
Указатели, %							
– головной	40	77,30	92,61	83,62	0,51	3,21	3,84
– челюстно-лобный	40	90,60	111,76	102,35	0,84	5,29	5,17
– челюстно-скуловой	40	68,18	85,71	79,34	0,57	3,60	4,03
– лицевой физиономический	40	69,63	85,12	75,74	0,61	3,85	5,08
– лицевой морфологический (от нижнего края бровей)	40	78,83	99,22	89,84	0,79	4,99	5,55
– лицевой морфологический (от переносья)	40	72,26	94,96	84,44	0,76	4,81	5,69
– губо-лицевой*	40	8,20	15,45	11,76	0,23	1,47	12,50
– носовой (от нижнего края бровей)	40	24,63	72,92	59,92	1,23	7,76	12,95
– носовой (от переносья)	40	36,50	83,33	68,61	1,34	8,49	12,37
– носо-скуловой*	40	22,73	29,13	25,39	0,27	1,69	6,66

Условные обозначения и примечание (*): как в таблице 2.

Таблица 21

Характеристика измерительных параметров головы и лица чувшей
Маринско-Посадского района (суммарная группа женщин, выборка 12)

Признаки	п	min	max	X	m (X)	S	V, %
1	2	3	4	5	6	7	8
Возраст, лет	115	23,00	79,00	51,94	1,45	15,56	29,96
1 продольный диаметр головы, мм	115	165,00	194,00	182,36	0,54	5,82	3,19
Поперечный диаметр головы, мм	115	139,00	168,00	149,79	0,49	5,28	3,52
Наименьшая ширина лба, мм	114	91,00	117,00	104,52	0,44	4,72	4,52
Скуловой диаметр, мм	115	124,00	147,00	135,43	0,45	4,88	3,60
Нижнечелюстной диаметр, мм	115	90,00	120,00	107,77	0,53	5,66	5,25
Физиономическая высота лица, мм	113	158,00	194,00	177,36	0,83	8,84	4,98
Разность продольный диам. – физ. высота лица, мм	113	- 18,00	+ 34,00	+ 5,05	0,93	9,93	
Морфологическая высота лица (от нижнего края бровей), мм	113	103,00	138,00	121,16	0,64	6,84	5,65
Морфологическая высота лица (от переносья), мм	113	97,00	135,00	113,69	0,66	6,97	6,13
Высота носа от нижнего края бровей, мм	115	47,00	64,00	56,66	0,33	3,57	6,30
Высота носа от переносья, мм	115	42,00	60,00	49,20	0,35	3,78	7,68
Нособровное расстояние, мм	115	3,00	13,00	7,46	0,20	2,18	29,22
Ширина носа, мм	115	30,00	44,00	35,73	0,26	2,74	7,67
Ширина рта, мм	114	41,00	58,00	48,14	0,29	3,14	6,52
Высота верхней губы, мм	112	8,00	23,00	15,46	0,24	2,54	16,43
"Голщина" обеих губ, мм	110	8,00	21,00	14,18	0,28	2,94	20,73
Объем головы, мм	115	520,00	590,00	555,30	1,16	15,68	2,82

1	2	3	4	5	6	7	8
Модули, мм							
– головы	115	153,50	178,50	166,00	0,42	4,49	2,70
– лица физиономический	113	135,50	170,50	156,13	0,58	6,13	3,93
– лица морфологический (от нижнего края бровей)	113	115,50	141,50	128,29	0,47	4,96	3,87
– лица морфологический (от переносья)	113	112,00	140,00	124,57	0,46	4,92	3,95
– носа (от нижнего края бровей)	115	39,00	63,64	46,36	0,27	2,85	6,15
– носа (от переносья)	115	36,50	74,47	42,75	0,36	3,82	8,94
Указатели, %							
– лобной	115	74,09	92,61	82,19	0,31	3,37	4,10
– челюстно-лобный	114	90,60	116,16	103,18	0,51	5,43	5,26
– челюстно-скуловой	115	68,18	89,92	79,59	0,32	3,42	4,29
– лицевой физиономический	113	69,27	85,19	76,49	0,35	3,75	4,90
– лицевой морфологический (от нижнего края бровей)	113	78,83	100,0	89,51	0,45	4,82	5,38
– лицевой морфологический (от переносья)	113	72,26	95,49	84,00	0,47	4,99	5,94
– губо-лицевой*	112	7,08	17,65	12,74	0,18	1,92	15,07
– носовой (от нижнего края бровей)	115	24,63	91,67	62,98	0,66	7,13	11,32
– носовой (от переносья)	115	24,44	104,76	72,09	0,50	9,69	13,44
– носо-скуловой*	115	14,66	33,07	26,31	0,21	2,29	8,70

Условные обозначения и примечание (*): как в таблице 2.

Сравнение двух суммарных женских выборок двух изученных районов Чувашии (табл. 22–24, 12).

Анализируются женские группы двух районов вместе первого и второго поколений (табл. 1: выборки 16, 17, 18). *Продольный диаметр* в группах женщин первого (матери, выборка 16) и второго (дочери, выборка 17) поколений двух изученных районов характеризуется средними величинами (182,45 мм и 182,09 мм соответственно), практически равными значениями. В суммарной выборке 18 параметр составил 182,30 мм. *Поперечный диаметр* у матерей имеет среднее значение (148,32 мм), в отличие от дочерей с большим значением данного параметра 152,08 мм, что достоверно отличает два поколения ($p < 0,001$). Суммарная выборка 149,86 мм. *Наименьшая ширина лба*: группы достоверно различаются ($p < 0,001$), матери 104,09 мм, дочери 106,19 мм соответственно, суммарная выборка 104,96 мм. *Скуловой диаметр (ширина лица скуловая)*: значения данного параметра в двух женских группах соответственно равны: матери 134,93 мм, дочери 136,12 мм; различия достоверны ($p < 0,05$). Суммарная выборка 135,42 мм. *Нижнечелюстной диаметр (ширина лица нижнечелюстная)*: дочери 107,54 мм, матери 107,14 мм, суммарная выборка 107,30 мм. *Физиономическая высота лица* составила в группе матерей 174,50 мм, в группе дочерей 178,22 мм, в суммарной выборке 176,04 мм. Различие статистически достоверно ($p < 0,001$). *Разность* (продольный диаметр – физиономическая высота лица) у матерей +7,99 мм, у дочерей +3,87 мм, в суммарной выборке +6,29 мм. *Морфологическая высота лица (от бровей)*: средние величины матери 119,02 мм, дочери 120,59 мм, разница между группами статистически достоверна ($p < 0,05$). Суммарная выборка 119,67 мм. *Морфологическая высота лица (от переносья)*: матери 111,16 мм, дочери 112,68 мм; $p < 0,05$. Суммарно 111,79 мм. *Высота носа от нижнего края бровей* составила в группе первого поколения 56,29 мм, второго – 56,88 мм. Разница статистически недостоверна. В суммарной выборке средняя величина равна 56,53 мм. *Высота носа от переносья*: матери 48,46 мм, дочери 49,02 мм, различия статистически недостоверны. Суммарная выборка 48,69 мм. *Нособровное расстояние*: матери 7,83 мм, дочери 7,88 мм, суммарно 7,85 мм. Разница между поколениями статистически недостоверна. *Ширина носа*: средняя величина по этому параметру достоверно меньше во втором поколении (34,59 мм, $p < 0,001$). В первом – 36,31 мм, в суммарной выборке 35,61 мм. *Ширина рта*: по данному параметру наблюдается статистически достоверное различие между двумя выборками (матери 48,43 мм, дочери 47,64 мм, $p < 0,05$). Суммарная выборка 48,10 мм. *Высота верхней губы*: отмечено статистически достоверное различие по двум группам: матери 15,57 мм, дочери 14,18 мм ($p < 0,001$). Суммарная выборка 14,49 мм. *Толщина обеих губ*: первое поколение 12,45 мм, второе 15,64 мм, статистически достоверно различие между двумя группами ($p < 0,001$). Суммарная выборка 13,80 мм. *Обхват головы*: первое поколение 551,93 мм, второе 558,24 мм; разность статистически достоверна ($p < 0,001$). Суммарная выборка 554,51 мм. *Головной указатель* в двух жен-

ских группах попадает в разряд брахикефалии (матери 81,35%, дочери 83,57%, суммарная выборка 82,26%). Наблюдается достоверное различие между двумя поколениями по данному параметру ($p < 0,001$). *Модуль головы* (полусумма продольного и поперечного диаметров): матери 165,39 мм, дочери 166,99 мм ($p < 0,01$), суммарная выборка 166,05 мм.

При сопоставлении объединенных женских групп двух поколений (матери и дочери) Моргаушского и Мариинско-Посадского районов можно заключить, что тенденции, описанные отдельно для каждого района, отмечаются, в силу различий между выборками, не по всем параметрам (табл. 12). Наблюдается статистически достоверное различие между поколениями по следующим параметрам: поперечный диаметр головы, головной указатель, наименьшая ширина лба, ширина лица скуловая, физиономическая высота лица, морфологическая высота лица, нижнечелюстной диаметр (ширина лица нижнечелюстная), ширина носа, ширина рта, высота верхней губы, толщина обеих губ, обхват головы. Зафиксированные тенденции можно объяснить как возрастными, так и эпохальными причинами.

Женщины, сравнительные данные

Аналогично мужским женские выборки Моргаушского района относятся к верховым, а выборки Мариинско-Посадского района – к средненизовым чувашам. Сравним две этнографические группы чувашей.

Выборки первого поколения, матери (табл. 25, группы М1 и МП1; табл. 12: 9)

Достоверная разница по t-критерию Стьюдента между верховыми и средненизовыми чувашками первого поколения (матери) фиксируется по следующим параметрам: скуловой диаметр (на уровне тенденции к достоверности, верховые 134,31 мм, средненизовые 135,53 мм); нижнечелюстной диаметр (верховые 106,19 мм, средненизовые 108,04 мм; $p < 0,05$); физиономическая высота лица (верховые 172,47 мм, средненизовые 176,51 мм; $p < 0,01$); морфологическая высота лица от бровей (верховые 117,03 мм, средненизовые 120,99 мм; $p < 0,001$); морфологическая высота лица от переносья (верховые 108,85 мм, средненизовые 113,44; $p < 0,001$); высота носа от переносья (верховые 47,81 мм, средненизовые 49,09 мм; $p < 0,05$); высота верхней губы (верховые 15,03 мм, средненизовые 16,11 мм; $p < 0,01$); толщина обеих губ (верховые 11,89 мм, средненизовые 13,00 мм; $p < 0,01$), а также по некоторым значениям модулей и указателей (табл. 12). Следует отметить, что различия между женскими выборками (матери) верховых и средненизовых чувашек больше, чем между мужскими группами (отцы) этих же этнографических групп.

Выборки второго поколения, дочери (табл. 25, группы М2 и МП2; табл. 12:10)

Статистически достоверные различия между женскими выборками второго поколения (дочери) верховых и средненизовых чувашек отмечены по следующим параметрам: наименьшая ширина лба (верховые 107,02 мм,

Таблица 22

**Характеристика измерительных параметров головы и лица в суммарной
выборке женщин первого поколения (матери, выборка 16, два района Чувашии)**

Признаки	n	min	max	X	m (X)	S	V, %
1							
Возраст, лет	147	44,00	79,00	62,51	0,51	6,17	9,87
Продольный диаметр головы, мм	147	165,00	194,00	182,45	0,45	5,49	3,01
Поперечный диаметр головы, мм	147	139,00	168,00	148,32	0,41	5,01	3,38
Наименьшая ширина лба, мм	146	89,00	116,00	104,09	0,41	4,99	4,79
Скуловой диаметр, мм	147	122,00	147,00	134,93	0,43	5,21	3,86
Нижнечелюстной диаметр, мм	147	95,00	122,00	107,14	0,47	5,76	5,38
Физиологическая высота лица, мм	145	154,00	194,00	174,50	0,73	8,73	5,00
Разность продольный диам. – физ. высота лица, мм	145	- 10,00	+ 34,00	+ 7,99	0,79	9,47	
Морфологическая высота лица (от нижнего края бровей), мм	145	100,00	140,00	119,02	0,56	6,76	5,68
Морфологическая высота лица (от переносья), мм	145	90,00	135,00	111,16	0,59	7,19	6,47
Высота носа от нижнего края бровей, мм	147	48,00	63,00	56,29	0,28	3,36	5,97
Высота носа от переносья, мм	147	39,00	60,00	48,46	0,30	3,68	7,59
Нособровное расстояние, мм	147	3,00	13,00	7,83	0,19	2,31	29,50
Ширина носа, мм	147	30,00	44,00	36,31	0,21	2,53	6,97
Ширина рта, мм	146	40,00	58,00	48,43	0,29	3,57	7,37
Высота верхней губы, мм	144	8,00	23,00	15,57	0,21	2,58	16,57
"Толщина" обеих губ, мм	139	8,00	19,00	12,45	0,20	2,39	19,19
Обхват головы, мм	147	520,00	590,00	551,93	1,26	15,28	2,77

1	2	3	4	5	6	7	8
Модули, мм							
– головы	147	153,50	178,50	165,39	0,34	4,18	2,53
– лица физиономического	145	135,50	168,50	154,51	0,49	5,94	3,84
– лица морфологического (от нижнего края бровей)	145	114,00	141,50	126,97	0,39	4,78	3,76
– лица морфологического (от переносья)	145	109,00	140,00	123,04	0,41	4,88	3,97
– носа (от нижнего края бровей)	147	41,50	63,64	46,43	0,19	2,41	5,19
– носа (от переносья)	147	36,00	74,47	42,51	0,28	3,40	7,98
Указатели, %							
– головной	147	74,09	90,05	81,35	0,26	3,17	3,89
– челостно-лобный	146	90,57	116,67	103,02	0,47	5,72	5,55
– челостно-скуловой	147	71,11	89,92	79,42	0,29	3,58	4,51
– лицевой физиономический	145	64,89	89,63	77,46	0,34	4,05	5,23
– лицевой морфологический (от нижнего края бровей)	145	67,22	114,75	88,18	0,47	5,62	6,37
– лицевой морфологический (от переносья)	145	70,07	104,92	82,47	0,47	5,64	6,84
– губо-лицевой*	144	7,08	17,65	13,06	0,16	1,88	14,39
– носовой (от нижнего края бровей)	147	49,18	91,67	64,78	0,34	6,55	10,11
– носовой (от переносья)	147	24,44	104,76	75,03	0,76	9,27	12,36
– носо-скуловой*	147	14,66	33,60	26,87	0,19	2,28	8,49

Условные обозначения и примечание (*): как в таблице 2.

Таблица 23

Характеристика измерительных параметров головы и лица в суммарной выборке женщин второго поколения (дочери, выборка 17, два района Чувашии)

Признаки	n	min	max	X	m (X)	S	V, %
1	2	3	4	5	6	7	8
Возраст, лет	102	19,00	49,00	33,17	0,54	5,42	16,34
Продольный диаметр головы, мм	102	169,00	196,00	182,09	0,51	5,16	2,83
Поперечный диаметр головы, мм	102	142,00	163,00	152,08	0,48	4,84	3,18
Наименьшая ширина лба, мм	102	96,00	120,00	106,19	0,47	4,74	4,46
Скуловой диаметр, мм	102	124,00	149,00	136,12	0,51	5,18	3,81
Нижнечелюстной диаметр, мм	102	90,00	120,00	107,54	0,49	4,99	4,64
Физиологическая высота лица, мм	102	160,00	194,00	178,22	0,78	7,88	4,42
Разность продольный диам. – физ. высота лица, мм	102	- 18,00	+ 21,00	+ 3,87	0,79	7,96	
Морфологическая высота лица (от нижнего края бровей), мм	102	103,00	136,00	120,59	0,64	6,44	5,34
Морфологическая высота лица (от переносья), мм	102	97,00	132,00	112,68	0,62	6,24	5,54
Высота носа от нижнего края бровей, мм	102	47,00	64,00	56,88	0,37	3,71	6,52
Высота носа от переносья, мм	102	42,00	58,00	49,02	0,35	3,51	7,16
Нособровное расстояние, мм	102	4,00	14,000	7,88	0,22	2,19	27,79
Ширина носа, мм	102	30,00	44,00	34,59	0,26	2,62	7,57
Ширина рта, мм	102	39,00	59,00	47,64	0,32	3,19	6,69
Высота верхней губы, мм	102	10,00	21,00	14,18	0,21	2,08	14,67
"Толщина" обеих губ, мм	102	10,00	21,00	15,64	0,24	2,44	15,60
Обхват головы, мм	102	525,00	595,00	558,24	1,39	14,12	2,53

1	2	3	4	5	6	7	8
Модули, мм							
– головы	102	157,00	178,00	166,99	0,39	3,95	2,37
– лица физиономического	102	144,50	170,50	157,17	0,53	5,39	3,43
– лица морфологического (от нижнего края бровей)	102	116,00	140,50	128,36	0,48	4,83	3,76
– лица морфологического (от переносья)	102	113,00	136,00	124,39	0,46	4,69	3,77
– носа (от нижнего края бровей)	102	39,00	52,50	45,74	0,26	2,58	5,64
– носа (от переносья)	102	36,00	47,50	41,79	0,25	2,48	5,93
Указатели, %							
– головной	102	75,66	92,61	83,57	0,52	3,26	3,90
– челостно-лобный	102	90,6	111,76	101,38	0,48	4,82	4,75
– челостно-скуловой	102	68,18	85,71	79,03	0,29	3,02	3,82
– лицевой физиономический	102	67,39	85,12	76,48	0,36	3,66	4,79
– лицевой морфологический (от нижнего края бровей)	102	78,32	100,0	88,66	0,47	4,70	5,30
– лицевой морфологический (от переносья)	102	72,26	94,96	82,85	0,45	4,58	5,53
– губо-лицевой*	102	8,20	17,95	11,77	0,17	1,68	14,27
– носовой (от нижнего края бровей)	102	24,63	73,68	60,64	0,61	6,19	10,21
– носовой (от переносья)	102	36,50	83,33	70,31	0,69	7,02	9,98
– носо-скуловой*	102	21,74	31,82	25,43	0,19	1,89	7,43

Условные обозначения и примечание (*): как в таблице 2.

Характеристика измерительных параметров головы и лица в суммарной выборке женщин (18, матери и дочери, два района Чувашии)

Признаки	n	min	max	X	m (X)	S	V, %
1	2	3	4	5	6	7	8
Возраст, лет	249	19,00	79,00	50,49	0,99	15,60	30,89
Продольный диаметр головы, мм	249	165,00	196,00	182,30	0,34	5,35	2,93
Поперечный диаметр головы, мм	249	139,00	168,00	149,86	0,33	5,27	3,52
Наименьшая ширина лба, мм	248	89,00	120,00	104,96	0,32	4,99	4,75
Скуловой диаметр, мм	249	122,00	149,00	135,42	0,33	5,22	3,85
Нижнечелюстной диаметр, мм	249	90,00	122,00	107,30	0,35	5,45	5,08
Физиологическая высота лица, мм	247	154,00	194,00	176,04	0,55	8,57	4,87
Разность продольный диам. – физ. высота лица, мм	247	- 18,00	+ 34,00	+ 6,29	0,58	9,09	
Морфологическая высота лица (от нижнего края бровей), мм	247	100,00	140,00	119,67	0,42	6,66	5,57
Морфологическая высота лица (от переносья), мм	247	90,00	135,00	111,79	0,44	6,85	6,13
Высота носа от нижнего края бровей, мм	249	47,00	64,00	56,53	0,22	3,51	6,21
Высота носа от переносья, мм	249	39,00	60,00	48,69	0,23	3,62	7,43
Нособровное расстояние, мм	249	3,00	14,00	7,85	0,14	2,26	28,79
Ширина носа, мм	249	30,00	44,00	35,61	0,17	2,69	7,55
Ширина рта, мм	248	39,00	59,00	48,10	0,22	3,44	7,15
Высота верхней губы, мм	246	8,00	23,00	14,99	0,16	2,48	16,54
"Толщина" обеих губ, мм	241	8,00	21,00	13,80	0,19	2,87	20,79
Обхват головы, мм	249	520,00	595,00	554,51	0,96	15,11	2,72

1	2	3	4	5	6	7	8
Модули, мм							
– головы	249	153,50	178,50	166,05	0,26	4,15	2,49
– лица физиономического	247	135,50	170,50	155,61	0,37	5,86	3,77
– лица морфологического (от нижнего края бровей)	247	114,00	141,50	127,54	0,31	4,84	3,79
– лица морфологического (от переносья)	247	109,00	140,00	123,60	0,31	4,84	3,92
– носа (от нижнего края бровей)	249	39,00	63,64	46,15	0,16	2,49	5,39
– носа (от переносья)	249	36,00	74,47	42,28	0,19	3,08	7,28
Указатели, %							
– головной	249	74,09	92,61	82,26	0,21	3,38	4,11
– челостно-лобный	248	90,57	116,67	102,35	0,34	5,42	5,29
– челостно-скуловой	249	68,18	89,92	79,26	0,21	3,36	4,24
– лицевой физиономический	247	64,89	89,63	77,06	0,25	3,92	5,09
– лицевой морфологический (от нижнего края бровей)	247	67,22	114,75	88,38	0,33	5,26	5,95
– лицевой морфологический (от переносья)	247	70,07	104,92	82,63	0,33	5,22	6,32
– губо-лицевой*	246	7,08	17,95	12,52	0,12	1,91	15,26
– носовой (от нижнего края бровей)	249	24,63	91,67	63,08	0,43	6,72	10,65
– носовой (от переносья)	249	24,44	101,76	73,09	0,55	8,72	11,93
– носо-скуловой*	249	14,66	33,60	26,28	0,14	2,24	8,52

Условные обозначения и примечание (*): как в таблице 2.

Измерительные признаки головы и лица в женских выборках чувашей, Моргаушский и Маринско-Посадский районы Чувашии

Признаки	Мужчины									
	М1	М2	М сум	МПШ	МПГ	МП сум	Ч1	Ч2	Ч сум.	
	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
Численность										
1	72	62	134	75	40	115	147	102	249	
Возраст, лет	X	62,56	33,79	49,25	62,47	32,20	51,94	33,17	50,49	
	S	6,06	5,93	15,59	6,31	4,43	15,56	5,42	15,6	
Продольный диаметр головы, мм	X	182,11	182,42	182,25	182,77	181,58	182,36	182,45	182,30	
	S	5,15	4,69	4,93	5,81	5,82	5,82	5,16	5,35	
Полеречный диаметр головы, мм	X	147,88	152,29	149,92	148,75	151,75	149,79	148,32	149,86	
	S	4,96	4,63	5,28	5,05	5,20	5,28	4,84	5,27	
Наименьшая ширина лба, мм	X	103,86	107,02	105,32	104,32	104,90	104,52	106,19	104,96	
	S	5,12	4,79	5,20	4,89	4,41	4,72	4,74	4,99	
Скуловой диаметр, мм	X	134,31	136,68	135,40	135,53	135,25	135,43	136,12	135,42	
	S	5,48	5,32	5,51	4,89	4,91	4,88	5,18	5,22	
Нижнечелюстной диаметр, мм	X	106,19	107,71	106,89	108,04	107,28	107,77	107,14	107,3	
	S	5,66	4,65	5,25	5,74	5,53	5,66	4,99	5,45	
Физиономическая высота лица, мм	X	172,47	177,76	174,92	176,51	178,93	177,36	178,22	176,04	
	S	8,64	6,67	8,20	8,41	9,49	8,84	7,88	8,57	
Разность, продольный диам. — физ. высота лица, мм	X	+9,64	+4,66	+7,34	+6,37	+2,65	+5,05	+3,87	+6,29	
	S	8,69	6,76	8,22	9,98	9,49	9,93	7,96	9,09	

1		2	3	4	5	6	7	8	9	10
Морфологическая высота лица (от ниж. края бровей), мм	X	117,03	120,03	118,42	120,99	121,48	121,16	119,02	120,59	119,67
	S	6,44	5,68	6,26	6,52	7,46	6,84	6,76	6,44	6,66
Морфологическая высота лица (от переносья), мм	X	108,85	111,71	110,17	113,44	114,18	113,69	111,16	112,68	111,79
	S	6,78	5,43	6,33	6,91	7,14	6,97	7,19	6,24	6,85
Высота носа (от нижнего края бровей), мм	X	55,93	57,00	56,43	56,64	56,70	56,66	56,29	56,88	56,53
	S	3,66	3,17	3,47	3,03	4,47	3,57	3,36	3,71	3,51
Высота носа (от переносья), мм	X	47,81	48,77	48,25	49,09	49,40	49,20	48,46	49,02	48,69
	S	3,69	3,02	3,41	3,59	4,17	3,78	3,68	3,51	3,62
Нособровное расстояние, мм	X	8,13	8,26	8,19	7,55	7,30	7,46	7,83	7,88	7,35
	S	2,35	2,20	2,28	2,25	2,05	2,18	2,31	2,19	2,26
Ширина носа, мм	X	36,14	34,76	35,50	36,48	34,33	35,73	36,31	34,59	35,61
	S	2,42	2,77	2,67	2,64	2,37	2,74	2,53	2,62	2,69
Ширина рта, мм	X	48,29	47,82	48,07	48,57	47,35	48,14	48,43	47,64	48,10
	S	3,76	3,60	3,68	3,39	2,47	3,14	3,57	3,19	3,44
Высота верхней губы, мм	X	15,03	14,11	14,60	16,11	14,28	15,46	15,57	14,18	14,99
	S	2,46	2,17	2,37	2,59	1,95	2,54	2,58	2,08	2,48
"Толщина" обеих губ, мм	X	11,89	15,24	13,48	13,00	16,25	14,18	12,45	15,64	13,80
	S	2,22	2,26	2,79	2,44	2,59	2,94	2,39	2,44	2,87
Обхват головы, мм	X	549,49	558,87	553,83	554,27	557,25	555,30	551,93	558,24	554,51
	S	14,66	12,98	14,63	15,59	15,85	15,68	15,28	14,12	15,11

1		2	3	4	5	6	7	8	9	10
Модули, мм										
– голловы	X	164,99	167,35	166,09	165,79	166,41	166,0	165,39	166,99	166,05
	S	3,97	3,33	3,86	4,36	4,75	4,49	4,18	3,95	4,15
– лица физиономический	X	153,39	157,22	155,16	155,61	157,09	156,13	154,51	157,17	155,61
	S	5,64	4,84	5,61	6,06	6,20	6,13	5,94	5,39	5,86
– лица морфологический (от нижнего края бровей)	X	125,67	128,35	126,91	128,25	128,38	128,29	126,97	128,36	127,54
	S	4,47	4,50	4,67	4,77	5,35	4,96	4,78	4,83	4,84
– лица морфологический (от переносья)	X	121,58	124,19	122,79	124,49	124,71	124,57	123,04	124,39	123,6
	S	4,52	4,40	4,64	4,82	5,16	4,92	4,88	4,69	4,84
– носа (от нижнего края бровей)	X	46,03	45,88	45,96	46,81	45,51	46,36	46,43	45,74	46,15
	S	1,92	2,39	2,15	2,76	2,85	2,85	2,41	2,58	2,49
– носа (от переносья)	X	41,97	41,76	41,87	43,23	41,86	42,75	42,61	41,79	42,28
	S	2,03	2,38	2,19	4,26	2,64	3,82	3,40	2,48	3,08
Указатели, %										
– головной	X	81,25	83,54	82,31	81,44	83,62	82,19	81,35	83,57	82,26
	S	3,12	3,31	3,40	3,23	3,21	3,37	3,17	3,26	3,38
– челюстно-лобный	X	102,41	100,75	101,64	103,62	102,35	103,18	103,02	101,38	102,35
	S	5,93	4,42	5,33	5,48	5,29	5,43	5,72	4,82	5,42
– челюстно-скуловой	X	79,11	78,83	78,98	79,72	79,34	79,59	79,42	79,03	79,26
	S	3,80	2,59	3,29	3,34	3,60	3,42	3,58	3,02	3,36
лицевой физиономический	X	78,03	76,96	77,53	76,91	75,74	76,49	77,46	76,48	77,06
	S	4,38	3,48	4,01	3,65	3,85	3,75	4,05	3,66	3,92

1		2	3	4	5	6	7	8	9	10
– лицевой морфологический (от нижнего края бровей)	X	87,01	87,89	87,42	89,33	89,84	89,51	88,18	88,66	88,38
	S	6,21	4,38	5,44	4,75	4,99	4,82	5,62	4,70	5,26
– лицевой морфологический (от переносья)	X	81,16	81,82	81,47	83,76	84,44	84,0	82,47	82,85	82,63
	S	5,88	4,15	5,14	5,11	4,81	4,99	5,64	4,58	5,22
– губо-лицевой	X	12,82	11,77	12,34	13,29	11,76	12,74	13,06	11,77	12,52
	S	1,81	1,81	1,88	1,93	1,47	1,92	1,88	1,68	1,91
– носовой (от нижнего края бровей)	X	64,96	61,10	63,18	64,61	59,92	62,98	64,78	60,64	63,08
	S	6,92	4,95	6,37	6,23	7,76	7,13	6,53	6,19	6,72
– носовой (от переносья)	X	76,16	71,41	73,96	73,95	68,61	72,09	75,03	70,31	73,09
	S	8,57	5,69	7,73	9,83	8,49	9,69	9,27	7,02	8,72
посо-скуловой	X	26,95	25,45	26,26	26,79	25,39	26,31	26,87	25,43	26,28
	S	2,13	2,03	2,21	2,42	1,69	2,29	2,28	1,89	2,24

Условные обозначения. Изученные группы. Моргаушский район: М1 – первое поколение, матери; М2 – второе поколение, дочери; М сум. – объединенная выборка двух поколений, матери и дочери. Мариинско-Посадский район: МП1 – первое поколение, матери; МП2 – второе поколение, дочери; МП сум. – объединенная выборка двух поколений, матери и дочери. Чувашия (два района): Ч1 – первое поколение, матери; Ч2 – второе поколение, дочери; Ч сум. – объединенная выборка двух поколений, матери и дочери. X – средняя арифметическая, S – стандартное отклонение.

средненизовые 104,90 мм; $p < 0,05$); скуловой диаметр (верховые 136,68 мм, средненизовые 135,25 мм, тенденция к достоверности); морфологическая высота лица от переносья (верховые 111,71 мм, средненизовые 114,18 мм; $p < 0,05$); нособровное расстояние (верховые 8,26 мм, средненизовые 7,30 мм; $p < 0,05$); толщина обеих губ (верховые 15,24 мм, средненизовые 16,25 мм; $p < 0,05$), а также по некоторым указателям (табл. 12:10). В целом поколение дочерей двух этнографических групп различается меньше, чем поколение матерей, аналогичная картина наблюдается и в мужских группах.

В связи с малочисленностью данных по женским выборкам сравнительный анализ с другими этническими группами не проводился.

Заключение

Для современных мужчин-чувашей характерны следующие признаки внешности (евразийский масштаб) (табл. 11, 12). Средняя длина тела мужчин Моргаушского района 167,8 см, Мариинско-Посадского района 169,4 см¹⁶. Кефалометрические особенности: голова брахикефальной формы, то есть умеренно округлая (головной указатель в первом поколении верховых чувашей 81,73%, у средненизовых 81,19%, в суммарной выборке 81,46%) при средних размерах обоих диаметров. Продольный диаметр головы в группе верховых составил 189,91 мм, у средненизовых 190,69 мм, суммарно 190,29 мм; поперечный диаметр у верховых 155,09 мм, средненизовых 154,69 мм, суммарно 154,89 мм. Продольный диаметр головы незначительно, но больше физиономической, то есть полной высоты лица, что характерно для европеоидов. Лоб, лицо и нижняя челюсть широкие и очень широкие. Лицо мезопрозопное (среднеширокое по форме) при увеличенной по европейскому масштабу морфологической высоте (верховые 132,91 мм, средненизовые 132,45 мм), нос широкий (39,12 мм и 39,05 мм соответственно), невысокий, с большим нособровным расстоянием (7,80 мм и 8,06 мм). Форма носа умеренно мезоринная (среднеширокая), его ширина составляет у верховых 27,27 % от скулового диаметра, у средненизовых 27,37%. Высота верхней губы увеличена (17,45 мм и 17,70 мм соответственно). Ширина рта и толщина обеих губ средние и большие. Общие габариты головы, лица и носа по значениям модулей – средние и большие.

Для мужских групп второго поколения (сыновья) характерно увеличение поперечного диаметра головы (верховые 158,55 мм, средненизовые 157,83 мм) и как следствие – увеличение головного указателя (82,94% и 83,25% соответственно), что, вероятно, может быть объяснено эпохальным процессом брахикефализации. Следует отметить уменьшение нижнечелюстного диаметра, ширины носа, ширины рта, высоты верхней губы и увеличение физиономической высоты лица и толщины обеих губ по сравнению с первым поколением, что связано как с возрастными, так и с эпохальными процессами (табл. 11, 12). Две группы второго поколения имеют отрицательное значение разности продольного диаметра головы и физиономической

высоты лица (средненизовые чувашки: – 1,71 мм, суммарная группа сыновей двух районов – 0,38 мм.

У женщин по сравнению с мужчинами заметно меньше рост (Моргаушский район 158,2 см, Мариинско-Посадский район 157,0 см¹⁷), как и большинство размеров. Первое поколение (матери): форма головы более округлая (брахикефалия, головной указатель у верховых 81,25%, средненизовых 81,44, суммарно 81,35%). Продольный диаметр головы (182,11 мм и 182,77 мм) значительно превосходит физиономическую высоту лица (172,47 мм и 176,51 мм), то есть на 9,64 мм и 6,37 мм соответственно, чем в мужских группах. У верховых чувашек лицо относительно более широкое (эурипрозопия) за счет уменьшения морфологической высоты, у средненизовых – среднеширокое (мезопроропия). Соотношение между высотой верхней губы и высотой лица (губо-лицевой указатель) несколько меньше, чем у мужчин, нос относительно более узкий. Различия между женскими выборками (матери) верховых и средненизовых чувашек больше, чем между мужскими группами (отцы) этих же этнографических групп.

Для женских выборок второго поколения (дочери) характерно аналогично мужским группам увеличение поперечного диаметра головы (верховые 152,29 мм, средненизовые 151,75 мм) и, как следствие, увеличение головного указателя (83,54% и 83,62% соответственно), что, вероятно, может быть объяснено эпохальным процессом брахикефализации. Уменьшение ширины носа, ширины рта, высоты верхней губы и увеличение толщины обеих губ по сравнению с первым поколением, вероятно, связано с возрастными процессами, наблюдаемыми в онтогенезе (табл. 11, 12). В целом выборки дочерей двух этнографических групп различаются меньше, чем поколение матерей, аналогичная картина наблюдается и у мужчин.

В силу специфики изученных групп чувашей характеристика их затруднена для таксономической оценки. Вместе с тем можно признать, что по европейскому масштабу различий поволжско-приуральских народов чувашки представляют два нерезко различающихся антропологических комплекса (типа): волго-камского, по терминологии Т.И.Алексеевой¹⁸, и волжско-камско-степного, по терминологии Е.В. Дерябина¹⁹, при формировании которых активную роль играли процессы межэтнического и межрасового смешения. Укрупнение размеров лица, характерное для групп метисного происхождения, еще раз подтверждает гипотезу смешанного происхождения чувашей. Детализацию антропологических компонент, принимавших участие в формировании физических (расовых) особенностей чувашей, на данном материале провести невозможно. В связи с этим необходимо акцентировать внимание на важности проведения обследования коренного населения, равномерно охватывающего всю территорию Чувашии, по полной классической программе, разработанной отечественной школой научного расоведения. Следует отметить, что по-прежнему остается актуальным определение границ антропологических комплексов у чувашей, что представляется одной из первоочередных задач в аспектах этногенетической проблематики.

Литература

- ¹ История исследования археологических памятников в Чувашском Поволжье и материалы по антропологии чувашей. Чебоксары, 1995. 104 с.; Материалы по этнографии и антропологии чувашей. Чебоксары, 1997. 192 с.; Чуваши: актуальные аспекты антропологии. Чебоксары, 2004. 176 с.; Антропологический мониторинг населения Чувашии. Сборник статей. Чебоксары, 2009. 186 с. и др.
- ² *Аксянова Г.А.* Физическая внешность как маркер исторического развития человеческих популяций // Среда и культура в условиях общественных трансформаций. М.: АИРО-XX, 1995. С. 237–246.
- ³ Там же. С. 245.
- ⁴ *Алексеева Т.И.* Антропологический тип населения Чувашии // Крат. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР. М., 1955. Т. 23. С. 93–100; *Её же.* Очерк этнической антропологии чувашей // Чуваши: актуальные аспекты антропологии. Чебоксары, 2004. С. 50–58.
- ⁵ *Алексеева Т.И.* Очерк этнической антропологии чувашей.
- ⁶ *Акимова М.С.* К антропологии чувашей. Рукопись. 1949; *Алексеева Т.И.* Очерк этнической антропологии чувашей.
- ⁷ *Алексеева Т.И.* Антропологический тип населения Чувашии // Крат. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР. М., 1955. Т. 23. С. 93–100; *Её же.* Очерк этнической антропологии чувашей.
- ⁸ *Дерябин В.Е.* Этническая антропология современных народов Восточной Европы. Многомерное количественное изучение. М.: ВИНТИ, 1998; *Марк К.Ю.* Этническая антропология мордвы // Вопросы этнической истории мордовского народа. Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. LXIII. М.: АН СССР, 1960; *Алексеева Т.И.* Очерк этнической антропологии чувашей.
- ⁹ *Алексеева Т.И.* Очерк этнической антропологии чувашей.
- ¹⁰ Чуваши: актуальные аспекты антропологии.
- ¹¹ *Бунак В.В.* Антропометрия. М.: Учпедгиз, 1941. 365 с.
- ¹² Антропология коми. М.: ИЭА РАН, 2005. 280 с.
- ¹³ *Хрисанфова Е.Н., Перевозчиков И.В.* Антропология: Учебник. 2-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. С. 239.
- ¹⁴ *Аксянова Г.А.* Современные представления об антропологическом составе народа коми и его генетических истоках // Антропология коми. М., 2005. С. 53–176.
- ¹⁵ *Аксянова Г.А.* К антропологической характеристике южных удмуртов // Этнографическое обозрение. 2003. № 2. С.110–125.
- ¹⁶ *Чижилова Т.П.* Морфологическая характеристика чувашей // Чуваши: актуальные аспекты антропологии. Чебоксары, 2004. С. 90–91.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ *Алексеева Т.И.* Антропологический облик русского народа // Вопросы антропологии, диалектологии и этнографии русского народа. М.: ИЭА РАН, 1998. С. 3–27.
- ¹⁹ *Дерябин В.Е.* К этнической антропологии современных финских и тюркских народов восточноевропейской России // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Часть 1. М.: Старый сад, 1998. С. 38–57.

E.G.Lebedeva

The peculiarities of the anthropological type of the Chuvash (on the materials of the Chuvash anthropo-ecological expedition of 1994-1995)

The work is based on the materials of the household polling of the adult native rural population of Morgaushi and MariinskiyPosad districts of Chuvash Republic, collected by the participants of the complex international expedition of 1994-1995. The article explains in detail the results of the research work done in one of the parts of the general anthropo-ecological programme – morphology of the head and that of the face. New data about the anthropological type of the Chuvash, necessary for conducting the further regional anthropological and ethnogenetic researches, are being introduced into the scientific circulation.

Факторами изменения ценностных представлений являются духовные переживания и кризисы, которые претерпевает личность в тех или иных жизненных ситуациях. Рубеж XX–XXI вв. оказался переломным моментом для всех народов России, повлекшим изменения в их ценностных представлениях. Эти изменения ярко прослеживаются на материале чувашского фольклора. Конечная цель жизненного пути человека есть духовное совершенствование личности.

Ключевые слова: система ценностей чувашей, личность, духовность, фольклор.

В процессе поиска смысла своего существования человек постоянно на что-то ориентируется, оказывается перед тем или иным выбором. Делает это он исходя из своих ценностных представлений. Известно, что представления – это продукт ума, а ум находится в постоянном движении. Значит, ценностные представления динамичны и с течением времени меняются. В молодости радуется одно, в зрелом возрасте к тому же объекту другое отношение. У некоторых людей ценностные ориентации претерпевают лишь частичные изменения, а у других – коренные.

Целью нашей работы является анализ динамики ценностных представлений личности на материале фольклора чувашей. Будут рассмотрены те основные ценностные представления, в которых произошли явные изменения на рубеже XX–XXI вв. Выявление и осмысление новых форм ценностных представлений способствуют поиску собственного пути жизни человека, а также этноса в целом.

Проблема ценностей и ценностных представлений. Необходимо отметить, что проблема ценностей не нова. Различные аспекты данной проблемы на материале чувашского фольклора уже разрабатывались¹. Вместе с тем исследователи не изучали динамику ценностных представлений.

Ольга Николаевна Терентьева – кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: oterenteva2005@yandex.ru.

Прежде чем перейти к рассмотрению данного вопроса более подробно, следует остановиться на дефиниции «ценностное представление», так как в философско-социологической литературе понятия «ценность», «ценностные представления», «ценностные ориентации» трактуются неоднозначно. К примеру, Д.А. Леонтьев пишет, что в психологической литературе эти понятия смешиваются. В своей работе он выделяет собственно ценности, ценностные представления, ценностные ориентации. Ценностные ориентации он определяет как осознанные представления субъекта о собственных ценностях. К категории ценностных представлений относит ценностные стереотипы, ценностные идеалы².

Ценностные представления мы понимаем шире. Кроме стереотипов и идеалов они существуют в виде установок, убеждений, нравственных норм и правил. Ценностные представления начинают формироваться у человека с самого рождения. В течение жизни он уже применяет их, а по мере своего духовного роста может переживать ценности на своем личном опыте. Личность может определить для себя, что ценно, а что не ценно. В связи с этим здесь можно предложить следующую классификацию ценностей: ценностное представление; ценностное отношение или ценностная ориентация; ценностное переживание.

Допустим, у человека есть представление о том, что надо любить животных, птиц. В действительности он ломает гнездо, убивает животных, то есть поступает не по своим представлениям. Это можно назвать отношением. Представление – это идеальное, ментальное, а отношение, ориентация – действие человека в конкретной реальной ситуации. Когда человек ощущает единство с природой, он переживает данное явление. Бесспорно, после этого человек меняет свое привычное представление и ориентацию. Начинает относиться к людям, ко всем живым существам по-иному, с добротой. Ценностное переживание по-другому также можно назвать духовным переживанием.

Исходим из того, что ценностей как таковых в природе нет. Вне переживаний человека они не существуют. Если человек может быть счастливым, то счастье есть. Если он может быть добрым, то добро есть. Если на данный момент может любить, то для него существует такая ценность, как любовь. Если у него нет этой ценности, то нет её вообще. Любовь как ценность не существует, если человек сам не любит. Если для него нет Бога, то Бога нет и никогда не будет. Если человек может быть добрым, любить, воплощать в себе божественность, то эти ценности есть. Отдельно от человека, то есть его сознания, ценности не существуют.

Итак, если человек может осуществить свои ценностные представления, то у него есть ценности. Для примера рассмотрим ценности добро и зло. Человек должен среагировать в определенной ситуации: или отнестись с пониманием исходя из здравого смысла, или навредить. Если человек в этой ситуации не потеряет доброту, свою человечность, то можно говорить о доброте как о ценности.

В сказке «Элемпик» ярко отразились ценности добро и зло. Приведём текст:

Пурәннә тет пёр чухән хёрача. Уна Элемпик тенё. Вәлна пуян хёрёсем курайман. Пёрре сәмха туса чүрече витёр ыткәтса янә. Кайран Элемпик шырама каять. Кайсан-кайсан вәрманга пёр старике тёл пулать. Старикрен ыйтать: «Сәмха курман-и?» – тет. «Хирпе кусса карё», – тет. Хирпе каять-каять те пёр яла пырса кёрет. Пёр карчак пёччен пурнакан сёре пырса кёрет те ыйтать: «Сәмха курман-и?» – тет. «Мана мунча кўрт, ун чух сәмхәна тупса парәи», – тет. «Сана мёнле мунча кўртмелле-ха?» – тет. «Сўсрен турт, кутран тап». Вәл сәшла туман. Тумлантарнә та мунчана илсе аннә. «Халь сана мёнле мунча кўртмелле?» – «Сўсрен турт та кутран тап». Вәл ун пек туман. Лапка сине хәпартса сәпәнтарнә. Мунчаран тухсан: «Халь ёнтё сана мёнле илсе хәпармалла?» – «Сўсрен турт та кутран тап». Вәл ун пек туман. Вәл урапапа туртса хәпарнә. Карчак калать: «Маччара сарә арча пур, сав арчана хәпар та ил. Килне ситмесёр ан усса пәх». Вәл тухса каять. Вәл чәтаймасть, сул синчех усса пәхәть те ун умне ылтән япаласем тухса тәрашсё. Килне ситет те пүртне кёричченех пуянсем саратнә. Пүртне кёрсен пуян ачи сәмха тәвәть те чүрече витёр ыткәтәть те хир тәрәх каять. Пёр карчак тёл пулать. «Эсё сәмха курман-и?» – тет. «Хирпе кусса карё», – тет. Хирпе кайсан-кайсан пёр яла пырса кёрет тет. Пёр карчак патне кёрет те: «Эсё сәмха курман-и?» – тет. «Мана мунча кўрт», – тет. «Сана мёнле-мёнле мунча кўртмелле?» – «Сўсрен турт та кутран тап». Пуян хёрё сәшла тәвәть. «Халь ёнтё мана сәпәнтар», – тет карчак. «Сана мёнле сәпәнтармалла?» «Сўсрен турт та кутран тап». Пуян хёрё сәвән пек тунә. «Тумлантарса киле илсе хәпар», – тет карчак. «Сана мёнле илсе хәпармалла?» – ыйтәть пуян хёрё. «Сўсрен турт та кутран тап», – хуравлать карчак. Пуян хёрё сәвән пек тунә. Килне ситсен карчак каланә: «Мачча синче симёс арча пур. Сав арчана ил те килне кай. Килне ситмесёр ан усса пәх». Вәл килне ситмесёр усса пәхмасть. Килне ситсен усса пәхәть. Ун умне сёлен тухса тәрать. Пурте урайне ўкешсё. Пуян хёрин амәшпё юрлать: «Вилме кайса пуйса килет. Пуйма кайса вилсе килет»³.

«Жила-была одна бедная девочка. Её звали Элемпик. Богатые девочки её ненавидели. Однажды, сделав клубок, в окно выбросила. Затем Элемпик отправилась искать. Шла, шла и повстречала в лесу одного старика. У старика спрашивает: «Не видал ли клубка?» – «По полю покатился», – отвечает. Она шла, шла по полю и пришла в некую деревню. Зашла в то место, где жила одинокая старуха. «Не видела ли клубка?» – «Сведи меня в баню, тогда найду тебе клубок», – говорит. «А как тебя в баню свести?» – говорит. «За волосы дёрни, дай пинка». Она так не стала делать. Помогла одеться и повела в баню. «Теперь как тебя мыть?» – «За волосы дёрни и дай пинка». Она так не стала делать. Подняла на нары и попарила венником. Когда вышла из бани: «Как же теперь тебя довести?» – «За волосы дёрни и дай пинка». Она так не стала делать. Она довезла её на тележке. Старуха говорит: «На потолке есть жёлтый сундук, поднимись и достань. Не открывай, пока не дойдёшь до дома». Она отправилась. Не стерпела, по пути открыла, посмотрела, а перед ней появились золотые вещи. Пришла домой, а до того, как зайти в избу, её обокрали богачи. Вошла в дом, и дочь богача делает клубок, выбрасывает в окно и идёт по полю. Повстречала одну старуху. «Ты не видела клубка?» – спрашивает. «По полю покатился», – говорит. Шла, шла по полю и пришла в деревню. Заходит к одной старухе: «Не видела ли ты клубка?» – говорит. «Сведи меня в баню», – говорит старуха. «Как же тебя в баню свести?» –

«За волосы дёрни и дай пинка». Дочь богача так и сделала. «А сейчас попарь меня», – говорит старуха. «Как тебя парить?» – «За волосы дёрни и дай пинка». Дочь богача так и сделала. «Одень и отведи в дом», – говорит старуха. «Как же тебя отвести?» – спрашивает дочь богача. «За волосы дёрни и дай пинка», – отвечает старуха. Дочь богача так и сделала. Дома старуха сказала: «На потолке есть зелёный сундук. Достань этот сундук и иди домой. Не открывая, пока не дойдёшь до дома». Она не открывала, пока не дошла до дома. Дома открыла. Перед ней появилась змея. Все упали на пол. Мать богатой дочери запела: «За смертью отправилась – богатой возвратилась. За богатством отправилась – мёртвой возвратилась» (подстрочный перевод здесь и далее наш. – *О. Т.*).

В этой сказке прослеживаются две крайности: хороший поступок бедной девочки и плохой поступок богатой девочки по отношению к другому человеку. Бедная девочка, вопреки словам старухи, поступила по велению своего сердца, во всём ей помогла. Богатая девочка в аналогичной ситуации поступила иначе. Она «дёрнула за волосы, дала пинка» старухе. Отнеслась к пожилому человеку неуважительно. Из сказки видно, что доброта бедной девочки была вознаграждена сундуком золота. Богатая девочка тоже получила по заслуге: сундук со змеей. Можно сказать, что бедная девочка обладает такой ценностью, как добро. Другая девочка осуществила зло.

Для того чтобы глубже понять ценности и ценностные представления, приведём предание, где зафиксирована такая ценность, как мужество: «В старину в д. Нижарово жил один богатей. У него была сноха-богатырь. Однажды к ним явились разбойники. Сноха велела остальным членам семьи спрятаться и не показываться разбойникам. Сама приготовила обед и начала угощать незваных гостей обедом и пивом. Принесла она орехов, взяла горсть и говорит гостям: «Чёт или нечет?» Те ответили. Она опять говорит: «Скорлупу будем считать или ядрышки?» Разбойники говорят: «Ядрышки!» Хозяйка тогда сжала в горсти орехи и сразу их все раздавила. Разбойники переглянулись между собой и решили, что им лучше будет отсюда убираться, и ушли восвояси»⁴.

В этом предании видим, что сноха не растерялась, не испугалась грабителей, а сохранила мужество. Она спасла от разбойников не только себя, но и всю свою семью. Сноха, не потеряв мужества, вышла из сложившейся ситуации. В данном случае мужество можно назвать ценностью.

Таким образом, ценность является таковой лишь тогда, когда человек реализует ее в той или иной ситуации. В приведённой сказке и предании герои в разных ситуациях осуществляют свои ценности, то есть претворяют в действительность. Условно можно сказать, что ценностные представления личности проявляются как ценностные ориентации, а затем как ценностные переживания.

Факторы изменения ценностных представлений. Если бы ценности существовали как данность, то они были бы и у маленьких детей. Например, у двухлетнего ребенка отсутствует всякий жизненный опыт, и взрослые, родители навязывают ему свои ценностные ориентиры. Весьма интересно: грудных детей кормят апельсинами, бананами, чтобы они были здо-

ровыми; укутывают в теплые одежды, надевают им памперсы, по времени (но порой и без желания) их кормят, сажают на горшок, и это все ради блага ребенка. Правильен ли такой подход? Ценно ли для ребенка то же самое, что ценно для матери? Можно ли навязывать другому человеку свои ценности? Совпадают ли они?

Полагаем, что не всегда и не совсем совпадают. Переоценка ценностей, формирование нового мировоззрения, которые происходят у личности уже в достаточно зрелом возрасте (у всех этот возраст разный), именно это и показывает. Ценности – это результат внутренней работы субъекта, а не просто готовое заимствование и навязывание. Они вырабатываются и осознаются человеком в процессе социализации. Когда человек хочет быть добрым, он должен над этим работать. Религиозные системы для этого предлагают свои приемы. В частности, в христианстве предусмотрены молитва, пост, бдение, милостыня. Лишь после поста появляется радость, сострадание и т.д.

Христианство, буддизм, зороастризм, ислам дали всему человечеству этические нормы, моральные ценности. Что есть добро и что есть зло? Для Заратустры – то, что он нашел в себе, что пережил. Людям известны заповеди Иисуса, и многие стараются придерживаться их. Откуда эти ценности? Почему они звучат именно так, а не иначе? Несомненно, верующий сам все это пережил, это его нравственный опыт.

Нравственный опыт есть начало пути к духовности, то есть он тесно взаимосвязан с духовным ростом личности. По мере духовного роста человека меняются и его ценностные представления и ориентации. Здесь можно выделить несколько ступеней:

1. Все отдельно от всего, каждый сам по себе.

Например, лежит камень или лежит человек, умирает с голоду или от болезни – это другого человека не касается. Личность равнодушна к окружающим. Пословица гласит: *Сын синчи – йывӑс синчи*⁵. – «То, что на другом человеке, что на дереве». В этом тексте зафиксировано именно состояние: то, что происходит с другим человеком, не затрагивает личность, находится далеко от нее. *Сана шӑрш лексен ман пуç ыратмасть*⁶. – «Если ты угорел, то от этого моя голова не болит». Субъект соблюдает некоторую дистанцию по отношению к любому объекту, не только к действующему на него негативно.

2. В мире все взаимосвязано.

Так, человек чувствует связь с землей, камнем, родственниками. Он также чувствует, как на него оказывают влияние Луна, звезды и т.д. Подобные чувства, переживания нашли отражение в песнях, мифах, пословицах и поговорках и в других текстах чувашского фольклора. Например, в следующей песне говорится о связи с родственниками:

*Чулрӑм тухрӑм йрама,
Йӑванайса килет сар улма;*

*Эпир сыра, эсир сара тавансем:
Сыртяр Туря пёрле пуранма.*

«Выбежал на улицу,
Кагится наливное яблоко;
Мы темно-русые, вы светло-русые, родные:
Пусть предпишет Бог жить вместе»⁷.

3. Все едино: и не отдельно, и не связано. Нет субъектно-объектной дихотомии, дуальности. Пословица гласит: *Этем пурё пёр: вырӑс та, тутар та, чӑваш та, мӑкши те*⁸. – «Люди все едины: и русский, и татарин, и чуваш, и мордва».

Эта стадия развития ярко показана в притче «Я находился возле тебя» об индийском философе IV–V века Асанге.

«...Опять покинул Асанга пещеру. Ни о чём не думая, ни на что не обращая внимания, брёл он, не понимая, куда идёт и зачем. Он уже ничего не искал: ни богатства, ни счастья, ни Майтрею. Ничто не волновало и не трогало его. Шёл он, куда ноги несли. Но тут он неожиданно наткнулся на лежавшую у дороги больную собаку. Ещё издалека он слышал, как жалобно она скулит. Подойдя ближе, он заметил глубокую рану на задней ноге, и в этой ране было полно кишасщих червей. Собака беспомощно лизала рану и жалобно глядела на него слезящимися глазами. Он долго смотрел на неё, обдумывая, чем же ей помочь. Вдруг всё его тело охватила дрожь, в глубине души неожиданно зародилось сильное чувство сострадания. Рассудочное желание помочь собаке сменилось горячим, страстным стремлением спасти её, во что бы то ни стало. Рванувшись к ней, он дотронулся до раны и тут обратил внимание на шевелящихся червей – с той же силой, что и собаку, он пожалел и червей. Его задача усложнилась, ибо выбросить червей на землю – значило погубить их. Чувство жалости всё больше и больше нарастало и, наконец, охватило всё его существо. Все мысли были поглощены одним стремлением: спасти и собаку, и червей. Во всём его внутреннем мире не существовало ничего реального, кроме этой мысли, этой задачи. Он выхватил костяной нож, который носил с собой повсюду, он сделал это бессознательно; инстинктивно раскроил себе бедро и стал вытаскивать червей из собачьей раны, осторожно перенося их на свою рану. В тот же момент собака чудесно преобразилась в Майтрею – в радужном сиянии, в том самом облике, в котором Асанга представлял его во время созерцания в течение двенадцати лет»⁹.

В данной притче отразилось проявление глубокого сострадания. Только по мере духовного роста человек может чувствовать боль другого, неважно чью: человека или дерева, или земли... Такая личность не сможет уже никому причинить зло, так как получится, что он себе причинит зло, потому что все едино: нет понятий «я», «ты», «мое», «твое».

В жизни часто случается так: человек печалится потому, что его никто не любит, он чувствует себя одиноким. Весь окружающий мир благово-

лит ему, он просто этого не чувствует. Один страдает, а другой не понимает его страданий. Земля плачет, а мы этого не замечаем. Только человек с высоким уровнем духовности может чувствовать и различать, что есть добро, что есть зло.

В течение жизни человек мало сталкивается с реальностью. Всё в его представлениях и воображениях: семья, работа, отношения, любовь, вера, добро и т.д. Придумывает себе ерунду для того, чтобы уйти от действительности, то есть заполняет её чем угодно. Он начитался литературы (научной, художественной, публицистической и т. д.), посмотрелся фильмов, которые, на наш взгляд, всё больше и больше отдают его от жизни, чем приобщают к ней. В жизни происходит совсем не так, как в кино и литературе. Думается, многие испытали это на своём горьком опыте и согласятся с этим. В жизни всё не так, совсем по-другому.

Развивая эту же мысль, хочется отметить, что человек всегда старается жить в безопасности, избегать проблем и сложных ситуаций. Именно ситуация сталкивает человека с реальностью, которая постоянна, бесконечна и абсолютна. Легче избегать сложности, чем пережить её. То, что приближает к действительности и является фактором самосознания, – это боль и смерть. Лишь они помогают человеку понять, осознать жизнь, избавляют от иллюзий. Пословица гласит: *Хуйхă-суйхă сьнна улшăнтарать*¹⁰. – «В горе меняется человек». По поверью, к человеку сильно горящему о близком человеке, приходит *Вёре сёлен* (Огненный змей). Приведём следующее предание, записанное от очевидца:

Вут сёлен пирён анне патне пыма пусланă. 1943-мĕш сұлта анне атте вилни сĕнчен хут илсен питĕ хытă кулянатчĕ, сĕр варринче тăрса макратчĕ. Эпир те тăватгăн тан тăрса ларса аннепе пĕрле макратгăмăр. Питĕ хытă макăрсан Вут сёлен пырать тетчĕс.

Питĕ чухăн пурăнатгăмăр. Пĕр хăмаран тунă кравать сĕнче пиллĕкĕн сывăрнă. «Ан кăларса ярăр-ха мана, ыталăр-ха мана, ачасем», – тесе макратчĕ. Анне малтан хĕрринче выргатчĕ, кайран пирён хушпа кĕрсе выртса сывăрма пусларĕ. Эпир ун чухне пĕчĕк пулнă, каламан пире. Кайран анне урамри хĕрарăмсемпе юмахланине илтĕм.

Анне сĕр варринче тăрса тăпăртататчĕ ништа кайса кĕми. Вут сёлен атте пек пулса алак усса, пушăт сĕтĕрсе кĕрет тет. Кĕрет, ларать, юмахлат, сывăрма та пĕрле выргать тет. Сапла пĕрер эрне иртĕ пуль. «Кукасуна чĕнсе килĕр-ха», – тет анне. Кукаси Ёмпĕрт Туçара, аякрах мар. Эп чи асли пулнă, кайса чĕнтĕм. Кукаси килсен аннепе тем юмахласĕ каçхине. Пирён ыйхă килет. Сăхсăхса аннене ўкĕлтесе сывратса пурăнчĕ. Пĕр-ик эрне ытларах та пуль. Аннене кăмака хыçне уйрăм путмар сакки (хăма хурса) туса пачĕ. Анне сăва сĕне вил тăпри тăвас тенĕ. Кукаси апа чарнă.

Ялта Вут сёлен пирки тепĕр илтнĕ, урăх илтмен. Алеш текени сакăнса вилнĕ хыçсан амăшĕ хытă куляннă, ун патне Вут сёлен пыма пусланă. Сынсем те курнă. Йăлтăр-ялтăр хĕм сапса пынине курнă. Карта тăрăх сёлен пек вăрăммăн Вут сёлен пырать тет. Каçхине курнă¹¹.

«Огненный змей начал приходиться к нашей матери. В 1943 году мать после того, как получила весть о смерти отца, очень сильно переживала, вставала

ночью и плакала. Мы тоже четвером вставали и плакали вместе с матерью. Говорили, если сильно плакать, придёт Огненный змей.

Жили очень бедно. На кровати, сделанной из одной доски, спали впятером. «Не выпускайте меня, обнимите меня, дети», – причитала мать. Раньше мать лежала с краю, потом начала спать между нами. Мы в то время были маленькими, нам ничего не объясняли. Потом слышала, как мать на улице с женщинами разговаривала.

Мать посреди ночи вставала и топала ногами до невозможности. Говорила, что Огненный змей в облике отца открывает дверь и заносит в дом лыко. Заходит, сядет, разговаривает и спать вместе ложится. Так прошло около недели. «Позовите, пожалуйста, дедушку», – говорит мать. Дедушка жил в Имбюрти, недалеко. Я была старшей, ходила. По приходу дедушки они с матерью вечером о чём-то беседовали. Нас клонило ко сну. Дедушка каждый вечер, перекрестив, укладывал нашу мать спать и жил, наставляя её. Наверно, более двух недель. Для матери отдельно сделал за печкой нары, положив доску. Мать хотела на кладбище сделать могилу отца. Дедушка ей запретил.

В деревне про Огненного змея рассказывали ещё одну историю, больше не слышала. После того, как повесился некто по имени Алёш, его мать сильно горевала, к ней начал приходить Огненный змей. И люди видели. Видели, как он разбрасывал яркие огненные искры. Говорили, по забору Огненный змей, как змея длинный, шёл. Ночью видели».

Таких примеров о *Вёре сёлен* в фольклоре множество. Они записаны во время и после Великой Отечественной войны. Все эти предания говорят о том, что глубокая печаль, боль, слезы могут повлечь за собой изменения. Здесь нужно заметить, что боль должна быть не воображаемой, которую ещё называют блуждающей, а реальной, постоянной. Явление *Вёре сёлен* наукой мало изучено. Аналогичное есть и в русском фольклоре, который называется Огненным змеем. Ныне людям подобное не является. Возможно, это связано с мировоззрением современного человека, так как человек в своём сознании уже не поддерживает представления о *Вёре сёлен*. Чтобы эти представления являлись, человек постоянно должен поддерживать их в своём сознании, думать, вспоминать про них, представлять себе его образ. Также забываются *Арсури*, *Хёрт сурт*, *Куйкярэш* и т. п. Человек уже их не видит. Сейчас он думает про иноземные цивилизации, НЛО и т. д. Что находится в его сознании, то и может являться ему в некоторых критических ситуациях.

Следующая ситуация, сталкивающая с реальностью, это смерть близкого человека и переживание случившегося, испытание в себе утраты, боли. После этого также меняются прежние представления человека, он становится более любящим, сострадательным. Весьма трогательны похоронные, поминальные песни (*юна юрри*):

*Шурәм пусё тухё шуралса,
Сан шурә сәнна курас сук.
Шурәмпус тухнинне курәпәр –
Эсё кураймән.
Хёрлө хёвел тухё хёрелсе,*

Сан хёрлө чёреине курас сук.
 Хёрлө хөвел тухинне курәпәр –
 Эсё кураймән.
 Суркунне куккук килё – авәтё,
 Сан сассуна илтес сук.
 Чёкес юрринне илтёпәр –
 Эсё илтеймән.
 Сёр сырли пиёнё чух
 Сёр-шивран уйрәлтән.
 Эпир сёр сырли сийёпәр,
 Эсё сиеймән.
 Хурән сырли хёрелнё чух
 Хурәнташсенчен уйрәлтән.
 Эпир хурән сырли сийёпәр –
 Эсё сиеймән.
 Сут тёнчере пуранас чух
 Пиртен уйрәлса кайрән.
 Эпир, сыввисем, савәнса сурёпәр,
 Эсё суреймән¹².

«Рассвет наступит, белея,
 Твоего белого лица не увидеть.
 Наступление рассвета увидим —
 Ты не сможешь увидеть?
 Алое солнышко взойдет, румянясь,
 Твоего румяного лица не увидеть.
 Восход алого солнца увидим,
 Ты не сможешь увидеть.
 Весной кукушка прилетит — закукует,
 Твоего голоса не услышать.
 Песню ласточки услышим —
 Ты не сможешь услышать.
 Когда поспела клубника,
 (Ты) этот мир оставил.
 Мы поедем клубнику,
 Ты не сможешь поесть.
 Когда краснела земляника,
 (Ты) с родными расстался.
 Мы поедем землянику —
 Ты не сможешь поесть.
 Вместо того, чтобы жить на белом свете,
 (Ты) нас покинул.
 Мы, здоровые, радостно ходим,
 Ты не сможешь ходить».

Данная песня берёт за душу своими сравнениями: мы можем, а ты никогда больше не сможешь... С помощью сравнений передаются боль, сильные переживания, которые человек испытывает от потери близкого человека.

Человек, находящийся лицом к лицу со смертью, так же близок к действительности, как и в предыдущей ситуации. С. Гроф называет это состоя-

ние околосмертными переживаниями. Страх смерти – самое сильное среди чувств, способных изменить ценностные представления личности. Это чувство так же, как боль и любовь, приближает человека к жизни. Личность, пережившая смерть или находившаяся на грани жизни и смерти, становится самой собой или, можно сказать, становится другим человеком. После переживаний он уже не может думать и действовать как раньше. «Многие люди, – пишет практический психолог С. Гроф, – выходят из таких переживаний с более духовным взглядом на мир, ценностями и целями, основанными на откровениях, которые они получили на пороге смерти, что говорит о жизненной трансформации, типичной для всех успешно завершённых духовных кризисов»¹³.

Исследователи отмечают разные формы и причины духовных кризисов. Например, С. Гроф приводит список основных разновидностей духовного кризиса. К ним он относит следующие состояния: «1) шаманская болезнь; 2) пробуждение кундалины; 3) случаи переживания единства сознания («вершинные переживания»); 4) психологическое обновление посредством возвращения к средоточию; 5) кризис психического раскрытия; 6) переживания прошлых жизней; 7) общение с духами-водителями и «установление канала связи»; 8) околосмертные переживания; 9) близкие встречи с неопознанными летающими объектами (НЛО) и переживания похищений инопланетянами; 10) состояния одержимости»¹⁴.

Эта классификация составлена исходя из практики, его трудно оспаривать, но эти десять состояний редко происходят с людьми. Чаще случается, на наш взгляд, расхождение между субъективными представлениями и реальностью, которые являются одной из главных причин возникновения духовного кризиса. Представления личности о жизни не сходятся с самой жизнью. Например, в молодости многие видят счастливую жизнь такой: высокооплачиваемая работа, взаимная любовь, семья, дети, большой и красивый дом, машина, материальный достаток и т. д. Каждый может согласиться с этим, потому что у большинства людей мечты похожи. В следующей песне говорится о том, что каждый думает о счастливой судьбе:

*Улэхйтгём сүллё ту сине,
Сыру сырайгтгём шура́ чул сине;
Хамён алёран килсессён
Сырайгтгём пу́сама ырлёха.*

«Взошёл бы я на высокую гору,
Написал бы надпись на белом камне;
Было бы это в моей воле –
Записал бы себе счастливую долю»¹⁵.

Человеку не всегда удаётся воплотить свои мечты в реальность. Жизнь полна сюрпризов и неожиданностей. С людьми случается всякое, не только хорошие происшествия. Приходится переживать и смерть близких людей, голод и холод, болезни и страдания и многое другое. В песнях нередко отме-

чается эта бинарность: в жизни приходится испытывать и горе, и счастье. Например, в этом плане человеческая жизнь образно сравнивается с облаками, бегущими между луною и солнцем:

*Ёнгё пёлёт юхатъ, пёлёт юхатъ
Уйăхпалан хёвел хушшинчен;
Ёнгё ёмёр иртет, ёмёр иртет
Ырлăхпалан хурлăх хушшинче.*

«Уж облака бегут, облака бегут
Между луною и солнцем;
Уж век проходит, век проходит
Между радостями и печальями»¹⁶.

Получается, что ценностные представления личности – это ещё не реальность, а лишь её воображения. Практика, жизнь вносит свои коррективы, жизненная ситуация является более реальной по сравнению с субъективными ценностными представлениями личности.

Итак, духовные переживания и кризисы, которые претерпевает личность в тех или иных жизненных ситуациях, влекут за собой изменение ценностных представлений. Как гласят пословицы: *Ёне ури пусмасăр пурнăç мённе пёлместён*¹⁷. – «Пока нога коровы не наступит, о жизни не знаешь»; *Пурăнан пурнăç пăрăнăçсăр пулмасть*¹⁸. – «Жизнь без трудностей не бывает»; *Пурнăç урапи пёр йёрпе чупмасть*¹⁹. – «Колесо жизни по одной колее не катится».

Изменения, происходящие в человеке, отражаются и в его сновидениях. Недаром у чувашей особое внимание уделялось и до сих пор уделяется сновидениям и их толкованиям. Об этом сохранился следующий текст:

*Пирён чăвашсем ирхине тăрсан сын патне кайсан ҫапла калаҫсё: «Чипер ҫывăртăна, мён тёлёк куртăн кёҫёр?» – теҫсё. Вара калама пуҫлаҫсё мён курнине, илтнине, ҫпле сул сўренине калаҫаҫсё*²⁰. – «Наши чувашаи утром, когда идут к людям, говорят: «Как спалось, что приснилось прошлой ночью?» И начинают обсуждать о том, что видели, слышали, какие путешествия совершали».

На изменение ценностных представлений указывают следующие моменты сновидений: если смотреть из окна, если снится новая комната, если зажечь свечу, если видеть расчёсывание волос, молодую луну²¹. К переменам в жизни так же белая, светлая одежда²². По традиционным представлениям, эти образы оповещают человека о предстоящих переменах в его жизни.

Как мы отметили выше, если субъективные представления личности не соответствуют жизни, реальности, то возникает кризис. Духовный кризис личности равносильен смерти, но смерти не физической, а духовной. Лишь через смерть и воскресение происходят изменения. Пока человек не «умрёт», не возродится. После «смерти» он возвращается как бы обновлённым. У каждого народа эти стадии определяются по-разному. Можно назвать это

шаманизмом, мистерией, религией, культом смерти и т. п., но суть у них одна и та же. Наиболее ярко указанное мистическое явление отразилось в сказках: главный герой переходит границы иного мира и возвращается обратно в свой мир. О.Б. Степанова, например, анализируя селькупский фольклор, в своей работе рассматривает образы и способы входа в иной мир, запечатлённые в сказках. Её классификация способов перехода границы заслуживает особого внимания, поскольку те же самые способы можно обнаружить и в чувашских сказках.

Перейти границу, по мнению О.Б. Степановой, можно следующими путями: 1) через контакт духа и человека: посредством метаморфозы человека в духа и духа в человека, через поедание их друг другом и сожительство. Дух может иметь зооморфный и антропоморфный облик. Контакт в основном происходит через анатомические отверстия организма; 2) через проникновение на небо, в подземелье или жилище духа сквозь дыру, яму, отверстие, перешеек, дверь, окно, дымовое отверстие; 3) через воду, живую и мёртвую воду, погружение в водоёмы, варку в кипятке; 4) через сожжение, сквозь огнище; 5) через холод (замерзание, оттаивание); 6) при смене тёплого (светлого) и холодного (тёмного) времени суток и времён года; 7) с помощью дерева, растения (корней, стволов, пней, стеблей, ветвей, развилок, коры, через дупло и т. д.); 8) посредством камня; 9) в вихре ветра; 10) через смех, хохот; 11) через мысленный обман «мудрым» духом; 12) с помощью магических предметов (котла, бубна, гнезда, колыбели, гроба, кольца, ковра, платка, гребня, огнива и пр.) – аналогов образа утробы матери-предка; 13) во сне; 14) с помощью камлания шамана; 15) посредством действий, выражаемых глаголами «улететь», «уехать», «уйти» (далеко, на край земли / моря, надолго), «исчезнуть», «упасть», «спуститься», «пересечь» («переплыть», «перейти»), «прыгнуть», «подняться», «качаться», «перевернуться», «бросить», «пнуть», «отряхнуться», которые предельно кратко оговаривают способ перехода, без деталей, без указания образа входа. К кратким или «размытым» способам перехода относятся страх, опасность, угроза смерти, успешно пройденное испытание и «обновление»; 16) перейдя из одной социальной категории в другую. Через замужество, женитьбу, рождение или потерю ребёнка; 17) через утрату / возвращение целостности тела (костей, плоти; имеется в виду, как целое тело, так и отдельные органы); 18) через утрату / возвращение нормальных физических и психических способностей и функций организма (через болезнь / выздоровление): движения, дыхания, силы, зрения (способности быть видимым), слуха (способности быть слышимым), голоса, психических функций (рассудка, ума)²³.

В чувашских сказках запечатлены почти все эти моменты смерти и возрождения. Не встречается только переход границы с помощью камлания шамана. В архаических пластах устного народного творчества, в частности сказках, больше сохранились отражения алхимических процессов. Только определить и понять их нелегко, потому что они зашифрованы, так как предназначены для узкого круга людей – шаманов, ведунов и др. Толкование символов, встречающихся в сказках, доступно в основном таким людям.

Подытоживая, можно сказать, что человек меняется, когда ценности становятся настоящими, а не только в представлениях и воображениях. Надо почувствовать и понять. Здесь невозможно сказать, что конкретно нужно почувствовать, так как в этот момент исчезают и субъект, и объект. Это осознание – самое ценное. Ничего не изменится в жизни, пока каждый человек сам не осознает.

Изменение традиционных ценностных представлений. В результате реформ 90-х гг. XX в. система ценностей советского народа потеряла значимость. «Разрушение этих ценностных ориентиров не сопровождалось появлением сколько-нибудь равноценных новых. Отсюда достаточно очевидным образом берут начало многие социальные проблемы, с которыми мы сегодня сталкиваемся во всей их неприглядной красе: кризис нравственности и правосознания, социальная нестабильность, политическая дезориентация и деморализация населения, падение ценности человеческой жизни и многое другое. Налицо ценностный нигилизм, цинизм, метание от одних ценностей к другим, экзистенциальный вакуум и многие другие симптомы социальной патологии, возникшей на почве перелома ценностной основы, смыслового голодания и вывиха мировоззрения»²⁴.

Можно отметить, что вышеупомянутые Д.А. Леонтьевым социальные проблемы обществом постепенно решаются, и кризис проходит. Многие сферы общественной деятельности стабилизируются. Вместе с этим у личности формируются новые ценностные представления.

Освобождение от идеологического давления – самое главное достижение постсоветского периода. Обретение свободы является позитивным как для человека, так и для развития общества, поскольку тоталитарный режим, навязанная идеология превращают человека в машину, механизм, решая судьбу человека. После перестройки дух свободы постепенно проник во все сферы человеческой жизни. Личность имеет возможность выбрать себе профессию, вероисповедание, образ жизни, то есть у нее большие возможности для самореализации, самоактуализации, индивидуального проявления бытия.

Исследователи разных областей знаний со своих точек зрения рассматривают постсоветское время, выделяя положительные и отрицательные стороны. А.П. Хузангай отмечает следующие изменения в чувашской культуре, происшедшие после перестройки. К числу обретений чувашского народа он относит: новое осмысление культурно-исторического контекста; новые культурные ориентации (плюрализм культурного развития); попытку соизмерить уровень национально-культурного самосознания с общечеловеческими ценностями. Потери, по его мнению, такие: исчезло понятие наднациональной (интернациональной или космополитической) общности; произошло сужение культурного пространства; затруднен диалог разных национальных культур, который в рамках советской общности все же имел место; материальное обеспечение культурной деятельности и инициатив все более затруднительно²⁵.

Современный чувашский этнос пока ориентируется на те ценности, которые были сформированы их предками на протяжении многих столетий, чувашский народ придерживается в основном патриархальных порядков и относится к традиционным обществам. Однако в мире происходят большие изменения. Вряд ли народ может остаться в стороне от процесса глобализации. Поэтому ему нужно выработать новый ценностный базис, и этот процесс идет.

Далее более подробно рассмотрим те ценностные представления, в которых, на наш взгляд, произошли явные изменения по сравнению с традиционными представлениями.

Ценностные представления о природе и религии. Чувашская народная религия в большей степени служит для организации, упорядочения повседневной жизни. По сравнению с другими религиями в ней отсутствует идея спасения, освобождения. В мировоззрении чувашей материя – духовна, а дух – материален. Например, божество Ветер. Ветер – это материальная основа, но в понимании чувашей он одухотворен. У Ветра есть Мать и Дети, тем самым ему придали сакральное значение. Подобное мировоззрение у чувашей существовало относительно всего: воды, земли, огня, неба, солнца и т. п.

По традиционным представлениям, каждый шаг, каждый поступок человека по отношению к природе было священнодействием. Человек одухотворял весь процесс и самому действию придавал священность, потому что они сопровождались обращением к Богу, божествам и духам. Перед тем как сеять пшеницу, чуваш произносит молитву. Этим он дает жизнь, энергию. Это священный акт. Вообще человеку свойственно задавать программу. Если задаешь программу, то она принимает объективную форму, то есть имеет обыкновение реализоваться. Например, перед тем как заколоть животное, чуваш молится, как бы прося прощения. Тем самым он отдает дань, уравнивает, сохраняя природный баланс.

Обращение к духам природы соединяет человека и природу. Божества – это связующее звено между внутренним миром человека и окружающим внешним миром, то есть духовного с материальным. Пробует ли новый урожай или надевает новую одежду, чуваш произносит слова. Перед тем, как первый раз употребить овощи и фрукты, говорят: *Сӗнӗ сӗмӗс, кив ӗвар*²⁶. – «Новый урожай, старый рот», перед тем как надеть новое платье – *Сӗнни сӗтӗлтӗр, ӗан-сӗрӗм юлтӗр*²⁷. – «Новое пусть изнашивается, спина пусть останется». В советский период сильно разрушено положительное отношение к земле. В первую очередь ломались традиционные представления. Обращение к Богу, божествам у чувашей сохранилось в немногих случаях. Некоторые обряды совершаются, но значение утеряно. К примеру, перед тем как спустить гроб в землю, родные и близкие три раза обходят вокруг покойника. Можно лишь предположить, почему это делают три раза. Согласно древнеиндийским представлениям, до того, как развести огонь и сжечь умершего, обходят его пять раз, что означает поклонение пяти стихиям: земле, воде, огню, воздуху и эфиру.

В последние десятилетия коренным образом изменились представления о природе. Точно высказался на этот счет М.П. Желтов: «Огромную роль играет состояние природной среды, неотделимой от человека. Сейчас она загрязнена, отчуждена и не одушевлена. Мы относимся к ней, как к мертвой природе, что неправильно и сильно влияет на наше самочувствие. Мы должны относиться к земле как к суверенному субъекту земледелия. Отношения с ней должны складываться на основе любви и уважения, то есть быть нравственными»²⁸.

Дело не только в состоянии природы. Все это относится прежде всего к человеку, его внутреннему миру, который загрязнен, отчужден и не одушевлен. Мы согласны с утверждениями, что отношение к земле, всей природе должно быть справедливым, и склонны считать, что все беды человека от его неосознанных действий. Стремление человека к роскоши, излишеству оборачивается пагубным для природы. Химические отходы загрязняют воду, землю, воздух. Земля заполняется мусором. Человек уже не ощущает единства с природой. Он не шёл бы по такому лёгкому пути, если бы ощущал единство с ней.

Традиционная культура, которая придерживалась веками, постепенно меняется. Все меняется. Эти изменения не всегда ведут к худшему, возможны и более глобальные внутренние перемены. С изменением традиционных представлений, на наш взгляд, полное принятие жизни у чувашей постепенно сменяется отчуждением. Диалектическое развитие предполагает такую смену состояний личности. Отчуждение человека от окружающего мира, и в конце концов, от самого себя ведет к его деградации. В «гибели» личности есть и положительная сторона. Она заключается в том, что после того, как старое погибает, непременно появляется новое. Путем отрицания отрицания возможно зарождение личности, а также и будущее народа. Отчуждение личности от окружающего мира, самого себя, имеющее место в современном обществе, на наш взгляд, результат отсутствия веры в жизнь. В данном случае состояние отчужденности мы понимаем как патологию, болезненное состояние. Личность дистанцируется от другой личности, общества, природы, в конце – от самой себя.

Переход из полного принятие жизни к отчуждению начался еще до советской власти. Принятие христианства, несомненно, было одним из переломных моментов в жизни народа. Впоследствии народная религия в некоторой степени им была утрачена. Однако христианство так и не смогло полностью оттеснить старую чувашскую веру. Подтверждением является то, что крещеные чуваша по сегодняшний день выполняют некоторые свои традиционные обряды. Например, обряды, обращенные к духам предков, домашним духам, родильные, свадебные, поминальные обряды, от болезней и многие другие. В отличие от русских, принявших христианство, татар, принявших ислам, не все чуваша приняли христианство. Тот факт, что *Туря* у чувашей все еще существует, говорит о многом. Прежде всего о том, что чуваша – религиозный, исконно верующий народ.

О священниках, проповедующих христианство, сложилось представление об их алчности: *Пуп куç нухреп куç*²⁹. – «Глаза попа величиной в погреб», *Пуп куçё ёмётсёр*³⁰. – «Глаза у попа ненасытные», *Пачайшкă та лёрмай сáмарга хáпартни сáмес*³¹. – «И батюшка постоянно яичницу не ест». Например, недоверие зафиксировалось в этой пословице: *Пула шанниччен чунна шан*³². – «Вместо того, чтобы доверять попу, доверяй душе», *Пупан сáмахё тутлă, ёсё йу́сё*³³. – «У попа слово сладкое, да дела горькие». Широко распространено поверье: *Пула хирёç пулсан телей пулмасть*³⁴. – «Если встретишь попа, то счастья не будет». Поскольку чувашки живут по соседству с татарами, сохранились следующие выражения о мулле: *Мулла пуçне мур кётёр*³⁵. – «Пусть в голову мุลлы проникнет мор»; *Мулла хёрён те хáш чухне айáпё пулать*³⁶. – «У дочери муллы тоже иногда бывает вина».

Негативное отношение личности к священникам, отражённое в пословицах и поговорках, выражает неприятие навязанной и чуждой религии. В некоторой степени это сохраняется до сих пор.

В последние десятилетия роль церкви в жизни общества заметно усилилась. Люди часто пользуются услугами Русской православной церкви: освящают дома, машины, крестят детей, венчаются, ходят на исповедь к священнику, берут святую воду и т. д. Часть общества, в особенности женщины, активно посещает церковь во время церковных праздников, ходят на службу. Невозможно однозначно сказать: человек идет в церковь с верой или там ищет веру. В последнем случае у человека неправильное представление о вере как о ценности, потому что в церкви нет веры, она находится только в душе человека.

Личность, не верующая в Бога, также во что-то верит: в себя, в свои силы, близких и т. п. Мы не отождествляем религиозную веру и веру вообще. Идолы исторически меняются. Например, советская власть, отрицая религию, создала веру, где вместо Бога был свой идол. Тогда народ верил в светлое будущее, коммунизм. Это тоже вера. В конце XX в. появились другие ценности: деньги, успех и т. д. Запад предлагает нам своих идолов.

На наш взгляд, нынешнее состояние наиболее точно передает понятие «отчужденность». Мы склонны думать, что личность, дистанцируясь, больше погружена в себя, в некоторой степени отстраняется от окружающей действительности и не вмешивается в происходящее вокруг нее. Это отражено в некоторых текстах: *Хáна тимен сёлён-калтана, тискер кайáка тиме хушман*³⁷. – «Не велено трогать гадов, диких зверей, коль они тебя не трогают», *Усал хáй сулёпе суретёр*³⁸. – «Пусть Зло ходит по своей дороге». Например, в деревнях закрыли школы, клубы, – как видим, никому нет дела до этого. Если раньше абсолютно чужие люди помогали друг другу, то сейчас человек равнодушен к социальным потрясениям. Такие чувства, как коллективизм, духовное единство, постепенно становятся чуждыми. Человек четко начал разделять «моё» и «чужое». Моё важно, а то, что не моё – не имеет ценности. Такое равнодушие – не совсем позитивное социальное явление.

Таким образом, потеря веры в жизнь, на наш взгляд, есть прямое порождение отчуждения личности от людей, общества, природы, от самой себя. У чувашей вера в жизнь тесно взаимосвязана с верой в Бога, природу, родных, семью, друзей, поэтому необходимо возродить это чувство. Вера – это мощный импульс к жизни. С другой стороны, отчуждение личности от самой себя может происходить в том случае, когда человек неискренен. Невозможно отделяться, дистанцироваться от истинного «Я». Только после полного отчуждения остается истинное «Я». Если отчуждение имеет место быть, то это показатель того, что человек живет неправильно. Человек с самого рождения начинает отдаляться от самого себя. Ему и не дают быть самим собой, и это кому-то выгодно. Такой человек необходим прежде всего цивилизации, которая эксплуатирует его как раба. В последние десятилетия материальный мир стал таким разнообразным, что личность теряется в мире придуманных вещей.

Ценностные представления о труде. По традиционным представлениям чувашей, личности свойственно коллективное начало в труде. Приведем некоторые пословицы: *Халӑхпа пур ёс те пулать, пӗччен ним те пулмасть*³⁹. – «С народом любую работу сделаешь, в одиночку ничего не сделаешь», *Йышпа ёслеме лайӑх*⁴⁰. – «В коллективе работать хорошо», *Пӗччен кайнӑ – пурлях курнӑ, йышпа кайнӑ – телей тупнӑ*⁴¹. – «Один пошел – богатство увидел, с людьми пошел – счастье нашел», *Упа пӗччен пурӑнать, этем йышпа пурӑнать*⁴². – «Медведь живет один, человек живет в коллективе».

В перечисленных текстах ярко отражен принцип общности. Чуваши после весеннего посева, уборки урожая устраивали большие праздники. В застольных песнях, которые поются на праздниках, широко распространен призыв до самой смерти жить вместе.

Можно привести множество примеров, подтверждающих, что, личность чувствовала себя счастливой в коллективе. Выраженный коллективизм можно объяснить и тем, что личность среди людей чувствует себя гораздо увереннее, чем в одиночку. Коллективизм в труде и в праздновании важных жизненных событий имеет место и в настоящее время. Например, бытует поговорка: *Сышпа ёссе симсен пурнӑс пулмасть*⁴³. – «Если не будешь с людьми пить и есть, то жизнь не сладится». Здесь выражение «пить и есть» означает не только организацию праздников, но и совместные работы.

В XXI в. изменилось и отношение к труду. Это не значит, что человек перестал работать, отнюдь нет. Как говорится, *Ёс – вӑл пурнӑс илем*⁴⁴. – «Работа – это красота жизни», *Ёс пулсан телей те пур*⁴⁵. – «Если есть работа, то есть и счастье». Данные пословицы не потеряли свою актуальность. Дело в том, что у современного человека на первый план выступает достижение успеха. Он придерживается чувственных наслаждений, преследует корыстные цели, стремится к наживе, деньгам. Подтверждением тому служит и то, что в деревнях все реже и реже организуют *ниме* (бескорыстную взаимопомощь). В хозяйстве большие дела в основном делаются за деньги.

Сейчас мало кого интересует, каким путём человек зарабатывает. Главное – лишь бы заработать побольше денег, чтобы жить красиво и богато. Приведём наглядный пример. В деревне частные лица продают алкогольную продукцию плохого качества, даже представляющую угрозу для жизни. Многие жители попадают в эти сети. Как видим, зарабатывают на жизнь и таким путём. Продавать яд, зная, что это яд, – это, без сомнения, безнравственно, преступно. На это явление, губящее людей, тормозящее развитие деревни, соответствующие органы не обращают должного внимания.

Наблюдается также изменение доли общественного труда. Например, сейчас почти нет колхозов и совхозов. Вместо того, чтобы работать и зарабатывать деньги на своей родной земле, человеку приходится трудиться за пределами деревни, города, республики. Человек, окончательно потерявший веру в жизнь, начинает спиваться, то есть отчуждаться от самого себя, что мы наблюдаем не только в Чувашской Республике, но и по всей России.

Можно с уверенностью сказать, что человеком движет выгода, алчность, страсть к наживе, деньгам, удовольствиям, роскоши. Человек XXI в. уже не довольствуется малым, ему хочется объять весь мир. Для того чтобы достичь своих целей, он ни перед чем не остановится. Если ему необходимо, то смело пойдёт и против природы.

Ценностные представления о семье. С обретением свободы изменились представления личности о семье. Подтверждение тому – появление гражданских браков. Это явление активно афишируется в средствах массовой информации. В деревнях подобные отношения пока наблюдаются редко. Такие взаимоотношения, на наш взгляд, связаны со стремлением личности к полной свободе, независимости, но они не могут дать человеку эту свободу, а дают лишь иллюзию свободы. Если раньше матери-одиночки резко осуждались обществом, то теперь женщина стала уверенней в себе и сильней, может воспитывать детей одна, не опасаясь осуждения общества.

По традиционным представлениям, брак являлся и до сих пор является священным, который всячески оберегается от негативных внешних воздействий, зла. Это ярко отразилось в благопожеланиях молодоженам: *Килти сáмаха яла илсе ан тухя́р, ялти сáмаха киле ан кёртёр*⁴⁶. – «Слова, произнесенные дома, в деревне не распространяйте, деревенские слова в дом не заносите». Это благопожелание произносится на каждой свадьбе, что подчеркивает его ценность.

Согласно же традиции, *тёлчэк* (самый младший сын в семье) должен жить с родителями. Сейчас молодожёны стремятся жить отдельно, что связано, видимо, с желанием быть свободным. Тяга к свободе, вольность детей чревато оборачивается для самих родителей. Появились дома для престарелых людей, как на западе, в которых обитают брошенные детьми родители. Слово «*тёлчэк*» теряет свою смысловую нагрузку, и это происходит относительно быстро: в течение 10–15 лет. У этого явления, несомненно, есть свои негативные и позитивные стороны.

По поводу создания семьи Э.В. Никитина пишет: «По-прежнему сохраняется направленность чувашской молодежи на здоровую семейную жизнь, причем ответственность за благополучие дома и семьи, как и раньше, берут на себя женщины»⁴⁷. Э.В. Никитиной верно подмечено, что на чувашской женщине лежит большая ответственность за благополучие семьи. Когда отцы ездят на заработки в дальние города, воспитание детей полностью возлагается на матерей. Тем самым роль отца в воспитании своего чада сводится к минимуму. Материальный достаток, конечно, немаловажен для семьи, но деньги не заменят отцовскую теплоту и любовь.

Далее вкратце остановимся на воспитании и на отношениях между родителями и детьми. Подрастающее поколение сейчас в основном воспитывается не на традиционных ценностях. От родителей всё реже и реже можно услышать загадки, поучающие пословицы и поговорки, народные сказки, помогающие отличить добро от зла, формирующие традиционные представления и т. д. Нынешние дети чаще играют дома в компьютерные игры, где учат убивать, смотрят западные мультфильмы, которые пропагандируют свои ценности. По существу, кино, мультфильмы, музыка, художественная литература, искусство в целом отражают нынешнее состояние общественного сознания. Эта сфера выполняет такую же воспитательную функцию для детей, как в своё время выполняли детские игры, сказки, приметы и поверья, песни, пословицы и поговорки, загадки, мифы и легенды и т.д. И это факт. На наш взгляд, виртуальная реальность, пользующаяся высокой популярностью среди всего населения, не способствует пониманию жизни, постижению мудрости, а ещё больше отдаляет от жизни, истины. Эта воображаемая реальность вводит человека в заблуждение.

Мудрость гласит: *Ача-пӑча кусси кусаймӑн теҫҫӗ*⁴⁸. – «Не станешь бегать детской побежкой», *Ача-пӑча хыҫҫӑн кайнӑ, сӗтел ури айне кӗрсе вилнӗ*⁴⁹. – «Последовал за детьми, забравшись под стол, помер». Сейчас, вопреки народной мудрости, родители много позволяют своим детям. Наоборот, дети манипулируют своими родителями. Традиционное воспитание основывалось на страхе. Старшие (родители, бабушки и дедушки, тѣти и дяди) пугали младших потерей самого дорогого, ценного: отца и матери, целостности тела, домашних животных, пищи и т.д. Говорили: *Ура силлесе ларсан амӑшӗ вилет теҫҫӗ*⁵⁰. – «Если сидишь и болтаешь ногами, то мать умрет», или же *Ват сынна ҫапсан алӑ чӗтрет теҫҫӗ*⁵¹. – «Если ударишь старого человека, то рука будет трястись», *Хӗвеле хирӗс пӑрсан пурне чӗрре кӗрет тет*⁵². – «Если напротив солнца мочиться, то воспалится палец» и т. д. Эти тексты формировали личность: её мировоззрение, ценностные представления. Учили её порядку, культуре поведения, нормам, мере, то есть как бы закладывали в детях фундамент. Подобные нравоучения были действенными, но, к сожалению, сейчас потеряли свою актуальность. Новые ориентиры, предложенные западом, постепенно начали координировать нашу жизнь. Вместо того чтобы использовать свой опыт, опыт наших предков, гонимся за чужими ценностями.

Ценностные представления о пище. По традиционным представлениям, пища – священна. Она от Бога, и к ней надо относиться с уважением: нельзя смеяться, ссориться во время еды, быть привередливым к еде. В народе говорят: *Ҫинӗ чухне кулсан Шуйттан ҫӑкӑр татӑкне чӑмласа хурать тет*⁵³. – «Если смеёшься во время еды, то Шайтан прожует кусок хлеба», *Апатшӑн тавлашмаҫҫӗ*⁵⁴. – «Ради еды не ссорятся», *Панӑ апата тиркемеҫҫӗ*⁵⁵. – «К предложенной еде нельзя быть разборчивым». Ранее, где рассматривали ценностные представления о природе, было отмечено, что каждое действие человека по отношению к природе было священнодействием, ритуалом. К пище было такое же отношение, начиная с момента приготовления до её употребления. Она готовилась своими руками – это важный момент. Своими молитвами, обращением к Богу, божествам и духам человек одухотворял весь процесс. Когда сажал, ухаживал, собирал урожай, хранил, употреблял – всё это было ритуалом.

У чувашей было особое отношение к хлебу. Сохранились такие поверья:

*Ҫӑкӑр е ҫӑкӑр тӗпренчӗкӗ урайӗнче выртнине курсах ӑна илмесӗр урапа пуссан чӑвашсем пысӑк ҫылӑх тесе шутлаҫҫӗ. Ҫавӑнпа алӑри сыртӑк ӱксен, тупаймасан та, ӑна шырама кирлӗ, кам ун пек тумасть – вӑл ҫын мар. Ҫӗлӗке хывмасӑр ҫӑкӑр ҫисен – каҫарми ҫылӑх*⁵⁶. – «Если на полу видишь хлеб или крошки хлеба и, не поднимая, наступаешь, то чуваша считают это большим грехом. Поэтому, когда из рук упадёт кусок, его надо искать, если даже не найдёшь. Кто так не делает, тот не человек. Есть хлеб, не снимая шапку, – неискупимый грех».

Хлеб, по сравнению с другими продуктами питания, представлял для чувашей высшую ценность: *Ҫӑкӑртан аслӑ пулаймӑн*⁵⁷. – «Не сможешь быть выше хлеба». Наиболее полно пищу чувашей в XIX–XX вв. описали Г.Т. Тимофеев, Г.И. Комиссаров, Н.В. Никольский⁵⁸. Пища состояла из натуральных продуктов: овощей, фруктов, грибов, трав, молочных продуктов, хлеба, мяса и т. д. Ели то, что даровала природа. Можно сказать, что эти продукты питания формировали сознание личности, её представления, мировоззрение.

В XXI в. человек ест уже другую пищу, которая по-своему формирует сознание человека. Сейчас человек больше питается готовыми продуктами, приготовленными чужими руками и техникой. Та одухотворённость, которая присутствовала раньше в пище, почти уже отсутствует. Все готовые продукты напичканы химическими препаратами, которые вызывают физические, психические болезни. Многие последствия питания в человеке ещё не проявились. Агрессия, проявляющаяся и у детей, и у взрослых, также результат неправильного питания. Эти явления почему-то мало волнуют умы людей.

Как было упомянуто выше, человеком движет выгода. Сколько предприятий в России, изготавливающих товары не надлежащего качества, труд-

но сосчитать. Сейчас непросто приобрести качественные продукты в магазине, потому что производители не заботятся о качестве продукции, а думают только о выгоде. Многие потребляют эти продукты, не задумываясь о дальнейшем. Если ещё в древности говорили о загрязнении организма человека, создавали очистительные методики, то до какой же степени загрязнён организм современного человека?

Чувашская мысль о собственном пути жизни. Поколением XXI в. многие ценности традиционного общества уже не усваиваются. Теряя свои исконные ценности, социум старается заменить их западными ценностями. На наш взгляд, необходимо полагаться на собственные усилия, то есть нужна вера в свои традиции, в себя. Не нужно походить на кого-то другого, а нужно быть самим собой. Ценностные ориентации каждого человека должны исходить из своего нравственного опыта. Нужен свой путь жизни, собственное видение мира, мироощущение. Этим обладают немногие. Чувашская мысль о собственном пути жизни, на наш взгляд, выражена в предании «Пулрти Валем хуҫа» («Валем хузя из Биляра»), записанном чувашским народным поэтом Н.И. Полоруссовым-Шелеби. Приведем некоторые строки из предания:

*Пётём ёмёр тәршишле
Пёр усал ёҫ тумарём.
Ҫамрăк чухне вёрентём,
Пёрте ахаль тăмарём.
Ҫамрăк чухне вёрентём,
Вăй кёрссесён ёслерём,
Ватълассăн кёл турём,
Турă патне сул турём...⁵⁹*

«За всю свою жизнь
Не совершил ни одного злого дела.
В молодости учился,
Ни разу без дела не сидел.
В молодости учился,
Когда прибавились силы, работал,
В старости молился,
Готовил путь к Богу...».

На наш взгляд, показывая жизненный путь *Валем хуҫа*, Шелеби стремился дать народу путь, новый путь жизни, которого и сам придерживался. Ценностные ориентации: жить праведно, в молодости учиться, в зрелости работать, в старости молиться – близки к восточному пониманию жизненного пути человека, согласно которому конечной целью является духовное совершенствование личности. Развитие духовных качеств есть смысл человеческой жизни.

Необходимо отталкиваться от того, что чуваша – это нация со своей культурой, верой, языком, самобытным укладом жизни, собственным мироощущением. Чуваш – это человек новой эпохи, новой эры, ещё полнос-

тью не сформировавшийся как самостоятельный этнос с неустоявшимися взглядами на себя, на свою историю. Весьма интересно, что чуваш может сказать о русских, татарах, но не может сказать о себе. Недаром пословица гласит: *Самса айёнчи курёнман тет, ката хёрринчи курённй тет*⁶⁰. – «То, что перед носом, не видно, то, что за полем, видно». Нужно поменять отношение к культуре, к народу. На берегу залива города Чебоксары написано: «Чебоксары – жемчужина России». Это недостаточная самооценка. Чувашскую нацию нужно рассматривать как социокультурный феномен, как жемчужину мировой культуры. Человек должен жить с чувством собственного достоинства, а чуваш всё ещё не решается разговаривать на языке своих отцов и матерей.

Жизнь сама определяет основной вектор развития, а человек – только одна часть жизненного пути. В процессе эволюционного развития человеческой жизни меняется мировоззрение человека, вместе с этим меняются и его ценностные ориентации. В данной работе мы ставили задачу проследить некоторые явные изменения в ценностных представлениях, происшедшие в последние несколько десятилетий. Их полная оценка не входила в нашу задачу. Во многих случаях исследователи, замечая явные разрушения и называя их деградацией, не замечают зарождение новой формы. Например, на данный момент времени какое-либо новое явление можно охарактеризовать как отрицательное, пройдет некоторое время, и оно будет восприниматься как положительное, то есть все относительно.

Анализ показал, что внешние и внутренние факторы жизнедеятельности взаимообусловлены: изменение ценностных представлений личности детерминировано определенным развитием общественной жизни, а изменение внутреннего мира личности, ее мироощущения, в свою очередь, меняет представление о мире.

Литература и источники

¹ Терентьева О.Н. Ценностные ориентации личности и уровень пользования родным языком // Актуальные проблемы чувашского языка и литературы. Материалы Всероссийской научно-практ. конф. Стерлитамак, 2004. С. 117–120; *Её же*. Отражение ценностных ориентаций в пословицах и поговорках // Национальные языки России: региональный аспект. Материалы Международной научно-практ. конф. 20–21 октября, Пермь, 2005. С. 253–255; *Её же*. Ситуативность ценностных ориентаций личности // Вестник Чувашского университета. Чебоксары, № 1. 2007. С. 88–91; *Её же*. Ценностные ориентации личности в языке // Чувашский язык: вчера, сегодня, завтра. Материалы Международного симпозиума. Чебоксары: ЧГИГН, 2010. С. 167–171; *Её же*. Ценностный мир чувашей: нравственность и мировосприятие. Чебоксары: ЧГИГН, 2011. Вып. 5. 34 с. (Научные доклады); *Её же*. Отражение ситуативности и относительности ценностных ориентаций личности в устном народном творчестве чувашей // Чăваш халăх историйĕпе культурин сивĕч ыйтăвĕсем [Статьясен пуххи]. Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа [Сборник статей]. Чебоксары: ЧГИГН, 2011. С. 260–273; Николаев Г.А. Богатство и богатые люди в представлениях средневожского крестьянства второй половины XIX – начала XX вв. // Мир предпринимательства Поволжья в исторической ретроспективе: Материалы научной конференции. Чебоксары, 15–16 ноября 2001 г. Чебоксары, 2002. С. 19–40; *Его же*. Богатство в системе социально-нравствен-

ных ценностей волжского крестьянства второй половины XIX – начала XX веков // Чувашский гуманитарный вестник. 2009. № 4. С. 25–57; *Его же*. Жизнь в вере и правде в представлениях волжского крестьянства второй половины XIX – начала XX века // Региональные особенности аграрных отношений в России: история и современность. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой Году земледельца в Чувашской Республике. Чебоксары: ЧКИ РУК, ЧГИГН, 2010. Ч. 1. С. 280–288; *Федотова Е.В.* Чăваш халăхĕн кулленхи пурнăçĕнчи сăнавĕсемпе ĕненĕвĕсен, тĕлĕксен хайне сĕрлĕхĕ // Чăваш халăх пултарулăхĕ: сăнавсемпе ĕненĕсем, тĕлĕксем [Чувашское народное творчество, приметы и поверья, сновидения]. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2009. С. 6–7; *Родионов В.Г.* Обновлённая парадигма ценностей-первооснов в творчестве К. Иванова (Кашкăр) // Константин Васильевич Иванов (Кашкăр): сб. научных статей. Чебоксары: ЧГИГН, 2010. С. 64–76; *Харитонова В.Г.* Ценностные представления населения Чувашской Республики // Эффективность, результативность и качество государственного и муниципального управления. Материалы II Всеросс. научно-практич. конференции. Чебоксары, 4 февраля 2011 г. Чебоксары: Новое время, 2011. С. 147–153 [и др].

² *Леонтьев Д.А.* Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени URL:[http // www.follow.ru/article/344](http://www.follow.ru/article/344) (дата обращения: 26.11.2010).

³ Из личного архива Г.Ф. Юмарта.

⁴ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 26. Инв. № 52. С. 90. Записано в д. Нижарово Янтиковского района Чувашской Республики в 1940-х гг. И.Д. Никитиным от С. М. Желтова.

⁵ *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чебоксары: Руссика, 2000. Т. 12. С. 101.

⁶ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 53. С. 293.

⁷ Чувашские народные песни: 620 песен и мелодий, записанных от Гаврилы Федорова / Сост. Ю.А. Илюхин. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1969. С. 15.

⁸ *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чебоксары: Руссика, 1994. Т. 3. С. 35.

⁹ Буддийские притчи URL:[http // www.touching.ru/textlist/index/buddiyskie.548](http://www.touching.ru/textlist/index/buddiyskie.548) (дата обращения: 26.11.2010).

¹⁰ *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Т. 3. С. 229.

¹¹ Материалы из личного архива автора, собранные в 2001–2011 гг. Записаны в д. Шинеры Цивильского района Чувашской Республики в 2010 году от А.Н. Николаевой.

¹² Чăваш халăх пултарулăхĕ: пилсемпе кĕлĕсем [Чувашское народное творчество: благословения и молитвословия]. Шупашкар, Чăваш кĕнеке изд-ви, 2005. С. 275.

¹³ *Гроф С., Гроф К.* Духовный кризис: когда преобразование личности становится кризисом / Пер. с англ. А.С. Ригина. М.: Независимая фирма «Класс», Издательство Трансперсонального института, 2000. С. 44.

¹⁴ *Гроф С.* Надличностное видение: Целительные возможности необычных состояний сознания / Пер. с англ. С. Офертаса; Под общ. ред. В. Майкова. М.: Издательство АСТ и др., 2002. С. 120.

¹⁵ Сĕр савра юрă. Чăваш халăх афоризмла поэзийĕнчен [Сто строф. Из чувашской народной афористической поэзии]. Сост. М.Г. Кондратьев. Чебоксары, 1998. С. 100.

¹⁶ Там же. С. 132.

¹⁷ Чăваш халăх пултарулăхĕ: ваттисен сăмахĕсем [Чувашское народное творчество: пословицы и поговорки]. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2007. С. 124.

¹⁸ Там же. С. 125.

¹⁹ Там же С. 127.

²⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 159. С. 364.

²¹ Чăваш халăх пултарулăхĕ: сăнавсемпе ĕненĕсем, тĕлĕксем. С. 294, 313, 325, 326, 335.

²² Там же. С. 332.

²³ *Степанова О.Б.* Традиционное мировоззрение селькупов: представления о круговороте жизни и душе. СПб.: Петербургское востоковедение, 2008. С. 136–137.

- ²⁴ *Леонтьев Д.А.* Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 15.
- ²⁵ *Хузангай А.П.* Тексты, метатексты & путешествия. Чебоксары, 2003. С. 99–100.
- ²⁶ Чăваш халăх пултарулăхĕ: ваттисен сăмахĕсем. С. 188.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ *Желтов М.П.* Отношение «человек – земля». Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2005. С. 154–155.
- ²⁹ *Ашмарин Н.И.* Ваттисем каланă сăмахсем. Сборник чувашских пословиц. Чебоксары: Чувашиздат, 1925. С. 32.
- ³⁰ *Месарош Д.* Сборник чувашского фольклора. Будапешт, 1912. С. 17.
- ³¹ Чăваш халăх пултарулăхĕ: ваттисен сăмахĕсем. С. 294.
- ³² Там же. С. 295.
- ³³ Там же.
- ³⁴ *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чебоксары: Руссика, 1999. Т. 9. С. 291.
- ³⁵ Чăваш халăх пултарулăхĕ: ваттисен сăмахĕсем. С. 293.
- ³⁶ *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чебоксары: Руссика, 1999. Т. 8. С. 263.
- ³⁷ *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Т. 12. С. 60.
- ³⁸ Материалы из личного архива автора, собранные в 2001–2011 гг. Записаны в д. Нижегородо Янтиковского района Чувашской Республики от Л.П. Терентьевой.
- ³⁹ Чăваш халăх пултарулăхĕ: ваттисен сăмахĕсем. С. 280.
- ⁴⁰ *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чебоксары: Руссика, 1994. Т. 4. С. 306.
- ⁴¹ Чăваш халăх пултарулăхĕ: ваттисен сăмахĕсем. С. 279.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Материалы из личного архива автора, собранные в 2001–2011 гг. Записаны в д. Му- сирмы Урмарского района Чувашской Республики от А.В. Николаевой.
- ⁴⁴ Касрăм, касрăм пĕрене. Ёç çинчен халăх хывнă юрăсемпе ваттисен сăмахĕсем [Стук-стук, срубил я сруб. Чувашские народные песенки и пословицы о труде]. Шупашкар, Чăваш кĕнеке изд-ви, 1976. С. 8.
- ⁴⁵ Чăваш халăх пултарулăхĕ: ваттисен сăмахĕсем. С. 303.
- ⁴⁶ Чăваш халăх пултарулăхĕ: пилсемпе кĕлĕсем. С. 210.
- ⁴⁷ *Никитина Э.В.* Чувашский этноменталитет: сущность и особенности. Чебоксары: Новое время, 2005. С. 158.
- ⁴⁸ Чăваш халăх пултарулăхĕ: ваттисен сăмахĕсем. С. 354.
- ⁴⁹ *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чебоксары: Руссика, 1994. Т. 2. С. 168.
- ⁵⁰ Чăваш халăх пултарулăхĕ: сăнавсемпе ёненĕсем, тĕлĕксем. С. 228.
- ⁵¹ Там же. С. 20.
- ⁵² Там же. С. 238.
- ⁵³ Там же. С. 163.
- ⁵⁴ Чăваш халăх пултарулăхĕ: ваттисен сăмахĕсем. С. 401.
- ⁵⁵ Там же С. 405.
- ⁵⁶ Чăваш халăх пултарулăхĕ: сăнавсемпе ёненĕсем, тĕлĕксем. С. 161.
- ⁵⁷ Касрăм, касрăм пĕрене. Ёç çинчен халăх хывнă юрăсемпе ваттисен сăмахĕсем. С. 2.
- ⁵⁸ *Тимофеев Г.Т.* Тăхăрьял. Этнографи тĕрленчĕкĕсем. Халăх сăмахлăхĕ. Сырса пынисем. Сырусемпе асаилĕсем. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2002; *Комиссаров Г.И.* О чувашах: исследования. Воспоминания. Дневники, письма / Сост. и прим. В.Г. Родионова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003; *Никольский Н.В.* Собрание сочинений в 4-х т. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 2004. Т. 1.
- ⁵⁹ Чăваш халăх пултарулăхĕ: халăх эпосĕ [Чувашское народное творчество: народный эпос]. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2004. С. 21.
- ⁶⁰ *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чебоксары: Руссика, 1994. Т. 6. С. 155.

O.N.Terentyeva

The dynamics of the value presentation of the Chuvash (on the folklore material)

The spiritual feelings and crises suffered by a personality under different life situations are the factors for the change of value presentations. The boundary of the 20th-21st centuries became a crucial point for all the peoples of Russia that was resulted in changes of their value presentations. These changes are clearly traced on the material of the Chuvash folklore. The final cause of the walk of a human being is a spiritual perfection of a personality.

ЧУВАШСКОЕ ГУМАНИТАРНОЕ НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО В ЗЕРКАЛЕ МНЕНИЙ УЧЕНЫХ-ГУМАНИТАРИЕВ*

18 августа 2010 г. исполнилось 80 лет

старейшему научному учреждению Чувашской Республики – Чувашскому государственному институту гуманитарных наук. В рамках подготовки к данному знаменательному событию редакционная коллегия научного журнала «Чувашский гуманитарный вестник» инициировала среди ученых-гуманитариев обмен мнениями по актуальным вопросам чувашеведения. Для обсуждения была выбрана тема «Чувашское гуманитарное сообщество: прошлое и настоящее». Исследователям было предложено высказать свою точку зрения по нижеследующим блокам вопросов:

1. В настоящее время в сфере чувашеведения в Чувашской Республике и за ее пределами трудится многочисленный отряд исследователей. Не будет преувеличением, надо полагать, если утверждать, что Чувашское гуманитарное научное сообщество это состоявшийся институт. Очевидно, что степень его зрелости должна измеряться по качественным параметрам. Пожалуй, один из таких критериев – умение и желание исследователей слушать и слышать друг друга. То есть, образно выражаясь, в научном пространстве должны присутствовать как монолог, так и диалог. Не находите ли Вы, что сегодня в нем безраздельно господствует монолог? Вряд ли можно оспорить и тот факт, что в современных научных изданиях преобладают комплиментарные рецензии. Появившиеся на свет солидные труды, как правило, не становятся предметом широкого публичного обсуждения. Не проводятся и дискуссии. Не кажется ли Вам, что дело здесь не столько в малом числе специалистов, сколько в нашем инерционном мышлении? В современной науке новые направления и подходы обычно возникают на стыке разных дисциплин. Почему, на ваш взгляд, так редки у нас междисциплинарные исследования? Почему новейшие теории и концепции мировой гуманитарной науки так редко находят отклик в наших научных изысканиях?

2. Как известно, Настоящее произрастает из Прошлого. Так уж исторически сложилось, что чувашским гуманитариям досталось относительно небогатое научное наследие. С какого времени, на ваш взгляд, чувашеведение стало научным, культурным и общественным явлением? Какова роль Чувашского государственного института гуманитарных наук (в недавнем прошлом – Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики) и высших учебных заведений республики в становлении Чувашского гуманитарного научного сообщества? Стать храмом науки – конечная цель любого научного института. Является ли на сегодня Чувашский гуманитарный институт таковым?

3. В недавнем прошлом над чувашскими гуманитариями довлел дамоклов меч идеологической составляющей. Наука подвергалась мощному администрированию. Сегодня в данном плане ситуация куда более благоприятная. Казалось бы, мы должны иметь «бум» фундаментальных исследований по всем гуманитарным дисциплинам. Но, к сожалению, подобной картины мы не наблюдаем. Во всяком случае, в багаже чувашской гуманитарной науки таковых трудов на сегодня немного. Если и есть всплеск сочинений, то они в своем большинстве и при большом допуске вряд ли могут быть причислены в разряд академических. Не утратило ли современное поколение исследователей некоторые качества, присущие нашим

---

* Материал к печати подготовлен Г.А. Николаевым.

предшественникам-гуманитариям? Как, на Ваш взгляд, в современных условиях Чувашский государственный институт гуманитарных наук может противостоять девальвации научных изысканий?

4. В недавнем прошлом в широком обиходе был лозунг-формула «Кадры решают все». Очевидно, что проблема кадров, пополнения научного сообщества остра и сегодня. В советское время она отчасти решалась направлением талантливых молодых исследователей в научные центры страны. Сегодня подобная практика большая редкость: кадры готовятся «дома». В этом, пожалуй, больше минусов, чем плюсов. Где, на ваш взгляд, выход из сложившейся ситуации?

Анкета вызвала ряд откликов-размышлений. Они увидели свет в прошлом номере настоящего издания (См.: Чувашский гуманитарный вестник. 2010. № 5. С. 181–191). В настоящем выпуске публикуются ответы на вопросы анкеты, поступившие в редакционную коллегию за истекший период.

Отклики-размышления на анкету:

В.П. Иванов, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела этнологии и антропологии ЧГИГН.

1. Чувашское гуманитарное научное сообщество сложилось, как мне представляется, в 50–70 гг. XX в. Именно в это время в полный голос заявил о себе целый ряд уже собственно чувашских ученых, представлявших разные направления и отрасли гуманитарных наук. Появились свои высококвалифицированные специалисты, которых в предыдущие десятилетия советской власти практические не было. Причем они уже изначально были обречены войти в историю как знаковые фигуры в своих научных направлениях: в исторических науках – И.Д. Кузнецов, В.Д. Димитриев, В.Ф. Каховский, П.В. Денисов, в языкознании – В.Г. Егоров, С.П. Горский, М.Р. Федотов, Л.П. Сергеев, М.М. Михайлов, И.А. Андреев, Н.П. Петров, в социально-экономических науках – Г.Н. Ахмеев, В.И. Ильдеменов, П.А. Сидоров, в философии и социологии – А.И. Петрухин, Г.Е. Кудряшов, в литературоведении и фольклористике – М.Я. Сироткин, Г.Я. Хлебников, в искусствоведении – Ф.А. Романова, Н.А. Ургалкина, Ю.А. Илюхин, в педагогике – Г.Н. Волков и др.

Их мощный и нередко новаторский опыт научного осмысления чувашского мира оказал огромное и, по сути, определяющее влияние на формирование концептуальных основ чувашеведения. Ряд монографий этого времени, к примеру, М.Я. Сироткина («Очерк истории чувашской советской литературы». 1956 г.), П.В. Денисова («Религиозные верования чувашей». 1959 г.), В.Д. Димитриева («История Чувашии XVIII века». 1957 г.), В.Г. Егорова («Современный чувашский язык в сравнительно-историческом освещении». 1954 г.), В.Ф. Каховского («Происхождение чувашского народа». 1965 г.) и другие стали событием общенационального характера и оказали существенное влияние на формирование психологии и ориентаций нового поколения образованной части чувашского этноса, на повышение имиджа и статуса ученого (и науки в целом) в глазах студенчества гуманитарных факультетов местных вузов.

Указанное время – это время «монументальных» научных конференций, сессий и форумов, в которых принимали участие не только крупные ученые из Москвы, но не менее активно, в отличие от нынешнего времени, высокие партийные и советские руководители республики. Хорошо помню, как, с каким пафосом была организована в 1976 г. научная сессия, посвященная 425-летию вхождения Чувашии в состав России. Нельзя сказать, что в советское время наука жила без дискуссий. Они были. Без этого научная деятельность, особенно в гуманитарных дисциплинах, совсем бы заглохла. Конечно, в дискуссиях того времени оппоненты хорошо чувствовали меру и границы дозволенного, не переходили черту, не влезали почем зря в область идеологии и политики, где все было незыблемо, «железобетонно». Например, именно в ожесточенных дискуссиях и спорах ученых, писателей и общественных деятелей с чиновниками партсвопрганов в 1960-х гг. выкристаллизовалась и обрела

общенациональное звучание идея увековечивания имени И.Я. Яковлева, пересмотра и нового осмысления его дела и наследия как просветителя чувашского народа. Эта борьба не обошлась без жертв. Как известно, некоторые видные чувашеведы, прежде всего будущий академик Г.Н. Волков, подверглись гонениям со стороны власти имущих.

Вместе с тем, для полноценных научных дискуссий по той или иной научной проблеме зачастую просто-напросто не хватало специалистов. А обсуждать его с теми, кто представляет тему лишь в общих контурах или только-только открывает для себя мир весьма серьезной научной темы (например, тот же вопрос этногенеза чувашей), бессмысленно. Часто оппоненты бывают представленными двумя лагерями – научным и околонаучным. Один из них представляют люди теоретически подкованные, но при этом слабо владеющие конкретным материалом, другой – те, кто широко и богато информирован конкретикой, но не способен привести ее в логически связанную систему. Дискуссия с последними по этой причине редко бывает продуктивной.

Согласен, комплиментарный характер отзывов о рукописях и изданных трудах сегодня стал привычным. И как будто все с этим уже свыклись. Но, с другой стороны, нас, чувашеведов, не так много, чтобы, как говорится, «на корню душить» любую работу по той или иной проблематике, тем более если она у автора первая, то есть поисковая. Но ведь, как говорится, лиха беда начало. Я убежден, что работы поискового плана, в которых идет нащупывание новых, доселе никем не поднятых аспектов значимой для чувашеведения проблемы, должны быть поддержаны, хотя бы морально. Конечно, при этом речь не идет о «бредятине», которой много, главным образом по вопросам происхождения чувашского этноса.

Порой невольно приходишь к мысли, что лучше хотя бы комплиментарные отзывы, чем вообще ничего, чем, как говорят, «ноль внимания». Надо морально поддержать тех, кто находит время и деньги на научное творчество, да еще сам же на свои средства издает созданные труды. Работаем-то в чувашеведческой сфере практически бесплатно, без гонораров, а тут еще колкости (если бы только!) по поводу недочетов автора, тем более начинающего.

Беда ведь и в том, что в постперестроечное время установилась «традиция» не реагировать рецензиями и просто откликами в печати не только на научные работы, но и на новые театральные постановки, на вышедшие из печати произведения писателей и поэтов, на персональные выставки художников и т.д. Зачастую именно по причине отсутствия широкого публичного обсуждения они не становятся событием культурной жизни республики. Между тем мастера художественной культуры хорошо помнят те времена, когда рецензии на их новые произведения специально заказывались газетами и журналами, публиковались на «аршинных» площадях. Редакторы радио и телевидения устраивали в эфире живые встречи читателей и зрителей с авторами. Так что не только гуманитарные науки, но и национальная культура в целом сейчас переживает отнюдь не лучшие времена, прежде всего из-за отсутствия внимания не только со стороны специалистов, но и соответствующих государственных органов и СМИ. В конечном же итоге новое и интересное в сфере культуры и науки сплошь и рядом остается вне социума. Вот это печально.

Междисциплинарные исследования появляются тогда, когда соответствующие отдельные научные дисциплины по уровню разработанности своей базовой проблематики достигают определенной планки, когда от них отдельные аспекты начинают «отщепляться» уже в качестве самостоятельных направлений. У меня есть кое-какой опыт осуществления междисциплинарных исследований и могу сказать, что дается это нелегко. Отрадно отметить, что и в нашем отделе в последние годы появились работы на стыке этнографии и других наук: «Чувашское народное зодчество» Г.Б. Матвеева (этнография + архитектура), «Этническая география чувашского народа» В.П. Иванова (этнография + география + демография), «Чуваши: современные этнокультурные процессы» (этнография + социология), «Чувашский костюм» (этнография + искусствоведение). Так что начало положено. Важно продолжить исследования в данном направлении, но сил пока явно недостаточно.

Что касается новейших теорий и концепций мировой гуманитарной науки, то к ним я отношусь настороженно, хотя отнюдь не причисляю себя к ретроградом. Как мне кажется, такая осторожность особенно уместна в этнологии. Последние два-три десятилетия мы, следуя

за европейскими политиками и исследователями, при решении важнейших проблем бытия пытались ставить на первое место права человека, игнорируя при этом права этнической общности. Но в реальности из этого мало что путного получилось. В такой стране, как наша, с ее бескрайней территорией и драматической историей, нельзя слепо использовать американский и европейский опыты. «Гонения» испытало в нашей науке понятие «этничность», значимость которого низвели до архаизма советской науки. Знаменем эпигонов западной науки стали мультикультуризм и толерантность. Носимся с идеей скорее создать гражданское общество с условием игнорирования интересов национальностей. Сколько уже успели написать научных трудов с попытками обосновать тезис, что, мол, народы (этноты) в мировой (да и в российской) истории есть явления временные, преходящие, что надо немедленно и спешно заняться формированием российской нации.

Конечно, неоспорим тот факт, что в вопросах методики и техники исследований в области гуманитарных наук ученые ведущих центров Запада ушли далеко вперед. Думаю, что прежде всего именно на это нам и надо обращать пристальное внимание. Если честно, то сегодня, как и в других сферах современного общества, в науке нередко наблюдаем ИБД – «изображение бурной деятельности». Еще в 1988 г. в одной из своих публицистических статей известный социолог Борис Грушин очень хлестко выразился по поводу современной российской науки, имея в виду прежде всего гуманитарную сферу: «Мы сегодня имеем дело не с наукой в чистом строгом смысле этого слова, а с ее извращенной формой – квазинаукой, как две капли воды похожей на столь же уродливые образования в соседних сферах духовного производства – квазилитературу, квазипоэзию, квазиживопись, квазимузыку».

2. Наш институт, хотим мы этого или нет, давно уже стал храмом чувашеведения. Хотя бы даже потому, что нет у нас других подобных центров. На Чувашский государственный институт гуманитарных наук надо молиться, быть благодарными за то, что он есть, живет и творит еще. Институт располагает большой библиотекой, богатым научным архивом, известен своими добротными опубликованными исследованиями по самым разным научным направлениям; и, главное, имя ему делали и делают работающие здесь ученые. Причем не только те, кто здесь трудится. Огромное число докторов и кандидатов наук, работающих в самых разных вузах города, начинали с института как с трамплина – здесь появились их первые научные публикации, отсюда они уходили в докторантуры и аспирантуры.

О значении и роли института можно было бы подискутировать, если бы в республике было несколько научно-исследовательских структур, занимающихся изучением проблем истории и культуры чувашского народа, как, например, в Татарстане. Но их нет. В вузах по чувашеведческой тематике углубленно работают немногие исследователи, да и они в основном наши бывшие сотрудники.

В последние 15–20 лет в кругу чувашеведов часто обсуждается с ссылкой на пример и опыт казанских коллег вопрос о необходимости создания отдельных небольших институтов по основным научным направлениям (Институт истории, Институт языка, литературы и искусств, Институт энциклопедии и др.). Спрашивается: а на какой кадровой базе? Она же даже численно слабая. Ныне практически все отделы нашего института испытывают дефицит молодых способных специалистов. Думаю, что исходя из реальной ситуации сейчас необходимо заняться прежде всего укреплением кадрового научного потенциала института, а не замыкаться всецело на идее его дробления. Ломать легко.

Возможно, такого рода структурные преобразования сравнительно легко осуществимы в сфере искусств. К примеру, решили создать симфонический оркестр – да ради бога! Набрали музыкантов из оркестра театра оперы и балета – вот и получился оркестр. На деле же они играют и там, и здесь, и еще где-то, то есть в данном случае практически не происходит реального наращивания исполнительских кадров. То же самое мы наблюдаем, когда целый отряд профессоров и доцентов работает одновременно в 2–3 вузах, да еще и в нашем институте. С одной стороны, это выгодно как для вуза, так и, естественно, для самого человека, но, с другой стороны, имеет ли от этого должную отдачу научное чувашеведение и конкретно наш институт? Вот это – большой вопрос. По моему сугубо субъективному мнению, серьезная научная деятельность все же несовместима с бегом по вузам, мельтешением в разных конференциях и тусовках.

Особая тема – качество защищаемых сегодня диссертаций по чувашеведческой проблематике. Практически все соискатели проходят аспирантуру и докторантуру в стенах Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова и Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. Как член совета по защите диссертаций при Чувашском государственном университете могу уверенно отметить, что сама нынешняя атмосфера подготовки кандидатских диссертаций и методы научного руководства соискателями не могут не потворствовать появлению поверхностных исследований. Полагаю, что сравнительно более оптимальные условия для подготовки молодых исследователей к серьезной научной деятельности имеются только в научно-исследовательских институтах. Вузовским соискателям по объективным причинам не удастся заниматься наукой, как говорится, на все сто процентов. Причем это касается также и остепененных преподавателей.

Давно уже назрела необходимость открытия в нашем институте своей аспирантуры и совета по защите диссертаций по 1–2 специальностям. Кстати, такой опыт имеет Мордовский НИИ и он себя полностью оправдал. Думаю, что в числе других и по причине отсутствия аспирантуры в нашем институте так и не сумели в должной степени сформироваться научные школы.

Ряд гуманитарных дисциплин органически нуждается в регулярных полевых экспедиционных обследованиях. Прежде всего это касается археологии, этнографии и фольклористики. Желательно время от времени производить сбор нового «живого» материала также искусствоведам и языковедам. Однако привычная в советское время стабильная система финансирования научных экспедиций канула в Лету. По этой причине происходит сужение, а то и обеднение источниковой базы. Беру для примера свою отрасль – этнографию. Основной упор делается сейчас на использование архивных источников, материалов, собранных предыдущими исследователями, а вот процессы, происходящие в современной живой сфере, остаются вне внимания.

3. Ясное дело, сегодня, в отличие от советских времен, для всех, кто что-то написал, двери типографий – как государственных, так и частных – распахнуты настежь. Как говорится, были бы деньги – книгу изготовят на любой вкус и в любом количестве. В советской системе полиграфия была полностью централизованной, все рукописи проходили цензурную экспертизу, а нередко, бывало, внимательно изучались и в соответствующих кабинетах обкома партии. Одним словом, сито было такое, что на пути к изданию мог застрять любой научный труд буквально из-за пустяковой мелочи политико-идеологического характера. Помнится, как в 1987 г., уже в период перестройки, мне, как редактору институтского сборника «Вопросы истории и этнографии города», пришлось целый час доказывать цензору в обллите, что публикуемая в нем простейшая карта Чебоксар 1925 г. не представляет никакой ценности для западных спецслужб, которые якобы по ней могут наметить точки для бомбометания. И смех, и грех...

Я не совсем согласен с мнением, что сегодня не издаются фундаментальные исследования. Конечно, «бума» нет, но не было его и раньше. Нынешние монографические издания по понятным причинам по своему характеру и содержанию тяготеют к обобщениям. И это очень важно и нужно. Каждый раз, пройдя определенный исторический период, любое научное направление вынуждено остановиться и осмотреться, что сделано, а что нет, и на что необходимо в первую очередь обратить внимание сегодня и завтра. Практически по всем направлениям чувашеведения мы сегодня имеем монографии фундаментального характера, причем они появились именно в последнюю четверть века. Например, если взять только этнографов, то именно в начале нынешнего столетия ими изданы «Чувашское народное зодчество» и «Этническая география чувашского народа» (2005 г.), «Чувашский костюм от древности до современности» (2002 г.), двухтомник «Чуваши: история и культура» (2009 г.), «Система религии чувашей» (2007 г.) и др. Так же в той или иной мере обстоит дело и по другим наукам.

Не думаю, что нынешнее поколение чувашеведов утратило то качество исследований, что было присуще предшествующим поколениям ученых. Они были первыми, любую проблему изучали «с нуля». Уже в этом особая ценность и значимость их трудов. Сейчас идет углубление

исследований уже по отдельным, частным аспектам, расширение горизонта проблематики. К примеру, об истории чувашской литературы писал М.Я. Сироткин в общем и целом, а сегодняшние литературоведы уже издают монографии и сборники статей о жизни и творчестве отдельных мастеров слова и т.д.

Чуть выше я уже отметил, что девальвация научного творчества происходит сегодня, пожалуй, в той же мере, как она имеет место и в других сферах нашего общества. Противостоять появлению в изданиях института слабых работ еще можно. А что касается трудов, издающихся вне института, в других организациях и частным образом, то тут приходится только развести руками.

И еще. Часто с высоких трибун нам говорят, мол, надо бы самим зарабатывать деньги, и не стоит ли ваш институт перевести в разряд автономных учреждений? Рынок и гуманитарные науки, в частности чувашеведение, несовместимы. В этой сфере был и будет вечный дефицит средств, здесь никогда не получится выручить деньги даже на покрытие минимальных расходов. Поэтому нам никак нельзя обойтись без государственной поддержки.

Надо признать, у гуманитариев взаимоотношения с властью по известным причинам всегда были сложными. В целом на них чиновники смотрят свысока, и даже минимальные средства выделяют неохотно. Вспоминаю притчу, рассказанную Р.Г. Абдулатиповым во время посещения им нашего института в начале 1990-х гг. Хан приглашает ученого имама к себе: «Ценю ученых и науку, приходи ко мне, посидим, поговорим». Имам ему говорит: «Ты не ценишь и не понимаешь науку и ученых. А то бы пришел сам». Мораль: не науки посещают власть, а она посещает науки. Очень бы хотелось, чтобы это понимала Власть.

4. В деле подготовки кадров для чувашеведения надо идти по испытанному и во всем мире апробированному пути – специалистов надо готовить в целевом порядке. Для этого чувашскому правительству необходимо принять специальную программу, в соответствии с которой установить солидные государственные (чувашские) стипендии для специализирующихся по чувашской тематике старшекурсников вузов и аспирантов.

Е.К. Минеева, доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории им. А.В. Арсентьевой ЧГУ им. И.Н. Ульянова.

Прежде всего хочу сразу же ответить на поставленный основной вопрос: имеется ли на сегодня чувашское гуманитарное научное сообщество? На мой взгляд, такового еще не существует, идет процесс его формирования.

Согласна, что эпоха «мощного администрирования» прошла. Но пришла другая эпоха – эпоха коммерциализации. Она привносит в мир науки новые ценности и оказывает мощное влияние на его развитие. В науке, как говорится, по определению не может быть много выдающихся исследователей. Время распорядилось так, что многие известные исследователи покинули Чувашскую Республику. Это – Л.М. Гаврилова, Л.Н. Гончаренко, Н.П. Денисова, А.К. Салмин и др. Если раньше в аспирантуру на бюджетной основе предоставлялось по 3–5 мест, то в настоящее время – от силы 1–2. О последствиях и говорить не надо. Они негативные. Не все имеют возможность учиться по контрактной основе. На одной из встреч с перспективной, одарённой молодёжью страны Президент Российской Федерации Д.А. Медведев сказал, что в науку идут не деньги зарабатывать. Мы это понимаем, но знаем и то, что без должного финансирования наука обречена на прозябание. И еще об одной проблеме. В последнее время в науке пустило корни такое негативное явление, как «выпекание» псевдоучёных. Если в советское время повышение по службе во многом зависело от членства в КПСС, то в современных условиях для продвижения по карьерной лестнице чиновнику стало, мягко говоря, желательно иметь учёную степень. В результате имеем соответствующий итог – механическое увеличение научного сообщества приводит к ухудшению качественного его состава. К сожалению, иногда по таким представителям учёного мира судят о научном сообществе в целом.

Каковы причины коммерциализации науки? При ответе на данный вопрос следует учитывать как объективные, так и субъективные обстоятельства. Причины разные и их мно-

жество. Не последнюю роль среди них играют государственная политика, плоды отношения к науке в нашей стране в 1990–2000-е годы. Особенно унизирующим является взгляд на гуманитарные области научного знания по принципу «не зарабатываете денег, следовательно, мы в вас не заинтересованы». Результаты от процесса воспитания литературой и историей не могут быть сиюминутными и пытаться перевести их в денежный эквивалент по меньшей мере недальновидно. Само собой разумеется, оплата труда учёных должна быть достойной. Нельзя закрывать глаза на то, что доктор наук, работающий на полную ставку в вузе, получает на руки 15–16 тыс. рублей. В итоге профессора и доценты вынуждены преподавать в нескольких вузах. Зададимся вопросом: когда им заниматься наукой? Научно-исследовательская деятельность, по которой ежегодно отчитывается преподаватель, зачастую превращается в профанацию, в галочку для отчёта. Серьёзной науки при таких обстоятельствах быть не может. Кроме того, разве правильно, что аспирантура и докторантура не входят в стаж работы? Сбор необходимых данных, написание диссертаций – это тяжёлый интеллектуальный труд, который занимает не 8 часов, а все 24 часа в сутки.

Серьёзной проблемой в современных условиях стала связанная с эпохой коммерциализации подготовка исследовательских кадров. В советское время университеты имели возможность направлять своих одарённых выпускников в целевую аспирантуру для продолжения учёбы в центральные вузы страны, в которых в течение года проходили предварительную стажировку. В них они проходили настоящую школу – и в узком, и в широком значении этого слова. Посещение занятий крупных учёных, работа в библиотеках, архивах, музеях – всё давало свои позитивные результаты. Возвратившись в свой вуз, молодые специалисты делились своими коллегами приобретёнными знаниями. Кроме того, ими поддерживались возникшие с центром контакты, шел обмен мнениями на основе личных связей, что стимулировало развитие науки на местах. Не случайно наши известные учёные, в частности В.Д. Димитриев, П.В. Денисов, Ю.П. Смирнов, И.И. Бойко, являются продолжателями научных школ. Мне посчастливилось соприкоснуться и с московской, и с ленинградской научными школами. Конечно, не каждый исследователь способен взять то ценное, что предлагается в научных центрах, но в основном такой обмен плодотворен и эффективен для подготовки исследовательских кадров и развития научного сообщества. К сожалению, в современных условиях наше молодое поколение исследователей лишено такой школы, она «варится в собственном соку». Кроме того, на местах часто получение учёных степеней зависит от благосклонности отдельных учёных. Изучение литературы не способно заменить живого общения (прослушивания лекций, участия в дискуссиях на методологических семинарах, бесед с учёными). Я до сих пор вспоминаю лекции В.В. Мавродина, И.Я. Фроянова, Р.Г. Скрынникова, Г.Л. Соболева и других, каждая из которых отличалась особым колоритом. Без настоящей школы стать истинным учёным невозможно. Как итог отсутствия подобных контактов и влияния научных школ сегодня – боязнь высказывать собственное мнение, его у некоторых исследователей попросту нет, поскольку они не умеют думать и анализировать.

На мой взгляд, практику целевой аспирантуры, стажировки, повышения квалификации в центральных вузах страны следует восстанавливать как за счёт средств государства, так и за счёт средств самих вузов и институтов.

Для научного мира Чувашской Республики характерна явная разобщённость. Каждый вуз, а также Чувашский государственный институт гуманитарных наук сосредоточены на себе. В создании единого гуманитарного научного сообщества республики важную роль играют два учреждения – Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (ЧГУ) и Чувашский государственный институт гуманитарных наук (ЧГИГН, гуманитарный институт), так как гуманитарный институт по своим задачам и целеполаганию должен аккумулировать науку Чувашской Республики, а ЧГУ является житницей научных кадров. Помимо того, что преподаватели вузов республики – в основном выходцы из ЧГУ, диссертационные советы по защите докторских и кандидатских диссертаций в Чувашской Республике действуют на базе ЧГУ. В этой связи убеждена, что обсуждения диссертационных исследований должны стать более представительными и принципиальными, проходить на расширенных заседаниях с приглашением не одних и тех же специалистов, а более широкого представительства учёных из других вузов и ЧГИГН, что должно способствовать формированию научных школ и научно-

го сообщества.

В отношении ЧГИГН могу сказать следующее. Он занимается разработкой важных проблем, например, активно ведёт работу по написанию Чувашской энциклопедии. Однако меня не покидает ощущение, что монографии, сборники статей и документов создаются там только для «собственного потребления». Хотелось бы их широкого обсуждения. На мой взгляд, такие публикации должны обсуждаться с приглашением исследователей республики в целом. Кроме того, рецензирование – особая форма научной работы. Она не должна проводиться «автоматически», то есть рецензирование монографий должно быть не только внутренним, но и внешним. Более активными хочется видеть общение и контакты между библиотеками ЧГУ и ЧГИГН, чтобы публикации учреждений были взаимно доступны.

Считаю, что на конференции следует приглашать не только учёных центральных, республиканских вузов и институтов, но и представителей власти с тем, чтобы, с одной стороны, наши труды имели практический (прикладной) характер, а с другой, чтобы административные органы знали наши проблемы и по возможности участвовали в их решении.

В современных условиях значительная доля литературы публикуется в частных издательствах, в которых редактирование и рецензирование либо отсутствуют совсем, либо проводятся формально. Частные издательства будут существовать и впредь. В этих условиях необходимо умножить в республике журналы высокой научной пробы. В ЧГУ выходит ВАКовский журнал – «Вестник Чувашского университета», научный журнал Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева (ЧГПУ) недавно приобрёл такой же статус. Желательно, чтобы и журнал ЧГИГН «Чувашский гуманитарный вестник» стал ВАКовским.

Не могу не затронуть вопрос об исследовательской этике. Учёный мир республики не должен не замечать, проходить мимо плагиата. Если нам небезразлично существование гуманитарного научного сообщества, мы должны реагировать на это в той или иной форме. В нашей среде, к сожалению, присутствует и такое распространившееся в последние годы явление, как неуважительное отношение к предшествующим исследователям. Некоторые молодые исследователи, «фвущиеся в науку», мало того, что неуважительно относятся к своим предшественникам, часто просто не изучают литературу, не знают историографию, начинают сразу работать в архивах, претендуя на роль первооткрывателей. Данное явление, кстати, также характеризует отсутствие научной школы. Начинать работу с анализа литературы – одна из главных заповедей исследовательской деятельности. Наука не терпит подобного «грязного» к ней отношения. Давайте вспомним об интеллигентности и духовной культуре. Наука – один из столпов духовности, её надо делать «чистыми» помыслами и руками.

ЧГВ, 2011 г., № 6
Ю.В. Гусаров

«ВСЁ, ЧТО СОХРАНИЛОСЬ В ПАМЯТИ...»: ВОСПОМИНАНИЯ Н.В. ДЖЕМС-ЛЕВИ О ЦИВИЛЬСКЕ И КАЗАНИ В 1910–1920-е ГОДЫ

Род цивильских купцов-промышленников Курбатовых известен с начала XVIII в. Его представители торговали хлебом и табаком, владели предприятиями по переработке сельскохозяйственного сырья и обработке древесины, с конца XIX в. являлись крупными землевладельцами, играли заметную роль в культурной жизни Цивильска, занимались широкой благотворительностью. В 1890-х гг. прочно вошли в деловую элиту Чувашского края. В начале 1920-х гг. Курбатовы переехали из Цивильска в Казань. Ныне их потомки живут в Санкт-Петербурге, Челябинской области, г. Нефтеюганске. Воспоминания Н.В. Джемс-Леви (1910–2001) рассказывают о жизни рода Курбатовых в 1910–1920-е гг. в Цивильске и Казани, содержат новый материал по истории Чувашии и Татарии.

Ключевые слова: Курбатовы, купечество, родословная история, мемуары, революция 1917 г., Гражданская война, Цивильск, Казань.

Внимание читателей предлагаются воспоминания Нины Владимировны Джемс-Леви (1910–2001), представительницы известного в истории Чувашии рода цивильских купцов-промышленников Курбатовых. В XVIII в. Курбатовы занимались кожевенным делом, торговали хлебом и табаком¹, брали казённые строительные подряды², владели мельницами и дворовыми людьми³. Своим возвышением род обязан П.П. Курбатову (ок.1806 – 1888), который стал купцом 1-й гильдии, заслужил звание потомственного почётного гражданина. Он торговал хлебом и табаком, построил кулеткацкую фабрику в Цивильске, владел лесопильной и водяными мельницами, винокурненным заводом близ д. Амачкино Чебоксарского уезда, небольшими участками земли в Цивильском и Чебоксарском уездах и др⁴. Его сыновья В.П. Курбатов (ок.1830 – 1887) и Н.П. Курбатов (1840–1917) были крупными хлеботорговцами и хозяевами мельниц. С широким размахом действовал Н.П. Курбатов: с большой прибылью закупал яйца, построил фабрику гнутой и столярной мебели на железнодорожной станции Урмары, основал конезавод в с. Иваново, владел большими участками земли при с. Иваново (1073 дес.) и д. Комаровка (678 дес.) Цивиль-

---

Юрий Владимирович Гусаров – кандидат исторических наук, заведующий отделом истории Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: gsr63@yandex.ru.

ского уезда, амбарами и домами в Цивильске, Шихранах, Урмарах и др. Ему помогали сыновья: В.Н. Курбатов (1877–1922) занимался хлебной торговлей и жил в Цивильске, М.Н. Курбатов (1879 – не ранее 1937) управлял мебельной фабрикой и торговал хлебом на ст. Шихраны, где проживал. Их двоюродные братья П.В. Курбатов (ок. 1866 – неизв.) и С.В. Курбатов (ок. 1877 – неизв.) унаследовали недвижимость в Цивильске, но жили в Казани. Первый торговал хлебом в Цивильске и лесом в Казани⁵, второй в годы нэпа имел в Казани лакокрасочный бизнес. Известно, что у первого были сыновья-близнецы Василий и Геннадий (1890 – неизв.), у второго – сын Георгий и внук Анатолий.

Н.П. Курбатов рано овдовел и в одиночку воспитал четверых детей. Старший сын Владимир в 1909 г. женился на дочери временного купца г. Казани Л.Н. Кулаковой (1889–1977), младший Михаил в 1910 г. узаконил отношения с крестьянкой с. Иваново Цивильского уезда И.Ф. Старшиновой (1884–1961), с которой имел общих детей. Дочь Елизавета (в замужестве Тихомирова) (1878 – неизв.) жила в Москве, имела сыновей Вадима (погиб на фронте в 1941 г.) и Анатолия. У Марии (в замужестве Баженовой) (1880 – неизв.) были дочери Татьяна и Маргарита.

Старшие поколения Курбатовых довольствовались домашним образованием. Но уже П.П. Курбатов и оба его сына получили образование в объёме неполного курса Цивильского уездного училища⁶. Следующее поколение пошло дальше: В.Н. Курбатов окончил гимназию в Казани, М.Н. и С.В. Курбатовы соответственно юридический (1909) и физико-математический (1903) факультеты Казанского университета (первый в 1898–1902 гг. также учился на физико-математическом факультете Московского университета). М.Н. Курбатов единственный из рода отметился на политическом поприще – участвовал в кампаниях по выборам во II и IV Госдумы, по политическим взглядам примыкал к октябристам⁷.

Мы мало знаем о роли Курбатовых в культурной жизни Цивильска. Известно, что Н.П. Курбатов как городской голова оказал содействие открытию публичной библиотеки⁸, а позже участвовал в её деятельности. Из воспоминаний Н.В. Джемс-Леви узнаём о наличии у Курбатовых граммофона, пианино, богатой семейной библиотеки, о домашних вечерах с участием интеллигенции с пением, музицированием и литературным чтением. Н.Н. Кулакова также вспоминала о благотворительном вечере в доме Н.П. Курбатова, где дамы продавали фиалки⁹. Сохранилась афиша благотворительного концерта в пользу Ольгинского детского приюта в Цивильске, который в июле 1901 г. местные любители музыки дали в доме вдовы В.П. Курбатова Прасковьи Михайловны (ок. 1842 – неизв.)¹⁰. Фамилию Курбатовых встречаем в культурной хронике города и после 1917 г. Так, 26 января 1920 г. силами учителей в городском народном доме был организован литературно-музыкальный вечер в пользу Красной Армии, на котором номер «из оперы «Травиата» исполнили в 4 руки на рояле Курбатова и Барашева»¹¹. В 1921 г. М.М. Курбатов (1905–1990) как аккомпаниатор на рояле участвовал в работе

музыкальной студии культурно-просветительного отдела Цивильского уездного бюро профсоюзов¹². Возможно, купцам не был чужд интерес к археологии: по воспоминаниям чувашских крестьян, «купец Курбатов» до революции провёл раскопки на кургане близ д. Таушкасы Цивильского уезда¹³.

Традиционно мировоззрение купечества имело религиозную основу. Известно, что в 1706 г. А.Ф. Курбатов (неизв. – 1741) заказал у работавшего в Цивильском Вознесенском монастыре нижегородского иконописца А.Борисова список с чудотворной Тихвинской иконы Богоматери «для дома своего»¹⁴. П.П. Курбатов, его сын Николай и внук Владимир состояли церковными старостами приходской Казанско-Богородицкой церкви Цивильска. Первый в 1857 г. построил каменную часовню на месте алтаря прежней церкви, в 1884 г. стал инициатором открытия при Казанско-Богородицкой церкви церковноприходской школы, для которой купил деревянный дом и стал её попечителем¹⁵. Н.П. Курбатов являлся попечителем мужской и женской школ грамоты в приходском с. Тувси, которые были открыты на его средства (соответственно в 1890 г. и в 1897 г.). В 1898 г. Н.П. Курбатов построил для Казанско-Богородицкой церковноприходской школы новое здание; в 1890-е гг. открыл при церкви частную женскую богадельню¹⁶. Он же являлся казначеем церкви в с. Иваново Цивильского уезда; в 1900 г. за вклад в строительство её колокольни получил благодарность от Казанского архиепископа¹⁷. О духовном авторитете Н.П. Курбатова говорят факты обращения к нему иноверцев с просьбой стать их крестным отцом¹⁸. За вклад в благоустройство Казанско-Богородицкой церкви и содержание церковноприходских школ Н.П. Курбатов был отмечен золотой шейной медалью с надписью «За усердие» на Анненской ленте (1891) и наградами Синода¹⁹. Благотворительность Курбатовых распространялась на городские школы, женскую гимназию, публичную библиотеку, тюрьму, больницу, детский приют в Цивильске и др. Они покровительствовали уроженцам Цивильска, обучавшимся в высших учебных заведениях. Известно об их членстве в разных благотворительных организациях и сотрудничестве с ними²⁰.

Представители Курбатовых на протяжении нескольких поколений избирались в городские и земские органы самоуправления и занимали общественные должности. С ними связано появление в Цивильске телеграфа²¹, открытие публичной библиотеки²², класса для девочек в уездном училище²³, городского общественного банка²⁴ и др. В начале XX в. Курбатовы прочно входили в деловую элиту Чувашского края.

Судьба их рода после 1917 г. долгое время оставалась неизвестной. С конца 1990-х гг. историки и краеведы Чувашии и потомки купцов предпринимали шаги по восстановлению исторической памяти: первые исследовали лакуны в истории предпринимательства, уделяя внимание и Курбатовым²⁵, вторые рассказывали о своей родословной в прессе²⁶. Понадобилось более 10 лет, чтобы обе стороны смогли объединить усилия. В марте 2010 г. художник из Санкт-Петербурга Д.Ю. Джемс-Леви²⁷ (внучка Нины Владимировны) прислала в Государственный исторический архив Чувашской

Республики (ГИА ЧР) запрос о своих предках. Его сотрудники обратились за консультацией ко мне, за что я им признателен. Для меня, как уроженца пос. Урмары, который прославилась мебельная фабрика Курбатовых (с фабрикой – её преемницей – связана моя биография), новый поворот в истории купеческого рода представлял не только научный интерес. К тому времени, благодаря Интернету и общению с генеалогами-любителями, я знал о семье Джемсов-Леви и их фамильном архиве, охватывающем период в полтора века, поэтому немедленно связался с Дарией Юрьевной по электронной почте, загадав на удачу. Оказалось, что у потомков купцов хранятся старинные фотоальбомы, многие фотографии в которых сделаны В.Н. Курбатовым, тетрадь воспоминаний Н.В. Джемс-Леви, письма, складной стул и ломберный стол производства фабрики Курбатовых, картина художника из Цивильска А.А. Александрова, личные вещи предков и др. Помню, как подолгу и детально я рассматривал фото, запечатлевшие мгновения из жизни цивильских купцов, неизвестные до того времени их портреты, с каким нетерпением ждал файлы с очередными страницами мемуаров Нины Владимировны, которые, как мне казалось, заканчивались на самом интересном месте! Сегодня эти фотографии доступны для всех любителей истории, так как Дария Юрьевна передала их электронные копии в ГИА ЧР, где они составляют её именной фонд (более 100 снимков с видами Цивильска, членов рода Курбатовых, учащихся и учителей Цивильской женской гимназии, чувашских крестьян, со сценами хозяйственной жизни и др.). На предложение обнародовать воспоминания её бабушки, как представляющие интерес для истории Чувашии, Дария Юрьевна ответила: «Я буду рада, если «цивильские и казанские страницы» будут опубликованы. И бабушка бы очень обрадовалась этому. Она всегда очень живо откликалась на просьбы рассказать о своей жизни, о временах, в которые ей довелось жить... Жаль, что она не дожила до того времени, когда вспомнили о Курбатовых». Специально для данной публикации художница нарисовала виньетку в стиле модерн, который использовался в рекламной продукции мебельной фабрики Курбатовых.

Нина Владимировна прожила долгую, замечательную жизнь, в которой отразилась сложная и противоречивая эпоха²⁸. Она родилась 14 октября 1910 г. в Цивильске в семье купца В.Н. Курбатова. В родном городе прошло её детство с няней, купаниями в р. Большой Цивиль, любимыми книгами (увлекалась чтением с пяти лет), обедами в полном семейном кругу. Февральскую революцию Курбатовы приветствовали: в марте 1917 г. В.Н. Курбатов, как гласный городской думы, вошёл во Временный совет при уездной земской управе, а его отец, откликаясь на обращение Временного правительства, пожертвовал 3 тыс. руб. «на помощь наиболее нуждающимся семьям борцов за Родину»; в июле оба они подписались на «Заём свободы»²⁹. В октябре 1917 г. старая жизнь закончилась. Ненадолго её пережил глава рода, купец 1-й гильдии Н.П. Курбатов (умер 28 декабря 1917 г. «от паралича сердца»³⁰). В 1918 г. новая власть отняла у его наследников недвижимость, оставив только дом на ул. Большой г. Цивильска. В.Н. Курбатов вместе с тремя купцами был арестован за неуплату контрибуции, но выпущен из тюрь-

мы на поруки и весной покинул Цивильск. В сентябре того же года вместе с братом Михаилом, который имел дом в Казани, он ушёл с отступающими белочехами. После этих событий жена последнего Ирина Фёдоровна с пятью детьми и своей сестрой приехала из Казани в Цивильск. Обе семьи жили вместе в родовом доме Курбатовых. В семье В.Н. Курбатова за хозяина управлялась его свояченица, учительница Н.Н. Кулакова, в семье М.Н. Курбатова – И.Ф. Курбатова. Отношения между взрослыми родственниками были сложные, а дети жили дружно и вместе весело проводили время.

В.Н. Курбатов с войсками белогвардейцев добрался до Иркутска. Там с воспалением лёгких попал в больницу, где кто-то из земляков узнал его и в 1922 г. за обручальное кольцо помог вернуться домой. Бывший купец устроился инспектором в заготзерно, но, потеряв здоровье, в том же году умер. М.Н. Курбатов служил в Министерстве снабжения и продовольствия правительства адмирала А.В. Колчака. После разгрома белых бежал в г. Харбин (Китай)³¹, где, по семейному преданию, «открывал балы и спустил своё состояние в игорных домах». Позже переселился в Европу (по слухам, осел в Германии, где будто бы живут его потомки)³². В середине 1920 – 1930-х гг. его сыновья Николай (1904–1979), Михаил и Евгений (1913–1991) переехали из Казани в Ленинград. М.М. Курбатов окончил Ленинградскую консерваторию и стал известным музыкантом-контрабасистом и профессором, его братья работали инженерами на заводе «Русский дизель»³³. Трагически сложилась судьба их сестры Тамары (1907 – неизв.): она прошла через фашистский плен и покончила с собой. Потомки Н.М. и Е.М. Курбатовых живут в Санкт-Петербурге (М.М. Курбатов детей не имел).

В 1919 г. обе семьи Курбатовых были выселены в маленький домик на территории Тихвинского женского монастыря, а через несколько лет у них отобрали и его. После этого И.Ф. Курбатова с детьми уехала в Казань. В стране продолжалась Гражданская война, когда Нина Курбатова и её младший брат Андрей пошли в городскую школу № 1 второй ступени – бывшую женскую гимназию, которую, по семейному преданию, построил их отец. В эти годы Нина Курбатова прочитала «бездну» книг, не входивших в программу советской школы. В 1923 г. Л.Н. Курбатова, выполняя обещание, данное мужу, уехала с детьми из Цивильска – сначала к сестре в Козьмодемьянск, затем к родным в Казань. В спешке за бесценное было продано или попросту брошено многое из мебели и имущества. С этого времени Курбатовы не имели связи с Цивильском. Никто из их потомков не бывал на земле предков.

В Казани Л.Н. Курбатова поселилась в квартире своих родителей в угловом 2-этажном доме по ул. Профсоюзной (д. 21), в подвале которого, по преданию, до революции была сапожная мастерская, где подмастерьем работал молодой Ф.И. Шалапин. Судя по воспоминаниям, в казанский период жизни три родственные семьи (В.Н., М.Н. и С.В. Курбатовых) не поддерживали между собой тесных отношений. Жизнь Нины Курбатовой была заполнена учёбой, пионерскими делами, чтением, походами в театр и т.п. В 1927 г. она успешно окончила школу и два года подряд поступала на медицинский факультет Казанского университета и в объединённый художественно-

театральный техникум (бывшая художественная школа). Оба раза блестяще сдала экзамены, но не была принята из-за купеческого происхождения. В 1929 г. она уехала в Москву и поступила на операторский факультет Государственного техникума кинематографии (ныне ВГИК). Через год её брат Андрей завербовался коллектором³⁴ в геологическую партию и уехал на Средний Урал, где заболел и умер. После этого Л.Н. Курбатова переехала жить к дочери вместе со своей сестрой.

Нина Владимировна училась, как писала, «с радостью и удовольствием», а в перерывах между занятиями посещала театры и художественные музеи. Студенты в лицо знали кинорежиссёров С.М. Эйзенштейна, Л.В. Кулешова, В.И. Пудовкина, А.П. Довженко, снимались в массовке, например, в комедиях «Праздник святого Йоргена» и «Государственный чиновник». В одно время с Ниной Владимировной учились будущий детский писатель Н.Н. Носов и его брат П.Н. Носов, будущий актёр и режиссёр Л.Л. Оболенский и др. Донос, поступивший из Казани, поставил крест на её планах стать кинооператором-документалистом: студентку вызвали на Лубянку, после чего исключили из учебного заведения как «классово чуждый элемент». Друзья не бросили товарища в беде. С их помощью Нина Владимировна нашла кров и работу. Первое время зарабатывала репетиторством, затем трудоустроилась курьером в научно-исследовательский институт, откуда через несколько месяцев была уволена по анкетным данным. После безрезультатных хождений на биржу труда, где «требовались только квалифицированные рабочие», подруга устроила её сортировщицей на базу вторсырья. Она и здесь проработала недолго – уволилась из-за приставаний директора базы. Узнав, что требуется секретарь в добровольное Общество содействия автомобильному строению и улучшению дорог («Автодор»), заняла эту вакансию. Параллельно окончила автомобильные курсы при «Автодоре» и через биржу труда устроилась на грузовую базу, где работала сначала шофёром на ГАЗе-полупортке, а затем слесарем в гараже.

Мечта о высшем образовании не оставляла Нину Владимировну, и в 1932 г. через рабфак она поступила на конструкторский факультет Московского автодорожного института. Училась легко; как культорг комсомольской ячейки занималась любимым делом (со времён работы на автобазе) – распространением театральных билетов. Успешно сдала первую сессию, а весной на неё «настучал» бывший сокурсник по кинотехникуму. Состоялось общественное судилище с обличительными речами и транспарантами: «Изгоним курбатовщину из наших рядов!», «Долой классовых врагов!». Из института её исключили. В знак дружеской солидарности вуз бросил Всево-

Нина Курбатова в форме шофера. 1932 г.

лод Евгеньевич Джемс-Леви (1914–1989), потомок эмигранта из США³⁵ (позднее его отцу стоило больших усилий устроить сына в железнодорожный институт – в то время детей интеллигенции принимали в вузы по квоте). А в 1933 г. молодые люди поженились. Это был счастливый брак, в котором супруги воспитали трёх дочерей – Наталью, Елену, Татьяну. Старшая дочь Н.В. Малькова (1936–2001) продолжила семейную железнодорожную традицию и преподавала математику в железнодорожном институте Челябинска. Е.В. Джемс-Леви (1945 г. р.) и Т.В. Джемс-Леви (1950 г. р.) пошли по стопам матери и работали художниками-оформителями. Ныне почти полтора десятка потомков Нины Владимировны живут в Санкт-Петербурге, д. Бишкиль и г. Чебаркуль Челябинской обл., г. Нефтеюганске.

В 1935 г. художник «Мосфильма» П.Н. Носов, зная о способностях своей знакомой к рисованию, устроил её художником на эту киностудию. В 1936 г. она была переведена во вновь организованный «Союздетфильм» (с 1937 г. – «Союзмультфильм»), где проработала 9 лет – сначала художником-контуровщиком, затем художником-фазовщиком³⁶. Нина Владимировна участвовала в создании мультфильмов «Серая шейка», «Снежная королева» и других, на которых выросло не одно поколение советских детей. В июле 1941 г., вместе с семьями работников киностудии она и её домашние были эвакуированы в с. Кайбицы Татарской АССР, но вскоре муж, служивший в железнодорожных войсках, забрал их к себе на путевую машинную станцию (ПМС)³⁷. В апреле 1942 г., после того как немцев отогнали от столицы, Нина Владимировна вернулась в Москву и продолжила работу на «Союзмультфильме». За успехи в труде получала благодарности, а в 1944 г. была удостоена звания стахановца и ударника труда.

В 1946 г. она покинула Москву и целиком посвятила себя семье. Вместе с мужем, который работал главным инженером, а затем начальником на разных ПМС, исколесила страну от Белоруссии до Сибири, пока в 1959 г. их семья не осела в Челябинске. По словам Дарии Юрьевны, бабушка и бабушка «были центром семьи, её сердцем». Они любили, когда в доме собирались их дети с семьями и близкие друзья. В таких случаях под аккомпанемент пианино все вместе пели романсы, песни народные и военных лет, Нина Владимировна читала свои шуточные стихи, посвященные присутствующим, а её муж – любимых поэтов. По курбатовской традиции трапезничали за столом в гостиной, накрытым льняной скатертью. Нина Владимировна была завсегдатаем театров и музеев и привила детям и внукам любовь к искусству. Всегда много читала, особенно мемуарную литературу, любила разгадывать кроссворды. Охотно общалась с молодежью, которая тянулась к ней.

Воспоминания она начала писать в 1990 г. по просьбам родных и продолжала до конца жизни (умерла 5 марта 2001 г. в Челябинске), взяв за правило больше вспоминать о людях и событиях, с которыми сталкивалась по жизни. Подспорьем ей служила отличная память и старые семейные фотографии. Мемуары озаглавлены «Это было, было...», представляют собой беловую авторскую рукопись (общую тетрадь) объёмом в 120 страниц

(нумерация выполнена владельцем тетради Д.Ю. Джемс-Леви). Большая часть текста посвящена периоду 1910–1940-х гг., остальные страницы занимают записи с эпизодами из прошлого, забавными случаями из жизни детей и внуков, стихами из детства, сведениями по истории семьи Джемс-Леви, размышлениями о жизни и др. Записи выполнены шариковой ручкой. Почерк крупный, разборчивый, без помарок, лишь в редких случаях сделаны дополнения и исправления. При подготовке рукописи к публикации были устранены ошибки, вписаны пропущенные слова (заключены в квадратные скобки), в отдельных случаях сделана стилистическая правка. Для удобства восприятия текст был разделён на тематические разделы, снабженные заглавиями, в одном случае объединены два близких по содержанию абзаца. Публикуются страницы рукописи (С. 3–52), посвящённые Цивильску и Казани. Опущены места, которые имеют семейный интерес или носят личный характер, а также длинноты (обозначены многоточием в квадратных скобках). Публикация сопровождается комментариями, большую помощь при подготовке которых оказала Д.Ю. Джемс-Леви.

Н. В. Джемс-Леви.
1993 г.

История Чувашии начала XX в. не богата мемуарными источниками. В основном это воспоминания советских, партийных работников, участников революционного движения, деятелей культуры и др. Тем больший интерес представляет свидетельство человека из числа тех, кого в советские времена называли «бывшими». Воспоминания содержат новые сведения по истории Цивильска и Казани. Их страницы густо населены персонажами: членами семьи и родственниками, прислугой, монахинями и послушницами, детьми, чувашскими крестьянами и др. Живо представлена жизнь ребёнка с играми и забавами, радостями и огорчениями, интеллектуальным досугом, общением со взрослыми – всем тем, что зовётся историей повседневности. Цепкая детская память сохранила картины периода революции и Гражданской войны, где было место созиданию и разрушению, человечности и варварству. Запоминаются рассказы о дворянке, жившей за счёт подаяний, которые сердобольные горожане клали в сумку её собаки, ходившей по городу и стучавшейся мордой в окна; о разорении фамильного склепа Курбатовых, когда были вскрыты гробы, а черепами играли в футбол и др. Воспоминания подкупают откровенностью и оптимизмом. С лихвой хлебнув горя и испытаний, Нина Владимировна не сломалась и не ожесточилась. Она говорила по этому поводу: «Лес рубят – щепки летят». А ещё любила повторять, что ей всегда везло на хороших людей. Наверное, потому, что сама не скупилась на добро и не теряла веры «во всё хорошее». В качестве иллюстраций к мемуарам публикуются фотографии из фонда Д.Ю. Джемс-Леви в ГИА ЧР.

Источники и литература

- ¹ *Димитриев В.Д.* История Чувашии XVIII века (до Крестьянской войны 1773–1775 годов). Чебоксары, 1959. С. 235, 374.
- ² Государственный исторический архив Чувашской республики (ГИА ЧР). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 286.
- ³ *Кочетков В.Д., Николаев Г.А.* Цивильск. Чебоксары, 1987. С. 23; *А. П.-в.* Ведомость о количестве дворян и крепостных крестьян, находящихся в уездах: Свияжском, Чебоксарском, Цивильском, Козьмодемьянском, Царевококшайском, Царевосанчурском и Яранском в XVIII в. // Казанские губернские ведомости. Часть неофициальная, 1868. № 36.
- ⁴ ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 416. Л. 29 об.; *Иванов В.* Старейшина «крепкой» отрасли // Советская Чувашия, 2002. 12 июля; *Гусаров Ю.В.* Курбатовы // Чувашская энциклопедия. Т. 2. Чебоксары, 2008. С. 404–405.
- ⁵ Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Адрес-календарь Российской империи. СПб., 1902. Стб. 464; ГИА ЧР. Ф. 79. Оп. 1. Д. 219. Л. 3 об.–4.
- ⁶ ГИА ЧР. Ф. 211. Оп. 2. Д. 1. ЛЛ. 1 об., 10, 16 об.
- ⁷ Там же. Ф. 122. Оп. 4. Д. 161. Л. 43; Д. 274. Л. 15–15 об.
- ⁸ Цивильск // Волжский вестник. 1884. 16 декабря.
- ⁹ Сообщено Д.Ю. Джемс-Леви.
- ¹⁰ ГИА ЧР. Ф. 122. Оп. 4. Д. 43. Л. 77.
- ¹¹ Там же. Ф. 159. Оп. 1. Д. 119. Л. 23 об. Вероятно, упомянута Л.Н. Курбатова.
- ¹² Работа культурно-просветительного отдела // Красный вестник. 1921. 10 августа.
- ¹³ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 580. Л. 171.
- ¹⁴ Описание Цивильского Богородицкого общежительного женского монастыря Казанской епархии и чудотворной иконы пресвятыя Богородицы, называемая Тихвинския. Казань, 1887. С. 24–25.
- ¹⁵ Пребывание Высокопреосвященнейшего Арсения, архиепископа Казанского, в г. Цивильске // Известия по Казанской епархии, 1898. 15 ноября. С. 957; Отчётные сведения о церковноприходских школах Казанской епархии со времени их открытия // Известия по Казанской епархии, 1885. 1 мая. С. 199, 202, 204–205.
- ¹⁶ ГИА ЧР. Ф. 225. Оп. 11. Д. 2. Л. 18, 19; Ф. 14. Оп. 1. Д. 1066. Л. 80.
- ¹⁷ Распоряжения епархиального начальства // Известия по Казанской епархии. 1900. 1 ноября. С. 907.
- ¹⁸ ГИА ЧР. Ф. 557. Оп. 7. Д. 352. Л. 308 об.–309, 445 об.–446.
- ¹⁹ ГИА ЧР. Ф. 79. Оп. 1. Д. 197. Л. 3 об.–4.
- ²⁰ Отчёт Казанского попечительства о бедных комитета ведомства Императорского человеколюбивого общества за 1878 год. Казань, 1879. Отчёт попечительства при Иоанно-Богословской церкви Казанской духовной семинарии за второй год его существования, с 26 сентября 1883 г. до 26 сентября 1884 г. // Известия по Казанской епархии. 1884. 15 ноября. С. 715; Отчёт Ивановского отдела Казанского общества трезвости Цивильского уезда с 31 марта 1901 г. по 31 марта 1902 г. // Деятели. 1902. № 9–10. С. 394–395.
- ²¹ *Фёдоров Н.Ф.* Город Цивильск в конце XIX и в начале XX веков. Цивильск, 1999. С. 26.
- ²² Цивильск // Волжский вестник. 1884. 16 декабря.
- ²³ *Сидорова К.Н.* Зачатки женского образования в Чувашии в первой половине XIX в. // Вопросы истории Чувашии периода феодализма и капитализма. Труды ЧНИИ. Вып. 93. Чебоксары, 1979. С. 160.
- ²⁴ *Гусаров Ю.В.* Указ. соч. С. 404.
- ²⁵ *Фёдоров Н.Ф.* Указ. соч.; *Гусаров Ю.В.* Указ. соч.
- ²⁶ *Ткаченко М.* Она помнит Маяковского и... рисует Дусю // Уральский курьер. 2000. 4 ноября; *Марьина Т.* Судьба одной фамилии // Вечерний Челябинск. 2006. 30 ноября и др.
- ²⁷ Д.Ю. Джемс-Леви родилась в 1970 г. в Челябинске. В 1996 г. окончила отделение станковой графики Санкт-Петербургского государственного Академического института

живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина. В 1997–2003 гг. работала в творческой мастерской графики Российской Академии художеств. С 2002 г. занимается иконописью. Член Союза художников России (1997).

²⁸ Биографические сведения о Н.В. Джемс-Леви заимствованы из её воспоминаний, а также личных документов (находятся в фонде Д.Ю. Джемс-Леви в ГИА ЧР) и переписки с Д.Ю. Джемс-Леви.

²⁹ ГИА ЧР. Ф. 528. Оп. 1. Д. 9. Л. 117 об.; Знаешь ли ты историю своего города? // Цивильский вестник, 2004. 30 июля; Хроника // Цивильская народная газета. 1917. 29 июля.

³⁰ ГИА ЧР. Ф. 557. Оп. 7. Д. 358. Л. 330 об.–331.

³¹ Мельников Н.А. 19 лет на земской службе (автобиографический очерк и воспоминания). Йошкар-Ола, 2008. С. 60.

³² Григорьев Г., Иванова А. Тайны нашего села // Цивильский вестник. 2004. 26 октября.

³³ Сообщено по телефону А.Е. Курбатовым (1943 г.р.) 29 июня 2011 г.

³⁴ Работник, собирающий и хранящий образцы минералов, ископаемых и др.

³⁵ Фамилию Джемс-Леви в конце XIX в. основал выходец из США Я.Л. Джемс-Леви, который известен как автор первого учебника по стоматологии и основатель одной из первых зубоврачебных школ в России. Его сын Е.Я. Джемс-Леви (неизв. – 1942) – свёкор Нины Владимировны, в 1914 г. принял русское подданство. Окончил Институт инженеров путей сообщения в Петрограде, участвовал в строительстве Самаро-Златоустовской железной дороги. В 1930-е гг. возглавлял отдел по рационализаторству и изобретательству в Народном комиссариате путей сообщения.

³⁶ Контуровщик обводит тушью карандашные рисунки, фазовщик рисует недостающие, промежуточные фазы движения персонажа или декорации между компоновками.

³⁷ Механизированное передвижное предприятие путевого хозяйства, выполняющее работы по ремонту пути на эксплуатируемой сети железных дорог.

Приложение

1990–2001 гг. Отрывок из воспоминаний Нины Владимировны Джемс-Леви «Это было, было...» с рассказом о роде цивильских купцов Курбатовых, Цивильске и Казани в 1910-х – 1920-х гг.

В этом году мне исполнится 80 лет, и надо выполнить обещание, которое я давала много раз – записать всё, что сохранилось в моей памяти. Мои воспоминания не будут строго хронологически упорядочены и не равны по значимости. Постараюсь по возможности больше вспомнить людей и события, в которых я не всегда была участницей, но зрителем или слушателем. [...]

Мои родственники и родители

Во второй половине XIX в. в Казани жили-были две купеческие дочери Варенька Варгина¹ и Анечка Арешникова. Они познакомились и подружились в школе для девочек при Казанском университете. Девочки росли, мечтали выйти замуж, завести детей, переженить их и дружить до самой старости. Их мечты, как ни странно, сбылись, но Вареньки [к тому времени] уже не было [в живых]. Она вышла замуж за купца 1-й гильдии Курбатова Николая Петровича, уехала в Цивильск, родила 4 детей (Владимир, Елизавета, Михаил, Мария²) и родами дочка Нади³ умерла.

Анечка вышла [замуж] за менее богатого купца Кулакова Николая Петровича⁴, осталась жить в Казани, имела много детей (Вера, Мария, Алексан-

дра, Павлик (умер [в возрасте] 10 лет), близнецы Надя и Люба) и, будучи беременной Серёжей, овдовела. Дедушка умер, заразившись в бане рожей⁵ на ногу. Бабушка поступила управляющей домом к богатой архангельской родственнице. [Там] получила большую квартиру и держала пансион⁶ для гимназисток. Дети все получили образование, окончили гимназию, а дядя Серёжа учился в университете на юридическом факультете. Тётя Вера ушла на фронт в [Русско-]японскую войну медсестрой, да так ею и осталась. [Она] вышла замуж в Уфе. Тётя Маруся училась в фельдшерской школе, после – [в] гимназии; вышла замуж за ветеринарного врача, красавца дядю Колю, но жили они почему-то в Питере. Тётя Шура работала учительницей, [была] замужем за учителем. [Они] жили в Козьмодемьянске на Волге. [...] Тётя Надя⁷ тоже [работала] учительницей в начальных классах в Казани. Мама категорически от учительства отказалась, окончила курсы телефонисток и была направлена в Цивильск. Вот тут-то и сбылась мечта подружек: сын Вареньки Володя женился на Анечкиной Любочке. Папа не устоял перед хорошенькой бесприданницей телефонисткой и сделал [ей] предложение.

Когда он явился в Казань к бабушке [свататься], она страшно расстроилась: во-первых, [жених] богатый, с большим домом, во-вторых, [он] старше [невесты] на 11 лет. А Люба ни дом вести, ни по хозяйству ничего не умеет, да и приданого нет. На что папа ответил, что ему ничего не надо, а делать ей ничего и не придётся, всё идёт своим чередом. А к тому же он видел на телефонной станции, что она сама себе стирала блузку! [...] Бабушка сдалась. Он оставил ей денег на приданое и сказал, чтобы она покупала всё, что надо. Свадьба была скромная⁸. После венца молодые уехали в Ялту.

Мама, привыкшая к большому городу, к опере, концертам, молодёжи, тосковала в Цивильске, тем более, что папа часто разъезжал. Тогда она пригласила тётю Надю к себе жить. Она приехала и стала работать учителем в церковноприходской школе⁹.

О Курбатовых

У Курбатовых была мебельная фабрика на станции Урмары¹⁰, сыпная торговля хлебом, конный завод¹¹ и мельница¹². Они без конца всем помогали. Каждый праздник [во дворе] нагружались сани или телеги всякими яствами и отправлялись в приют¹³, богадельню¹⁴, больницу¹⁵, тюрьму¹⁶. Вскоре [в Цивильске] начали строить женскую гимназию¹⁷, и мы ездили с папой на стройку. Он всегда баловал нас и разрешал нам даже по лесам 2-го этажа бегать. Гимназию построили быстро, и тётя Надя перешла работать туда классной дамой, а затем и преподавателем литературы¹⁸ (после революции ещё и библиотекарём).

... Курбатовы учили и в столицах. Так, был их стипендиатом юноша Александров, окончивший Академию художеств¹⁹. Его дипломная работа «Степан Разин и княжна в лодке» получила [золотую] медаль, и он был послан [в творческую командировку] в Италию. В благодарность он написал поясной портрет деда, копию [картины] [В.Е.] Маковского «Портрет доче-

В. И. Варгина. 1870-е гг.

Н. П. Курбатов. 1880-е гг.

ри» под кодовым названием «Марфуша». А ещё был у него стипендиат Родионов, окончивший Политехнический [институт]. [Он] умер в психиатрической после контузии [, полученной] на войне [в] 1914 г.

Детство

Мы с братом Андрюшей²⁰ были погодки и очень любили друг друга [...]. Правда, я часто выдумывала разные штучки, за что мне и попадало. Сначала у нас была няня Маша. Она спала в детской, рассказывала нам сказки, следила, чтобы мы молились на ночь и не шалили. Когда началась война [19]14 [-1918] гг., в Цивильске появилось много ссыльных немцев и австрийцев. Нам взяли бонну²¹ – немку Элизу. Мы, особенно я, быстро научились болтать по-немецки. Правда, я на фразу: «Хенде вашен» (руки мыть), быстро отвечала: «Кривой чувашин». [...]

Мы росли очень вольно. Когда [я] читала «Детство Никиты»²², очень многое видела своё. У нас были две кухарки: Дуня для «господ» и Елена – для персонала. У Дуни были две дочери: моя ровесница Нюра и старшая Маруся, которую Курбатовы учили в гимназии. У Елены был сын рыжий Пашка, а у кучера был сын Егор и кроме них был молодой конюх Николай. Вот вся эта компания и была нашим окружением. Общие игры, шалости. Зимой в огороде заливали [снежную] горку и каток. Правда, на коньках катались [только] мама, тётя Надя и Маруся. Мы [для этого] были малы, а мальчишки привязывали к валенкам деревяшки с врезанными в них железками. После революции я и Андрюша тоже других не имели.

Любимым нашим занятием было прыгать и валяться в кучах зерна, ссыпаемого крестьянами в амбары. Летом мы ездили на р. Цивиль купаться,

где у нас была купальня, или просто покататься по окрестностям. Зимой тоже нас катали на лошадях, закутав меховой полостью.

Крестьяне, которые привозили зерно, почему-то были с больными глазами (трахома²³) и папа сам давал им лекарство и показывал, как промывать глаза. А мы стояли и смотрели, хотя нас отгоняли подальше.

В углу двора была кулешня, где шили кули из рогож²⁴, не помню для чего, но в этом же доме была комната, где сваливались и хранились старые газеты и журналы. Особым успехом у нашей оравы пользовался «Сатирикон»²⁵ – типа нашего «Крокодила»²⁶. Помню, что там было много карикатур на какого-то турецкого пашу²⁷. Очень любили зимой смотреть подшивки «Нивы»²⁸. Был у нас граммофон²⁹ и очень неплохой подбор классики. Я же очень любила шляпинскую «Блоху»³⁰. Мама с т[ётей] Надей, сидя перед граммофоном, мечтали о том, как было бы хорошо сейчас послушать оперу в театре. Слава Богу, они этой возможности дождались.

По вечерам у нас собирались учителя, врачи, юристы [и] читали стихи, играли на пианино, кто-то пел, один молодой красавец играл на скрипке. Но такие собрания были редки, а так просто почти каждый вечер приходил молодой адвокат (которого прочили т[ёте] Наде в мужья), и они с папой по очереди читали Чехова, Бунина, Куприна. Папа очень хорошо читал Некрасова. Дамы вышивали или вязали. На овальном столе горела лампа под названием «Матадор», у неё была круглая горелка и матовый абажур в форме тюльпана. Мы любили смотреть, как в лампы заливают керосин.

Летом в садик около дома приходили крестьянки с лыковой и обливной посудой³¹, наполненной чудесной земляникой и [сверху] покрытой чистейшими холщовыми полотенцами с вышитыми крестом краями. К матерям жались дети. Все были одеты в национальные одежды. На чувашках блестели и звенели шапочки и нагрудники из серебряных монет.

Помню ёлки, [на которых вместе веселились] ряженные гости³², прислуга и дети. Все вместе ходили вокруг ёлки, а детям всем (и гостям и прислуге) раздавались подарки.

Мне очень рано начали дарить книги, и в 5 лет я уже читала. Часто играли в путешествия. [Для этого] в детской переворачивались стулья и накрывались большой клетчатой шалью. [В импровизированную повозку] «запрягалась» Андрюшина [игрушечная] пегая лошадь, а мы с Марусей и Нюрой забирали [с собой] всех кукол, медведей, зайцев и залезали в «кибитку». Маруся [же], которая очень много читала, начинала возить нас по горам и лесам, а мы и пугались и сами дополняли её рассказы.

На Пасху, Рождество и другие большие праздники мама участвовала в приготовлении праздничных блюд. Мы тоже торчали на кухне, и нам давали облизывать миски и ложки. Но обычно готовила Дуня. Утром во время завтрака она приходила в столовую, и начиналось обсуждение меню на текущий день. Блюда подавала горничная Ксения, а разливала и раскладывала мама. За стол, кроме [членов] семьи, садились два конторщика и няня, а потом – бонна.

Н. П. Курбагов с детьми.
Стоят: Лиза, Владимир, сидят: Михаил, Мария. *Конец 1880-х гг.*

В годы революций и Гражданской войны

Наступил 1917 год. В Цивильске не было никаких предприятий. [Его население составляли] только ремесленники, купцы и интеллигенция. Поэтому Февраль прошёл нами не замеченный. Но в Октябре сразу же папу и 3 других купцов посадили в тюрьму³³. Помню шествие гимназисток с красными розетками³⁴ и их требования выпустить арестованных. Папа вышел и в скором времени ушёл с белыми неизвестно куда³⁵. К нам из Казани приехали семья дяди Миши³⁶ с 5 детьми и сестрой Груней. Старший [из детей] Коля вступил в комсомол³⁷ и быстро навёл на нас своих друзей, и у нас отобрали библиотеку. Жена дяди Миши была крестьянка, и старшие дети были незаконнорождённые³⁸, что [при новой власти] дало им почти все права.

Кончилась наша прежняя жизнь. Без конца приходили какие-то незнакомые люди, искали папу и требовали золота. Но, по-моему, у нас его и не было. Через Цивильск шли красные кавалеристы, и однажды к нам с визитом явился какой-то красавец командир и церемонно целовал дамам ручки. А под окнами проскакала женщина в чёрной черкесске и папахе³⁹. Никто ничего не понимал, все дрожали и боялись: и своих и чужих.

Лошадей, амбары, мельницу конфисковали⁴⁰, прислуга разбежалась. И в конце концов нас выселили в монастырь⁴¹. Дали нам на всех домик из 4 комнат. Мебель мама частично продала, [другую] часть забрали неизвестно куда. Пианино, например, поставили в какой-то сарай и даже пальцем его никто не тыкал, а потом мы видели в щели, что оно развалилось. Наверное, не само [собой].

Из монастыря я пошла в школу – сразу в 3-й класс, а Андрюша в 1-й. С нами ходила т[ётя] Надя, которая работала преподавателем литературы, т.к. классных дам отменили. Андрюша часто являлся домой побитый, ему доставалось как «буржую». Мне [за происхождение] почему-то ничего не было.

В это время отделили церковь от государства и школу от церкви⁴². Закон Божий нам преподавали в церкви. Мне уже было лет 10, и я к этим урокам относилась скептически и мешала другим детям. Батюшка⁴³ просил маму «образумить Ниночку, или уж пусть она совсем не ходит [на уроки по Закону Божьему]», что я и выполнила.

В Цивильске было три церкви. [Троицкий] собор имел второй этаж, где была маленькая церковь Параскевы Пятницы⁴⁴, где стояла раскрашенная деревянная скульптура этой святой. А в ограде собора была маленькая пушка, оставшаяся от времён Пугачёва, т.к. его войска здесь проходили⁴⁵.

Из всего прежнего богатства у нас осталась одна корова Красуля⁴⁶, для которой мы, дети, приносили с лугов мешки травы, [куда] ходили с т[ётей] Надей. Она же её и доила.

В монастырь выселили ещё одну купеческую семью, где было двое детей. [Вместе] мы представляли собой грозную шайку для монахинь. [...] Мы были в куче – я, Андрюша, Люда (дочка монастырского священника), Женя с Володей (близнецы) и Федя – сосед. Мы носились по монастырским улочкам, открывали двери и заскакивали в церковь во время службы, лазили по деревьям, крутили деревянное колесо колодца и были довольны собой. Я, правда, ходила к монашкам, которые занимались вышиванием и писанием икон. Но они нас не любили и не очень охотно разрешали приходить. Дружили мы с монашками, которые были на чёрных работах. Помогали [им] доставать воду из колодца, чистить лошадей и ещё что[-то]. С ними я каталась на лодке, и они научили меня плавать. [Это произошло так.] Поехали мы на лодке, и одна из них, молоденькая послушница Феничка сняла подрысник⁴⁷, осталась в длинной холщовой рубашке с рукавами и говорит мне, что сейчас будет купаться, а сама взяла и толкнула меня с лодки. Я забарахталась, начала тонуть, но выплыла и, держась за лодку, отдышалась. А Феничка всё время стояла, готовая [в любой момент] прыгнуть ко мне [на помощь]. Так я научилась плавать. С подружками мы ходили купаться на [р.] Большой Цивиль. Он был довольно широкий и глубокий. Отпускали нас только со старшими девочками. Однажды я чуть не утонула. Было мне уже лет 11. [Как-то мы] решили соревноваться – кто больше раз переплывёт реку туда и обратно без отдыха. Я переплыла 2 раза, а на третий руки устали и посреди реки я начала булькать и уходить под воду. Спасибо, Галя кинулась

Е.Н. Курбагова
(в замужестве Тихомирнова).
1900-е гг.

М.Н. Курбагова
(в замужестве Баженова).
1900-е гг.

В.Н. Курбатов –
вольноопределяющийся
Котельничского резервного батальона.
1895–1896 гг.

М.Н. Курбатов.
г. Цивильск.
1910-е гг.

и схватила меня за косу. Так волоком и вытащила на берег. Помню, я долго тряслась, съёжившись на берегу. Но на другой день я опять полезла в воду.

Последние годы жизни в Цивильске

В [19]22 г. вернулся папа⁴⁸. Это был больной, заросший бородой старик. Когда к нему вызвали врача (новенький, который его не знал), то он сказал маме, что она должна делать своему отцу⁴⁹ и как [его] лечить. [...] С белыми он дошёл до Иркутска, там слёг в больницу с воспалением лёгких и какой-то цивилинин, узнав в нём Курбатова, за обручальное кольцо помог ему вернуться [домой].

До возвращения папы за главного у нас была тётя Надя. Она, работая учителем, получала зарплату и паёк⁵⁰. Деньги были большим листом и мы их [раз]резали. Помню, [что они были] синие, зелёные, красные и оранжевые. А в каком выражении, не помню. А потом стали отдельные [т.е. купюрами. – Ю.Г.], но по тысячам, и мы были миллионерами. [На них] покупали керосин, дрова и спички. Больше ничего не запомнилось. В пайке выдавали ржаную муку грубого помола (мы её просеивали, а из отрубей пекли печенье), бараньи головы с шерстью и рогами, и монпансье⁵¹, слипшееся в камень. Мы клали его на что-нибудь вроде клеёнки и разрубали топором, собирая все крошки.

А мама не работала, ходила в гости. У них было что-то вроде дамского клуба, где играли в карты, занимались рукоделием и флиртом. За ней начал ухаживать врач и дома бывал. Но мы с Андрюшей возненавидели его. Чего только мы не вытворяли: наливали в калоши воду, завязывали рукава пальто, накладывали в карманы грязь и даже лягушек. Мама, видя наше отношение, попросила его у нас не бывать.

У меня в эти годы почему-то часто болели зубы, и я помню, чтобы отвлечься [от боли] хватала кофемолку и начинала молоть кофе, которого у нас было много – осталось от прежних времён. Никто не конфисковал, слава Богу.

С семьёй тёти Ариши (И.Ф. Курбатовой. – Ю.Г.) мы жили врозь, т.к. у неё из деревни были всегда хорошие продукты – и мясо, и яйца, и с нами, конечно, не делились (отношения взрослых были сложные). Мы же, [дети], все были очень дружны. Я была среди них старшая [...]. Тамара [была] старше меня года на 2,5–3, считала нас мелюзгой и с нами не общалась. Я же выдумывала всякие штучки, вроде того, что учила их по очереди лизать железные оградки могил у церкви (зимой, конечно), прыгать с обрывистого берега в реку, измазаться глиной, обвить себя вьюном-берёзкой и носиться по лугам (естественно, без штанов). [...]

У нас сохранились старые конторские книги, и я рисовала [в них] каких-то толстых большеголовых людей, которые назывались «бумажники». Кого там только не было: короли, королевы, солдаты, дамы, дети. Человечки вырезались, мальчики их обводили по контуру, а я рисовала, выдумывая всё новых персонажей. Каждый хранил своё богатство отдельно. [Мы его] берегли, обменивались [друг с другом].

Я много читала, увлекалась Чарской⁵², Желиховской⁵³, а позднее историческими романами Всеволода Соловьёва⁵⁴, Евгении Тур⁵⁵, Шпильгагена⁵⁶, Мордовцева⁵⁷, Алтаева⁵⁸. В школе мы учились без домашних заданий, т.к. не было тетрадей. По истории был предмет «истперкульт» (история первобытной культуры), дальше шла история древнего мира, потом декабристы, освобождение крестьян, революция 1905 г., Октябрь, а из истории Запада – чартизм⁵⁹ и Парижская коммуна⁶⁰. Всё, что мы не получали в школе, я черпала из бездны прочитанных книг, которые т[ётя] Надя приносила мне из библиотеки связками.

В те годы свирепствовала холера. Недалеко от нашего домика в монастыре находились богадельня и дом малютки – приют⁶¹. Из богадельни то и дело на дрогах⁶² вывозили трупы холерных [больных], кое-как прикрытые рогожей. Нам не разрешали выходить за свой палисадник, но мы сопровождали каждую телегу, забравшись на забор. В приют ушла работать наша няня, и я часто к ней ходила. Кроме холеры были ещё и случаи натуральной оспы. Я ухитрилась заболеть ею, подхватив в приюте. Болела я легко, но плакала, что я буду некрасивая и никогда не выйду замуж. Тётя Надя успокаивала меня, что я болею ветрянкой⁶³. Но я требовала, чтобы она потёрлась об меня, тогда [мол] поверю. Слава Богу, кроме меня никто не заболел [...].

Нина Курбатова за пианино.
1910-е гг.

Андрей и Нина Курбатовы с двоюродной сестрой Тамарой. 1910-е гг.

У папы с т[ётей] Надей сложились странные отношения (он, видимо, нас [к ней] ревновал), и она уехала в Казань. Вскоре наш домик понадобился под что-то, и нам пришлось искать квартиру. Семья т[ёти] Ариши уехала в Казань, а мы сняли квартиру из 3 комнат с кухней во флигеле пустовавшего большого дома. У хозяев была дочка Маруся, и мы опять сколотили компанию и очень весело проводили время.

Папа поступил работать инспектором в заготзерно, а маму взяли писарем в военкомат⁶⁴, только военком удивлялся, что у неё «готический почерк», и он не всегда его понимает. Мы были предоставлены сами себе. Наша компания [состояла из] 4 девочек и 2 мальчиков (Андрюша с одноклассником Вадиком, Люда – подружка [из] монастыря, Маруся – хозяйкина дочка, Клава – моя одноклассница и я). Мы увлеклись театром, стихами, танцами (самодеятельно). Мы начали с Рождества. В пустовавшем доме нам поставили ёлку. Мы начали придумывать сценарий, костюмы. Поставили 4 времени года, читали стихи, пели. Наташили скамеек, собралось много детей и взрослых. Наша труппа увеличилась. Потом мы «ставили» балет цветов, стрекоз, снежинок и всё со стихами и пением. Так прошла зима.

Летом – купание, вечерние игры в горелки, серсо, чижи⁶⁵. Однажды во двор пришла молодая пара, они искали гадалку Нину: «Говорят, она очень хорошо гадает». Мы с хохотом убежали, т.к. кто-то объяснил им, что это я, а мне [всего] 12 лет. Гадать я научилась у Людиной мамы и с моей богатой фантазией много могла наговорить.

Вспоминается один тяжёлый эпизод из той поры. В городе жила дама, жена крупного военного, то ли начальника округа, то ли что ещё. Она была намного старше мамы. Приходя к нам с визитами, она называла маму «Любочка Николаевна», сидела в шляпе и заявляла: «По вольности дворянства⁶⁶ я не снимаю перчатки». И вот после [19]17 г. муж её исчез. Она сначала что-то, видимо, продавала [и этим] как-то жила; но всё хуже и хуже. Осталась она одна, с собакой сенбернаром⁶⁷ Лордом. Жить стало нечем, из дома её выселили. Кажется, бывший кучер пустил бывшую госпожу к себе в баню на дворе. Лорду сшили холщовую суму. Он ходил по городу, стучался мордой в окна и ему давали (т.е. клали в сумку. – Ю.Г.) кто что мог. Но однажды хозяйка не открыла ему дверь: всё было кончено. А судьбу собаки не помню.

В это время папа начал чаще болеть, но мы мало реагировали, т.к. относились к нему равнодушно, живя почти что без него. Однажды вечером в конце октября мы, закрыв двери, танцевали модный танец тустеп⁶⁸, [а] мама прилегла отдохнуть. Вдруг она выбежала к нам и послала [меня] скорее привести доктора. Папа спал на боку, подложив руку под щёку, но мама почему-то беспокоилась. Когда я вернулась с врачом, то он установил смерть – мама беспокоилась не зря. Он умер во сне. Во время болезни он, по словам мамы, беспокоился о том, как мы будем жить без него, просил положить его в гроб в одном белье, т.к. костюм можно продать и взял с мамы слово, что мы уедем в Казань. Похоронили его в семейном склепе, над которым находилась каслинская беседка со скамеечками⁶⁹. Вокруг было много деревьев. На следующий год мы переехали в Казань, исполняя папину волю.

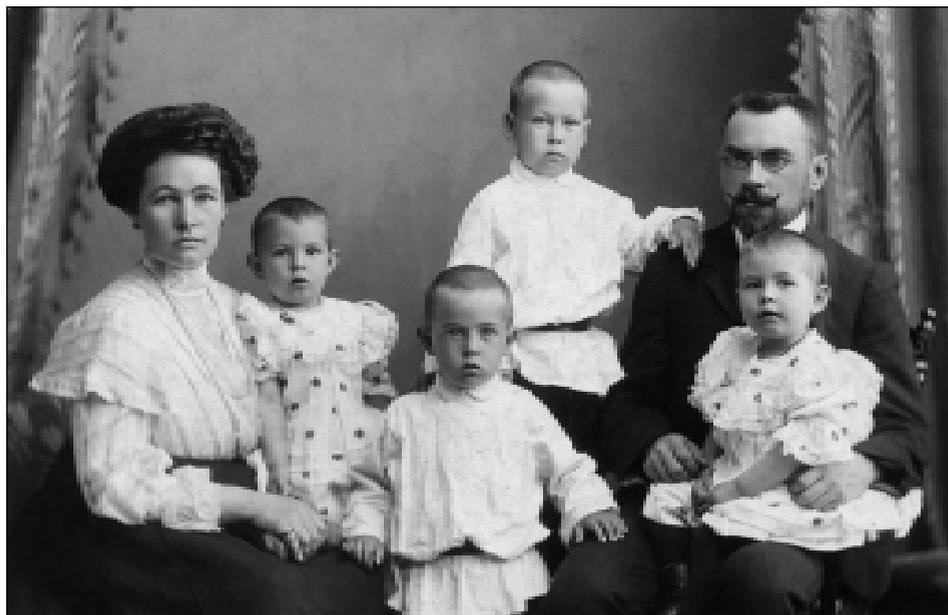
Родовой дом Курбатовых

Оставляя [тему] Цивильск[а], хочется ещё раз вернуться к истокам, вспомнить дом⁷⁰ и всё, что его окружало.

Дом был нелепый, его много раз перестраивали (по папиным рассказам). Фасад был на запад, туда выходили окна залы, гостиной, столовой. Детская, библиотечная, спальня родителей выходили на север, а дедушкин кабинет (угловой), контора и кухня были на юг. В зале были белые с золотыми веночками обои, мебель – как наш красный стол, обтянутая полосатым шёлком салатного цвета. Там стояло пианино, граммофон и цветы в кадках и на жардиньерках⁷¹.

В гостиной обои были вишнёвого цвета, овальный стол, покрытый бархатной скатертью, тяжёлая мебель, обшитая вишнёвым, диван и кресла (всё это ещё бабушкино). На стенах во всех комнатах [висели] картины и полочки разные. В столовой обои [были] под дерево, а мебель ореховая (огромный резной буфет, длинный стол и масса стульев). Там висела «Марфуша»⁷² и тоже [стояли] цветы в кадках. Из столовой была дверь в кладовую, где хранились варенья, соленья и чего-то много вкусного [...]. Дальше шла прихожая с тёплым туалетом и большим сундуком в углу. На нём мы любили зимой слушать сказки.

Против двери – комната горничной, где был гладильный стол и лежало столовое бельё. Потом – детская с голубыми полосатыми обоями, с киотом⁷³ в углу. Помню образ Христа и Богородицы в очень красивых ризах⁷⁴ и

Семья М.Н. Курбатова. Слева направо: Ирина Федоровна, Галина, Михаил, Николай, Тамара, Михаил Николаевич. 1909 г.

лампадку – красный стаканчик, подвешенный в серебряной корзиночке. Спали мы с няней. У меня была вишнёвая кровать, у Андрюши – голубая. В комнате коврики у кровати на полу, масса книг, игрушек – всё это в шкафу. Умывались мы над тазом. Нам поливали из голубого в крапинку кувшина.

Дальше шла библиотечная – тёмная, выходящая на веранду комната, сплошь уставленная книжными шкафами и мягкими креслами. Потом – мамина спальня, оклеенная фисташкового цвета⁷⁵ обоями, две зелёные кровати, гардероб старинный (тоже ещё бабушки Вари), туалетный столик с зеркалом в резной дубовой раме, масса выдвижных ящичков, флакончиков, корбочек и перед туалетом стул вроде нашего складного, но не складной, а с мягким сиденьем, тоже обитый салатным шёлком. Перед кроватями на полу коврики, на стенах – картины.

В торце коридора – дверь к дедушке. У него была большая светлая комната с большим письменным столом, большим шкафом, комодом, на котором стояло чучело рыси, а на тумбочке стоял переплётный пресс. Что уж они переплетали, не знаю, но мы [дети,] очень любили вертеть винт. В углу был большой киот с лампадой, а в верхнем ящике письменного стола всегда были разные пряники для нас (когда он нас приглашал к себе). Особо запомнились медовые, посыпанные крашеным пшеном, и вяземские.

Направо от дедушкиной [комнаты] была дверь в контору, тоже угловая светлая комната, разделённая перегородкой. В ближней части сидели конторщики Василий Петрович и Василий Алексеевич (мы их почему-то звали Патятя и Паляля), а в другой части толпились крестьяне, которые привозили зерно. Многие привозили с собой детей с больными глазами. Это была трахома, и папа их лечил. Нам туда ходить не разрешали.

Библиотечная комната выходила дверью и окном на балкон, где летом ужинали и, кажется, вообще кушали. С балкона вела лесенка в садик, где было много цветов, несколько яблонь, малина и кусты жасмина. Двор переходил в огород, где была баня, парники и оранжерея. У нас был садовник. В конце двора были конюшни, коровник и каретник. Когда мы уехали в Казань, то никакой связи с Цивильском не поддерживали. Но через много лет узнали, что наш фамильный склеп был разрушен, гробы вскрыты, черепами играли в футбол, а чугунная каслинская беседка – разбита⁷⁶. Вот так всё закончилось ...

В Казани

Мой казанский период начался, когда мне было 13 лет. Мы сняли комнату в густо населённой квартире. В школу меня взяли опять в 6-й [класс], а всего было 9 кл[ассов]. Уезжали мы из Козьмодемьянска, где жила т[ётя] Шура⁷⁷ с семьёй. [...] Город стоит на берегу Волги, и мы много купались, и я заплывала очень далеко. [При отъезде из Цивильска] мебель распродали, многое просто побросали. Остальное, что было ценным, было уложено в сундуки и с обозом гужевым мы тронулись в путь.

С.В. Курбагов.
г. Казань. 1900-е гг.

Супруги Владимир Николаевич
и Любовь Николаевна Курбатовы. 1910-е гг.

Очень было интересно наблюдать за работой волжских грузчиков. У них на спинах были холщовые «рюкзаки» со ступенькой для груза. На эту ступеньку накладывали грузчикам на спину наши сундуки с тяжелейшей посудой и ещё Бог знает с чем. С этой ношей они, чуть согнувшись, бежали бегом [на корабль] и там с них сгружали поклажу в пароходный трюм. Ехали мы 3-м классом⁷⁸, но это не мешало нам бегать по всему пароходу.

В Казани нас записали в бывшую гимназию, в которой училась т[ётя] Надя и даже литературу нам с ней преподавала одна и та же учительница. Я бесконечно благодарна ей за те знания, которые она нам дала, занимаясь с нами в литературном кружке, бессменным председателем которого я была до окончания школы. По программе нам полагалось немного Гоголя, немного Пушкина, Некрасова. В основном же это были Gladkov («Перегной»)⁷⁹, Сейфуллина («Виринея»)⁸⁰, Серафимович («Железный поток»)⁸¹, стихи Уткина⁸², Жарова⁸³, Безыменского⁸⁴. А в кружке мы узнали и наших и западноевропейских классиков, вплоть до «Декамерона»⁸⁵. А я сверх того пользовалась её (т.е. учительницы. – Ю.Г.) любовью, ходила к ней домой и получала из её личных книг много поэзии – Гумилёв⁸⁶, Ахматова⁸⁷, Тютчев⁸⁸, Фет⁸⁹, Майков⁹⁰. Пусть будет ей земля пухом. А Пушкина [в школе] мы только хаяли и устраивали суды над Онегиным и Печориным. Маяковского мы боготворили, и когда в [19]26–[192]7 гг. он приехал в Казань с чтением своих стихов⁹¹, я, естественно, была в первых рядах, штурмовавших кассу.

В Казани был музыкальный театр, куда на сезон привозили оперы. Я продавала свои детские книжки и ходила в театр, а чтобы не платить 10 коп. за гардероб, меня провожала мама и уносила домой мою верхнюю одежду, а потом [к окончанию спектакля] снова приносила. Кроме школы я быстро разыскала детскую библиотеку и скоро стала там правой рукой у библиотечарей. Они часто отлучались, и вся выдача [книг] была на мне. Боже, сколько я всего прочитала! А когда в [19]24 г. была произведена «чистка» библиотеки и книги (да какие!) должны были быть сожжены, я много плакала в комнате заведующей (она тут же и жила и фамилия её была Нелидова).

В 1924 г., после смерти Ленина, (по этому поводу я сочинила стихи и читала их со сцены), при биб[лиоте]ке организованся первый в Казани пионерский⁹² отряд, в который, естественно, я вступила и стала звеньевым звеном «Безбожник». Пионер не должен был носить украшений – кольца, бусы, серьги, а у мальчиков [ношение] галстука считалось мещанством и преследовалось. Все пионеры в школе соединялись в форпосты⁹³, и я была их главой. Кроме того, я была членом школьного совета и имела право голоса наряду с педагогами по вопросам учёбы и др. (переводить или оставлять на второй год). Обучение в школе было платным, но мы с Андрюшей получали пенсию за папу – сначала 21 р[уб.], а когда мне исполнилось 16 лет, то 16 р[уб.], и учились бесплатно. Мама не могла найти работу, т.к. не была членом профсоюза, а в союз не принимали, так как она не работала.

Питались главным образом овсяным (ячменным) кофе и макаронами с сахаром. Иногда ходили к т[ёте] Марусе – маминой сестре, на чай с пирогом, но редко. Папин [двоюродный] брат Серёжа Курбатов⁹⁴ во времена нэпа имел свой лакокрасочный бизнес. Его жена тётя Вера была московская купчиха Варгина (дочь брата папиной мамы Вареньки Варгиной). У них был открытый дом-салон, где бывала казанская элитная верхушка. Нам они никогда не помогали, хотя знали о нашем житье-бытье. Но однажды на Пасху они пригласили нас с Андрюшей, а может быть, мама нас послала поздравить с праздником богатых родственников. Мы явились в этот бомонд⁹⁵ весьма не на своё место. Я в то время участвовала в ансамбле «Синяя блуза»⁹⁶ и была одета соответственно тому – в синей блузе с пионерским галстуком и в ботинках, зашнурованных верёвочкой. Сидящие за столом гости окинули нас недоумёнными взглядами и, хотя мне страшно хотелось поесть всех вкусностей, которыми был уставлен стол, я дёрнула Андрюшу за руку и со словами: «Пойдём отсюда, нам здесь не место», – мы удалились голодные, но гордые.

Году в [19]26-м маме через гувернантку двоюродного моего брата удалось устроиться на летний сезон во вновь организованный международный дом отдыха в бывшем имении [дворян] Демидовых под Спасском⁹⁷. Мама уехала [туда] раньше, а мы по окончании учебного года. Помню, был сильный разлив, и мы от ж[елезной] д[ороги] плыли туда на лодке, как зайцы у деда Мазая.

Это было какое-то странное заведение. Директорами были два немца – Шнайдер с женой и младенцем и Рогалло, который приставал к маме (ей ведь было всего 37 лет), кухарка, бывшая повариха купцов Ушаковых, пчеловод, невероятно воспитанный пожилой человек, похожий на Льва Толстого. Вот почему маму, как «бывшую», взяли туда работать. Андрюша с удовольствием помогал на пасеке и в конюшне.

Когда начали съезжаться гости, это было что-то непонятное. Из Казани приехали директора «Промбанка» и «Госбанка»⁹⁸. Из Питера и Москвы приезжали тоже люди, близкие к «Промбанку». Они часто собирались за закрытыми дверями. Помню, когда скончался Дзержинский⁹⁹, среди них ца-

Весеннее половодье в Цивильске. 1908 г.

рило радостное возбуждение. Там были: директор московского «Промбанка» – барственный красавец с женой и дочкой, кто-то тоже «высокий [чин]» из Питера с 2 дочками и женой. Остальные были иностранцы: аргентинец Кодевилла, итальянец Мизиано¹⁰⁰ с женой и двумя дочками, швед, австриячка и две какие-то ещё дамы – совслужащие, которых я помню плохо. Чем они там занимались, мне интересно и непонятно до сих пор.

Мы, девочки, все сдружились и жили весело: играли в мяч, катались на лодках. Иностранки были в трусах и лифчиках, а я в платье, чем возбуждались плевки в их сторону и уважение ко мне со стороны крестьян окрестных деревень. Однажды, проплывая в лодке мимо какой-то деревушки, мы увидали местного парикмахера, который стриг мужика, на голову которого был надет глиняный горшок.

В ту зиму я [о]кончила школу, а мама нашла себе работу на швейной фабрике, т.к. в пансионате вступила в профсоюз. Вот тут-то начались мои беды. Окончила школу я очень хорошо (все оценки были «вполне удовлетворительно»¹⁰¹ [...]). Подала документы в [Казанский] университет на медицинский [факультет], всё сдала блестяще, но из-за фамилии не прошла. То же произошло с художественным училищем¹⁰². На следующий год [повторилось] то же самое. Эти два года я ежедневно ходила в университетскую читалку и, Боже мой, сколько я всего прочитала!

Однажды мне попало на глаза объявление о ГТК¹⁰³ ... и я решила туда поступать, наивно полагая, что в Москве меня не «достанут». И вот, списавшись с двоюродным братом Вадимом¹⁰⁴, я тронулась в столицу с самодельным фанерным чемоданчиком под названием баул. Я была наивна и доверчива, но Бог посылал мне хороших людей. Не зря, когда мне было лет 14, я увидела во сне Богородицу, которая указала мне на полное ведро с водой, сказав: «Неси». На мои слова, что мне будет тяжело [нести ношу] и я расплещу [воду], она сказала мне: «Ничего, сможешь. Неси». Вот, видимо, моя судьба получена из её рук, и поэтому я и не пропала.

Когда я уезжала, мама плакала, а я удивлялась[, почему]: ведь я же в Москву еду и буду учиться. Погрузившись в общий вагон, я тронулась в самостоятельную жизнь, веря во всё хорошее. [...]

Личный архив Д.Ю. Джемс-Левы (г. Санкт-Петербург).

Авторская рукопись.

Примечания и комментарии

¹ Варвара Ивановна Варгина (ок.1857, Казань – 1881, Цивильск). После её смерти Н.П. Курбатов оставался вдовцом до конца жизни.

² В.Н. Курбатов (1.7.1877, Цивильск – октябрь 1922, там же), Е.Н. Курбатова, в замужестве Тихомирнова (1878, Цивильск – неизв.), М.Н. Курбатов (22.10.1879, Цивильск – не ранее 1937, неизв.), М.Н. Курбатова, в замужестве Баженова (11.10.1880, Цивильск – неизв.).

³ Умерла новорожденной.

⁴ Н.П. Кулаков (неизв. – до 1898) являлся временным купцом г. Казани. – Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 557. Оп. 7. Д. 358. Л. 19 об. – 20.

⁵ Роза (от польск. *goza* – роза) – инфекционное заболевание, вызываемое стрептококком: прогрессирующее воспаление преимущественно кожи (резко отграниченная краснота, припухлость, болезненность).

⁶ Пансион – закрытое учебное заведение с общежитием и полным содержанием учащихся. Здесь, по-видимому, сдача квартиры ученикам для проживания с питанием.

⁷ Надежда Николаевна Кулакова (11.9.1889, Казань – 12.11.1976, Челябинск) окончила женскую гимназию в Казани. Сестра-близнец Любови Николаевны Курбатовой (11.9.1889, Казань – 16.4.1977, Челябинск).

⁸ Свадьба состоялась в Цивильске 27 сентября 1909 г. – ГИА ЧР. Ф. 557. Оп. 7. Д. 358. Л. 19 об. – 20.

⁹ Тип начальных школ, подведомственных Синоду.

¹⁰ Фабрика гнущей и столярной мебели на ст. Урмары Московско-Казанской железной дороги (ныне пос. Урмары Чувашской Республики) была основана в 1904 г. совладельцами Н.П. Курбатовым и В.Н. Бельковичем. С 1909 г., после выхода последнего из компаньонов, принадлежала Курбатовым.

¹¹ Конный завод рысистых и выездных пород Н.П. Курбатова в с. Иваново Цивильского уезда был основан в марте 1895 г. – ГИА ЧР. Ф. 122. Оп. 1. Д. 732. Л. 183.

¹² Н.П. Курбатов владел двумя водяными мельницами: в г. Цивильске (на складской площади) и в слободе Вороновской Чебоксарского уезда. – Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Адрес-календарь Российской империи. СПб., 1902. Стб. 484. Ему также принадлежали два имения в Цивильском уезде: при с. Иваново с 1073 дес. земли, (приобретено в 1895 г. у дворянина С.Ф. Ушакова) и при д. Комаровка с 678 дес. земли. – ГИА ЧР. Ф. 211. Оп. 4. Д. 21. Л. 1 об. – 2; *Николаев П.Н.* Революционное движение в Чувашии в 1905–1907 гг. Чебоксары, 1956. С. 112. Летом 1906 г. Н.П. Курбатов через Казанское отделение Крестьянского поземельного банка продал сельскому обществу с. Иваново 1028 дес. земли. Первоначально он планировал продать землю чувашским крестьянам, поэтому в декабре 1917 г. права на неё заявляли сельские общества деревень Топнеры, Нюрши и др. – Чебоксары, Казанской губернии (Аграрный процесс) // Волжский вестник, 1906. 19 мая; *Странник*. Г. Цивильск // Волжский вестник. 1906. 15 августа; Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 526. Л. 273; ГИА ЧР. Ф. 528. Оп. 1. Д. 22. Л. 234.

¹³ На организацию Ольгинского детского приюта трудолюбия в Цивильске (1900) Н.П. Курбатов пожертвовал 2000 руб., а в последующие годы оказывал ему финансовую помощь. За это он и его сын В.Н. Курбатов были утверждены пожизненными почётными попечителями приюта. Н.П. Курбатов исполнял также должность казначея приюта. – ГИА ЧР. Ф. 149. Оп. 1. Д. 128. Л. 107; Ф. 14. Оп. 1. Д. 1697. Л. 2.; Ф. 219. Оп. 2. Д. 1. Л. 46 об. – 47. В 1908 г. «За особые труды и заслуги, оказанные попечительству о трудовой помощи» Н.П. Курбатов был награждён орденом Св. Анны 2-й степени. – ГИА ЧР. Ф. 79. Оп. 1. Д. 197. Л. 27 об. – 38.

¹⁴ В 1890-е гг. Н.П. Курбатов основал частную богадельню при Казанско-Богородицкой церкви Цивильска, где содержалось до 5 престарелых женщин. – ГИА ЧР. Ф. 122. Оп. 1. Д. 863. Л. 124; там же. Оп. 4. Д. 326. Л. 4 об.

¹⁵ *Федоров Н.Ф.* Город Цивильск в конце XIX и в начале XX веков. Цивильск, 1999. С. 31.

¹⁶ С 1880-х гг. Н.П. Курбатов являлся председателем Цивильского уездного отделения Казанского губернского комитета о тюрьмах и в 1887 г. за заслуги был награждён золотой шейной медалью «За усердие» на Станиславской ленте. – ГИА ЧР. Ф. 79. Оп. 1. Д. 197. Л. 3 об. – 4. В 1915 г. одним из директоров (членов) уездного отделения о тюрьмах являлся В.Н. Курбатов. – Адрес-календарь и справочная книжка Казанской губернии на 1915 год. Казань, 1914. С. 464.

¹⁷ Женская прогимназия в Цивильске открылась в 1910 г. в одноэтажном деревянном здании, построенном на средства городского бюджета. Позже на средства города, уездного земства и субсидию Министерства народного просвещения здание было реконструировано: надстроен второй этаж и сделаны пристройки для учебных помещений, что позволило в 1915 г. преобразовать прогимназию в гимназию. – ГИА ЧР. Ф. 214. Оп. 1. Д. 31. Л. 1; там же. Д. 36. Л. 20. Архивные документы не подтверждают семейное предание о том, что В.Н. Курбатов построил гимназию на свои средства. Возможно, он был подрядчиком при её строительстве, поскольку на одной из фотографий назван «шефом-строителем-дарителем» гимназии. В 1910 г. В.Н. Курбатов был избран членом попечительного совета прогимназии на 1911–1914 гг. (в 1914 г. являлся «заступающим место» председателя, в 1918 г. – председателем). Л.Н. Курбатова с 1913 г. являлась попечительницей прогимназии. – ГИА ЧР. Ф. 213. Оп. 2. Д. 1. Л. 46 об. – 47; Ф. 14. Оп. 2. Д. 36. Л. 60; Ф. 214. Оп. 1. Д. 21. Л. 67; там же. Д. 18. Л. 29. и др. Поэтому супруги Курбатовы изображены на общих фотографиях учащихся и учителей прогимназии и гимназии.

¹⁸ В 1916 г. Н.Н. Кулакова работала классной надзирательницей Цивильской женской гимназии; с февраля 1917 г. упоминается в числе её преподавателей. – Адрес-календарь и справочная книга Казанской губернии на 1916 год. Казань, 1915. С. 492; ГИА ЧР. Ф. 214. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.

¹⁹ Александров Александр Александрович (1884–1918), уроженец Цивильска (из мещан), художник. Окончил Казанскую художественную школу (1905), Императорскую Академию художеств в Петербурге по классу В.Е. Маковского (1913). В благодарность за финансовую помощь, которую оказывал ему Н.П. Курбатов в годы обучения в Академии художеств, Александров написал его поясной портрет, который был оставлен в доме Курбатовых при выселении семьи в монастырь. В семье Д.Ю. Джемс-Леви хранится копия картины В.Е. Маковского «Портрет дочери в национальном костюме» («Марфуша»), написанная А.А. Александровым и подаренная им Н.П. Курбатову. По сведениям Д.Ю. Джемс-Леви, дипломная картина А.А. Александрова «Степан Разин и княжна» ныне хранится в частной коллекции в Чехии, а подготовительная работа к ней – в Русском музее (Санкт-Петербург).

²⁰ А.В. Курбатов (23.5.1912, Цивильск – 1931, пос. Егоршино, Свердловская обл.) в 1931 г. устроился коллектором (работник, собирающий и хранящий образцы минералов, ископаемых и др.) в геологическую партию и уехал на Средний Урал. В том же году умер от дизентерии.

²¹ Бонна (фр. *bonne няня*) в дореволюционной России – воспитательница из иностранок в семьях дворян и буржуазии.

²² «Детство Никиты» – автобиографическая повесть А.Н. Толстого (1882/83–1945).

²³ Хроническая вирусная болезнь, поражающая глаза и приводящая к слепоте, которая была распространена среди чувашского населения.

²⁴ Кулеткацкая фабрика по производству рогожи из мочала. Куль – большой мешок из рогожи для зерна и муки. В 1914–15 гг. в кулешне были размещены немецкие и австрийские военнопленные, работавшие в хозяйстве Н.П. Курбатова. – ГИА ЧР. Ф. 122. Оп. 4. Д. 423. Л. 67.

²⁵ «Сатирикон» – еженедельный журнал сатиры и юмора. Издавался в Петербурге в 1908–14 гг.

²⁶ «Крокодил» – общесоюзный сатирический журнал. Издавался в Москве в 1922–2000 гг.

²⁷ Пашá – почётный титул высших должностных лиц Османской империи, который с середины XIX в. до 1934 г. носили, главным образом, генералы турецкой армии.

²⁸ «Нива» – еженедельный иллюстрированный литературно-художественный и научно-популярный журнал. Издавался в Петербурге (с 1914 г. – Петроград) в 1870–1918 гг.

²⁹ Граммофон – механический аппарат (первоначально – с большим рупором), воспроизводящий звуки, записанные на пластинку.

³⁰ То есть песню М.П. Мусоргского «Блоха» в исполнении Ф.И. Шаляпина.

³¹ Лыковая посуда, то есть изготовленная из лыка – луба молодой липы, ивы и некоторых других деревьев, разделённого на слои и узкие полосы. Обливная посуда – глиняная, покрытая обливкой, глазурью.

³² Ряженный – персонаж, одетый в карнавальный костюм, переодетый в необычную одежду.

³³ Документы рисуют следующую картину ареста гражданских купцов – крупных хлеботорговцев и комиссионеров земства по заготовке хлеба для армии. 21–22 января 1918 г. в Цивильске было создано демократизированное уездное земское собрание, которое переименовало себя в I уездный съезд крестьянских депутатов. Съезд избрал исполком совета крестьянских депутатов, который объявил о переходе власти в свои руки. В помощь ему были созданы Революционный трибунал, следственная комиссия и отряд Красной гвардии. Исполком провёл изъятие излишков хлеба, реорганизовал продовольственную управу в продовольственный комиссариат, ликвидировал волостные земства, организовав вместо них волостные советы и др. Вскоре он наложил на городских купцов контрибуцию в размере от 5 до 20 тыс. руб. с целью помочь бедноте продовольствием. За отказ от уплаты контрибуции купцы В.Н. Курбатов, двое Барашёвых и С.Г. Аминов были арестованы. После этого городская верхушка стала запугивать горожан продовольственным кризисом и собрала митинг у здания совета с требованием освободить арестованных из тюрьмы. Исполком совета освободил купцов на поруки, не снимая с них контрибуции, при условии, что они дадут обещание заготовить хлеб для бедных горожан. Сорокин (вероятно, заместитель уездного комиссара Временного правительства В.А. Сорокин) и его сторонники от имени купцов обязались заготовить продовольствие. Весной был создан кооператив во главе с Сорокиным, который стал закупать хлеб для нужд города на средства горожан, что вызвало их недовольство (граждане рассчитывали, что купцы закупают хлеб на свои деньги). 8 апреля 1918 г., в ответ на обращения жителей города, получивших квитанции для оплаты хлеба, исполком уездного совета разъяснил, что все, давшие поручительство за выпущенных из тюрьмы купцов, обязаны уплатить по счетам, выставленным кооперативом. – Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Ф. 1046. Оп. 4. Д. 7. Л. 13 об. –14 (*Волженкин Л.А.* Об этапах развития революционного движения в 1905-07 гг. в Цивильском уезде); *Павлов Я.К.* Установление советской власти в Чувашии // Записки ЧНИИ. Вып. II. Чебоксары, 1949. С. 16; *Кочетков В.Д., Николаев Г.А.* Цивильск. Чебоксары, 1987. С. 58, 67–68; История Чувашии новейшего времени. Кн. 1 (1917–1945). Чебоксары, 2001. С. 43; Цивильск // Канаш. 1918. 11 апреля; ГИА ЧР. Ф. 194. Оп. 1. Д. 8. Л. 28, 28 об.

³⁴ То есть с красными бантами на груди.

³⁵ Летом 1918 г., в связи с наступлением белочехов, возникла угроза советской власти в Поволжье. При приближении фронта к Казани (пала 7 августа 1918 г.) в приграничной зоне, куда входила Чувашия, среди советских служащих возникла паника. Многие советы самораспустились, а их работники оставили свои посты. Так, сбежали все руководящие работники Ядринского и Цивильского уездных исполкомов советов. В начале августа Цивильск оказался отрезанным от Чебоксар и Казани. После этого к белогвардейцам перебежали уездный военком Смирнов, уездный военный руководитель Дементьев, ряд чиновников военного комиссариата.

риата, командир местной роты и около 60 бывших офицеров. – *Юшунев Н.Л.* Чувашская АССР. М., 1933. С. 29. По воспоминаниям очевидца, продовольственного комиссара Цивильского уезда Д.Г. Соколова, в Цивильске организовался совет самопомощи, в котором доминировали сторонники Учредительного собрания (по-видимому, бывшие земские работники. – *Ю.Г.*). При поддержке местной милиции он провозгласил себя властью в городе. 11 августа 1918 г., по приказу наркома по военным и морским делам Л.Д. Троцкого, на ст. Шихраны был создан Военно-революционный комитет, власть которого распространялась на весь Цивильский уезд. После этого в Цивильске была восстановлена советская власть, комитет самопомощи распался, а его члены ушли к белогвардейцам. – ГИА ЧР. Ф. 194. Оп. 1. Д. 80. Л. 307–307 об. В конце августа для укрепления советских органов в город прибыл отряд красноармейцев из 15 человек во главе с С.Я. Софроновым, в основном – казанских рабочих. Он организовал Чрезвычайную следственную комиссию, которая арестовала 14 офицеров, 2 купцов, 2 священников, 6 кулаков. 7 человек из них «получили своё назначение по своим заслугам» (расстреляны? – *Ю.Г.*). На защиту арестованных встал исполком уездного совета, который 29 августа подал ходатайство об освобождении офицеров, взятых на окопные работы, как не замеченных «ни в чём контрреволюционным». По сообщениям казанских газет, в конце августа – начале сентября 1918 г. по советской прифронтовой полосе прокатилась волна антисоветских заговоров, восстаний и красного террора. Например, в Чебоксарах был издан приказ о явке всех офицеров для регистрации, сразу после чего они были расстреляны. – *Симулин А.М.* Коммунисты Цивильского уезда в 1918–1920 гг. // Учёные записки ЧНИИ. Вып. 40. Чебоксары, 1968. С. 139; НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 416. Л. 100; там же. Ед. хр. 114. Л. 160; ГИА ЧР. Ф. 528. Оп. 1. Д. 6. Л. 25 об. Судя по всему, В.Н. Курбатов покинул Цивильск до этих трагических событий, вероятно, уехал в Казань к брату Михаилу. При отступлении белых из Казани братья Курбатовы ушли с ними наряду со многими представителями буржуазии и интеллигенции. Они надеялись вернуться, поэтому оставили свои семьи, которые охраняли имущество и наблюдали за хозяйством.

³⁶ М.Н. Курбатов с 1907 г. жил на ст. Шихраны Цивильского уезда, имел собственный дом в Казани на ул. Пушкина. – ГИА ЧР. Ф. 122. Оп. 4. Д. 339. Л. 819; Адрес-календарь и памятная книжка Казанской губернии на 1915 год. Казань, 1914. С.196.

³⁷ Сокращённое название массовой молодёжной общественной организации – Российского коммунистического союза молодёжи (с 1926 г. – Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодёжи), которая функционировала в 1918–1991 гг.

³⁸ Жена М.Н. Курбатова – Ирина Фёдоровна, урождённая Старшинова (ок. 1884 – 1961, Ленинград) происходила из крестьян с. Иваново Цивильского уезда. Имела совместных с М.Н. Курбатовым детей: Николая (11.2.1904 – 1979, Ленинград) – с 1930-х годов работал на заводе «Русский дизель» (Ленинград), Михаила (3.11.1905, ст. Шихраны – 16.10.1990, Ленинград) – контрабасист, профессор Ленинградской консерватории, близнецов Галину (29.3.1907 – 1.8.1912, ст. Шихраны) и Тамару (29.3.1907 – неизв.), близнецов Евгения (1913 – ноябрь 1991, Санкт-Петербург) – инженер завода «Русский дизель», до войны окончил два курса Ленинградского политехнического института, и Владимира (1913–1946, Ленинград). Старшие дети, рождённые до вступления родителей в официальный брак (1910), считались незаконнорожденными. После войны И.Ф. Курбатова жила в Ленинграде у своих сыновей Николая и Евгения.

³⁹ Черкеска – русское название верхней мужской распашной одежды у многих народов Кавказа. Однобортный суконный кафтан без ворота, в талию со сборками. По сторонам груди нашиты газыри – кожаные гнезда для патронов. Папаха – высокая мужская меховая шапка. Возможно, упоминается легендарная участница Гражданской войны Л.В. Рейснер (1895–1926), которая в описываемый период служила комиссаром отдела разведки при штабе 5-й армии Восточного фронта в г. Свияжске.

⁴⁰ По справке исполкома Цивильского уездного совета от 31 октября 1918 г., вся недвижимость Н.П. Курбатова в Цивильском уезде в 1918 г. была конфискована казанским губернским земельным отделом. В распоряжении семьи был оставлен только родовой дом по ул. Большой г. Цивильска с надворными постройками. – ГИА ЧР. Ф. 194. Оп. 1. Д. 18. Л. 15.

⁴¹ Выселение семьи В.Н. Курбатова в Тихвинский Богородицкий женский монастырь г. Цивильска, по-видимому, состоялось летом 1919 г., сразу после принятия исполкомом Цивильского совета исполнительного декрета об отмене права частной собственности на

недвижимость, который был разработан на основе соответствующего декрета ВЦИК от 20 августа 1918 г. В августе 1919 г. родовой дом Курбатовых принадлежал уездному военкомату; в 1920–21 гг. в нём размещалась караульная рота местного гарнизона. В марте 1920 г. Л.Н. и И.Ф. Курбатовым было разрешено пользоваться огородом при доме. – ГИА ЧР. Ф. 194. Оп. 1. Д. 11. Л. 664; там же. Д. 80. Л. 70; там же. Д. 64. Л. 89.

⁴² Декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» от 20 января 1918 г. установил светский характер советской власти, свободу совести и вероисповедания.

⁴³ То есть священник, преподаватель предмета Закон Божий.

⁴⁴ Каменный Троицкий собор был построен в 1732–34 гг. на месте обветшавшей одноимённой деревянной церкви постройки 1695/96 гг. – ГИА ЧР. Ф. 289. Оп. 1. Д. 9. Л. 46. На верхнем этаже 2-этажного здания, служившего основанием для колокольни, в 1748 г. была открыта холодная церковь Иоанна Милостивого. В ней находилась местночтимая резная икона Параскевы Пятницы. – Известия по Казанской епархии, 1898. 15 ноября. С. 955, по имени которой, по-видимому, в обиходе называлась эта церковь. В Цивильске имелись ещё две церкви (обе – каменные): Кладбищенская (1781), которая была приписана к Троицкому собору, и Казанско-Богородицкая (1735). – Справочная книга Казанской епархии. Казань, 1909. С. 494–495.

⁴⁵ В 1774 г. войско Е.И. Пугачёва прошло мимо Цивильска, остановившись в 7 км от него в с. Салтыганово. 17 июля в Цивильск прибыл отряд казаков во главе с Чумаковым, который казнил воеводу, двух дворян, купца, разграбил питейный дом, захватил казну и др. На следующий день пугачёвцы вновь появились в городе и роздали крестьянам казённую соль. Упомянутая пушка ныне хранится в Чувашском национальном музее.

⁴⁶ В 1920 г. у Л.Н. Курбатовой были национализированы корова местной масти 9 лет и бык черно-бурой масти. – ГИА ЧР. Ф. 194. Оп. 1. Д. 76. Л. 4, 5 об.

⁴⁷ Длинная одежда с узкими рукавами у служителей православной церкви, поверх которой надевается ряса.

⁴⁸ 20 марта 1922 г. В.Н. Курбатов подал заявление в коммунальный отдел исполкома уездного совета о возвращении ему дома с постройками. – ГИА ЧР. Ф. 194. Оп. 1. Д. 80. Л. 292.

⁴⁹ Здесь нет ошибки. Испытания состарили В.Н. Курбатова настолько, что врач принял его за отца Л.Н. Курбатовой.

⁵⁰ Паёк – продовольствие, выдаваемое по особой норме на определённый срок.

⁵¹ Сорт леденцов, обычно окрашенных в разные цвета.

⁵² Чарская Лидия, сценический псевдоним актрисы и писательницы Л.А. Чуриловой (1875–1937), автора ок. 80 произведений на тему школьной жизни.

⁵³ Желиховская В.П. (1835–1896) – русская писательница, автор произведений для юношества (по истории России, автобиографических повестей, фантастики и др.).

⁵⁴ Соловьёв Вс. С. (1849–1903) – писатель, автор исторических романов.

⁵⁵ Тур Евгения, литературный псевдоним русской писательницы, критика и публициста Е.В. Салиас-де-Турнемир (1815–1892), автора популярных повестей и романов для детей и юношества.

⁵⁶ Шпильгаген Ф. (1829–1911) – немецкий писатель, автор социально-политических романов о жизни современного ему немецкого общества.

⁵⁷ Мордовцев Д.Л. (1830–1905) – русский и украинский писатель и историк.

⁵⁸ Алтаев Ал. – литературный псевдоним русской и советской писательницы М.В. Ямшиковой (1872–1959), которая главным образом писала для детей и юношества (исторические романы, жизнеописания деятелей культуры и др.).

⁵⁹ Чартизм – массовое политически оформленное революционное рабочее движение в Великобритании в 1830–1850-е годы.

⁶⁰ Парижская коммуна – первая пролетарская революция и одноимённое рабочее правительство, существовавшее в г. Париже 18 марта – 28 мая 1871 г.

⁶¹ В 1920 г. на территории Тихвинского монастыря в 2-этажном деревянном корпусе размещались дом младенца на 14 детей (верхний этаж) и дом старости (нижний этаж), в котором проживало 58 чел. – ГИА ЧР. Ф. 194. Оп. 1. Д. 64. Л. 338, 349.

⁶² Дроги – удлинённая конная повозка без кузова.

⁶³ Ветрянка – ветряная оспа, острое вирусное заболевание с лихорадкой и сыпью в виде пузырьков, подсыхающих на воздухе.

⁶⁴ В 1919 г. Л.Н. Курбатова работала переписчицей отдела снабжения Цивильского уездного военного комиссариата. – ГИА ЧР. Ф. 194. Оп. 1. Д. 11. Л. 1036 об.

⁶⁵ Перечислены детские игры: горелки – догонялки, серсо – игра со шпагой и кольцами, чижы – игра с битой и чижом.

⁶⁶ Намек на привилегированное положение дворянства, закреплённое в «Жалованной грамоте дворянству» (1785).

⁶⁷ Сенбернар – порода караульных и декоративных собак.

⁶⁸ Американский бальный танец.

⁶⁹ То есть изготовленная на Каслинском чугунолитейном и железодельном заводе в Екатеринбургском уезде Пермской губернии (ныне г. Касли Челябинской обл.). Л.Н. Курбатова второй раз замуж не вышла. После смерти сына (1931) переехала жить к дочери вместе со своей сестрой Н.Н. Кулаковой.

⁷⁰ Дом Курбатовых по ул. Большой стоял на фундаменте, имел два этажа, террасу на втором этаже, восемь окон со стороны улицы (выходил на неё парадным крыльцом), три крыльца со двора. Был обшит тёсом, покрыт железом. Н.П. Курбатову также принадлежал 1-этажный деревянный дом на фундаменте с надворными постройками на Базарной площади, каменный склад на ул. Кузнечной, где в 1921 г. размещалась черепичная мастерская. – ГИА ЧР. Ф. 194. Оп. 1. Д. 80. Л. 84 об. – 85 об. В.Н. Курбатову принадлежал 1-этажный дом на ул. Кузнечной. – ГИА ЧР. Ф. 213. Оп. 2. Д. 1. Л. 46 об.; *Фёдоров Н.Ф.* Указ. соч. С. 30.

⁷¹ Подставка для комнатных цветов.

⁷² Репродукция с картины В.Е. Маковского (см. примечание 19).

⁷³ Остеклённая рама или шкафчик для икон.

⁷⁴ Риза – металлический оклад на иконе, оставляющий открытыми только лицо и руки образа.

⁷⁵ То есть светло-зелёный – цвета ядра фисташки.

⁷⁶ По рассказам Нины Владимировны, к разорению склепа имел отношение кто-то из её молодых родственников, который хотел выслужиться перед властями и даже поменял свою фамилию.

⁷⁷ Сестра Л.Н. Курбатовой, школьная учительница.

⁷⁸ То есть купили билеты на более дешёвые и менее комфортабельные места, по сравнению с каютами 1-го и 2-го классов. На пароходе зоны с пассажирскими местами разных разрядов были разграничены между собой.

⁷⁹ Гладков Ф.В. (1883–1958) – русский советский писатель. Здесь ошибка: повесть «Перегной» (1922) написана Л.Н. Сейфуллиной. Классическим произведением Ф.В. Гладкова является роман «Цемент» (1925), посвященный восстановлению промышленности после Гражданской войны.

⁸⁰ Сейфуллина Л.Н. (1889–1954) – русская советская писательница. В её повести «Виринея» (1924) описана ломка сельского быта после Октября 1917 г.

⁸¹ Серафимович А.С. (1863–1949) – русский советский писатель. Его роман «Железный поток» (1924) посвящён Гражданской войне.

⁸² Уткин И.П. (1903–1944) – русский советский поэт.

⁸³ Жаров А.А. (1904–1984) – русский советский поэт.

⁸⁴ Безыменский А.И. (1898–1973) – русский советский поэт.

⁸⁵ «Декамерон» – главное произведение итальянского писателя, гуманиста Раннего Возрождения Д.Боккаччо (1313–1375).

⁸⁶ Гумилёв Н.С. (1886–1921) – русский поэт.

⁸⁷ Ахматова А.А. (1889–1966) – русская советская поэтесса.

⁸⁸ Тютчев Ф.И. (1803–1873) – русский поэт.

⁸⁹ Фет А.А. (1820–1892) – русский поэт.

⁹⁰ Майков А.Н. (1821–1897) – русский поэт.

⁹¹ В.В. Маяковский приезжал в Казань дважды: в 1927 и 1928 гг. Автор рассказывает о первом приезде, когда 20–21 января 1927 г. в Татарском театре состоялись два больших творческих вечера с его участием.

⁹² Пионерский отряд – организационная форма массовой политической организации детей и подростков в СССР. Организация создана в 1922 г. под названием «Юные пионеры имени Спартака», в 1926 г. переименована во «Всесоюзную пионерскую организацию им. В.И.Ленина».

⁹³ Форпост (голл. *voorg post*) – передовой пункт, опора чего-либо. Здесь – объединение пионеров в школе независимо от их места жительства.

⁹⁴ С.В. Курбатов (ок. 1877 – неизв.) – купец, потомственный почётный гражданин. Со дня поступления в 1-ю казанскую гимназию (1890) проживал в Казани. В 1903 г. окончил физико-математический факультет Казанского университета. – ГИА ЧР. Ф. 122. Оп. 4. Д. 339. Л. 818 об.

⁹⁵ Бомонд (фр. *beau monde*) – уст. «высший свет», «высшие» аристократические и буржуазные круги.

⁹⁶ «Синяя блуза» – в 1920–30-х годах жанр агитационных театрално-эстрадных представлений, получивший наибольшее распространение в самодеятельности. Их участники выступали в синей блузе – обычной одежде рабочих (отсюда название). Репертуар состоял из литературно-художественных монтажей, сенок, хоровых, танцевальных номеров и др., отражавших производственную и общественную жизнь, международные события.

⁹⁷ Демидовы – дворяне Казанской губернии. До 1917 г. владели с. Красный Яр и д. Демидовка Спасского уезда. – Казанское дворянство 1785–1917 гг. Генеалогический словарь / Сост. Г.А. Двоеносова. Казань, 2001. С. 185–186.

⁹⁸ Торгово-промышленный банк СССР (Промбанк) – акционерное коммерческое кредитное учреждение. Создан в 1922 г. для кредитного обслуживания государственных промышленности и торговли. Государственный банк СССР (до 1923 г. – Госбанк РСФСР) – основан в 1921 г. для кредитования промышленности, сельского хозяйства, торговли и создания нормального денежного обращения.

⁹⁹ Дзержинский Ф.Э. (1877–1926) – советский партийный и государственный деятель. С 1924 г. возглавлял Высший Совет народного хозяйства СССР – высший центральный орган по управлению народным хозяйством в 1917–1932 гг.

¹⁰⁰ Возможно, речь идёт о Мизиано Франческо (1884–1936) – члене ЦК Итальянской социалистической партии, который избирался в парламент своей страны. В 1921 г. он эмигрировал в Германию, затем в СССР. Являлся членом исполкома Профинтерна, затем – членом исполкома Межрабпома и представителем этой организации в СССР.

¹⁰¹ Высший балл. По пятибалльной системе оценок соответствует «пятерке».

¹⁰² Бывшая Казанская художественная школа, которая в 1927–1932 гг. называлась Казанским объединённым художественно-театральным техникумом.

¹⁰³ Государственный техникум кинематографии, ныне Всероссийский государственный университет кинематографии им. С.А. Герасимова.

¹⁰⁴ Сын Елизаветы Николаевны Курбатовой, в замужестве Тихомировой. Погиб на фронте в 1941 г.

Yu.V.Gusarov

“Everything that is kept in memory...”

Memoirs of N.V.James-Levi about Tsvilsk and Kazan in 1910s-1920s

The family of the Kurbatovs, merchants-industrialists, is known from the beginning of the 18th century. Their representatives sold bread and tobacco, possessed enterprises for processing of agricultural raw material and for woodworking, from the end of the 19th century were landowners, played a significant part in the cultural life of Tsvilsk, and did welfare work. In 1890s they became business aristocracy of the Chuvash land. At the beginning of 1920s the Kurbatovs moved from Tsvilsk to Kazan. Now their descendants live in Saint-Petersburg, Chelyabinsk region, in the town of Nefteyugansk. Memoirs of N.V.James-Levi (1910-2001) are about the life of the Kurbatovs family in 1910s-1920s in Tsvilsk and Kazan, and have new material about the history of Chuvashia and Tatarstan.

**ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В ЧУВАШСКОЙ ДЕРЕВНЕ САМАРСКОЙ,
СИМБИРСКОЙ И УФИМСКОЙ ГУБЕРНИЙ
В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX СТОЛЕТИЯ**

ЧГВ, 2011 г., № 6
© А.А. Иванов

«Анкеты о формах современного землепользования», разработанные Отделом земельной статистики Центрального статистического управления РСФСР в 1922 г., являются ценным источником для изучения аграрных отношений в российской деревне. Вводимые в научный оборот по Самарской, Симбирской и Уфимской губерниям материалы восьми опросных листов призваны дать новую информацию для характеристики земельного строя в чувашской деревне в начале XX в. Они отражают социально-экономическую действительность как в мононациональных, так и полиэтнических населенных местах.

Ключевые слова: статистика землепользования, «анкеты о формах современного землепользования 1922 г.» по Самарской, Симбирской и Уфимской губерниям, земельный строй чувашской деревни.

Анкеты о формах современного землепользования» (в дальнейшем – анкеты или опросные листы) как инструмент обследования, охватывавшие отрезок времени с конца XIX по первую четверть XX в., были разработаны Отделом земельной статистики Центрального статистического управления (ЦСУ) РСФСР в 1922 г. В том же году на их основе был произведен и сбор первичной информации. Полученные в ходе данного обследования сведения впервые были обобщены и введены в научный оборот в ведомственном издании ЦСУ «Вестник статистики» Я. Бляхером¹. До настоящего времени названный автор остается одним из немногих специалистов, проявивших интерес непосредственно к опросным листам. В опубликованных же конкретно-исторических трудах «Анкеты 1922 г.» нашли применение в основном лишь в виде заимствованных готовых статистически обработанных данных². Публикация самих опросных листов – явление в отечественной литературе исключительно редкое³.

Отдавая должное работе, проведенной Я. Бляхером, следует признать, что современное российское крестьяноведение не может ограничиться только вторичной информацией данного земельного обследования. Богатство показателей сохранившихся подлинников опросных листов намного превыша-

---

Алексей Ананьевич Иванов – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Марийского государственного университета; e-mail: anani@marsu.ru.

ет интересовавшие современников-практиков наиболее наглядные итоги аграрных преобразований 1917–1922 гг. В силу специфики журнала «Вестник статистики» были упрощены и тем самым потеряли индивидуальность ответы на открытые вопросы опросных листов. К тому же подача материала только по крупным районам делает невозможным его использование применительно к губерниям и уездам. Отметим также, что «Анкеты о формах современного землепользования» не подвергались научному описанию (каталогизации), археографической обработке и источниковедческому изучению. Неизвестно даже их примерное количество, так как часть материалов, поступивших в центральный статистический орган, по каким-то причинам отсутствует в соответствующем фонде Российского государственного архива экономики (РГАЭ).

Программа опроса названного обследования была разработана Я. Бляхером и другими сотрудниками Отдела земельной статистики ЦСУ РСФСР совместно с представителем Народного комиссариата земледелия Н.Н. Черненковым и видным экономистом-аграрником начала XX в. профессором Н.П. Огановским⁴. Цель проводимых мероприятий ими была сформулирована как попытка «бросить самый общий и беглый взгляд на складывающиеся после революции аграрные взаимоотношения населения» в преддверии получения результатов специального земельного обследования, осуществлявшегося параллельно по гораздо более представительной выборке (примерно 10% крестьянских хозяйств в целом по стране) по всем правилам статистической науки⁵.

Опросные листы были направлены во все губернские, областные статистическое бюро и ЦСУ федеративных республик. Территориальные рамки обследования, таким образом, не ограничивались только Европейской Россией, а охватывали все экономическое пространство будущего Советского Союза, в том числе и Сибирь. Исключение составили Астраханская, Витебская, Гомельская губернии и автономные образования немцев Поволжья, калмыцкого, кабардинского и карачаевского народов⁶. Важным отличием анкет ЦСУ от прочих схожих обследований была подача сведений не по волостям, а в масштабе отдельных сел и деревень. На это был ориентирован сам формуляр опросного листа. Об этом же говорилось и в специальных разъяснениях. Так, в отношении, приложенном к анкетам, посланным для заполнения в Сызранское уездное статистическое бюро Симбирской губернии из соответствующего губернского учреждения, рекомендовалось подойти к заполнению анкеты на местах максимально серьезно, заполнять ее «возможно внушительнее, давая точные и ясные, вполне проверенные ответы на все вопросы». При этом особо подчеркивалось, что «анкета заполняется не на всю волость, а только на одно селение в волости, наиболее типичное в отношении установившихся за последнее время форм землепользования»⁷. Правда, как показала впоследствии обработка собранных материалов, последнее требование не всегда выполнялось. Право на окончательную обработку полученных материалов ЦСУ оставляло за собой.

Достоверно неизвестно, все ли губернские статистические отделы откликнулись на предложение центрального статистического органа. В разработку Я. Бляхера вошли сведения по 29 губерниям европейской части РСФСР (228 уездов, 1133 селения, 172174 сельских жителя)⁸. В «Вестнике статистики» все они распределены по восьми районам, совпадающим в основном с современными экономико-географическими районами⁹.

В фонде ЦСУ сохранились подлинники опросных листов и первичные расчеты по 34 губерниям и областям европейской части страны¹⁰. Их количество в административно-территориальных единицах варьирует весьма существенно. Так, по Поволжско-Приуральскому региону колебание составляет от 12 (Симбирская губерния) до 72 анкет (Вятская). В среднем же данный показатель соответствует 35–50 единицам (Пензенская губерния – 49, Самарская – 33, Уфимская – 40 и т.д.)¹¹. Подлинников анкет по Чувашской автономной области, несмотря на то, что они были использованы при расчетах, в РГАЭ не оказалось. Не удалось выявить их «следы» (не только первичные материалы, но и делопроизводственную составляющую) и в соответствующем ведомственном фонде Государственного исторического архива Чувашской Республики. Земельные отношения в чувашской деревне на основе собранных анкет могут быть охарактеризованы лишь по отдельным губерниям Поволжья и Приуралья. Нами выявлены восемь заполненных в сельских поселениях чувашей опросных листов ЦСУ по Самарской, Симбирской и Уфимской губерниям. Учитывая то обстоятельство, что они еще не привлекались исследователями для анализа аграрных отношений в регионе, находим целесообразным их ввод в научный оборот. Выявленные материалы отражают социально-экономическую действительность как в мононациональных, так и в полиэтнических населенных местах (см. док. № 1–8). Помимо основной информации они содержат также сведения, в какой-то мере проливающие свет и на межэтнические отношения в многонациональных сельских обществах¹².

С учетом изначальной ориентации Отдела земельной статистики на сбор данных на уровне сел и деревень определенный интерес представляет информация о добровольных корреспондентах, привлеченных для сбора сведений. Насколько адекватно они могли отразить сельскохозяйственные реалии своего времени?

В 1920-х гг. низовая сеть статистических кадров в РСФСР представляла собой уже довольно отлаженный механизм, помогавший центральным и региональным учреждениям в проведении многочисленных сборов первичных данных самого разного профиля. Достаточно сказать, что в 1922 г. в 56 губерниях, областях и республиках эта сеть состояла из 6153 волостных статистиков и 26941 добровольного корреспондента, хотя последние были еще не везде¹³.

При проведении поземельного обследования предполагалось, что основную работу выполняют лица, не только «наиболее надежные» и разбирающиеся в сути обследования, но и никак не связанные с местной администра-

цией. В идеале полная реализация на практике такой установки делала бы исследуемый источник чрезвычайно интересным не только с точки зрения зафиксированной информации, но и демонстрации мировоззрения сельского жителя по широкому спектру аграрных проблем, коснувшихся российской деревни конца XIX – первой четверти XX в. Как показывают выявленные нами документы, эта задумка сотрудников отдела земельной статистики в некоторой степени все же была реализована.

Сложность представляет определение реального статуса лиц, дававших сведения. Во-первых, подписи имеются не под всеми опросными листами. Во-вторых, сами организаторы обследования в значительной степени нивелировали этот показатель. В конце каждой анкеты стояло уже готовое клише («от добровольного корреспондента губстатбюро»), под которым следовало лишь подписаться. Именно в таком виде – с подписью, фамилией, иногда с именем и отчеством – и сохранилось большинство документов. Существенно меньшая их часть имеет указания на какой-либо социальный или профессиональный статус добровольных корреспондентов. Но и наличие подобных сведений не всегда позволяет выудить необходимую информацию. Тем не менее, судя по автографам, большинство опрашиваемых соответствовало критериям ЦСУ. Наиболее типичные подписи: «земледелец», «хлебопашец», «гражданин», «крестьянин», «волстатистик», «добровольный корреспондент», «инструктор сельскохозяйственной переписи». В нескольких случаях добровольными корреспондентами оказались служители культа. Трудно установить удельный вес опросных листов, заполненных представителями местных властей: председателями волысполкомов, заведующими волземотделами, председателями и секретарями сельских советов. Участие последних в опросе, помимо прямых указаний, могло скрываться и под клишированными подписями.

Опросные листы были выполнены типографским способом, разлинованы на ячейки с пропечатанными вопросами и свободными местами для соответствующего заполнения. Известны отдельные экземпляры, выполненные на местах дополнительно в машинописном и рукописном виде. Непосредственно вопросам предшествовали графы о территориальной принадлежности данного населенного пункта (губерния, уезд, волость, селение). При этом, по условиям обследования, если в населенном пункте существовало два и более сельских общества, то сведения необходимо было давать по каждому из них, то есть действительное количество единиц коллективных землепользователей изначально должно было быть большим, чем число селений. И такие прецеденты действительно обнаружались во многих губерниях и областях, в том числе в Поволжско-Приуральском регионе, где до революции отдельные общины не были редкостью. Иногда, хотя этого и не требовалось, давались сведения о материнских и выделившихся из них поселениях или о группах селений: в целом по волости или даже уезду.

В структурном отношении анкеты были разбиты на 21 пункт и 75 входящих на них вопросов. Вопросы не были пронумерованы как самосто-

тельные. Их количество на один пункт варьировало от одного до семи. Большинство вопросов были открытыми, то есть инициатива в ответах отдавалась самим добровольным корреспондентам. Вместе с тем многие из них сопровождались дополнительными и наводящими подвопросами.

Общая номенклатура тематических блоков опросных листов представляется в следующем виде: размеры населенного пункта, бывшая сословная принадлежность и этнический состав местного населения (п. 1–3); наделное землевладение в количественном отношении и «купчие» земли до 1917 г. (п. 4–5); помещичье и прочее «нетрудовое» землевладение до 1917 г. (п. 6); перераспределение между крестьянами помещичьих, хуторских и отрубных, купчих земель в послереволюционный период (п. 7–10); характер и способы эксплуатации наделных земель до 1917 г. (п. 11); участковое землепользование до 1917 г. (п. 12–13); земельные переделы после 1917 г. (п. 14–15); отношение крестьян к «современному» порядку землепользования и способам его рационализации (п. 16–17); землепользование и организация сельскохозяйственного производства в послереволюционных хуторах и отрубках (п. 18–19); аренда земли (п. 20); личное мнение о существующих земельных отношениях (п. 21).

Отдельного внимания заслуживает вопрос определения места опросных листов Отдела земельной статистики в общей массе источников по истории аграрных преобразований первых лет советской власти. Еще в 20-е гг. XX в. было высказано мнение, что анкеты ЦСУ ни в коей мере нельзя переоценивать, так как они не тождественны даже выборочному статистическому обследованию. Лично Я. Бляхер отмечал, что «анкета представляет собой только некоторую совокупность **мнений** и **суждений** (выделение Я. Бляхера. – *А.И.*) более или менее компетентных людей о тех или иных явлениях, а не цифровое выражение последних, основанное на точно зарегистрированных отдельных фактах и признаках». Далее он указывал, что сама задача при проведении данных работ сводилась чисто к описательным моментам, не способным дать почву для «ответственных обобщений», поднимающим «лишь край завесы, отделяющей нас от картины современной деревни» и позволяющим «бросить самый общий и беглый взгляд на складывающиеся после революции аграрные взаимоотношения населения». Однако, несмотря на эти своего рода реверансы, он признавал, что «материал этой анкеты позволяет все же составить некоторое общее представление по интересующим нас вопросам землепользования. Если к тому же иметь в виду, что речь идет о явлениях, мало изменяющихся на пространстве той или иной губернии, предпринятая анкета может быть признана более или менее репрезентативной»¹⁴.

Действительно, знакомство с подлинниками опросных листов свидетельствует об их главном недостатке в качестве некоей совокупности. На фоне прочих документов этого видового ряда опросные листы Отдела земельной статистики уступают в своей представительности. Но, несмотря на это обстоятельство, они соответствуют критериям, типичным для массовых

источников (тем более, что судьба всех их до конца не выяснена), содержат сопоставимые и равнозначные данные по различным регионам РСФСР, которые можно подвергнуть статистической обработке, даже учитывая типичные для подобных документов недостатки: однозначные ответы – «да», «нет», «пустые» места в первичных бланках и т.п. Главное же их достоинство заключается в уникальности сообщаемых сведений, часто не прослеживающихся по другим источникам. Можно выделить как минимум три момента, делающие анкеты ЦСУ незаменимым источником при изучении истории аграрной революции в России. Первое – учет при проведении анкетирования этнической и прежней сословной принадлежности сельского населения, что особенно важно для многонациональных регионов, таких как, например, Среднее Поволжье и Приуралье. Второе – представление информации на низовом, сельском уровне. И третье – предоставленная добровольным корреспондентам возможность высказать собственное суждение по существующим поземельным отношениям (в последнем пункте анкеты).

Следует согласиться, что таких источников, дающих шанс реконструировать ход аграрных преобразований «снизу», у исследователей немного, ибо информация, исходящая из уст свидетелей и непосредственных участников событий аграрной революции, крайне скудна. С.Л. Макарова по этому поводу справедливо замечает, что «это связано прежде всего с недостатком документального материала, непосредственно отражавшего деревенские события, поскольку решение многих практических вопросов в крестьянской среде не оформлялось письменно, а оформленные письменные документы хранились плохо, не говоря уже о прямом их уничтожении в обстановке Гражданской войны»¹⁵. Опыт выявления некоторых видов продуктов низового (сельского и волостного) правотворчества крестьянских сообществ 1917 – первой половины 1920-х гг. неизбежно приводит к выводу об их чрезвычайной мизерности, а по многим волостям и уездам полному отсутствию¹⁶.

Публикация выявленных опросных листов осуществляется в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990).

Документы сгруппированы в три погубернские подборки и публикуются полностью, исключая вопросы анкеты, которые сохранены только в первом документе (выделены курсивом). Ответ на каждый из вопросов 21 пункта опросного листа начинается с новой строки. В случае его отсутствия проставлен прочерк.

Тексты публикуемых документов передаются по современным правилам орфографии с максимальным сохранением стилистических и языковых особенностей. Сокращения, а также пропущенные в документах и восстановленные по смыслу слова раскрываются в квадратных скобках. В случае невозможности восстановить утраченные слова на их месте ставится отгочие. Неясные по смыслу слова и словосочетания сохраняются без изменений и оговариваются в примечаниях: «Так в документе». Географические названия и личные имена в текстах документов приводятся без изменений в соответствии с практикой первой четверти XX в. Современные названия

населенных пунктов даются в типовых заголовках, указывающих также на волостную и уездную принадлежность обследованных объектов. Точные даты, при их наличии, воспроизводятся в примечаниях. Каждый документ снабжен легендой.

Приложения

№ 1–3. Самарская губерния

№ 1

Анкета Отдела земельной статистики ЦСУ РСФСР 1922 г. «О формах современного землепользования» по селу Семеновка Вольносолянской волости Бугурусланского уезда¹⁷

1. Сколько всего дворов в Вашем селении?

500 дворов.

2. Каков был состав местного населения до революции 1917 г.: бывш[ие] государствен[ные] крестьяне, бывшие помещицы, переселенцы на казенной земле и т.п.?

Состав местного населения до революции 1917 г. состоял из 3000 душ бывш[их] государственных крестьян.

3. К какой национальности принадлежит местное население: великорусы, украинцы, белорусы, татары, мордва, чувашы, вотяки, немцы и т.д.?

Местное население принадлежит к национальности: великорусской, мордовской и чувашской.

4. Сколько всего десятин земли было в наделе Вашего селения до революции 1917 г.?

В наделе нашего селения до революции было земли 6000 дес. каз[енной] меры¹⁸.

Сколько приходилось тогда пахотной земли на один душевой надел¹⁹?

На один душевой надел приходилось земли 2 дес. к[азенной] м[еры].

На сколько душ была разделена земля в то время?

В то время земля была разделена на 3000 душ.

5. Были ли до 1917 г., кроме наделной земли, еще купчие земли у хозяев Вашего селения, приобретенные отдельными домохозяевами или товариществами?

Были.

У какого примерно числа или у какой части дворов были купчие земли, приобретенные единолично?

1 двор.

У какого числа или у какой части дворов имелись земли, купленные товариществами?

У 40 дворов, т.е. 12 $\frac{1}{2}$ части.

6. Существовали ли близ Вашего селения до революции 1917 г. помещицы имения? Крупные или мелкие? Чьи именно?

Существовали крупные Аржанова и Курлиной.

Имелись ли поблизости какие-либо другие некрестьянские земли (казенные, банковские, монастырские и т.п.)?

Имелись банковские.

Вели ли владельцы этих земель собственное хозяйство, или же сдавали их (целиком или частью) в наем крестьянам?

Сдавали частью в наем крестьянам.

Многие ли хозяева из Вашего селения снимали у них землю?

41 хоз[яйство].

7. Пошли ли после революции 1917 г. имевшиеся в Вашей местности помещицы и иные некрестьянские земли в раздел между крестьянами, или же они отошли (целиком или частью) в распоряжение государственных учреждений, под советские или коммуналь[ные] хозяйства и т.д.?

В раздел между крестьянами не пошли, а отошли целиком в распоряжение уземуправления²⁰, и раздел производился захватом.

8. При разделе помещичьих и тому подобных земель в Вашей местности все ли селения были в одинаковой мере удовлетворены прирезками земли к их наделам, или же эти прирезки оказались неравномерными для разных селений? Не вызывает ли проведенный раздел земель споры, недовольства со стороны некоторых селений?

При разделе помещичьих земель в нашей местности во временное пользование все селения в одинаковой мере удовлетворены не были, ввиду неравномерности прирезок, что вызывает споры и недовольства.

Чем именно вызывается это недовольство?

Недовольство вызывается нехваткой земли.

9. Изменилось ли после революции 1917 г. количество земли в наделе Вашего селения?

Не изменилось.

Если оно получило прирезку земли, то из чьих именно земель?

Прирезки ни из чьих земель не получило.

Сколько, примерно, десятин прирезано к Вашему селению, и какой именно земли: пашни, сенокоса, леса и т.д.?

—

Смежно ли с прежним наделом Вашего селения расположена прирезанная земля?

—

Соединена ли она с прежним наделом по разбивке полей, по севообороту и проч., или же на прирезанной земле существует особая разбивка на поля и ведется отдельный севооборот?

—

Сколько теперь приходится всего пахотной земли (вместе с полученной прирезкой) на один душевой надел?

—

На сколько всего душ разделена земля в настоящее время?

На 2580 душ.

10. Вошли ли в Вашей местности после революции 1917 г. в общий раздел также и крестьянские купчие земли, приобретенные отдельными домохозяевами?

Не вошли.

Вошли ли в общий раздел земли, купленные товариществами?

Не вошли.

Или же крестьянские купчие земли остались за их владельцами и у них не отбирались?

Остались за их владельцами.

Вошли ли в общий раздел также хуторские и отрубные участки, если таковые имелись в Вашей местности до 1917 г., или же эти участки оставлены были за их владельцами?

Входили и потом сдаены были, т.е. отобраны прежними владельцами.

11. Какой порядок владения надельной землей существовал в Вашем селении до революции 1917 г.?

Порядок владения над[ельной] землей существ[овал] чересполосицу.

Производились ли переделы надельной земли?

Производились.

Через сколько лет бывали переделы?

Через 1 год.

По каким душам делилась земля при этих переделах: по наличным мужского пола, по работникам, по едокам и т.д.?

По наличным мужского пола.

Если переделы в Вашем селении ранее бывали, но затем прекратились, то с какого именно времени и почему они прекратились?

Не прекращались.

Не производилась ли прежде в Вашем селении скидка и накидка (свалка и навалка) душевых наделов в отдельных хозяйствах (смотря по убыли или прибыли в них семейства, изменению числа работников и т.д.)?

Производилась.

Прекратилась ли затем такая скидка и накидка душ? Когда и почему она прекратилась?

Не прекратилась.

12. *Были ли до революции 1917 г. случаи выдела отдельным домохозяевам или группам домохозяев хуторских участков из надельной земли Вашего селения?*

Не были.

Много ли было в то время случаев такого выдела?

1 случай.

Не было ли случаев выдела из надельной земли отрубов отдельным хозяевам или группам их?

Были.

13. *Не образовались ли до 1917 г. по соседству с Вашим селением хутора на банковских, казенных и т.п. землях?*

Образовались.

Много ли было таких хуторов?

15 хуторов.

14. *Происходили ли переделы земли в Вашем селении после революции 1917 г.?*

Происходили.

Чем вызывались эти переделы?

Изменением душ.

На какие души делилась земля при этих переделах: на наличные души мужского пола, по едокам, по едокам и т.п.?

По едокам.

Много ли было случаев возвращения в Ваше селение после революции 1917 г. семей, живших раньше на стороне (в городах, на фабриках и т.д.)?

Таких случаев не было.

Отводилась ли им земля обществом наравне с прочими, и обзавелись ли они хозяйством?

—

Принимались ли после революции 1917 г. новые члены (из числа посторонних) в состав общества Вашего селения с отводом им земли наравне с коренными жителями?

Принимались.

Много ли было принято таких новых членов?

20 членов.

15. *По каким душам разделена земля в настоящее время в Вашем селении (по наличн[ым] душам мужск[ого] пола или по едокам, по работникам и т.п.)?*

По едокам.

На сколько полей (на 3, на 4 или на большее число полей) разделена пашия в Вашем селении (включая и землю, прирезанную после 1917 г.)?

На 3 поля.

По сколько полос (загонов) пашины приходится в каждом из полей на домохозяина?

По три полосы, а иногда и до шести полос.

Какова длина этих полос?

Сто (100) сажен²¹.

Какова ширина их у однодушников?

10 сажен.

На большее или на меньшее число полос делилась раньше пахотная земля? Когда и почему увеличилось или уменьшилось число полос?

Раньше делилась на меньшее [число] полос. В настоящее время увеличились ввиду сокращ[ения] поля.

16. *Довольны ли крестьяне Вашего селения теперешним разделом земли и вообще теми порядками общинного владения ею, какие существуют в Вашем селении в настоящее время?*

Недовольны.

Если крестьяне недовольны, то чем именно? Каких изменений они желали бы?

Недовольны маленькими полосами, и в разных местах.

Какие хозяйства (по их зажиточности, по хозяйственности и пр.) недовольны существующими порядками общинного владения землей и какую примерно часть селения они составляют?

Вообще все; те и другие.

Не существует ли в Вашем селении намерения перейти всей общиной к многопольному севообороту и вообще к улучшенному хозяйству?

Не существует.

Какие улучшения хозяйства считаются при этом наиболее необходимыми?

Хорошая обработка и земля в одном месте.

Не существует ли в Вашем селении намерения свести пашню в каждом поле, вместо мелких полос, в широкие полосы или свести всю землю у каждого домохозяина в один отрубной участок?

Пока не существует.

Нет ли намерения разделить всю землю на хуторские участки с расселением по этим участкам?

Нет.

17. *Если в Вашем селении нет намерения всем селением перейти к отрубному или хуторскому владению землей, то не существует ли у отдельных хозяев стремления выделить свою землю в отрубной или хуторской участок?*

Такового стремления не существует.

Многие ли хозяева стремятся к этому, и какие преимущественно хозяева?

—

Как относится общество к желающим выделить свою землю в отруб или в хуторской участок: соглашается ли оно на их выдел, или же препятствует ему?

Препятствует.

Если Ваше селение многолюдное и принадлежащая ему земля растянута на большое расстояние, то не существует ли у Вас стремления к расселению мелкими поселками, или к образованию выселков, с выделом этим поселкам или выселкам причитающейся им земли из общего надела?

Такового стремления не существует.

18. *Если близ Вашего селения были хутора или отруба до 1917 г. и если они сохранились до настоящего времени, то отличается ли хозяйство на них от хозяйства прочих крестьян Вашего селения, и чем именно оно отличается?*

Были и сохранились до настоящего времени, хозяйство у них несколько не отличается от хозяйства прочих крестьян.

Введены ли в этих хозяйствах многопольные севообороты, лучшая обработка земли, улучшенные породы скота, лучший уход за ним и т.д.?

Ничего не введено.

Лучшие ли урожаи получают на хуторских и отрубных участках?

Нет.

Лучше ли вообще живут хуторяне и отрубники по сравнению с прочими местными крестьянами?

Нет, еще хуже.

Обходятся ли они только своим земледельческим хозяйством, или же имеют какие-либо промыслы и заработки помимо этого хозяйства?

Обходятся.

19. *Больше или меньше приходится на душу земли в настоящее время у хуторян и отрубников, чем у прочих крестьян Вашего селения?*

Больше.

Остаются ли хуторские и отрубные участки не переделанными до сих пор (каждый участок в том виде, как он был нарезан), или же они раздробились на более мелкие участки по семейным дележам?

Остаются.

Много ли хуторских и отрубных участков раздробилось и как это отразилось на хозяйстве, ведущемся на них?

Нисколько.

Если хуторские и отрубные участки не дробились, то не стали ли они слишком малы для тех семей, которые сильно разрослись по своему составу?

Нет.

Как такие семьи выходят из их стесненного положения: принимают ли землю, или выделяют часть своих членов на сторону (без выдела земли) и т.д.?

—

20. *Бывают ли в Вашем селении случаи найма земли за деньги или исполу²²? Многие ли нанимают землю? У кого нанимают: друг у друга, в совхозах и т.п.?*

Бывают, за деньги и исполу нанимают многие, друг у друга и в земуправлениях.

21. *Сообщите (хотя бы на особых листах бумаги) другие сведения и Ваши мнения по вопросам земельного устройства и крестьянского хозяйства, которые Вы найдете полезными и которые не предусмотрены настоящим вопросным бланком.*

—

Правильность сообщаемых сведений удостоверяем:

Председатель²³

Секретарь²⁴

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 9. Д. 486. Л. 278–280 об.

№ 2

Анкета Отдела земельной статистики ЦСУ РСФСР 1922 г. «О формах современного землепользования» по селу Старое Яшкино Кузьминской волости Бузулукского уезда

1. 543.

2. Бывшие государственные.

3. Белорусы и 1/4 часть чуваша.

4. 9277 дес. казен[ных], неудоб[ной] – 134 дес.

1 дес. 20 саж., хозяйственная десят[ина]²⁵ – 4000 кв. саж.

14000.

5. Не было.

Ни у кого.

Тоже не было.

6. Не было.

Были казенные.

Арендовались крестьянами.

18 домохозяев.

7. Отошли целиком государству.

8. Не было дележу, и ничего не происходило.

—

9. Изменился.

Из общественной за счет сокращения населения.

Прирезки никакой не было, а лес отошел государству.

Нам ничего не нарезали.

И никакой отдельности нет.

Нисколько не прирезался, а между собой свою поделили по 7 саж. на душу.

На 3350 душ.

10. Нет.

Нет.

Не отбирался.

Не было у нас.

11. На мужские души была поделена с 1906 г. по 1917 г.

Производился.

Через 12 лет.
По мужскому полу.
С 1917 г. на всех наделена на живых.
Не было.
Потому что на всех наделена.
12. Не было.
Никаких.
Не было.
13. Тоже не было.
Никаких не было.
14. Были.
Народом, желанием уравнения.
На наличные души.
Никто не возвращался.
Нет.
Были, как и все, наделены.
Около сотни душ.
15. По едокам.
На 3 поля.
В каждом поле 3 загона.
100 с[ажен].
7 с[ажен].
Одинаково, что раньше, то и то же.
16. Довольны-передовольны.
Тем недовольны, что насилия много на крестьян.
Желание есть разбиться на отруба.
Нет.
К многопольному севообороту.
Все желают в отрубной участок.
Тоже все желают.
17. Давно желают, но сил нет.
Средняки.
Препятствует общество.
Многие желают поселками с причитающ[ейся] той землей, которая наделена обществом[ом].
18. У нас нету хуторян, но мы видим, от нас верст 15, живут очень хорошо, но мы половина селения померло.
И многопольное, и породистый скот, и улучшенное хозяйство.
Много раз лучше.
Очень хорошо живут против нас.
Именно своим хозяйством.
19. У хуторян больше, чем у населения.
На более мелкие [по] дележам.
Никаких раздроблений не было.
Немного маловато.
—
20. Друг у друга нанимают малая часть.
21. Мы, т.е. мое мнение и мое настроение: желательно выселиться на отрубной участок из общественной земли, и многие соглашаются, но общество не допускает туда, куда мы желаем. Как я наглядился в германском плену, там очень хорошо живут. Земля вся кучей у них, когда ни вздумай работать, все под руками. Все стремления мои на выселение из общества и так же каждый желает.

От добровольного корреспондента губстатбюро *Лычагина Ф.М.*

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 9. Д. 486. Л. 257–259 об.

1. Триста шестьдесят три (363).
2. Государственные крестьяне.
3. Русские, мордва, чувашаи.
4. Пять тысяч пятьсот восемьдесят четыре десятины (5584).
Три десятины казенной меры на душу.
На шестьсот двадцать душ.
5. Были купчие земли, приобретенные отдельными домохозяевами.
У тридцати дворов или домохозяев.
Не было.
6. Участок Г. Болоновской одна тысяча триста тридцать десятин.
Нет.
Сдавали целиком в аренду крестьянам.
Все селение.
7. Весь участок Болоновской был разделен между всеми крестьянами нашего об-
[щест]ва.
8. Все селения нашей волости были удовлетворены равномерно без всяких споров.
Ничем.
9. Земли пахотной у нашего селения прибавилось.
Из частновладельческих земель и казенных: Болоновской, Карпова, Яблокова и др.
Одна тысяча шестьсот десятин земли, леса и сенокоса нет.
Смежно с нашей нарезкой и часть в отдаленности.
Не соединена, севооборот на участках трехпольный.
Три десятины с половиной на душу.
На две тысячи пятьсот (2500) душ.
10. Вошли, но не в наше об[щест]во, а в Лабазинскую волость.
—
Нет, не остались.
Все хуторские и отрубные участки были поделены между всеми хозяевами нашего об[щест]ва.
11. Трехпольная, и отрубная, и хуторская.
Производились.
Через 12 и 6 лет.
По работникам мужского пола.
Не прекратились и после 1917 г., стали делить землю чаще.
До общего передела не было никакой свалки и навалки душевых наделов.
—
12. Были хуторские и отрубные участки.
Один раз выделились на хутора и отруба.
Нет.
13. Нет.
—
14. Было три передела земли каждый год.
На родившихся давали надел и с умерших снимали.
На наличные души всего населения мужского и женского пола.
Не было.
—
Приняли три семьи.
Всего шесть душ.
15. По наличным душам обоого пола.
Трехполье.

По 2 и 4 полосы.

По 200 и 100 сажен.

5 и 10 сажен.

Число полос было такое же.

16. Крестьяне недовольны настоящим разделом и порядком землепользования.

Большая часть крестьян желает получить пахотную землю в одном месте, а также и луга.

Средние и выше средних, каковые составляют больше половины граждан нашего общества.

Намерение это есть, но только не при общинном землепользовании.

Снабдить хозяев земледельческими орудиями, т.е. живым и мертвым инвентарем.

Есть намерение у большой части населения свести свои полосы в один отрубной участок.

Есть, но не у всех хозяев.

17. Большая часть крестьян нашего об[щест]ва желают выделить свою землю в отрубные и хуторские участки.

Средние и выше среднего.

Общество относится к этому безразлично, потому что хозяйства почти все разорены и землю никто не нуждается.

Есть стремление выселиться из общества и получить землю в одном месте из общего надела.

18. Ничего не сохранилось, все разорено.

—

—

—

—

19. —

—

—

—

—

20. Были случаи испольной обработки земли друг у друга крестьянами нашего общества.

21. Для того чтобы поднять крестьянское хозяйство, нужно дать крестьянам полную самодеятельность, оставить его в покое, поменьше брать с него налоги натурой и деньгами и не мучить подводной повинностью, потому что крестьянские хозяйства разорены в корень.

Настоящие сведения давал гражданин села Курманаевки той же волости Бузулукского уезда Самарской губернии *Колесников Михаил Васильевич*.

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 9. Д. 486. Л. 293–295 об.

№ 4–5. Симбирская губерния

№ 4

Анкета Отдела земельной статистики ЦСУ РСФСР 1922 г. «О формах современного землепользования» по селу Елаур Сенгилеевской волости Сенгилеевского уезда²⁶

1. 663.

2. Бывшие удельные крестьяне.

3. Чуваши.

4. 3641 дес.

4 дес.

764.

5. Не было.

—

-
- 6.** Нет.
Имелись только церковные земли.
Земля обрабатывалась исполу.
Пять хозяев.
- 7.** Церковные земли (33 дес.) пошли в раздел между крестьянами.
- 8.** Церковные земли разделены между крестьянами села Елаура; раздел этот не вызывает со стороны других селений споров и недовольства.
-
- 9.** Не изменилось.
-
-
-
-
-
- 3396 душ.
- 10.** –
-
-
- Отрубные участки вошли в общий раздел.
- 11.** Земля делилась на ревизские души.
Производились.
Через каждые двенадцать лет.
По ревизским душам.
Не прекращались.
Производилась.
Прекратилась после революции.
- 12.** Не было.
-
- Были.
- 13.** Нет.
-
- 14.** Происходили.
Истечением 12-лет. срока.
На наличные души обоих полов.
Не было.
-
- Принимались с отводом земли наравне с коренными жителями.
Двенадцать (12).
- 15.** По наличным душам обоих полов.
На три (3) поля.
По 6 полос.
80 сажень.
10 сажень.
На меньшее; уменьшилось число полос ввиду неудобства обработки мелких полос.
- 16.** Довольны.
-
-
- Пока не существует.
-
- Существует в селении свести пашню в каждом поле вместо мелких полос в широкие полосы.
- Нет.
- 17.** Отдельные домохозяева намерены выделить свою долю в отрубной, даже хуторской, участок.

40.
Отношение общества безразличное.

Нет.

18. Хутора и отруб не сохранились.

—

—

—

—

19. —

—

—

—

—

20. Нет.

21. —

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 9. Д. 486. Л. 117–119 об.

№ 5

*Анкета Отдела земельной статистики ЦСУ РСФСР 1922 г.
«О формах современного землепользования» по селу Средние Тимеряны
Верхне-Тимерянской волости Симбирского уезда²⁷*

1. 280.

2. Все бывшие удельные.

3. Чуваши.

4. 2067 дес. в трех полях.

Три десятины на одну мужскую душу в трех полях.

На 689 душ.

5. Были.

У 58 дворов-домохозяев.

У 30 домохозяев т[оварищес]твом.

6. Существовали в семи (7) верстах от нашего села крупные помещичьи имения:

П.П. Аненкова, бр[атъев] Каримских и Языкова.

Имелись: казенные, удельные и церковные, а также и банковские.

Помещики вели собств[енные] хозяйства, и часть сдавалась в аренды, а остальные сдавались в аренду целиком.

2/7 всего домохозяев снимали.

7. Пошли удельные и церковные земли в раздел между крестьянами.

8. При разделе помещичьих земель селения, бывш[ие] удельные, были удовлетворены значительно меньше, чем бывш[ие] помещичьи селения и эти прирезки находятся на 25-верстном расстоянии от села, и поэтому есть споры и недовольства со стороны удельных крестьян, так как их купленные земли отошли к другим селениям и волостям.

По вышеуказанным причинам и были самозахваты со стороны некоторых селений.

9. Изменилось минимум.

Из церковных и удельных и быв[ших] поселок²⁸.

Всего сто пятьдесят четыре десятины пашни в черте общественной земли и бывш[их] поселков 232 дес.

В черте общественной земли 154 десят[ины] и [в] 25 верстах от села 232 десятины.

154 дес. соединена с прежним наделом по разбивке полей и по севообороту и на 232 дес. на 25-верстном расстоянии ведется особая разбивка на поля и ведется особый севооборот.

На один душевой надел (считая обоого пола) приходится 1,32 десят[ины].

На 1854 души обоого пола.

10. Вошли, но купчие земли, приобретенные гражданами нашего села, были в других волостях и селах, а поэтому эти земли отошли другим селам и волостям.

То же.

- Отбирались.
Вошли в общий раздел.
- 11.** По разделу на 12 лет и 3-польная система севооборота.
Производились.
Через 12 лет.
По наличным душам мужского пола.
Не прекратились.
Не было. Уравнивали только через 12 лет при переделах.
–
- 12.** Не было.
–
Не было.
- 13.** Было.
Два.
- 14.** Происходили.
По случаю перехода удельных и церковных земель в пользу о[бщест]ва и укрепл[е-
ния] умерших душ.
По наличным душам обоего пола.
Было, все вернулись.
Отводилась наравне, часть обзавелись, а часть нет.
Не принимались.
–
- 15.** По едокам.
На 3 поля. С осени предполагается разделить на 4 поля.
По 8.
80 саж.
10 саж.
–
- 16.** Довольны, и часть недовольна.
–
Средние, 5 хозяев.
Существует, и идет подготовительная работа перейти всей волостью к многополью.
Вести пропашное поле с посевом корнеплодов и т.п. растений²⁹ ввиду частых засух.
Не существует.
Нет.
- 17.** Пять домохозяев желают перейти на с[ельско]х[озияйственную] трудовую артель.
5 домохозяев, средние хозяева, не для улучшения, а с целью захвата лучшей земли.
Не соглашается, потому что указанные хозяева хотят получить участок близ села и
лучшую землю и этим нарушают общинный правильный севооборот и вызывают ежегодные
переделы.
Нет.
- 18.** Нет.
Нет.
Нет.
Нет.
Обходятся.
- 19.** Не существуют.
–
–
–
–
- 20.** Были, но не много; исполу друг у друга в нынешнем 1922 году.
- 21.** По вопросу землеустройства мнения крестьян – расширить, то есть уравнить зем-
ли (способом прирезки) в общем масштабе до нормы с прирезкой из соседних селений с
передвижкой граней считают неудобной, как, например, прирезанная добавочно для нашего
общества земля находится в двух местах и находится от села около 25 верстах, а потому

правильно использовать эти земли невозможно. Я тоже присоединяюсь к вышеуказанной мысли, чтобы собрать прирезки к общественной земле, производив уравнение по норме путем передвижения сельских и волостных граней и затем отводив земли желающим колхозам и артелям; перейти к многопольному (сначала на 4-польный) севооборот, предварительно производив общий передел, а затем до 12 лет не производить никакие выделы из общества и переделы, иначе неизбежны частые переделы. Но для восстановления необходимы долгосрочные кредиты. Путем открытия кредитных товариществ, с[ельско]х[озяйственных] обществ и при них: прокатные пункты с[ельско]х[озяйственных] усовершенствованных машин, питомников, огородов, племенных рассадников и курсы по распространению с[ельско]х[озяйственных] знаний.

Волостной статистик Верхне-Тимерсянской волости *Галкин*

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 9. Д. 486. Л. 128–130 об.

№ 6–8. Уфимская губерния

№ 6

Анкета Отдела земельной статистики ЦСУ РСФСР 1922 г.

«О формах современного землепользования» по деревне Александровка

Николаевской волости Белебеевского уезда

1. (45) сорок пять.
2. Крестьяне, без изменения.
3. Великорусы и пять домов чуваш[ей].
4. (735) дес., семьсот тридцать пять десятин.
3¹/₂ дес., три с половиной дес.
147 душ., сто сорок семь.
5. Не было.
Не было.
Не было.
6. Не было.
Имелся казенный участок сто двадцать семь десят[ин].
Не было.
Не было.
7. Не было.
8. Нет.
Нет.
9. Не изменилось.
Не было.
Не было.
Не было.
Не было.
Без прирезки, по старому, 3¹/₂ три с половиною дес.
На сто сорок семь душ.
10. Не было.
Не было.
Не было.
Не было.
11. Делилась на наличные души мужск[ого] пола.
Нет.
Не было.
Без изменения.
Не было.
Была скидка с умерших и накидка на новорожденных.
Не прекращалась.
12. Не было.
Не было.
Не было.

13. Не было.

Не было.

14. Производились скидкой с умерших и накидкой на новорожденных.

По общему соглашению населения.

На наличные души мужского пола.

Не было.

Не было.

Не было.

Не было.

15. –

На три поля.

По пять загонов или полос.

(60) шестьдесят саж.

–

Вследствие неоднородности земли делилась на большее число полос.

16. Да.

Довольны.

Нет.

Нет.

В деревне по домохозяйствам.

Нет.

Нет.

17. Нет.

Нет.

Нет.

Нет.

18. Не было.

Не было.

Не было.

Не было.

Не было.

19. Не было.

Не было.

Не было.

Не было.

Не было.

20. Нет.

21. Добавок никаких не имеется.

От вр[еменно] и[сполняющего] о[бязанности] добровольного корреспондента губстат-
бюро Дремина Александра.

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 9. Д. 487. Л. 500–502 об.

№ 7

Анкета Отдела земельной статистики ЦСУ РСФСР 1922 г.

«О формах современного землепользования» по селу N N-ой волости Белебеевского уезда

1. 135 дворов.

2. Бывшие государст[венные] крестьяне.

3. Чуваши.

4. 2756 дес. удоб[ной] и неудоб[ной] 300 дес.

17³/₄ дес. (2400 к[вадратных] с[аженой]) с усадьбой, выгоном, огородами и гумнами³⁰.

182 ревизс[ких] душ по 10 ревизии³¹.

5. Не были.

Нет.

Не имелись.

6. Крупные и мелкие ...³², Апанова и ...³³.
Не имелись.
Имели собств[енное] хозяйство.
1/20 насел[ения] снимали в аренду.
7. Частью разделили крест[ьяне] Апановской волости и большая часть отошла под совхозы и артели.
8. На этот вопрос пока ответ [дать] затруднительно.
—
9. Не имелись.
Не получили.
Не прирезано.
—
—
- Своей приходится по-старому, а прирезанной нет.
762 души населения.
10. Нет.
Таких нет.
Нет.
Нет.
11. Владения по 10 ревизии.
Производились.
Через 7, 8 и 9 лет.
По 10 ревизии.
Переделов раньше не было.
Нет.
—
12. Не было.
Нет.
Нет.
13. Нет.
Нет.
14. Происходили.
Нехваткой земли.
На наличные.
Не было.
—
- Принимались.
2 хозяйства.
15. По едокам.
На 4 поля.
По числу едоков в селе.
60 саж.
30 саж.
На меньшее число.
16. Довольны.
—
- Недовольных нет.
Нет.
—
- Нет.
Нет.
17. Сущ[ествует] у некоторых.
1/20 часть.
Соглашается.
Сущ[ествует] взгляд разделить на два общества.

18. Не было.

—
—
—
—

19. —

—
—
—
—

20. Нет.

21. —

От добровольного корреспондента губстатбюро³⁴

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 9. Д. 487. Л. 512–514 об.

№ 8

*Анкета Отдела земельной статистики ЦСУ РСФСР 1922 г.
«О формах современного землепользования» по починку Иваново-Казанский
Охлебининской волости Уфимского уезда*

1. 63.

2. Переселенцы на помещичью землю.

3. Чуваши.

4. Всей земли 644 дес. с неудобной, но вся земля купчая.

Кто сколько имел по купчей.

—

5. Надельной земли вовсе нет, а приобретено через Крест[ьянский] поз[емельный]
банк³⁵ товариществом.

У всех.

У всех.

6. Существовали мелкие Н.А. Заварицкого и крупное – Прокофьева лесная дача.

Нет.

Сдавали крестьянам в наем целиком пахотную землю.

Хозяев 12.

7. Пошла пахотная земля (помещичья) десятин 60.

8. Не одинаково и вызывает неудовольствие в своем селении.

Неравномерное распределение земли между отдел[ьными] хозяевами.

9. Изменилось.

Из помещичьих.

Пашни дес[ятин] 60.

Смежно.

Соединена.

Не учтено.

По душам не разделена.

10. Разделов не было.

—

Владеют по старому.

—

11. Надельной земли в нашей земле нет, и никаких разделов и переделов не бывает.

—
—
—
—
—
—

12. –
–
–
13. Образовались на помещичьих землях.
Хуторов 3.
14. Нет.
–
–
Не было живущих в стороне.
–
Принимались с отводом земли, быв[ших] помещичьих.
Членов 2.
15. Не разделена.
На 3.
–
–
–
16. Нет.
Отводом земли или же социал[изацией]³⁶ для раздела по душам.
Хозяева зажиточные и средние, каковые составляют 1/5 часть селения.
Существует, но теперешним владением земли считают неудобным.
Улучшением считают введение хотя [бы] 4-хполья с травосеянием.
Существует на более крупные полосы, но все [желают] на отрубной участок.
Нет.
17. Существует[,] выделить свою землю на хуторской участок.
Немного, более зажиточные.
Не соглашается.
У многих есть стремление к расселению на мелкие поселки с выделением им земли из общ[его] товар[ищест]ва.
18. Мало отличается.
В некоторых введены лучшая обраб[отка] земли, улучшенные породы скота.
Одинаково.
Лучше.
Обходятся своим землед[ельческим] хозяйством.
19. Смотря по приобретению купч[ей] земли.
Раздробляются на мелкие участки по семейным делениям.
Отражается падением сель[ского] хоз[яйст]ва.
Некоторые хутора слишком малы ...³⁷ мало земли и боль[шие] семьи.
Уходят в сторону приискать себе земли.
20. Бывают исполу друг у друга.
21. Крестьянам нашего селения нравится чешская форма землепользования, то есть выделясь на выселки, землю иметь как отрубную, между тем, жить совместно, поселками, для избежания опасностей от нападения, отстроив себе каждый на своем участке земли свой дом. Каковую форму землепольз[ования] считают более удобной.
От добровольного корреспондента губстатбюро *Ф.М. Матвеева*
РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 9. Д. 487. Л. 521–523 об.

Примечания Источники и литература

¹ Бляхер Я. Современное землепользование по данным специальной анкеты ЦСУ 1922 г. // Вестник статистики. 1923. Кн. XIII. № 1–3.

² См.: Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977; Кабанов В.В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммуниз-

ма». М., 1988; *Саблин В.А.* Аграрная революция на Европейском Севере России. 1917–1921. (Социальные и экономические итоги). Вологда, 2002; *Телицын В.Л.* Сквозь тернии «военного коммунизма»: Крестьянское хозяйство Урала в 1917–1921 гг. М., 1998; и др.

³ См.: Анкеты ЦСУ РСФСР о землепользовании в Марийской автономной области (1922 год): Сборник документов / Сост. *А.А. Иванов*. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2004. 276 с. (История и культура народов Марий Эл в документальных памятниках).

⁴ *Бляхер Я.* Указ. соч. С. 131.

⁵ См.: Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923 гг. За пять лет работы Центрального статистического управления. М., 1924; Статистический ежегодник 1922 и 1923 гг. М., 1925. Вып. 2.

⁶ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 9. Д. 392. Л. 72.

⁷ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 9. Д. 486. Л. б.н.

⁸ *Бляхер Я.* Указ. соч. С. 132.

⁹ I. Центрально-земледельческий (Рязанская, Тульская, Орловская, Курская, Воронежская губернии). II. Средне-Волжский (Нижегородская и Пензенская губернии, Марийская и Чувашская автономные области). III. Нижне-Волжский (Царицынская губерния). IV. Центрально-промышленный (Ярославская, Тверская, Владимирская, Московская, Калужская губернии). V. Приозерный (Олонецкая, Петроградская, Череповецкая, Новгородская, Псковская губернии). VI. Приуральский (Вятская, Пермская, Екатеринбургская, Челябинская губернии). VII. Северный (Вологодская, Северо-Двинская, Архангельская губернии и Коми автономная область). VIII. «Вне районов» (Тюменская губерния, «служащая преддверием Сибири»). См.: *Бляхер Я.* Указ. соч. С. 112.

¹⁰ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 9. Д. 479–489.

¹¹ См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 9. Д. 481, 485, 486, 487; Анкеты ЦСУ РСФСР о землепользовании в Марийской автономной области (1922 год).

¹² Погружение переселенцев в иноэтническую и иноконфессиональную среду не всегда проходило гладко. Об этом см.: *Николаев Г.А.* Обретение чувашскими переселенцами второй малой родины на башкирских землях в XVIII – начале XX веков // Чувашский гуманитарный вестник. Чебоксары, 2007. № 1. С. 154–179.

¹³ Массовые источники по социально-экономической истории советского общества. М., 1979. С. 203.

¹⁴ *Бляхер Я.* Указ. соч. С. 131.

¹⁵ *Макарова С.Л.* Аграрные преобразования Октябрьской революции в центральных районах России. (Анализ анкет, составленных весной 1918 г.) // Исторические записки. М., 1977. Т. 100. С. 287.

¹⁶ См.: *Иванов А.А.* Сельские сходы периода аграрной революции в региональных архивах // Отечественные архивы. 2004. № 1. С. 56–62.

¹⁷ Документ датирован: 15 сентября 1922 г.

¹⁸ Десятина – единица площади в дореволюционной России равная 1,09 га.

¹⁹ Душевой надел – количество крестьянской наделной земли в России до 1917 г. первоначально приходившееся на одну ревизскую душу, затем на душу мужского пола, наличную душу обоего пола, в зависимости от принятых в сельском обществе разверсточных единиц.

²⁰ Узеуправление – земельное управление исполнительного комитета уездного совета.

²¹ Сажень – русская единица измерения расстояния, применявшаяся до 1917 г., определялась средними размерами человеческого тела, официально со второй трети XIX в. равнялась 2,13 метра.

²² Имеется в виду аренда сельскохозяйственных угодий с последующей отдачей половины урожая собственнику (пользователю) земли.

²³ Подпись неразборчива.

²⁴ Подпись неразборчива.

²⁵ Хозяйственная (владельческая) десятина – единица площади, применявшаяся в России в XVIII – начале XIX в. и равная 3200 квадратным сажням, или 1,45 га.

²⁶ Документ датирован: 21 мая 1922 г.

²⁷ Документы датирован: 1 июня 1922 г.

²⁸ Так в документе.

²⁹ Имеется в виду выращивание сельскохозяйственных растений, нуждающихся в больших площадях питания и требующих междурядной обработки почвы. К ним могут относиться зерновые (кукуруза, гречиха, фасоль), технические (подсолнечник, табак, хлопчатник), овощные (капуста, томаты, огурцы), кормовые (кормовая свекла, картофель) культуры. Пропашные культуры считаются интенсивными, требующими применения многопольных севооборотов.

³⁰ Гумно – участок земли, предназначенный для молотбы и хранения снопов, обычно огороженный деревянными постройками.

³¹ Речь идет о ревизском учете – подушных переписях населения, предпринимавшихся в России в XVIII – первой половине XIX в. с периодичностью примерно в 15–20 лет. Основной целью ревизий был учет податного населения для сбора подушной подати и реализации воинской повинности. Первая ревизия была проведена в 1719–1727 гг., последняя (десятая), о которой идет речь в документе, в 1857–1860 гг.

³² Одна фамилия, неразборчива.

³³ Одна фамилия, неразборчива.

³⁴ Подпись неразборчива.

³⁵ Крестьянский поземельный банк – одно из наиболее важных звеньев государственного ипотечного кредитования, самой идеей своей организации предпринятое для решения крестьянского вопроса в России в конце XIX – начале XX в., особенно в годы Столыпинской аграрной реформы. Учрежден в 1882 г. как правительственное учреждение министерства финансов с целью облегчения в приобретении земельной собственности лицам крестьянского сословия по аналогии с созданным в том же году Дворянским земельным банком. См.: *Проскурякова Н.А.* Крестьянский поземельный банк (1883–1916) // *Отечественная история*, 1998. № 3. С. 66–82.

³⁶ В данном контексте под социализацией понимается реализация на практике ведущей программной установки российских неонароднических политических течений (прежде всего социалистов-революционеров различного толка) о переходе всех земельных ресурсов в общенародное достояние и уравнильное распределение последних между всеми желающими по трудовой или потребительской норме с обязательным условием применения личного труда.

³⁷ Одно слово неразборчиво.

A.A.Ivanov

Land relations in the Chuvash village of Samara, Simbirsk and Ufa provinces in the 1st quarter of the 20th century

“The inventories about the forms for modern land-use”, developed by the Section of land statistics of the RSFSR Central statistics department in 1922, are a valuable source for study of agrarian relations in the Russian village. The materials of 8 questionnaires, being introduced into scientific circulation in Samara, Simbirsk and Ufa provinces, are called to give new information for characterization of the land system in the Chuvash village at the beginning of the 20th century. They reflect the socio-economic reality both in mono-national, and polyethnic settlement.

РЕЦЕНЗИИ

ЧГВ, 2011 г., № 6

© М.Г. Кондратьев. Рец. на: Смирнова Е.М. Ритмический строй музыкально-поэтического фольклора татар-мусульман Волго-Уралья / Казан. гос. консерватория. Казань, 2008. 580 с.

То, что профессор Казанской государственной консерватории им. Н.Г. Жиганова Елена Михайловна Смирнова является глубоким знатоком эмпирической «материи» татарской народной песни, известно как по ее многолетней кропотливой работе над нотациями-расшифровками в кабинете народной музыки консерватории, так и по публикациям, среди которых выделяются составленные ею два тома «Памятников татарского народного музыкально-поэтического творчества»¹ – наиболее значительные издания в татарской фольклористике последних нескольких десятилетий (после сборников М.Н. Нигмедзянова, в свое время удостоившихся Государственной премии Татарстана) общим объемом почти в 90 уч.-изд. л. Специалисты знакомы с ее исследованиями с 1992 г. по устным выступлениям и публикациям в Москве, Вильнюсе, Стамбуле, Бишкеке, Берлине, Санкт-Петербурге; в обширном же Волго-Уральском регионе ее труды выходили на страницах изданий Казани, Уфы, Челябинска, Волгограда и далее – Томска.

Перед нами – ее первая монография и первое же музыкально-теоретическое исследование временной организации народных песен волжских татар. В качестве исходного пункта Е.М. Смирнова обозначает его новизну и актуальность, ибо «...наличие устойчивого интереса к проблемам ритма в татарском этномузыкознании не означает их исчерпанности или даже сколько-нибудь однозначного видения: обобщающие работы в данной области отсутствуют...» (с. 4).

Сам по себе феномен ритмики музыки народов Волго-Уральского региона привлекает внимание музыковедов более ста лет. Это и знаменитые наблюдения конца XIX в. В.А. Мошкова над чувашскими народными песнями², интуитивно предвосхитившие современные взгляды, и, кстати, в свое время спровоцировавшие полемику со стороны Ф.П. Павлова. Чувашский музыкант выражал неудовлетворенность рассуждениями Мошкова и опасался, что на этом пути «...можно сделать ошибочный вывод, будто бы в ритмике чувашских народных песен есть отступления от общих законов музыки»³. И проницательные замечания начала 1940-х годов о ритмике удмуртских традиционных песен (до сих пор не получившие достаточной теоретической разработки), что в них «музыкальные ударения отсутствуют, и в основе ритмической организации лежат временные музыкально-ритмические пропорции»⁴. Исследователи татарских и башкирских традиционных протяжных песен еще недавно ограничивались утверждениями о преобладании некой абстрактной «импровизационной свободы» над четкой ритмической организацией: «Здесь мелодизм, не скованный ритмикой и формой стиха, проявляется в полной мере. Отсюда неисчерпаемое богатство мелодической орнаментации... метроритмическая свобода...»⁵. Специфические свойства ритмики чувашской народной музыки в 1970-х гг. описывались и автором настоящей рецензии. Однако теоретическое объяснение закономерностей подобных ритмических явлений было предложено лишь в 1980-х гг. на чувашском же материале (но аналогичные свойства были очевидны и в ряде соседних культур) с позиций стадильно-типологической концепции М.Г. Харлапа, приме-

---

Михаил Григорьевич Кондратьев – доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом искусствоведения Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: mikh-kondratev@yandex.ru.

нительно к музыке разработавшего теорию количественного типа ритма, до этого известную практически только стиховедам⁶. Не случайно именно с этого времени и в татарском этномузыковедении появились указания на признаки арузных стоп (как известно, аруз использовался татарскими поэтами Средневековья вместе с другими атрибутами арабо-иранской культуры) в ритме традиционных народных песен⁷.

Приступая к своему исследованию, Е.М. Смирнова показывает противоречивость существующих представлений о временной организации татарских народных песен. Она видна уже в частом упоминании, с одной стороны, признаков аруза, то есть, строго говоря, жестко канонизированной *формульной* структуры, а, с другой стороны, – в общераспространенных утверждениях о превалировании ритмической *свободы* и *импровизационности* в формообразовании фольклорной музыкально-поэтической лирики. Столь же справедливо и утверждение, что попытки охарактеризовать ритмический строй татарской музыки с помощью научного аппарата, разработанного в отечественной музыкальной фольклористике на базе изучения русской народной песни, также не приводят к успеху.

В монографии же Смирновой применен метод, более адекватный специфике изучаемого предмета. Работа родилась на стыке этномузыкознания, теории музыкального ритма и теории стиха. Ключом к решению проблемы стало творческое преломление упомянутой концепции М.Г. Харлапа. Последовательная опора на нее придает исследованию Е.М. Смирновой теоретическую глубину и убедительность и позволяет на этой основе выстроить теоретические подходы к самобытной музыкально-поэтической традиции волжских татар.

Автор монографии указывает на позитивный опыт использования положений этой концепции в теории ритма соседней и частично родственной волжским татарам в генетическом отношении чувашской культуры. Сопоставление с ней позволяет выявить некоторые общие структурные каноны. Вместе с тем достаточно существенны и отличия от чувашской музыкально-поэтической системы – чисто фольклорной, не связанной с исламской традицией, к тому же легче поддающейся формализации. Татарская ритмика более многообразна и сложна по истокам. Формы ее как бы «размыты» и дробны в своих очертаниях, что значительно затрудняет поиски структурных закономерностей. Тем не менее Е.М. Смирновой удалось обнаружить и описать скрывающуюся за внешней «импровизационной свободой» ритмики татарской народной песни четкую системную организацию.

Для успешного решения проблемы было важно дифференцированно рассмотреть два различных по истокам и функционированию в культуре жанровых комплексов: фольклорный лирический (репрезентируемый, в частности, знаменитой протяжной песней *озын кей*), и лиро-эпический повествовательный комплекс *кейлэт уку*, связанный с исламской культурой, представленный байтами, мунаджатами, «книжными напевами». Подробнейший ритмический анализ комплекса *кейлэт уку*, составляющий содержание первой главы (с. 24–174), не имеет аналогов в существующей научной литературе региона. Исследование продолжает столь же объемная вторая глава (с. 175–307), посвященная ритмическим формам песенного интонирования, вскрывающая специфические формы количественной формульности традиционной фольклорной лирики. Третья глава книги (с. 308–430) представляет собой оригинальную попытку связать принцип формульности, выявленный во временной структуре, с формульностью в звуковысотном строении татарских традиционных напевов.

Главной отличительной чертой исследовательского стиля Е.М. Смирновой можно назвать полноту и многосторонность аргументации. Характеризуя подходы предшественников по тому или иному вопросу, она порой отмечает, что «приведенные ...положения, по сути, исчерпывают все исследовательские наблюдения по данному вопросу» (с. 56). Доказательность обеспечивается и контекстуальным рассмотрением основных вопросов. Например, отдельные экскурсы посвящены феноменам так называемой *протяжной* песни, известному как русской культуре, так и татарской. обстоятельно рассмотрено понятие интонационной ритмики, сопоставляемое с времяизмерительной/количественной ритмикой (с. 192 и далее). Иллюстрируя его, автор рассматривает особенности также еще одного крупного пласта интонационной ритмики – псалмодического пения христиан (с. 202 и далее). Основательно изложе-

ны основания арабского аруда, достаточно подробно – санскритская система джати, составляющая ему параллель. Может быть, учитывая предмет исследования, стоило бы поподробнее рассмотреть аруз, тюркскую разновидность аруда. Заметим попутно, что в своем тексте Е.М. Смирнова использует только арабскую фонетическую форму термина *аруд*, хотя в русскоязычной науке по отношению к тюркским культурам, в том числе татарской, принято транскрибировать *аруз*. В некотором противоречии с этим она утверждает (с. 11), что в терминологии опирается на традицию, сложившуюся в татарском этномузыкознании. Определившись с типологизацией, автор выводит «стоимость» единицы отсчета ритма *моры* (или, в греческой традиции, *хронос протос*) (с. 96), выявляет формулы, которые сводятся в таблицу стоп (с. 99), иллюстрируемую примерами с исчерпывающей полнотой. Подробно рассматриваются формы строк, способы ритмического кадансирования, структурные трансформации кадансовых стоп (с. 117). Составлен каталог метров «сказываемого стиха». Именно скрупулезный анализ большого материала с применением статистических методов позволяет Е.М. Смирновой вывести достаточно четкие типологические основания татарской музыки.

Такой стиль исследования, а также связанная с ним манера изложения вполне оправданы, поскольку не демонстрация эрудиции, но свидетельство продуманности положений и стремление к убедительности в условиях выстраивания новой системы понятий. В отдельных случаях, видимо, можно задуматься и об избыточности некоторых экскурсов «а рогос». Таковыми могут показаться рассуждение о труднодостижимой причине существования поэзии (с. 194) или цитата из Марины Цветаевой как пример фигуры «анжамбамана»-переноса в стихах (с. 195). Всю третью главу можно назвать «дополнительной», ибо основные временные структуры уже описаны, систематизированы, объяснены в первых двух главах. В целом же и все рассуждения, и все отступления от центрального предмета *работают на главную идею исследования*, образуя общегуманитарную «объемность» мысли, каковой нечасто обладают труды о структурных основаниях музыки. Вместе с тем Е.М. Смирнова демонстрирует и чувство меры, замечая, что «...в одной работе не стоит пытаться охватить всё с этим направлением связанное...» (с. 350). Такие свойства научного текста заставляют вспомнить труды ленинградца Х.С. Кушнарева, в свое время давшего блестящий образец исследования национальной монодии, отличающегося исчерпывающей полнотой и многосторонностью аргументации⁸. Эти ассоциации представляются неслучайными, поскольку Елена Михайловна, воспитанница Ленинградской консерватории (спецкласс проф. Т.С. Бершадской⁹), уже много лет работая в Казани, очевидно, сумела не утратить и корни научной школы, полученной в студенческие годы.

Вторая отличительная черта стиля рецензируемой работы – научная объективность и корректность по отношению к предшественникам. «...Научные интересы автора оригинальными назвать трудно...», – говорится во введении (с. 3). В заключении автор еще раз оговаривает «известную замкнутость настоящего исследования, его сосредоточение на ограниченном в этническом отношении материале» (с. 431). Думается, это – свидетельство ясного осознания самостоятельности декларируемых подходов и новизны выводов, позволяющее автору ожидать понимания и достойной оценки своего труда. Понятно, что цитированные формулировки весьма скромны и даже, по моему убеждению, не совсем адекватны содержанию исследования, ибо для анализа моноэтнического материала привлечен, как уже сказано, обширный круг явлений музыки и поэзии многих культур, рассматриваемых в широком культурно-типологическом контексте. На примере традиционного музыкально-поэтического творчества волжских татар вновь представлена концепция количественности в музыкальном фольклоре вообще.

В свете разрабатываемой типологической концепции многие понятия, используемые предшественниками, с неизбежностью «пробуются на прочность», порождая необходимость уточнения или пересмотра ряда положений, казавшихся ранее аксиоматичными. Отсюда в изложении ощутима дискуссионность, побуждающая и читателя разбираться в каждом частном вопросе. Так, обсуждая вопросы соотношения слова и музыки в жанрах *көйләп уку* в современном музыкознании, Е.М. Смирнова вскрывает многочисленные противоречия с общей

теорией стиха и теорией музыки, на которые обычно закрывают глаза исследователи, остающиеся в русле принятых мнений. Констатируется парадокс: «В случае с татарским «сказываемым стихом» парадоксально то, что столь разнообразные, нередко взаимоисключающие концепции предстают не как вехи развития исследовательской мысли – они возникают одновременно и существуют параллельно, удивительным образом уживаясь друг с другом» (с. 24). Указывается, что причиной противоречий становится практика, когда «филологическая схема переносится на музыковедческую проблематику...» (с. 53). Полемика возникает в диалоге с самыми авторитетными специалистами. Например:

с Н.Ю. Альмеевой о ««парадоксальном» несоответствии» в поисках «эмоционального соответствия» между текстом и напевом байтов (с. 164);

с М.Н. Нигмедзяновым об ударности второго слога в «ямбическом мотиве» (с. 207);

с рядом авторов по поводу «слишком поспешного проведения параллелей между татарской *озын кей* и русской протяжной песней» (с. 178);

с Б.Б. Ефименковой в вопросе о квантитативности восточнославянского музыкально-фольклора (с. 188–189). «Смысл, вкладываемый исследователем в понятие “ритмической инвариантной модели”, вступает в противоречие с основными постулатами квантитативной метрики», – пишет Е.М. Смирнова. Вскрывается противоречие между взглядами на ритмику русских протяжных песен крупнейших исследователей (И.И. Земцовский и Б.Б. Ефименкова). Косвенным образом в книге обозначается проблема типологического определения традиционной русской музыкально-поэтической системы, данного почти полвека тому назад М.Г. Харлапом¹⁰, но не вошедшего в обиход теоретиков-этномузыкологов; и так далее.

В конечном счете формируется продуманная во многих деталях и потому убеждающая картина структурных оснований самобытной музыкально-поэтической культуры волжских татар.

Среди важных выводов монографии хочется отметить обобщение по постоянно фигурирующей в трудах татарских музыковедов проблеме взаимоотношения фольклорной квантитативности и квантитативной системы *аруз*, пришедшей в Поволжье вместе с мусульманской книжностью не ранее X в. Так, Е.М. Смирнова пишет: «Арудные метрические формы, столь показательные и значимые для долготного строя байтов, мунаджатов и «книжных напевов», для многослоговых лирических песен и не показательны, и не значимы, а если говорить более точно, не встречаются в них никогда» (с. 269). То есть фольклорная квантитативность в изучаемой традиции вполне независима, видимо – более стара, чем *аруз*. Отмечая «почвенную природу квантитативности» в фольклорных напевах татар-мусульман, Е.М. Смирнова умозаключает: «Очевидно одно: господство квантитативного строя в музыкально-поэтической организации “сказываемого стиха” явилось тем условием, той необходимой “точкой пересечения”, наличие которой и позволило арудным конструкциям легко и прочно укорениться в “мусульманских” традиционных жанрах татарской культуры» (с. 167). Представляет большой интерес для современной культуры постановка вопроса «о судьбе традиционно-квантитативного принципа мышления и традиционных квантитативных структурных форм в татарской культуре...» (с. 435). Вместе с тем автор не касается проблемы *происхождения* более архаичной по генезису квантитативности в традиционных фольклорных песнях *озын кей*, (очевидно, тождественная чувашской). Согласно развиваемой в монографии стадиально-типологической концепции квантитативный принцип получает возможность реализации только в условиях устного профессионального музыкально-поэтического творчества. В первичном фольклоре такового по определению быть не должно. Остается открытым вопрос: обнаружение его в фольклорных песнях не свидетельствует ли о некоей незафиксированной письменной историей стадии развития культуры прототатарского этноса (доисламской), когда квантитативность не только появилась, но и укрепилась на века и тысячелетия в устной непрофессиональной практике?

Суммирую. В своем труде Е.М. Смирнова проявляет себя как зрелый ученый, при анализе эмпирической конкретики последовательно опирающийся на общетеоретические основания и не уклоняющийся от постановки дискуссионных вопросов. Изученная ею национальная разновидность квантитативной ритмической системы существенно отличается от

музыкально-поэтической ритмики ряда тюркоязычных и ираноязычных культур Средней и Центральной Азии, исследователи которых с полным основанием опираются на категории аруза. Вместе с тем, ритмика татарских народных песен типологически родственна чувашской и совместно с ней представляет собой один из фундаментальных отличительных признаков музыкально-поэтической системы так называемой Волго-Уральской музыкальной цивилизации, о свойствах которой уже накоплено достаточно много данных¹¹. Таким образом, монография «Ритмический строй музыкально-поэтического фольклора татар-мусульман Волго-Уралья» представляет собой значительный вклад в постижение фундаментальных основ традиционной музыкально-поэтической системы как волжских татар и народов российского Поволжья, так и в развитие теории количественности в музыкальном фольклоре. Появление исследования такого уровня свидетельствует и о том, что этномузыковедение Волго-Уральского региона уверенно продвигается от эмпирической описательности к теоретическим обобщениям. Старая истина, высказанная почти сто лет назад Федором Павловым, что музыка здешних народов, «открывает место для более детальной разработки учения о ритме вообще» находит себе полное подтверждение.

Примечания

¹ Песни астраханских татар / Сост. и нот. транскрипции Е.М. Смирновой и Н.Г. Гайнуллиной; Казанская консерватория. Казань, 2007. (Памятники татарского народного музыкально-поэтического творчества. Вып. 1); Песни Татарской Каргалы / Сост. и ред. нот. транскрипций, вступ. ст. и коммент. Е.М. Смирновой; Казанская консерватория. Казань, 2007. (Памятники татарского народного музыкально-поэтического творчества. Вып. 2.)

² *Мошков В.А.* Материалы для характеристики музыкального творчества инородцев Волжско-Камского края: Мелодии чувашских песен // Известия ОАИЭ при Казанском ун-те. Т. XI. 1893. Вып. 1.

³ *Павлов Ф.П.* Собр. соч. в 2-х т. Чебоксары, 1971. Т. 2. С. 219.

⁴ *Гиппиус Е.В., Эвальд З.В.* К изучению поэтического и музыкального стиля удмуртской народной песни // Записки НИИ истории, языка, литературы и фольклора при СНК Удмуртской АССР. Ижевск, 1941. Вып. 10. С. 76.

⁵ *Нигмедзянов М.Н.* Народные песни волжских татар. М., 1982. С. 30.

⁶ *Кондратьев М.Г.* К вопросу о временной организации чувашских народных песен // Памяти К.В. Квитки. 1880–1953. М., 1983. Развернутая аргументация изложена в его же монографии: О ритме чувашской народной песни: К проблеме количественности в народной музыке. М.: Советский композитор, 1990.

⁷ См., например: *Сайдашева З.Н.* Музыкальная культура волжских болгар средневековья // Традиционная культура: общечеловеческое и этническое. Проблемы комплексного изучения этносов Карелии: Материалы симпозиума, сент. 1993. Петрозаводск, 1993; *Её же.* Генезис и специфика ранних форм музыкальной культуры татар // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Труды международной конференции в 3-х т. 9–13 июня 1992, г. Казань. Т. II. М.: Инсан, 1997.

⁸ *Кушнарев Х.С.* Вопросы истории и теории армянской монодической музыки. Л.: Госмузиздат, 1958.

⁹ Не случайно и то, что именно ей принадлежит прекрасная статья о жизни и творчестве Х.С. Кушнарёва «Человек с большой буквы», опубликованная в журнале «Советская музыка» за 1990 г. № 9.

¹⁰ *Харлап М.Г.* Народно-русская музыкальная система и проблема происхождения музыки // Ранние формы искусства. М.: Искусство, 1972.

¹¹ О чем уже немало написано. Сводку данных см., например, в нашей статье: «Музыкальные культуры Волго-Уралья как цивилизационная целостность» // Проблемы музыкальной науки. Российский научный специализированный журнал. 2011. № 1(8). С. 6–10.

Ю.М. Артемьев. Рец. на: **Трофимов А.А. Зороастризм: суваро-болгарская и чувашская народная культура.** Чебоксары: ЧГИГН, 2009. 256 с., илл.

Доктор искусствоведения А.А. Трофимов ученый, как сегодня говорят, креативного типа. Это – особый тип научного мышления, двигателем которого является глубокая интуиция, неожиданные прозрения и часто парадоксальное сближение двух, а то и нескольких «несовместимых» явлений, фактов. Ученый «болен» тем, что в принципе не может работать там, где царит истина, признанная сплоченным большинством. Перепроверять такого рода аксиомы, даже подвергнуть их сомнению – редко у кого хватает смелости и тем более – данных Богом нужных мыслительных качеств. А.А. Трофимов почти уже полвека идет в чувашском искусствоведении по такому пути. К числу важных открытий в области чувашеведения относятся его труды о руническом письме чувашей (считавшихся до этого бесписьменными), интересные и оригинальные исследования орнамента и языка чувашской вышивки, различных форм чувашской скульптуры (малой, каменной, деревянной и др.), надгробных памятников и многое другое.

В данном труде исследователь на восходящем уровне обобщает свои предыдущие наблюдения и выводы, приводя их в логически стройную систему. В центре его внимания главные аспекты чувашской народной культуры: религия, культовая архитектура, скульптура, прикладное искусство, религиозные обряды, традиции, ритуалы. Ценно то, что А.А. Трофимов ставит перед собой сверхзадачу: расширить и углубить научные познания о культурно-исторических контактах древних чувашей с развитыми цивилизациями, о местах длительного оседлого пребывания народа в соседстве с народами Ирана, Индии, о путях их миграции. Сегодня чувашеведение допускает правомерность таких «сближений», но нет конкретики, твердых доказательств, основывающихся на неоспоримых фактах. Поэтому сравнительно-сопоставительное рассмотрение зороастрийской и традиционной чувашской культовой архитектуры и скульптуры, произведений прикладного искусства, священных знаний и ритуальных обрядов мне представляется результативным и несравнимо пионерным. Метод реконструкции, который предлагает А.А. Трофимов, успешно может работать только в комплексной методологической системе, где исследователь в одном лице выступает и как искусствовед, и как религиовед, и как историк, и как этнолог, и как языковед. Эти подходы и инструментари анализа, которые успешно использует А.А. Трофимов, пока в чувашеведении аналогов не имеют.

Комплексно-системный подход, избранный автором монографии, особенно результативен там, где исследовательская мысль наталкивается на такие явления, как взаимовлияние и «встреча» разных конфессиональных целостностей. Так, автор в традиционной чувашской религиозной системе выделяет «чужие» пласты – христианско-библейские, иудаистские. При этом он не упускает из виду тот факт, что в свою очередь христианство еще на заре становления испытывало сильное влияние зороастризма, иудаизма, античной религиозной системы, обогащаясь их ценностями при разработке собственной доктрины и ритуально-обрядовых канонов.

На мой взгляд, ценные эвристические подсказки для историков, этнологов, языковедов содержат наблюдения и обобщения автора монографии, связанные с попыткой более или менее точно идентифицировать место и время обитания древних предков волго-камских болгар и суваров до прихода в волжский регион и создания в Восточной Европе мощного государства – Волжской Булгарии. Вводя в научный обиход целый комплекс научных сведений, далеко не ограничиваясь исследованиями чувашеведов, А.А. Трофимов отмечает: «Болгарские ученые доказывают, что их предки, имевшие этнические связи с племенами субари-субарси-субары, соприкасались с эламской, шумеро-аккадской и ассирийской культурами. Опираясь на исторические документы, они выявили прародину суваро-болгар. Она находится в

Юрий Михайлович Артемьев – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова; e-mail: human2000@yandex.ru.

районах, лежащих рядом с Северо-Западной Индией, точнее, у подножий гор Имеона (совр. Гиндукуш)» (с. 6).

Сверхзадача автора монографии, на мой взгляд, связана с решением и другой проблемы – каковы были реальные и возможные этнокультурные контакты древних предков чувашей, достаточно длительное время пребывавших в указанных выше территориально-географических пределах? Отвечая на этот вопрос, он приводит ряд источников. Так «античный ученый и писатель Плиний Старший, основываясь на труде Мегасфена и Гендика», перечисляет племена, обитавшие в долине реки Кофес, среди которых упоминаются: акутры, орбы, панды и др. По другим источникам, в соседстве с суварями обитали более десятка племен и этнических групп. Поэтому, так или иначе, эти многочисленные этнические образования, как и суваро-болгары, находились в тесных контактах с Индо-Кушанской и Греко-Бактрийской культурами, были знакомы с древним языком (ныне мертвый) Авесты – величайшим памятником человечества и, бесспорно, находились в зоне мощного воздействия Зороастризма.

Таким образом, документально-источниковедческая база, использованная А.А. Трофимовым для подтверждения достоверности историко-культурных контактов предков чувашей с индо-иранской цивилизацией, достаточно убедительна. Этот вопрос важен для ученого (и не только для него!) как с точки зрения собственно научной, так и культурно-политической. Небезызвестно, что многие культурологи и религиоведы традиционную религиозную систему чувашей рассматривают как примитивное язычество, а в поклонении Киремети, обрядах жертвоприношения видят полную аналогию с религиозными традициями соседних народов – марийцев, мордвы, удмуртов. Дальнейшее развитие мысли А.А. Трофимова логически последовательно и с использованием богатой фактологии направлено на подтверждение тезиса: «Суваро-болгары и родственные им племена принесли из Евразии на балканские и камско-волжские земли свою богатую культуру, в том числе и религию, возникшую в древнейшие времена развития человечества».

Суваро-болгары, прибывшие на Волго-Камье, были озабочены в первую очередь устройством святилищ, для которых тщательно надо было подобрать подходящее место. «Местность должна была быть возвышенностью у реки, а в идеальном варианте – горой перед родником с дубовой рощей» (с. 18). А.А. Трофимов досконально изучил и обследовал в результате полевых наблюдений и научных экспедиций практически все традиционные места жертвоприношений, отправлений религиозных обрядов, молений Всевышнему и божествам, расположенные на территории не только Чувашии, но и Татарстана, Башкортостана, Самарской, Ульяновской и других областей. Там, где эти священные места сохранились в «первозданном» виде (преимущественно в районах компактного проживания некрещеных чувашей), ему удается убедительно продемонстрировать их генетическое родство (или заимствование) с целостной системой зороастрийских святынь. А там, где они не выдержали напора времени или были целенаправленно разрушены в процессе массовой христианизации (XVIII в.), он опирается на метод реконструкции и «моделирования», восстанавливая недостающие части поврежденного сооружения. Приемам и методам реконструкции в монографии посвящен специальный раздел под названием «Теоретические принципы. Методы реконструирования». В ходе исследования и реконструирования сооружений в местах, где ранее археологами проводились раскопки городищ камско-волжских суваро-болгар, А.А. Трофимовым выявлены зороастрийские «Чартак с залом моления», «Дом Огня», «жертвенники», а на окраине городища – предполагаемые «Врата Земли». В результате кропотливой и методологически предельно тонкой «операции», связанной с реконструированием, исследователь обнаруживает, что культовые сооружения содержат, с одной стороны, как бы чисто зороастрийские композиционные формы, как, например, айваны. Это явление сохранилось в культуре некрещеных чувашей. «В их культовой архитектуре длительное историческое время существовали древнейшие зороастрийские формы и конструкции айванов – молельных священных храмов с тремя глухими стенами и съёмными скульптурами внутри, арочные тоннели – «Врата Земли», чартаки с антропоморфными объемными изображениями юпа, деревянные, кирпично-саманные, каменные построения с нормами восточно-эллинистичной культуры» (с. 32).

Не вдаваясь в детальный анализ, хочется отметить гипнотически действующую на читателя особенность стиля автора, благодаря чему перед живым взором предстают не про-

сто культовые сооружения и их беспристрастное описание. А.А. Трофимов как бы оживотворяет эти объекты и сам процесс жертвоприношения, в результате они становятся динамичными и объемными: во весь рост встают образы жрецов и мдьяваров, исполняющих свои священные миссии, заклинание жертвенного животного, добывание «Нового Огня», установление объемных скульптур, магия действия священного текста, моления, обряд очищения, разбивание горшков и т.д. Системно раскрывая генетическое родство между зороастрийскими и собственно чувашскими религиозными традициями, Трофимов четко обособляет диалектические категории общего и особенного, индивидуально неповторимого.

На мой взгляд, трудно оспорить и вывод о том, что, так называемые «девичьи горы» (городки), встречающиеся на территории Чувашии и Татарстана, по структуре и функциональному назначению полностью соответствуют зороастрийским. Выводы эти базируются на результатах многократных тщательных полевых исследований (дер. Новое Аксубаево, Иляшкино, Измери, особенно Валем Хузя). Не вдаваясь в подробности, хочется отметить, что абсолютно новый, с основательной доказательной базой материал представляют оригинальные интерпретации таких явлений, как «врата неба», «врата земли», «старый огонь», «новый огонь», «мост между мирами» и др. Много интересного и нового выявляет исследователь в священных текстах и молитвах, проводя параллели и выявляя сходство и совпадения в зороастрийских и древнечувашских материалах.

Вполне логично и то, что исследование завершается рассмотрением некоторых моментов влияния суваро-болгарской (и зороастрийской) культуры на соседних автохтонов – марийцев, мордву, удмуртов и др.

В заключение хочется отметить следующее. Работа А.А. Трофимова представляет собой глубоко оригинальное фундаментальное исследование. В нем не все еще обрело вид завершенной системы, отдельные сопоставления требуют дополнительного подкрепления более полным объемом фактов. На мой взгляд, некоторые выводы основываются на интуитивных прозрениях. Тем не менее такие новаторские прорывы несравнимо ценнее общепризнанных проверенных истин, за которые цепко держатся в ученом мире люди осторожные и без полета мысли. С появлением этой книги, заряженной необычной энергетикой, картина чувашского мира (исторического и сегодняшнего) станет значительно полней и объемней.

Данный труд А.А. Трофимова, вносящий крупный вклад в разработку теоретико-методологических проблем истории и теории как фундаментальных, так и прикладных искусств, получил заслуженное признание. Российская Академия художеств решением Президиума Академии от 13 июля 2010 г. наградила А.А. Трофимова серебряной медалью, для вручения которой в столицу республики приехал президент Российской Академии художеств академик Зураб Церетели.

© **И.И. Бойко**. Рец. на: **Иванов В.П., Клементьев В.Н. Образование Чувашской автономии: предпосылки, проекты, этапы**. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2010. 191 с.

Рецenziруемая монография относится в некоторой мере к категории «юбилейных» книг, поскольку вышла в 90-ю годовщину образования Чувашской автономной области. Собственно, такое понятие изначально несло лишь хронологическую нагрузку, но за годы советской власти сформировалась категория изданий, претендующих на научность и выходящих к официальным датам. Их содержание было призвано отражать государственные и общественные достижения в политическом строительстве, экономике, социальной сфере, культуре СССР в целом или же отдельных областей и республик. В значительной степени они оставались иллюстративными трудами, насыщенными положительной статистикой.

Для В.П. Иванова и В.Н. Клементьева обращение к истории образования Чувашской автономии – возможность рассмотреть сложный исторический процесс с учетом различных,

---

Иван Иванович Бойко – доктор исторических наук, заведующий отделом чувашской энциклопедии Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: boyko2003@yandex.ru.

часто противоположных, точек зрения как исследователей, так и политических деятелей. Отметим сразу, что проблема организации управления полиэтническим обществом, в частности, национально-государственного строительства, остается одной из сложных и спорных в науке и окончательно «расставить точки», наверное, еще долго не удастся, а, вернее, не удастся никогда. Сам термин «национальные государства» наполняется различным содержанием: у одних ученых приоритетным становится понимание нации как этнокультурной общности, у других – как общегражданской. Принцип этнического федерализма, отчасти реализованный в СССР и России, вызывает теоретические и практические возражения. Отметим только неоднократные предложения В.В. Жириновского о «губернизации» России, «отмене» республик. Противники этих идей не без оснований предупреждают, что подобные уравнивательные подходы приведут к потере самобытности многих народов, их языков, культурных особенностей, профессиональной литературы и т.д., и в конечном результате, к ассимиляции и исчезновению самих этносов.

Словом, авторы монографии избрали объектом исследования весьма актуальную как с теоретической, так и с прикладной точек зрения историческую проблему. Ее понимание у них лежит в русле этнического федерализма, а образование Чувашской автономии является процессом обретения чувашами собственной государственности.

Нельзя не согласиться с высказанным положением о том, что, с одной стороны, вопросы образования Чувашской автономии достаточно подробно рассмотрены в историографии, с другой, ряд важных сюжетов (идейные предпосылки консолидационных процессов, развивавшиеся в том числе в досоветский период, роль и место в них политических партий и др.) не нашли отражения в научных трудах. Авторы солидарны с мнением А.В. Изоркина, полагавшего, что во многом этот пробел определен партийной принадлежностью известных деятелей национально-демократического движения чувашей, которые представляли на политическом атласе левых эсеров или тех большевиков, которые начинали свою деятельность как левые эсеры. В советской историографии объективное рассмотрение деятельности этой партии не могло быть осуществлено. В то же время В.П. Иванов и В.Н. Клементьев справедливо отмечают, что в 1990-е гг. в обсуждение вопросов образования национальной государственности было привнесено много околонучных и политических спекуляций, в том числе идея о «Большой Чувашии» (с. 7). Потребовалось несколько лет, чтобы появились работы, авторы которых стремились провести объективный анализ проблемы, без оглядок на идеологические и политические установки разной направленности (труды А.В. Изоркина, Е.К. Минеевой, Т.В. Немцевой, В.В. Орлова, самих авторов монографии и др. исследователей).

Используя свои собственные наработки, а также материалы коллег, В.П. Иванов и В.Н. Клементьев предприняли, на мой взгляд, удачную попытку показать генезис идеи о чувашской государственности и ее реализацию в жизнь, вначале в форме автономной области, а затем и республики.

Авторы обращают внимание на мобилизующий эффект революционных событий 1905–1907 гг., которые привели к формированию первых национально-политических объединений, созданию печати на чувашском языке, формированию в среде интеллигенции ярких представителей национально-демократического движения (Д.П. Петров, Т.Н. Николаев, С.Н. Николаев, А.Ф. Федоров, Г.Ф. Алюнов и др.). В конечном итоге сформировались программные позиции, «свидетельствующие о притязании чувашского этноса на культурно-национальную автономию и на ограниченное кругом местных дел национальное самоуправление» (с. 22). Следующий этап этнической мобилизации определен Февральской революцией 1917 г., когда в течение трех-четырёх месяцев чувашское национальное движение начало оформляться организационно, создается Чувашское национальное общество, его филиалы в ряде городов края. Организационно-политическое своеобразие проявляется во влиянии партии эсеров и в отсутствии другой влиятельной партийной организации, в наличии национальных организаций солдат и матросов, придерживавшихся левозероветских и большевистских идей.

В книге подробно рассмотрены основные дискуссии, которыми были охвачены различные чувашские организации в период от Февраля к Октябрю 1917 г. и до лета 1918 г. Это было время насыщенных поисков путей самоопределения, на повестке дня стояли проекты о создании Волжско-Уральского штата, Татаро-Башкирской Советской республики. В конце

февраля – начале марта 1918 г. происходит раскол в национальном движении чувашей. До второй половины 1918 г. его лидеры не претендовали на самостоятельное административно-территориальное образование чувашей. По мнению авторов, экстерриториальный характер программных целей национального движения определяло не только отсутствие политических и интеллектуальных амбиций его лидеров, но и фактор географической расплывченности этноса (с. 43), что не соответствовало представлениям того времени о целях и задачах административно-территориального объединения этноса. Но тем не менее дискуссии 1918 г. привели к осознанию необходимости территориального объединения чувашей.

Во 2–4 главах подробно рассмотрены все проекты образования автономии и их реальное воплощение. В том числе речь идет и об идее создания в 1920 г. не области, а республики, якобы предложенной В.И. Лениным. Авторы приводят точки зрения на причины отказа от этого предложения и считают, что такое решение вряд ли можно признать дальновидным, учитывая факт значительных усилий местных властей для преобразования Чувашской автономной области в автономную республику в течение 1922–1925 гг. (с. 57–58). Можно и согласиться с таким суждением, но повторим еще раз, что господствовавшие представления об автономной республике предполагали преобладание титульной, выражаясь современным языком, нации в составе всего населения национально-территориального образования. Это было своеобразное отдание дань этническому романтизму. Но жизнь очень скоро внесла в эти представления серьезные коррективы. Оказалось, что бюджетные поступления без сколько-нибудь развитой промышленности не обеспечивают потребности и социально-культурного развития нации. С этой точки зрения весьма характерными являются проекты расширения территории области и споры о границах, возникшие между ЧАО и соседними областями и республиками. Как положительную сторону книги следует отметить обобщение всех имевшихся точек зрения на данную проблему и внесение авторского материала, базирующегося не только на опубликованных источниках, но и извлеченного из материалов местных архивов, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории. Этот сюжет преподнесен очень подробно, с анализом различных точек зрения как в Москве, так и в Чебоксарах. Вопросы решались на самом высоком политическом и государственном уровне, и авторам монографии, полагаю, удалось показать степень напряжения и ответственность всех сторон в решении этих важнейших для Чувашии задач.

Возвращаясь к проблеме границ, остановимся только на отношениях между лидерами Чувашской и Марийской автономных областей. Авторы приводят мнение руководителей ЧАО первой половины 1920-х гг., которые отмечали, что территориальные споры между ними и их марийскими коллегами занимали до 50% рабочего времени (с. 142). Показательными являются дискуссии о принадлежности левобережья Волги. Здесь была сосредоточена значительная часть лесов, входивших в свое время в состав Чебоксарского уезда, ряд лесопильных и смоло-скипидарных предприятий, большие запасы торфа и пр. На эти территории рассчитывала и МАО. В конечном итоге все разумные аргументы чувашской стороны, опирающиеся на необходимость нормального хозяйственного развития ЧАО, не были приняты во внимание, поскольку левобережье Чебоксарского уезда с точки зрения хозяйственной было необходимо и для Марийской области (выход к Волге плюс все перечисленные экономические прелюбствия). Но главным фактором, по крайней мере внешним, стал этнический: по переписи 1920 г. более трех четвертей населения этого района составляли марийцы, а доля чувашей не дотягивала и до 4%.

Отмечу, что дискуссии о границах расплывчаты, в них приводятся аргументы всех участвующих сторон. С этой точки зрения можно было бы пожелать авторам ссылаться и на документы из архивов Татарстана, Марий Эл и Ульяновской области. Понимаю, что квинтэссенция аргументации скапливалась в Москве, и этими материалами авторы пользовались, но, полагаю, все подробности не могли быть отражены в документах, направляемых в центральные органы.

События 1920-х гг. нашли отражения в некоторых дискуссиях конца 1980-х – начала 1990-х гг., в том числе в упоминаемой авторами идее о «Большой Чувашии». Эти умоглядные мечтания некоторой части чувашской интеллигенции о расширении территории республики до границ некоторых проектов 1920-х гг. еще раз вынуждают повторять слова великого

философа, что «история учит, что она ничему не учит». Если в годы становления автономии шли такие жаркие дискуссии, и установление границ воспринималось так болезненно, то на что рассчитывали авторы, писавшие о расширении границ Чувашии? И в 1920-е гг. за этническим принципом нередко можно было увидеть экономические интересы, то кто же мог просто «поделиться» территориями своих регионов в 1990-е гг. только потому, что значительную их часть составляли чувашаи? Вся экономика этих областей и республик была вписана в региональные хозяйственные механизмы, но, наверное, не это было самым главным. «Дележка» территорий по этническому принципу привела бы к серьезным конфликтам и долгим обидам.

В последней главе в сжатой, но емкой форме раскрыт процесс национально-государственного строительства Чувашской АССР после 1925 г., показаны основные административно-территориальные изменения. Очень кратко дана общая характеристика социально-экономического и политического развития республики, приведены сведения об этническом составе ее населения и ряд других материалов.

Книга насыщена интересными фактическими данными, в текст хорошо вписывается иллюстративный и табличный материал, из которого читатель извлечет много полезного. Важно отметить, что это серьезное научное издание, написанное с учетом соответствующих требований, в то же время текст работы будет интересен не только научным работникам, но и учителям, студентам, краеведам, лицам, принимающим политические решения, словом, широкому кругу читателей.

В целом полагаю, что авторам удалось создать обобщающую монографию по заявленной проблеме, они отдают дань уважения предшественникам и современным исследователям, но стремятся провести свою точку зрения на анализируемые процессы. Уверен, что книга займет достойное место в отечественной историографии национально-государственного строительства.

© **В.Н. Клементьев.** Рец на: **Иванов М.И. Даниил Эльмень: острые грани судьбы.** Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2010. 255 с.

Монография М.И. Иванова посвящена исследованию жизни и общественно-политической деятельности выдающегося общественного и государственного деятеля Чувашии первой трети XX в., одного из создателей Чувашской автономии Даниила Семеновича Эльменя. Долгое время он являл собой «фигуру умолчания» и носил ярлык «правого уклониста». Историки и публицисты избегали писать об этом видном государственном деятеле, хотя полностью замолчать эту фигуру было невозможно – слишком велик был масштаб его личности. В период хрущевской либерализации, в связи с 80-летием со дня рождения Д.С. Эльменя, в 1965 г., произошла фактическая реабилитация этого политического деятеля. Научной общественностью и партийными органами были отмечены его исторические заслуги. Однако объективной научной оценки его деятельности все же не получила.

В историографии темы можно выделить три периода: 1) 1930 – первая половина 1960-х гг.: для данного отрезка времени характерно замалчивание позитивной роли Д.С. Эльменя в государственном строительстве, негативная оценка его личности как «правого уклониста», сторонника идеи «вырождения чувашского народа»; 2) вторая половина 1960-х – 1980-е гг.: в литературе имело место частичная реабилитация Д.С. Эльменя, что выразилось в признании его исторических заслуг в создании Чувашской автономии. Правда, при этом констатировалась ошибочность взглядов Эльменя и неверная политическая позиция в конце 1920-х гг.; 3) с 1990-х годов по настоящее время: полная реабилитация Д.С. Эльменя, переоценка его исторической роли, признание несправедливой оценки как правого уклониста.

Владимир Николаевич Клементьев – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail:human2000@yandex.ru.

Монографическое исследование М.И. Иванова – не первая научная работа, посвященная крупнейшему политическому деятелю Чувашии. Тем не менее, исследование М.И. Иванова является новаторским в разработке поднятой проблемы, поскольку впервые в историографии осуществляется комплексный анализ темы на весомой документальной базе, с учетом новейших достижений в историографии. Следует отметить, что анализ жизненного пути и общественно-политической деятельности Эльменя является непростой задачей, ибо в распоряжении исследователей имеется незначительный объем материалов личного происхождения и мемуарной литературы.

Книга написана на основе широкого комплекса источников: фонды Чувашского отдела Наркомнаца РСФСР, Революционного комитета Чувашской автономной области (ЧАО), Областного исполкома советов ЧАО, Чувашского областного комитета РКП(б)–ВКП(б); документы, опубликованные в сборниках «Октябрьская революция и установление Советской власти в Чувашии», «Чувашия в годы гражданской войны. Образование Чувашской автономной области»; личные фонды, мемуары, фонды Научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук; материалы периодической печати.

В своей работе М.И. Иванов показывает деятельность Д.С. Эльменя на широком историческом фоне. Значительная часть книги связана с освещением важнейших аспектов темы: деятельность Чувашского отдела при Наркомнаце, образование Чувашской автономной области, крестьянское восстание 1921 г., преодоление голода и его последствий в Чувашии, преобразование автономной области в Чувашскую АССР и др.

Автор показывает этапы жизненного пути Д.С. Эльменя. Представляют интерес сюжеты, основанные на воспоминаниях его родственников и близких, связанные с вхождением Д.С. Эльменя в революционную борьбу, учебой в Симбирской чувашской школе, общением с классиками чувашской литературы К. Ивановым и Н. Шубоссинни. Значительное место уделено, что вполне оправдано, вопросам руководства Д.С. Эльменем Чувашским отделом при Наркомнаце, процессам создания Чувашской автономной области. Эти сюжеты достаточно основательно разработаны исследователями, но М.И. Иванов синтезировал и аналитически осмыслил эти наработки. Вместе с тем, на наш взгляд, давая оценку исторической роли Д.С. Эльменя в организации Чувашской автономной области, автор недостаточно четко сформулировал свою позицию по такому ключевому и дискуссионному среди исследователей и публицистов вопросу – об упущенном Д.С. Эльменем «историческом шансе». Имеется в виду предложение В.И. Ленина о создании сразу же Чувашской Республики с центром в Симбирске. Часть историков и главным образом публицисты начала 90-х гг. из-за отказа Д.С. Эльменя принимать предложение вождя Советского государства склонны давать в целом негативную оценку роли руководителя Чувашского отдела в образовании Чувашской автономии. Другая часть (к примеру, А.В. Изоркин) рассматривают позицию Д.С. Эльменя как объективно оправданную.

Точно так же дискуссии вызывает вопрос о роли Д.С. Эльменя в крестьянском восстании 1921 г. Этому сюжету фактически посвящена целиком седьмая глава. Здесь авторская позиция уже более четкая. Опираясь на опубликованные документы и материалы печати, исследователь приходит к выводу, что массовое выступление крестьян в январе 1921 г. произошло не по вине Д.С. Эльменя, возглавлявшего облисполком Советов, а стало результатом жестких условий проведения семенной кампании. Но в ее подготовке Д.С. Эльмень не участвовал, так как в тот период находился в Москве, «куда выехал еще 12 декабря» и потом задержался в столице «как раз по поводу ходатайства перед Наркомземом о снятии с Чувашской области одного миллиона пудов продразверстки» (с.103).

По мнению исследователя, обвинения в адрес Д.С. Эльменя в связи с началом крестьянского восстания – результат клановой борьбы внутри Чувашской областной организации.

Значительное место автор уделяет журналистской работе Д.С. Эльменя. Данный сюжет фактически не исследован. Он отмечает, что Д.С. Эльмень не только стоял у истоков периодической печати ЧАО в силу занимаемых им постов советского и партийного руководителя области, но и проявил себя как способный журналист и публицист, активно печатаясь на страницах чувашской печати. Для него как журналиста характерно было строгое следование принципам партийности. Он был талантливым литератором. Под его руководством возникли

творческие объединения чувашских писателей и журналистов, начали выходить журналы «Сунтал» и «Капкӑн». Большую работу провел Д.С. Эльмень по созданию и развитию полиграфической базы в области.

Особое место в книге занимает характеристика последнего и наиболее трагического этапа жизненного пути общественно-политического деятеля. После публикации Д.С. Эльменем статьи «К вопросу о постановке проблем пятилетнего перспективного плана развития народного хозяйства Чувашской Республики» в № 3–4 журнала «Чувашское хозяйство» за 1928 г., в которой он дал характеристику и изложил свое видение перспектив и модели развития экономики автономии, в республике началась травля и шельмование Д.С. Эльменя. К нему официально прикрепили ярлык «правого уклониста» и сторонника идеи «вырождения чувашского народа». М.И. Иванов констатирует, что кампания критики и обвинений в адрес Д.С. Эльменя была инспирирована тогдашним партийным лидером Чувашии С.П. Петровым исключительно из интриганских соображений, который видел в Д.С. Эльмене политического конкурента.

Автор аргументированно доказывает, что Д.С. Эльмень не являлся «правым уклонистом», нет никаких оснований для неоправданных обвинений в его адрес. Д.С. Эльмень сыграл важнейшую позитивную роль в социально-экономической и общественной модернизации чувашского социума.

Книга дополняется приложениями, которые включают воспоминания Д.С. Эльменя и ряд его статей. В числе последних и приснопамятная статья «К вопросу о постановке проблем пятилетнего перспективного плана развития народного хозяйства Чувашской Республики», которая позволяет читателю получить адекватное представление об истинных взглядах политического деятеля на проблемы социально-экономического развития автономии в конце 1920-х гг.

Подчеркивая достоинства монографии, следует отметить, что ее содержание было бы гораздо богаче, если бы автор дополнительно извлек из архивов Казани, Государственного архива Российской Федерации и Российского архива социально-политической истории (г. Москва) неизвестные документы о деятельности Эльменя. Кроме того, в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук хранятся сделанные институтом в 1950-х гг. более 8000 листов машинописных копий документов из Национального архива Республики Татарстан и бывшего архива Татарского обкома КПСС, которые также не были проанализированы автором.

Нуждается в уточнении утверждение исследователя о том, что кампания критики и обвинения в адрес Д.С. Эльменя за его статью «К вопросу о постановке проблем пятилетнего плана развития народного хозяйства Чувашской Республики» была инспирирована тогдашним партийным лидером С.П. Петровым. На наш взгляд, этот вывод автору желательно было бы обосновать в контексте общероссийской политической ситуации. Дело в том, что в конце 1920-х гг. начался очередной виток политического противостояния в Кремле: на этот раз между Сталиным и его сторонниками и группой Бухарина–Рыкова–Томского, которые были обвинены в «правом уклоне». Н.И. Бухарин пользовался большим авторитетом и поддержкой в Институте красной профессуры, особенно среди экономистов, слушателем экономического отделения являлся Д.С. Эльмень. С.П. Петров удачно использовал это обстоятельство в своих целях. Отсюда появился ярлык «правого уклониста». Скорее всего по вышеназванной причине Д.С. Эльмень не получил поддержки И.В. Сталина, который знал его с 1918 г., несмотря на неоднократные обращения к генсеку. Последний с подозрением относился ко всем, кто был связан с «экономической школой» Института красной профессуры, рассматривая ее как «гнездо» бухаринцев, и был заинтересован в развертывании кампании по поиску «правых уклонистов» на местах.

Резюмируя, можно констатировать, что книга М.И. Иванова «Даниил Эльмень: острые грани судьбы» отличается новизной и достоверностью фактического материала. Она вносит вклад в новое направление чувашской историографии – биографическое, связанное с изучением личностного фактора в истории чувашского народа. Автору в основном удалось «во всех гранях» показать личность и судьбу своего персонажа. Написанная живо и красочно,

снабженная обширным иллюстративным материалом, она будет востребована самым широким кругом читателей: от профессиональных исследователей до учащихся учебных заведений.

© Э.Е. Лебедев. Рец. на: **Emine Yılmaz. Karşölçtürk dilbilimi çalışmalarında Çuvaşcanın yeri. I. Sesbilgisi: Turkesh Studies. International Periodical For the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. Volume 5/4 Fall. Erzincan, 2010. S. 728–741** [Эмине Йылмаз. Место чувашского языка в исследованиях по сравнительному тюркскому языкознанию. Часть 1. Фонетика: Вопросы тюркологии. Международное периодическое издание по вопросам языка, литературы и истории турецкого и тюркских языков. Том 5/4. Осень]. Эрзинджан, 2010. С. 728–741.

Статья профессора кафедры турецкого языка и литературы Университета Хаджеттепе (г. Анкара) Эмине Йылмаз затрагивает актуальную тему в тюркском языкознании – сравнительно-историческое изучение фонетики тюркских языков и место чувашского языка в подобных исследованиях. Проблематика, которую рассматривает автор, касается не только тюркского, но и алтайского языкознания. В связи с этим в статье представлены примеры и из монгольских, и тунгусо-маньчжурских языков. Анализ фонетических переходов и изменений основан на прочной теоретической базе. Автор приводит ссылки на работы таких крупных компаративистов, как М. Адамович, Л. Юхансон, А. Дыбо, З. Гомбоц, Д. Немет, Н. Поппе, В. Радлов, Й. Рамстедт, А. Рона-Таш, Т. Текин и др.

В начале своей статьи Эмине Йылмаз поднимает вопрос о терминах, определяющих стадии развития тюркских языков. Говорится о важности различения таких терминов как «прототюркский язык» и «пратюркский язык» (по-турецки *Ana Türkçe* и *İlk Türkçe*), приводятся аналоги этих терминов в английском и немецком языках. Действительно, важность четкого понимания и разграничения использования таких названий стадий развития тюркских языков очевидна для работ по сравнительно-исторической тюркологии не только в Турции, но и в России. Самым важным фонетическим признаком, дифференцирующим эти две стадии, является, по мнению автора, переход звуков *g/l* в *z/ç*.

В отношении чувашского языка, единственного представителя *g/l* языков среди современных тюркских языков, можно сказать, что некоторые его черты демонстрируют связь с языками алтайской семьи. Многие вопросы фонетических реконструкций тюркских и алтайских языков решаемы только при использовании материала чувашского языка. Основной целью рецензируемой статьи является определение того, как наилучшим образом можно использовать данные фонетики чувашского языка при реконструкции форм прототюркского и пратюркского языков и сравнении их с другими современными тюркскими языками. Автор вполне обоснованно не ставит своей целью представить подробное описание всех различий и сходств между формами чувашского языка и других тюркских языков, так как этому вопросу посвящено много работ разных исследователей, список которых можно найти в библиографиях предыдущих трудов госпожи Йылмаз. В статье рассмотрены наиболее дискутируемые и важные, по мнению автора, случаи фонетических изменений, которые отражают основные этапы реконструкций прототюркского и пратюркского языков.

Первый вопрос, поднимаемый Э. Йылмаз в исследовании – явление долготы гласных в тюркских языках и объяснение развития этой долготы с использованием данных чувашского языка. Долгота гласных звуков в тюркских языках изучается в тюркологии, начиная с середины XIX в. Известно, что это явление встречается в таких современных тюркских языках, географически и типологически удаленных друг от друга, как якутский, туркменский и халаджский. Так как долгота гласных в этих языках присутствует в одних и тех же корнях, можно

Эдуард Евгеньевич Лебедев – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: edlebed@gmail.com.

сделать вывод, что возникновение этого явления относится к прототюркскому языку. Примеры: туркм. *gāş*, якут. *hās*, халадж. *kāş* «бровь», туркм. *ót*, якут. *uot*, халадж. *hūt* «огонь», туркм. *gök*, якут. *küöh*, халадж. *kāk* «небо». Удлинение гласного первого слога в тюркских языках доказываемое существованием дифтонгов в прототюркском языке (как и в современном якутском языке), которые впоследствии трансформировались в одну фонетическую единицу.

По мнению автора, долгота в гласных звуках в прототюркском и пратюркском языках послужила причиной дальнейшего развития звуков в современных тюркских языках и диалектах. Наиболее примечательным образом данное развитие происходило в чувашском языке. В большинстве случаев здесь произошли такие изменения звуков, которые не являются типичными для других тюркских языков. Э. Йылмаз приводит следующие наиболее важные, на ее взгляд, нетипичные изменения звуков в первом слоге слова, вызванные долготой гласного звука:

1. Переход *s>ş*. Чув. *şuri* «белый» < *siarig < *sârig «желтый»; чув. *şur* «болото» < *siar < *sâr.

2. Переход *t>ç*. Чув. *çul* «камень» < *tial < *tâl.

Для доказательства тезиса о регулярности этих переходов автор, на наш взгляд, вполне оправданно, приводит примеры из венгерского языка, где присутствуют соответствующие заимствования из чувашского языка, и примеры из монгольского языка. В современных же туркменском, якутском и халаджском языках гласные первого слога в этих словах представляют собой либо долгие гласные, либо дифтонги.

3. С долготой гласного звука в первом слоге может также быть связан редко встречающийся в чувашском языке переход *k>y*: Чув. *yun* «кровь» < *yan < *ian < *ân < Волжск. Булг. *hân* < *kân. Йылмаз упоминает здесь мнение Поппе о том, что данное чередование аналогично чередованиям *s>ş* и *t>ç*. Однако автор считает, что отличия все же имеются, и заключаются они в следующем: во-первых, чередования *s>ş* и *t>ç* могут осуществляться не только в анлауте, но и в инлауте, а чередование *k>y* возможно только в анлауте, и, во-вторых, последний вид чередований гораздо менее продуктивный – он встречается лишь в небольшом количестве слов. Для большинства случаев присутствия в прототюркском языке долгих гласных в первом слоге, в современном чувашском языке соответствует переход *k>h*: чув. *hupi* «крышка» < *kâpak. Встречаются случаи, когда чередование *k>y* происходит с кратким гласным первого слога: чув. *yñi* «густой» < *koyug.

4. Долгота гласного *ö* в корне слова послужила причиной развития сочетания из трех звуков –*ña-* в чувашских словах: чув. *kñak* «голубой» < *gök*, чув. *tñvatı* «четыре» < *tört.

5. Переход *k>h*. Чув. *hir* «поле» < *kir*.

6. Образование протезы в начале слова. Одной из причин возникновения наиболее распространенных в чувашском языке протез *y-* и *v-* также является первичная долгота гласного звука в первом слоге слова: чув. *yus* «горноста́й» < *âs, чув. *yikir* «близнецы» < *êkir, чув. *vış* «голодный» < *ôç < *âç и др.

7. Эпентеза гласных звуков в конце слова: чув. *küli* «озеро» < *köl, чув. *vunnı* «десять» < *ôn и др.

8. Удвоение согласных звуков. Начальный долгий гласный в этих случаях влияет на удвоение последующего согласного. Другими словами, процесс перехода долгого гласного в краткий гласный происходит параллельно с удвоением согласного, который следует за этим гласным. Это явление нетипично для других тюркских языков, в чувашском языке оно широко распространено у имен числительных: чув. *ikkı* «два» < *êki, чув. *pirre* «один» < *bâr, чув. *şıççı* < *yëti и др. Здесь стоит заметить, что числительные в чувашском языке могут иметь и краткую форму. И то, какая форма числительного – краткая или долгая, используется в каждом конкретном случае, зависит от синтаксической функции числительного. При употреблении в функции приименного определения числительное всегда будет в краткой форме. Для более обоснованного доказательства своего утверждения о влиянии перехода краткого гласного в долгий гласный в пратюркском языке на удвоение согласных, на наш взгляд, госпоже Йылмаз следовало бы привести примеры не только из разряда имен числительных.

Лексический состав современного чувашского языка испытал большое влияние соседних кыпчакских и финно-угорских языков. В период активных культурных и экономи-

ческих связей предков чувашей с народами – носителями иранских языков, древнечувашский язык пополнился заимствованиями из арабского и персидского языков. Справедливо утверждение автора, что по причине этого влияния многие слова общетюркского происхождения именно в этот период вышли из употребления. Но часть этих слов к тому времени уже была заимствована предками современных венгров и сохранилась в современном венгерском языке в фонетическом варианте *r/l* языков. В этих словах чувашско-булгарского типа до сих пор наблюдается сохранение долгого корневого гласного. Гомбоц в своих работах дает большое количество примеров подобных слов.

Долгота гласного звука оказала влияние и на место ударения в чувашском языке. В отличие от других тюркских языков, где ударение падает в основном на последний слог, в чувашском языке оно, по мнению автора, стремится к первому слогу. Как известно, в системе гласных звуков чувашского языка присутствуют редуцированные гласные (в кириллической орфографии они обозначаются, как *ă* и *ĕ*). Место нахождения ударения в чувашских словах зависит от наличия в них подобных гласных. Поппе, сравнивая чувашский язык с халаджским языком, приходит к мнению, что чувашское ударение в целом отражает пратюркское ударение, так как ударные слоги в чувашском языке соответствуют слогам с долгими гласными в халаджском языке: чув. *ura* «нога» < халадж. *adâk*, чув. *ala* «решето» < халадж. *elgĕk*, чув. *a'nsîr* «узкий» < халадж. *ênsez*. Автор справедливо отмечает, что данные чувашского языка, в тех случаях, когда в корне слова ударным оказывается первый слог по причине того, что гласные остальных слогов являются краткими, представляются очень интересными в свете развития долгих звуков в корнях слов в прототюркском и пратюркском языках.

Следующим вопросом, который рассматривает Эмине Йылмаз в своей статье, является место данных чувашского языка в установлении закрытого *e* как отдельной фонетической единицы в тюркских языках.

Споры о наличии либо отсутствии закрытого *e* в качестве отдельной фонетической единицы в тюркских языках не стихают со времени первого прочтения древнетюркских рунических памятников. В алфавитах, которые пришли на смену древнетюркскому алфавиту, – уйгурском и арабском в случае, если в корне присутствует закрытый гласный *e*, он передается не буквой *y*, а буквой *i*. Принято считать, что к традиционной системе оппозиций из восьми гласных фонем в тюркских языках, можно добавить еще одну, девятую фонему, выпадающую из общепринятой схемы – закрытый *e*. В прототюркском языке этот гласный в большинстве случаев долгий, но иногда употреблявшийся и в краткой форме, составлял оппозицию открытому гласному *e*, и считается по этой причине отдельной фонемой: **ĕr-* «достигать»/ **ĕr* «утро», *yĕl-* «суетиться»/ *yĕl* «ветер» и др.

Долгий закрытый гласный *e* в разных видах присутствует в современных тюркских языках. В литературном азербайджанском языке закрытый *e* состоит в фонематической оппозиции с открытым *e*: *er* «мужчина»/ *ĕr* «утро», *el* «рука»/ *ĕl* «страна, государство» и др. Подобную оппозицию мы можем наблюдать и в турецких говорах, однако в стандартном литературном языке эта оппозиция отсутствует.

Несколько иная картина наблюдается в туркменском и якутском языках. Здесь закрытый *ĕ* соответствует *i*, а открытый *e* – *á* либо *ie*. Такие же переходы обнаруживаются и в чувашском языке: **e>a*, **ĕ>i>í*: *sekiz>sakîr* «восемь», *inek>ine* «корова» и др. Древнебулгарские заимствования в венгерском языке подтверждают эти соответствия.

Третья, заключительная часть статьи Э. Йылмаз посвящена вопросу установления качества заднеязычного согласного в аналоге корня слова в пратюркском языке (глухой *k* либо звонкий *g*). Автор утверждает, что в этом могут помочь факты чувашского языка, развитие согласных *k/g* в середине и в конце корня в чувашском языке.

Общетюркский *-g-*, соседствующий со звуками *r*, *l*, в чувашском языке обычно соответствует *-h-*. Пратюркский звук *-g-* в чувашском языке либо совсем выпал, либо преобразовался в звук *v*. Исходя из этого, автор утверждает, что звук *-h-* в современном чувашском языке и звук *-g-* в общетюркском языке вероятнее всего соответствовали в пратюркском и прототюркском языках звуку **-k-*. Факты монгольского языка подтверждают, что в начале слова должен быть звук *k*, а не звук *g*: чув. *hîlha* «ухо» < **kulka* = монг. *kulki* «ушная сера», чув. *hîrhi* «сыч, сова» < **kîrkuy*, чув. *pîlhan-* «становиться мутным» < **bulkan-*, чув. *śîrha* «иноходец» < **yorka*.

Общетюркский *-k* в ауслауте обычно выпадает, что является характерным только для чувашского языка: чув. *atĭ* «сапог» < *etük, чув. *ine* «корова» < *inek, чув. *pirśa* «горох» < *burçag < *burçak и др.

Выпадение конечного *-k* наблюдается также и в тюркских заимствованиях венгерского языка. Однако он может и сохраняться: венг. *tyúk* «курица» < чув. *çih* < древн. чув. *taguk. То, что в венгерском и в чувашском языках конечный согласный звук *-k* выпадает, могло бы послужить аргументом исчезновения в древнечувашском языке оппозиции *g и *k, однако сохранение в некоторых случаях этого звука делает подобный аргумент не столь убедительным. Скорее всего, здесь присутствует другое решение. Явление выпадения чувашского *k тесно связано с выпадением *g. Здесь можно установить следующие соответствия:

1. Общетюркский *-k* = чувашский *-k/-h* = монгольский *-k*.

2. Общетюркский *-k* = чувашский $\emptyset$ = монгольский *-g*.

Другими словами, если в первом случае мы можем наблюдать первичный согласный звук *k, то во втором случае будет первичный *g.

Число общих слов, которые можно использовать при сопоставлении данных звуков в общетюркском, чувашском и монгольском языках, невелико. Но чувашский язык дает необходимый материал для определения качества конечных заднеязычных звуков *k/g* в других тюркских языках.

Положения, которые Эмине Йылмаз выносит в своей статье на обсуждение, и ее попытки решить некоторые вопросы происхождения звуков в тюркских языках на основании данных чувашского языка заслуживают самого пристального внимания. Автор в большинстве случаев обоснованно объясняет развитие и изменение тех или иных звуков, опираясь на фонетическую систему современного чувашского языка. Это еще раз доказывает необходимость использования чувашского языкового материала в исследованиях по истории тюркских и алтайских языков. И хотя многие вопросы, поставленные автором, еще далеки от своего окончательного решения, статья госпожи Йылмаз несомненно окажет большую помощь в поиске ответов на эти вопросы. Как указано в заглавии статьи, она является первой в ряду статей, посвященных месту чувашского языка в сравнительно-историческом изучении тюркских языков. Смеем надеяться, что последующие статьи автора будут подготовлены на таком же высоком научном уровне.

АННОТАЦИЯ

ЧГВ, 2011 г., № 6

© Э.Е. Лебедев. Аннотация на статью: İbrahim Arıkan. Çuvaşça Türkçesinde Dilbilgiselleşen Bir Fiil: *târ-*: Modern Türklük Araştırmaları Dergisi. Cilt 8, Sayı 2 (Haziran 2011), ss. 36–62 – Ankara: Ankara Üniversitesi (Ибрахим Арыкан Грамматикализация глагола *târ-* в чувашском языке: Статья в журнале «Современные исследования по тюркологии». Том 8, № 2 (Июнь 2011), С. 36–62 – Анкара: Анкарский университет)

Статья подготовлена докторантом отделения современных тюркских языков Анкарского университета Ибрахимом Арыкан. Издана в периодическом журнале Анкарского университета «Исследования по современной тюркологии» в июне 2011 г.

Работа состоит из трех частей: введения, где изложены основные теоретические положения и история изучения вопроса, основной части и выводов. В конце статьи даны списки сокращений и использованной литературы.

Первый параграф введения посвящен истории изучения явления грамматикализации в языкознании и рассмотрению теории исследования вопроса. Он называется «Грамматикализация как процесс языковых изменений». Здесь автор затрагивает историю появления самого термина «грамматикализация» и рассуждает о значении этого термина. Впервые он был использован известным индоевропеистом, французским ученым А. Мейе. Под этим термином понимается процесс изменений в языке, при которых та или иная лексическая единица, не имеющая либо никаких грамматических функций, либо имеющая подобные функции в очень малом объеме, переходит в разряд единиц, обладающих грамматическими функциями в полном объеме. Другими словами, это процесс перехода полнозначных слов, относящихся к таким частям речи, как, например глагол или имя существительное, в разряд вспомогательных глаголов, наречий и других «менее полнозначных» лексических единиц, и, возможно, в дальнейшем в состояние морфологического показателя, аффикса.

Особым видом процесса грамматикализации является образование вспомогательных глаголов. Во втором параграфе введения автор более подробно рассматривает вопросы данного вида грамматикализации. Первым, кто ввел в 1968 г. в лингвистический оборот термин «образование вспомогательных глаголов» (англ. *Auxiliation*), был Э. Бенвенист. Под этим термином понимается процесс перехода полнозначных глаголов в состояние служебных единиц, передающих грамматические значения. Причин для такого перехода достаточно много. Но в любом случае сам процесс практически всегда можно разбить на так называемые цепочки грамматикализации. Эти цепочки просматриваются в исторической ретроспективе. Каждое их звено отражает отдельный этап грамматикализации. Процесс приобретения глаголом грамматического значения времени, аспекта или модальности (основных значений, передаваемых вспомогательными глаголами) можно разбить на четыре основные ступени. Каждая из этих ступеней характеризуется следующими явлениями: десемантизация (либо расширение значения), декатегоризация, клитикизация и звуковая эрозия (либо звуковые изменения). В статье подробно разбирается каждое явление, сопровождающее процесс перехода полнозначной глагольной лексемы в разряд вспомогательных глаголов. Теоретической базой этого разбора

Эдуард Евгеньевич Лебедев – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: edlebed@gmail.com.

послужили труды современных лингвистов – В. Heine, P.J. Hopper, E.C. Traugott, M. Haspelmath, F. Gökcе и др. Завершая второй параграф введения, автор подчеркивает, что рассмотренные им здесь ступени грамматикализации совсем необязательно будут полностью соответствовать тем этапам образования вспомогательных глаголов, которые существуют в тюркских языках, где очень часто эти этапы не обладают подобной полнотой.

Основная часть статьи называется «Глагол *tǎp-* в чувашском языке». Она также делится на два параграфа: «Объем лексических значений глагола *tǎp-*» и «Грамматические функции глагола *tǎp-* в чувашском языке».

В первом параграфе рассмотрены лексические значения глагола *tǎp-*. Как и во всех других тюркских языках основным лексическим значением этого глагола в чувашском языке является «вставать на ноги, стоять». Однако, помимо этого, он может передавать и другие значения. Для того, чтобы лучше понять процесс грамматикализации глагола *tǎp-*, необходимо остановиться подробнее на его возможных лексических значениях, так как первый этап грамматикализации – расширение лексического значения, либо лексическая десемантизация. Автор статьи, разбирая вопрос о лексических значениях рассматриваемого глагола, опирается на два труда, в которых представлены его значения и этимология – это «Этимологический словарь чувашского языка» (1964) В.Г. Егорова и двухтомный «Этимологический словарь чувашского языка» (1996) М.Р. Федотова. Среди значений, указанных в этих словарях, есть такие, как «стоять», «вставать», «стоить» (у В.Г. Егорова), «оставаться», «находиться», «жить» и др. (у М.Р. Федотова). Но все же в наиболее полной форме лексические значения глагола *tǎp-* перечислены у Н.И. Ашмарина в его 17-томном словаре «Словарь чувашского языка», где им приводится 32 (!) значения этого глагола. И. Арыкан справедливо отмечает, что, несмотря на такое количество значений, все они достаточно близки друг другу по своей основной семантике.

Второй параграф основной части посвящен собственно грамматическим функциям глагола *tǎp-*. Первую попытку анализа грамматических функций этого глагола мы встречаем у Н.И. Ашмарина в его классических трудах «Материалы для исследования чувашского языка» (1898) и «Опыт исследования чувашского синтаксиса. Часть 2» (1923). Хотя еще до него об этом явлении упоминает другой классик тюркологии Й. Буденц в статье «Csuvas Közlések És Tanulmányok II» (1862).

Интересны замечания автора об ошибке в переводе формы глагола *tǎp-*, которая приводится в первой научной грамматике по чувашскому языку «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка» (1769). Здесь этот глагол представлен в первом лице настоящего времени в форме понудительного залога – *tǎpamatǎn* и переводится на русский язык «становлюсь», что, конечно же, является не совсем точным переводом, не учитывающим значение понудительности. И. Арыкан отмечает, что на ошибки в передаче чувашских звуков при написании многих слов указывает и Л.П. Сергеев в своей работе «XVIII ёмёрти чăваш сырулăхĕн палăкĕсем» (2004). Так, например, бросается в глаза, что чувашский глагол *tǎp-* очень часто даже в более поздних памятниках XIX в. передается в общетюркской форме *tur-* (см. перевод на чувашский язык Псалтыря 1858 г.). Не избежал подобных ошибок и Й. Буденц, в чьей работе «Reguly Csuvas Példamondatai» (1863) глагол *tǎp-* записан как *tur-*.

Второй параграф основной части статьи И. Арыкана разбит на два пункта. В первом из них (2.2.1.) описывается функционирование глагола *tǎp-* как показателя категории сказуемости при именных частях речи. Свое описание автор сопровождает обилием примеров, взятых из образцов чувашской художественной литературы и народного творчества. Из представленных примеров видно, что подобную функцию глагол *tǎp-* выполняет в грамматикализованной форме настоящего времени, третьего лица, единственного числа – *tǎpateľ*, являясь при этом как бы своеобразным глаголом-связкой (тур. *kopula*). Автор предлагает нашему вниманию краткий обзор теоретических положений по вопросу о глаголах-связках, используя труды таких ученых, как D. Crystal, R. Pustet. Полемизируя с R. Pustet, И. Арыкан пишет, что в чувашском языке глагол-связка *tǎp-* в форме *tǎpateľ* употребляется только для передачи значения предиката суждения и никоим образом не является причиной для изменения каких-либо значений в структуре порядка слов.

Многочисленные примеры такого использования глагола *тӑр-* приводятся в словаре Н.И. Ашмарина. Анализируя эти примеры, автор приходит к выводу, что *тӑр-* здесь уже прошел первый этап грамматикализации – лексическую десемантизацию или расширение лексического значения и находится на втором этапе – этапе декатегоризации. Отмечена также интересная особенность этого употребления глагола: как правило, это высказывания о состоянии погоды: *кун сивӗ тӑрать*.

Второй пункт «Функции вспомогательного глагола *тӑр-*» (2.2.2.) разбит на два подпункта: «Функции формы *-a/-e + тӑр-*» и «Функции формы *-ca/-ce + тӑр-*».

Описание функций двух аналитических форм автор предваряет кратким обзором работ Н.И. Ашмарина и М.Р. Федотова, где встречаются анализ вспомогательной функции глагола *тӑр-* и история происхождения настоящего времени в чувашском языке от этого глагола. Основным значением аналитических форм со вспомогательным глаголом *тӑр-* является продолжительность действия. Именно это значение наряду с функцией показателя настоящего актуального действия рассматривает И. Арыкан в подпунктах 2.2.2.1. и 2.2.2.2.

Аналитическая форма *-a/-e + тӑр-* в чувашском языке по сравнению с формой *-ca/-ce + тӑр-* менее употребительна. Но в отличие от второй формы она полностью соответствует аналогичным формам в других тюркских языках. Чувашская форма деепричастия *-a/-e* чаще всего используется в редуцированном виде: *сута-сута*, *ташла-ташла* и др. Очень часто это деепричастие выполняет функцию связи двух глаголов. Как подметил Н.И. Ашмарин, в этих случаях обычно речь идет о состоянии смущения и растерянности: *тӗлӗне юлчӗ, алӑсем сыхлана тӑраҫҫӗ* и др.

Форма *-a/-e + тӑр-* представляет собой типичную аналитическую форму, в которой основное лексическое значение передается деепричастием, а вспомогательный глагол выражает аспектуальное (акционсартовое) значение продолжительности совершения действия, тем самым, являясь грамматикализованным элементом конструкции. Автор справедливо замечает, что хотя Н.И. Ашмарин в своей работе «Опыт исследования чувашского синтаксиса. Часть 2» (1923) привел большое количество примеров с этой формой, в разделе, посвященном вспомогательному глаголу *тӑр-*, упоминания о ней нет. Отмечается также, что в этой работе встречаются примеры, где вспомогательный глагол в рассматриваемой форме – показатель настоящего актуального действия: *Вӑл хӑй укҫа иле тӑрать, тарҫисем тавар виҫе тӑраҫҫӗ, ҫапах та лавккинчен этем пӗртте чакмасть*.

Такие же функции, аспектуальную (продолжительность совершения действия) и временную (настоящего актуального действия), имеет форма *-ca/-ce + тӑр-* (2.2.2.2.). Деепричастный показатель *-ca/-ce* соответствует аффиксу *-ыл* и, в какой-то степени, форманту *-арак* в других тюркских языках, употребляясь в тех же самых значениях. Однако в данном случае, играя роль первого компонента аналитической формы, он служит связующим звеном между основным и вспомогательным глаголами.

Автор приводит примеры с этой формой из работ Ашмарина, отмечая при этом, что отдельно форму *-ca/-ce + тӑр-* ученый нигде не рассматривает. В некоторых из этих примеров деепричастие на *-ca/-ce* употребляется с усилительной частицей *-ах/-ех*: *Вӗсене ырлӑх тусан та вӗсем сана хурлӑх тума шухӑшласах тӑраҫҫӗ*. В этих случаях форма передает значение продолжительного действия, которое происходит без каких-либо интервалов.

Примеры со значением настоящего актуального действия взяты И. Арыкан из Псалтыря 1858 г.: *Турӑ! Эс ман сасса ирех илтетӗн, ирех сан умӗнче эп кӗтсе тӑратӑн* и др., и из работы Ашмарина 1923 г.: *Эпир ку таранчен сывӑрса тӑратӑр* и др. Особо отмечается, что в современном чувашском языке эта форма, в отличие от формы *-a/-e + тӑр-*, встречается очень часто.

В разделе «Выводы» автор подводит краткий итог своего исследования. В результате анализа чувашских текстов, изданных в конце XIX – начале XX в., а также современных текстов, можно сделать вывод, что глагол *тӑр-* в чувашском языке часто встречается в грамматикализованной форме, передавая при этом значения продолжительности действия и настоящего актуального действия, либо в форме глагола-связки со значением сказуемости.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

АРТЕМЬЕВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ

(К 70-летию со дня рождения)

«Учитель, перед именем твоим...»

Н. Некрасов

30 января 2011 г. исполнилось 70 лет со дня рождения видного чувашского ученого, доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой русской литературы Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова Юрия Михайловича Артемьева.

Ю.М. Артемьев родился в 1941 г. в с. Тобурданово Канашского района Чувашской АССР. В 1948–1958 гг. учился в местной средней школе. Любовь к Слову, интерес к литературе у мальчика зародились рано. И вполне закономерно, что делом всей своей жизни Юрий Михайлович избрал филологию (гр. *phileo* люблю + *logos* слово). С четвертого класса он пристрастился к чтению, а к седьмому классу прочитал весь фонд сельской и школьной библиотек, начал посещать литературный кружок, печататься в школьной стенгазете. Увлекался русской классикой, писал блистательные сочинения на чувашском языке, с пятого класса любил уроки немецкого языка. Небольшие знания немецкого к этому времени у Юрия уже были – дед со стороны матери В.И. Вазинге, прошедший войну, хорошо знал язык и передавал свои знания внуку. Он оказал огромное влияние на формирование мировоззрения внука в целом: уважаемый в селе человек, превосходный рассказчик («нарратор» – Ю.М. Артемьев), знающий несколько языков. В трудные послевоенные годы Юрий и дрова заготавливал, и скотину пас, и зерно возил на Канашский элеватор.

После окончания средней школы он два года трудился на железной дороге г. Омска ремонтным рабочим, телефонистом. В 1961–1964 гг. служил в рядах вооруженных сил в Казахстане. Здесь, вдали от родной культуры, юноша впервые серьезно задумывается о том, что такое *чăвашлăх* (чувашское). Слушая казахские песни, вспоминал свои родные напевы. Будучи солдатом, в минуты досуга совершенствовал навыки игры на баяне, усвоенные от отца.

Учеба на историко-филологическом факультете Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина (1964–1969) стала прочным духовно-нравственным фундаментом для формирования личности Юрия. Студент-первокурсник учился в экспериментальной группе французского языка. В студенческие годы увлекся и другими романскими языками: испанским, итальянским, много переводил, обогащал свой словарный запас. К слову, любовь к французскому языку у ученого сохранилась до сегодняшних дней. Он переводит с французского на чувашский рассказы и эссе А. Доде, А. Моруа, публикует их в местной печати. В мае 2007 г. Ю.М. Артемьев посетил Париж, пешком обошел город, прикоснулся к ценностям великой культуры, общался с парижанами на их родном языке... Но тяга к родному слову у будущего ученого всегда была сильнее. Он активно участвовал во встречах с чувашскими писателями, которые постоянно приезжали в университет. На третьем курсе способному студенту разрешают обучаться по индивидуальному плану. Он начинает изучать творчество гениального чувашского поэта К. Иванова, пишет дипломную работу на тему «Творчество К. Иванова и чувашский романтизм». Это было смелым шагом: в то время романтизм трактовали только в негативном ключе. Теме К. Иванова Ю. Артемьев остается верен в течение всей своей жизни: им написано немало работ, в которых раскрываются различные грани таланта великого поэта. В частности, он глубоко раскрыл особенности романтического мироощущения автора «Нарспи», дал новую интерпретацию природе конфликта и т.д.

После окончания университета в 1969 г. Ю. Артемьева приглашают в Чебоксары – в Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (ныне – Чувашский государственный институт гуманитарных наук – ЧГИГН). Молодому сотруднику сразу же поручают расшифровать рукопись воспоминаний И.Я. Яковлева, составить из разрозненного материала связный текст. Ю. Артемьев подготовил к печати 25–30 авторских листов мемуарного текста. Именно этот материал лег в основу книги «Яковлев И.Я. Воспоминания», вышедшей в Чувашском книжном издательстве в 1982, 1983 гг., а впоследствии – и книги «Яковлев И.Я. Моя жизнь: Воспоминания. М.: Республика» (1997). К сожалению, в изданиях 1982, 1983 гг. имя основного составителя вообще не упоминается. В предисловии издания 1997 г. оговорено, что в составительской работе «принимал участие научный сотрудник института Ю.М. Артемьев» (с. 37). По просьбе литературоведа Г.Я. Хлебникова готовит к печати написанный им раздел «Хальхи тапхърти чăваш литератури (1954–1967)» для известной книги «Чăваш совет литератури» (1972) (переводит рукопись, написанную на русском языке). В 1971 г. институт направляет перспективного сотрудника на учебу в аспирантуру Института мировой литературы им. М. Горького в Москву. Три года проживания в Москве углубили его знания, способствовали становлению как ученого. В 1977 г. он защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему «Становление социалистического реализма в чувашской литературе». Она станет основой книги, вышедшей в том же году в Чувашском книжном издательстве. В институте Ю.М. Артемьев работает до 1980 г. младшим, старшим научным сотрудником отдела литературы и фольклора (ныне – литературоведения и фольклористики). Помимо создания серьезных научных статей, он часто выступает в республиканской периодической печати с ежегодными обзорами прозы.

В 1978 г. Ю.М. Артемьева принимают в Союз писателей СССР, а через два года чувашские писатели на своем съезде избирают его заместителем председателя правления Союза писателей Чувашской АССР (работает в этой должности с июня 1980 по апрель 1984 г.). В эти годы активно участвует в решении многих актуальных литературно-творческих проблем. Его острые выступления с разных трибун по вопросам расширения тематики и проблематики литературных произведений, их жанров, повышения мастерства запоминаются многим. Артемьева включают в состав комиссии по критике Союза писателей РСФСР. Он активно участвует в семинарах молодых российских критиков, печатается в коллективных сборниках «Сверстники» (Москва, 1982, 1985). В республиканской прессе критик поднимает полемические вопросы современного литературного процесса. Такая направленность творчества характерна в целом для всех научных работ Ю.М. Артемьева. Конечно же, отнюдь не случайно одна из его книг увидела свет под названием «Страсть к полемике» (2003). Объектом пристального внимания исследователя в научных трудах и статьях в периодической печати становятся творчество А. Артемьева, В. Алендея, Е. Еллиева, Ю. Скворцова, Хв. Уяра, И. Тхти, Л. Таллерова, А. Емельянова, Хв. Агивера, В. Игнатьева и многих других прозаиков, классиков чувашской поэзии – К. Иванова, М. Сеспеля, В. Митты. В конце 1970-х и в 1980-е гг. он немало публикуется в межрегиональных и центральных изданиях («Литературное обозрение», «Литературная Россия», «Филологические науки», «Дружба народов», «Волга»), анализирует творчество чувашских писателей в общероссийском контексте, творчество писателей соседних регионов.

В творениях Юрия Артемьева проявился «раскованный дух» чувашской литературоведческой, шире – гуманитарной мысли. Стиль его мышления определяют «*арĕк шухăйшем*» (букв. «свободные мысли»). Это также означает ответственность за каждое слово, написанное им: «называние вещей своими именами», соблюдение этических и эстетических постулатов. В молодые годы Ю. Артемьева за независимость в суждениях ставили в оппозицию к официальной науке. Но в большинстве случаев публиковали, ибо это всегда было свежо и доказательно. Зрелый Ю.М. Артемьев остался верен самому себе, своим принципам и литературе. Являясь энциклопедически образованной личностью, он свободно ориентируется в пространстве смежных наук: философии, истории, эстетики, культурологии, искусствоведения. Национальный литературный процесс и творчество того или иного писателя он, как правило, анализирует в контексте общероссийском и даже – мировом.

Фундаментальным исследованием Ю.М. Артемьева является монография «XX ёмёр пусламăшĕнчи чăваш литератури (1900–1917 çç.)» (1992), которая была переиздана через четыре года («Ёмёр пусламăшĕ», 1996). В книге содержится совершенно новый взгляд на развитие литературы обозначенного периода. Впервые ученый вводит в научный оборот большое количество ранее не исследованного материала. В частности, здесь впервые представлен объективный анализ творчества Г. Коренькова, Т. Кириллова, Г. Комиссарова (Вандера) в контексте истории чувашской литературы.

Как совершенно справедливо отмечает языковед Г.А. Дегтярев, литературовед Ю.М. Артемьев своими трудами развивает научный стиль современного чувашского языка. Его стиль ярок, изыскан, информативен, глубок. В работах, написанных на чувашском языке, особенно в критических статьях, обнаруживаем даже некоторую близость его научного стиля к стилю художественной литературы. Чтение этих работ доставляет также и эстетическое удовольствие. Они легко воспринимаются обычным читателем: Ю.М. Артемьев умеет объемную информацию излагать доступно, пробудить мысль у читателя. В то же время в них, как правило, содержится и более сложный уровень информации, адресованный проницательному и подготовленному читателю. Не удивительно, что и сам Юрий Михайлович увлекается литературным творчеством: в частности, он является автором сатирических и юмористических миниатюр, некоторые из них публиковались в журнале «Капкăн» (Капкан), газете «Хыпар» (Хыбар). Чувство юмора, ирония и самоирония являются неотъемлемыми качествами личности самого Ю.М. Артемьева. Ученому присущи стремление к объективности в оценке литературных (и любых других) фактов, уважительное отношение к коллегам. Его устные выступления представляют собой образцы риторического искусства: они отличаются аргументированностью и взвешенностью суждений.

Юрий Михайлович поддерживает здоровый образ жизни. В своем жизненном распорядке ученый находит время и для ежедневной зарядки, и для плавания, и для легкой атлетики, и для волейбола, и для лыж. Он убежден, что без любви к физическому труду, без продуманного чередования умственного и физического труда невозможно себя реализовать, сохранить творческое долголетие, оптимизм. Для Ю.М. Артемьева характерно, пожалуй, стремление к гармонии во всем (неспроста ему ближе аполлоническое, светлое начало в искусстве и культуре).

Около тридцати лет (с 1982 г.) Юрий Михайлович трудится в Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова. Начинал с должности ассистента кафедры русской и зарубежной литературы, затем работал старшим преподавателем, доцентом. В 1993 г. в Институте мировой литературы им. М. Горького блестяще защитил докторскую диссертацию на тему «Просветительство и развитие чувашской литературы». Эта работа стала значительным вкладом в развитие гуманитарной науки Чувашии. С 1994 г. и по настоящее время Ю.М. Артемьев является профессором, заведующим кафедрой русской литературы Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова. За период работы в университете Юрий Михайлович разработал курсы «Литература народов СНГ», «Литература народов России», «История чувашской литературы», «История русской литературы 19 в.» и др. На кафедре сформировал научную школу «Литературные связи. Традиции и новаторство». Многие делает ученый и для школы. Его учебник «Чувашская литература» (2003) является единственным учебником литературы для старших классов русскоязычной школы. Профессор Артемьев никогда не отказывается от встреч с учащимися и учителями школ. Встречи с ним запоминаются на всю жизнь.

Ю.М. Артемьев – член диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций при факультете чувашской филологии культуры, специализированного совета по философским наукам при Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова, член общеуниверситетского научно-технического совета, член ученого совета ЧГИГН. Им подготовлено 6 кандидатов наук. Научная и педагогическая работа ученого успешно дополняется деятельностью в различных экспертных советах и редакционных коллегиях. Он является членом Комиссии по Государственным премиям в области литературы и искусства Чувашской Республики, членом консультативного совета при Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Чувашской Республике, членом редакционного совета и редколлегии многотомной Чувашской энциклопедии.

В числе последних работ ученого – научное редактирование тома «Писатели» серии «Библиотека Президента Чувашской Республики» (2009) и книга «Чӑн тӗпере сич сӑлтӑр» (Семь этюдов, 2010). В первой книге он является также автором очерков о В. Алендее, А. Емельянове, Ф. Уяре. В книге «Семь этюдов» впервые в национальном литературоведении явлена вертикаль литературного наследия чувашского народа, представлен его ценностный анализ. Она вызвала бурные дискуссии в среде творческой интеллигенции республики.

За многолетний писательский труд и значительный вклад в развитие чувашской и российской литературы Ю.М. Артемьев награжден Почетной грамотой Союза писателей Российской Федерации (2001). За заслуги в области образования ему присвоено звание «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» (2011). У Ю.М. Артемьева есть также высочайшая, пожалуй, награда для Ученого или Писателя – безусловное признание его Слова, его авторитета.

В 2011 г. статья о Ю.М. Артемьеве включена в национальный фонд биографических исследований (Who is Who в России) Международной коллекции энциклопедий.

Основные научные труды

К вопросу о художественном мастерстве К.В. Иванова в поэме «Нарспи» // Учен. зап. ЧНИИ. Вып. 49. Чебоксары, 1970. С. 143–164.

Некоторые элементы революционного романтизма в поэзии М. Сеспеля // Учен. зап. ЧНИИ. Вып. 51. Чебоксары, 1970. С. 163–170.

Годы и люди // Литературное обозрение. 1973. № 2. С. 83.

На подступах к новому творческому методу // Труды ЧНИИ. Вып. 59. Чувашский язык и литература. 1975. С. 163–175.

1975 сӑлхи проза пирки шухӑшлани // Труды ЧНИИ. Вып. 67. Чувашский язык и литература. 1976. С. 99–120.

1976 сӑлхи чӑваш прози // Труды ЧНИИ. Вып. 77. Чувашский язык и литература. 1977. С. 112–137.

Становление социалистического реализма в чувашской литературе. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1977. 158 с.

Илья Ефимович Ефимов (Тӑхти) (Критикапа биографи очеркӗ) // И. Тӑхти. Поэзи. Проза. Публицистика. Шупашкар: Чӑваш кӗнеке изд-ви, 1979. С. 6–16.

Проблемы и характеры в произведениях современной чувашской прозы // Проблемы творческого метода в чувашской литературе: сб. статей ЧНИИ. Вып. 95. Чебоксары, 1979. С. 61–97.

Этем тивӗсӗ: критикалла статьясен пуххи. Шупашкар: Чӑваш кӗнеке изд-ви, 1980. 112 с.

Горизонты удмуртской прозы // Литературная Россия. 1982. 2 июля. (Рец. на книгу «Современная удмуртская проза». Ижевск, 1981.)

Счастье творческого беспокойства (А. Емельянов) // Сверстники: сборник статей молодых критиков. М.: Современник, 1982. С. 148–158.

Пурӑс чӑнлӑхӗпе сӑнарсен илемӗшӗн: критика статийсемпе рецензисем. Шупашкар: Чӑваш кӗнеке изд-ви, 1984. 128 с.

Заметки на полях прозы о деревне // Волга. 1985. № 7. С. 153–156.

Наступит ли «второе дыхание» у прозы о деревне? (Заметки о литературах Поволжья) // Сверстники: сборник статей молодых критиков. М.: Современник, 1985. С. 73–79.

Образная система поэмы К. Иванова «Нарспи» // Художественный образ в чувашской литературе и искусстве. Чебоксары, 1987. С. 69–83.

Ытарайми пурӑс тӗсӗсем: статьясемпе тӗрленчӗксем. Шупашкар: Чӑваш кӗнеке изд-ви, 1988. 126 с.

Тӑван халӑхсӑр пурӑсӑм сук [И. Тӑхти суралӑранпа 100 сӑлтӑр май]. Шупашкар, 1989. 30 с.

Ирӗк шухӑшсем: критика статийсем. Шупашкар: Чӑваш кӗнеке изд-ви, 1991. 207 с.

- Капши чăваш – хай патша: Наукăпа культура ыйтăвĕсем тавра // Хыпар. 1992. Январь. 6, 9-мĕшĕсем.
- XX ĕмĕр пуçламăшĕнчи чăваш литератури (1900–1917 çç.). Шушапкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1992. 253 с.
- Ĕмĕр пуçламăшĕ (1900–1917 сусленчи чăваш литература историйĕн очеркĕ). 2-мĕш кăларăм. Шушапкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1996. 293 с.
- Методологические маргиналии // Известия НАНИ Чувашской Республики. 1996. № 5. С. 11–24.
- Петĕр Хусанкай эткерĕ – наци пуянлăхĕ // Известия НАНИ Чувашской Республики. 1997. С. 50–61.
- Перечитывая Яковлева // Народная школа. 1998. № 2. С. 1–11.
- Мятежный дух «чувашского Авакума»: О жизни и деятельности известного просветителя чувашского народа Д. Филимонова // Известия НАНИ Чувашской Республики. 2000. С. 3–17.
- От какого наследства мы отказываемся? // Диалог культур: проблемы художественно-го сознания чувашского народа. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. С. 29–50.
- И.Я. Яковлев и некоторые особенности формирования литературно-художественного сознания чувашского народа // И.Я. Яковлев и проблемы яковлеведения. Чебоксары: ЧГИГН, 2001. С. 42–53.
- Дионисийские черты в поэтическом мировосприятии Михаила Сеспеля // Народная школа. 2002. № 5. С. 42–45.
- Наследие И.Я. Бичурина в контексте развития современной культуры // Известия НАНИ Чувашской Республики. 2002. № 5 / 2003. № 1. С. 5–11.
- Страсть к полемике: статьи, рецензии. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. 194 с.
- Чувашская литература: Учебник для 10–11 классов русскоязычных школ. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 2003. 238 с.
- Из опыта создания учебника по истории чувашской литературы для русскоязычной аудитории // Ашмаринские чтения: Материалы межрегион. науч. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. С. 150–156.
- «Мой творческий путь – это узкая просека» [о Е. Еллиеве] // *Еллиев Е.В.* Ворота. Рассказы, письма. Чебоксары: ЧГИГН, 2007. С. 5–9.
- О трагедийной основе поэмы «Нарспи» // Известия Академии наук Чувашской Республики. 2008. №1. С. 208–215.
- Поиск национальной идеи (Поэт и эпоха) // Сăмах. Слово: 2009. Материалы конференций. Исследования. Из архивных материалов. Чебоксары, 2010. С. 31–47.
- Чăн тўпере сич çăлтăр: критикаллă статьясем. Шушапкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2010. 255 с.
- Зигзаги судьбы Мастера [вст. статья] // *Скворцов Ю.И.* Избранное: повести, рассказы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. С. 3–9.
- Юрий Скворцов хайлавĕсенчи пурнăç урокĕсем // Халăх школĕ = Народная школа. 2011. № 3. С. 37–40.

В.В. Никифорова.

ВИКТОРОВ ВАЛЕРЬЯН НИКОЛАЕВИЧ

(К 60-летию со дня рождения)

12 августа 2011 г. исполняется 60 лет со дня рождения Валерьяна Николаевича Викторов, экономиста, государственного деятеля, доктора экономических наук, профессора, действительного государственного советника Российской Федерации 1-го класса.

Родился В.Н. Виктор в г. Канаш Чувашской АССР. Здесь на вагоноремонтном заводе трудился его отец – Н.И. Виктор: в 1946–1952 гг. Николай Ипатьевич работал бухгалтером, исполнял обязанности начальника финансового отдела завода, а после окончания в 1957 г. Московского института инженеров железнодорожного транспорта был назначен начальником компрессорно-кислородной станции, а затем главным энергетиком предприятия. В этом

городе Валерьян получил «путевку в жизнь» – окончил среднюю и музыкальную школы. Инженерная специальность отца повлияла и на выбор сыном профессии: в 1968 г. он поступил на физико-математический факультет Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (ЧГУ), который успешно окончил в 1973 г., став дипломированным физиком.

После окончания университета начал работать в родном вузе. Вскоре поиск жизненного пути привел В.Н. Викторова в НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (ныне – Чувашский государственный институт гуманитарных наук – ЧГИГН). Став научным сотрудником отдела экономики, молодой исследователь приступил к разработке проблем трудовых ресурсов Чувашской АССР. Одновременно вновь стал студентом – поступил в ЧГУ на историко-филологический факультет. В 1981 г. получил диплом историка. В 1980-е гг. вопросы, связанные с трудовыми ресурсами, были весьма злободневными, поскольку для повышения эффективности народного хозяйства необходимо было с максимальной отдачей использовать имеющуюся рабочую силу. Страна вступила в период, когда происходило снижение темпов роста численности населения и, следовательно, трудовых ресурсов. Экстенсивные методы хозяйствования практически исчерпали себя, и пришло понимание, что основное внимание следует уделять интенсивным методам использования как работников, так и оборудования. В.Н. Викторовым по заданию партийных и хозяйственных органов республики был выполнен ряд практических разработок, написаны научные статьи. В 1981 г. он совместно с Л.П. Кураковым и А.А. Зиминим, также занимавшимися схожими проблемами, издал в Чувашском книжном издательстве монографию «Население и трудовые ресурсы Чувашской АССР». Через пять лет, в 1986 г., увидела свет еще одна книга В.Н. Викторова под названием «Проблемы совершенствования воспроизводства новой рабочей силы». В данных трудах автор изложил свое видение проблем повышения эффективности экономики через рациональное использование на производстве знаний и умений как инженеров, так и рабочих. Данная тема многогранна и связана со многими сюжетами экономики, технологии, демографии, образования и социальной жизни. Остановимся только на одном из них, а именно, эффективном использовании образования на производстве. Изучение этих проблем имеет давние традиции. В России одним из первых их исследовал известный экономист, академик С.Г. Струмилин, который подсчитал реальный рост производительности труда в связи с повышением образования рабочих. Но к 1970-м гг. такая линейная зависимость практически перестала работать. Выяснение причин данного явления и стало одним из направлений исследований В.Н. Викторова. В ходе научных изысканий он пришел к выводу, что, выражаясь терминологией того времени, темпы технического перевооружения производства стали отставать от роста образовательного уровня рабочих. В связи с этим уровень квалификации и содержания труда консервировался, в то время как для образовательного потенциала было характерно постоянное повышение уровня. Иначе говоря, производство удовлетворяла ситуация, когда большинство рабочих имело образование, не превышавшее неполное среднее. С точки зрения технологической это определялось тем, что экономика страны находилась на индустриальной стадии развития, а постиндустриальные ее элементы имели ограниченные масштабы. С другой стороны, продолжал действовать хозяйственный механизм, сформировавшийся в основном в годы индустриализации, и все попытки его реформировать не имели особого успеха.

С началом «перестроечного» времени идеи В.Н. Викторова оказались весьма востребованными. Конечно, это был период экономического романтизма, когда многим казалось, что можно достаточно быстро и безболезненно демонтировать сложившиеся хозяйственные отношения и начать выстраивать рыночные, которые должны были действовать гораздо эффективнее. Жизнь оказалась сложнее схем. Но потенциал В.Н. Викторова как исследователя, имеющего достаточно четкие представления о том, как переложить теоретические построения в реальные хозяйственные программы, нашел практическое применение. Вначале он участвует в составлении ряда республиканских программ по повышению научно-технического потенциала республики, а затем, программы перехода Чувашской АССР на рыночные отношения, активно выступает на научно-практических конференциях, посвященных поискам путей перевода республики на экономическую самостоятельность и к хозрасчетным отношениям,

проблемам занятости населения и т.д. В 1991 г. ему было предложено занять должность первого заместителя председателя Государственного комитета Чувашской АССР по экономике, где он имел возможность соединить свои теоретические познания с реальной управленческой деятельностью. Его работа на этом посту хотя и была недолгой, но произвела значительное впечатление на политическую и хозяйственную элиту республики, и в феврале 1992 г. Верховным Советом республики он был назначен на должность руководителя правительства – Председателем Совета Министров Чувашской Республики. Надо отметить, что, согласившись занять этот высокий пост, Валерьян Николаевич не только показал уверенность в своих возможностях, но и проявил значительную смелость. Следует вспомнить, что в 1992 г. начались реформы, инициированные Е.Т. Гайдаром, прекратилось регулирование цен, начался обвал производства. Для республики было бы гораздо полезнее, если бы В.Н. Викторов начал руководить правительством хотя бы месяца на три-четыре раньше, но так сложились обстоятельства, что ему пришлось вникать в нюансы новой работы, когда государственное регулирование практически не действовало, приходилось на ходу принимать «пожарные» меры, спасая те или иные производства, трудовые коллективы и т.д. Кроме того, следует иметь в виду, что формирование правительства, которое производилось Верховным Советом Чувашии, затянулось на несколько месяцев, и исполнительный орган не мог в полной мере реагировать на быстро меняющиеся обстоятельства. Так сложилось, что значительная часть индустрии республики, в первую очередь, машиностроительный комплекс, находился в конце всесоюзной технологической цепочки и выпускал конечный продукт. Отсюда с неизбежностью следовало, что все проблемы, возникавшие на начальных стадиях производства той или иной продукции, постепенно умножались и «доставались» Чувашии в полном объеме.

Отмечу еще одну сторону проблемы. Это было время, когда исполнительная власть постоянно находилась под контролем законодателей, то есть Верховного Совета республики, и под прицелом журналистов, всегда была на виду. Ее недоработки, зачастую вызванные не собственными промахами, а внешними обстоятельствами, разбирались президиумом, комиссиями и сессиями парламента, а также критически освещались на страницах газет, в передачах радио и телевидения. Иногда критика была справедливой, но чаще и законодатели, и журналисты, не пытаясь вникнуть в суть проблем, ограничивались внешней стороной деятельности правительства и последнему доставалось «по полной программе».

Ситуация в экономике и социальной сфере была тяжелой, спад производства оказался значительным, но уже на второй год работы правительству, возглавляемому В.Н. Викторовым, удалось снизить темпы падения, причем заметно. Но вновь поменялась политическая ситуация: в Чувашии в декабре 1993 г. были проведены выборы Президента Чувашской Республики. В.Н. Викторов принял в них участие, заняв в первом туре третье место, набрав 18% голосов. Для председателя правительства, осуществлявшего проведение непопулярных среди населения реформ, это был очень хороший результат. Во второй тур вышли Н.В. Федоров и Л.П. Кураков, представлявшие оппозиционные настроения. По итогам голосования победил Н.В. Федоров. На этих же выборах избирался и Совет Федерации России, депутатом которого стал и В.Н. Викторов. Валерьян Николаевич был рекомендован на должность заместителя Председателя Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации. Депутаты верхней палаты Федерального Собрания тайным голосованием предпочли видеть на этом посту представителя Чувашии. После окончания срока полномочий Совета Федерации в январе–сентябре 1996 г. он был заместителем руководителя Администрации Президента Российской Федерации – начальником Главного управления Президента Российской Федерации по вопросам внутренней и внешней политики государства. В сентябре 1996 г. в Совете Федерации занял должность первого заместителя руководителя аппарата. Находясь на этом посту, курировал экономический блок деятельности российского сената. Мало кто знает, что ежегодный экономический форум в Санкт-Петербурге, на который съезжаются не только экономисты, но и государственные деятели из разных стран, в том числе и первые лица, начинал собираться по инициативе Совета Федерации, в частности и В.Н. Викторова, который до сегодняшнего дня играет в его организации и проведении заметную роль. То же можно сказать и о Байкальском международном экономическом форуме, на котором также происходит обмен мнениями, принятие практических решений, влияющих на реализацию экономической политики государства.

Не оставил В.Н. Викторов и теоретические исследования. Опыт его работы на высших государственных должностях был использован при написании докторской диссертации «Формирование системы управления на макроуровне государственными программами и крупными инвестиционными проектами в сфере природопользования», которая была успешно защищена в 1997 г. в Санкт-Петербургском государственном горном институте (техническом университете). Автор доказывал, что использованию инвестиционной активности в сфере природопользования необходимо придать целенаправленный, управляемый характер, создав соответствующий организационно-экономический механизм регулирования. Своей работой он развил современную теорию и методы управления, в том числе государственными инвестиционными программами. Актуальность темы обусловлена и тем, что в середине 1990-х годов было много сторонников свободного рынка, который практически должен обходиться без государственного регулирования. Подобные идеи популярны и сегодня, но правильность взглядов В.Н. Викторова доказала реальная экономическая практика, в том числе и мировой финансовый кризис 2008 г.

Заслуги В.Н. Викторова перед Отечеством отмечены высокими наградами – орденами «За заслуги перед Отечеством» IV степени, Почета, Дружбы, медалями. Он продолжает научную деятельность, активно сотрудничает с коллегами из Чувашии.

Основные научные труды

Современные социально-демографические процессы в Чувашской АССР // Современные социальные и этнические процессы в Чувашской АССР. Чебоксары, 1980. С. 26–55.

Социально-экономические проблемы использования рабочей силы в промышленности Чувашской АССР // Проблемы эффективности промышленного и строительного производства в Чувашской АССР. Чебоксары, 1981. С. 57–78.

Влияние совершенствования профессиональной ориентации на улучшение использования трудовых ресурсов // Проблемы совершенствования управления экономикой в Чувашской АССР. Чебоксары, 1981. С. 104–115 (в соавт.).

Повышение социальной эффективности воспроизводства рабочей силы // Социально-экономические проблемы управления кадрами в промышленности. Чебоксары, 1981. С. 3–50.

Население и трудовые ресурсы Чувашской АССР. Чебоксары, 1981. 128 с. (в соавт.).

Профессиональная адаптация и закрепление молодых рабочих на производстве // Управление трудовым коллективом. Чебоксары, 1982. С. 28–39.

Изменение образовательного и профессионально-квалификационного уровня занятого населения Чувашской АССР // Экономика ресурсов и эффективность производства в Чувашской АССР. Чебоксары, 1983. С. 101–119.

Экономические факторы развития технического творчества рабочих // Развитие научного и технического творчества трудящихся. М., 1983. с. 151–152.

Подготовка новой рабочей силы и формирование работников нового типа // Вопросы совершенствования подготовки кадров в народном хозяйстве. Чебоксары, 1984. С. 27–41.

Совершенствование подготовки кадров новых профессий // Вопросы совершенствования подготовки кадров в народном хозяйстве Чувашской АССР. Чебоксары, 1984. С. 93–111.

Влияние демографических процессов на воспроизводство новой рабочей силы // Проблемы управления трудовым коллективом. Чебоксары, 1984. С. 90–108.

Совершенствование управления трудом в бригадах промышленных предприятий // Коллективный подряд и эффективность производства в народном хозяйстве Чувашской АССР. Чебоксары, 1985. С. 93–117.

Трудовая активность работников промышленности и факторы ее повышения // Социально-экономические проблемы использования трудовых ресурсов. Чебоксары, 1986. С. 18–32.

Проблемы совершенствования воспроизводства новой рабочей силы. Чебоксары, 1986. 71 с.

Проблемы интенсификации воспроизводства рабочей силы в Чувашской АССР // Социально-экономические факторы повышения эффективности труда в народном хозяйстве Чувашской АССР. Чебоксары, 1987. С. 5–19.

Пути совершенствования экономического механизма рационального распределения и использования рабочей силы // Социально-экономические проблемы труда в Чувашской АССР. Чебоксары, 1988. С. 5–31.

Экономические закономерности высвобождения работников, их переподготовки и перераспределения // Социально-экономические проблемы совершенствования человеческого фактора. Чебоксары, 1989. С. 87–97.

Социально-экономическая активность человеческого фактора. Чебоксары, 1990. 134 с. (в соавт.).

Программа перехода Чувашской АССР на рыночные отношения. Чебоксары, 1990. 161 с. (в соавт.).

Чувашия на пороге рынка. Чебоксары, 1990. 96 с. (в соавт.).

Основные понятия рыночной экономики. Справочник. Чебоксары, 1991. 133 с. (в соавт.).

Проблемы рыночной экономики и механизмы их регулирования. Чебоксары, 1991. 147 с. (в соавт.).

Социально-экономические проблемы занятости в условиях рыночной экономики // Проблемы развития народного хозяйства в условиях экономической самостоятельности. Чебоксары, 1991. С. 3–18.

Борьба с неплатежами как способ противодействия экономическому кризису // Российский экономический журнал. 1994. № 7. С. 14–19.

Основные направления прогнозирования экономического и социального развития // Прогнозирование социально-экономического развития регионов в условиях рынка. Чебоксары, 1996. С. 37–57.

Формирование системы управления на макроуровне государственными проектами в сфере природопользования. М., 1997. 255 с.

Совет Федерации (1996–2000) в истории парламентаризма. М., 2001. 420 с. (в соавт.).

И.И. Бойко.

ВИКТОРОВ ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

(К 70-летию со дня рождения)

12 сентября 2011 г. Юрию Васильевичу Викторову – видному деятелю науки, искусства и просвещения Чувашской Республики – исполнилось 70 лет. Невозможно одним ключевым словом или одной фразой определить многогранный характер научной и творческой деятельности Мастера. Педагогика, искусствоведение, художественное творчество – основные области приложения его духовных сил. Кандидат искусствоведения, профессор кафедры теории и истории искусств и рисунка Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева, старший научный сотрудник отдела искусствоведения Чувашского государственного института гуманитарных наук, заслуженный деятель искусств Российской Федерации и Чувашской Республики, лауреат Государственной премии Чувашской Республики в области литературы и искусства Чувашской Республики – таков далеко не полный перечень наград и званий юбиляра.

Юрий Васильевич родился в д. Итяково Мариинско-Посадского района Чувашской АССР в годину тяжелейшего испытания, обрушившегося на нашу страну. Его детство пришлось на полные лишений военные и первые послевоенные годы.

При всей своей увлеченности рисованием он не сразу приобщился к высокому миру искусства и только в 1963 г. поступил на художественно-графический факультет Чувашского государственного педагогического института им. И.Я. Яковлева. Основы профессионального изобразительного искусства во все годы обучения в вузе он постигал у В.П. Авраменко. Под руководством опытного педагога-наставника изучал тонкости акварельной живописи, обре-

тал культуру карандашного рисунка, осваивал технику линогравюры. На лекциях по истории искусств у А.Г. Григорьева проходило формирование взглядов и будущих научных интересов Юрия Викторова. В 1968 г., получив диплом с отличием, он приступает к преподавательской работе на родном факультете. Молодой художник-педагог увлеченно работает над историческими темами в линогравюре, участвует в выставках произведений чувашских художников. Проявляет интерес к творчеству современных мастеров чувашского изобразительного искусства. Желание углубленно заниматься изучением их творчества приводит Юрия Васильевича в 1971 г. в очную аспирантуру по кафедре истории искусств Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина (научный руководитель – доктор искусствоведения, профессор П.К. Суздалев). Он обстоятельно обосновывает выбор темы своего исследования, готовит большой научный реферат. Однако в столице на провинциальное искусство зачастую смотрели свысока и не считали заслуживающим серьезного научного анализа. Молодому аспиранту посоветовали избрать другую, более «диссертабельную» тему исследования. Викторов взялся за изучение жизненного и творческого пути незаслуженно забытого в отечественном искусствознании художника-педагога Д.А. Щербиновского (1867–1926) – ученика П.П. Чистякова и И.Е. Репина, друга и современника К.А. Коровина, В.А. Серова, И.Э. Грабаря и других прославленных мастеров отечественного искусства.

Многое сделал Викторов для того, чтобы вернуть в нашу художественную культуру имя и дело художника-педагога. Благодаря его обстоятельным журнальным публикациям и ряду статей в научных сборниках мы можем по достоинству оценить живописный талант Дмитрия Анфимовича и его вклад в подготовку нескольких поколений известных российских и советских художников – от Ефима Честнякова до Александра Дейнеки.

Вернувшись в Чебоксары с ученой степенью кандидата искусствоведения, Юрий Викторов активно включился в художественную жизнь республики. На страницах местных газет и журналов регулярно появляются его статьи о творчестве молодых чувашских художников, обзоры тематических и персональных выставок. Им пишутся вступительные статьи к каталогам, на радио и телевидении идут его передачи из циклов «Молодые художники Чувашии», «Шестая зональная выставка Большая Волга», «На соискание Государственной премии Чувашской АССР» и др.

В 1982 г. Юрий Васильевич, до этого более шести лет проработавший деканом родного факультета, Министерством просвещения СССР командирован на два учебных года в Улан-Батор в качестве преподавателя-консультанта по дисциплинам изобразительного искусства Монгольского государственного педагогического института. Несмотря на большую занятость учебной и научно-методической работой, он выкраивает время для создания своего изобразительного «рассказа» о Монголии и стремится донести до зрителей неповторимый колорит и своеобразный дух древней страны, поведать о людях и природе далекого края. Помимо Монголии, Викторов дважды побывал в Венгрии. Во время этих служебных командировок он также запечатлевает облик города Эгера, его окраин, пишет акварельные этюды реки Тисы. К кисти и резцу он до сих пор обращается всякий раз, как только выдается такая возможность. Его работы не раз экспонировались на различных художественных выставках, но все же основными сторонами профессиональной деятельности Юрия Васильевича всегда оставались педагогическая работа и искусствоведение. За долгие годы работы на художественно-графическом факультете педагогического университета при его непосредственном участии подготовлены тысячи молодых специалистов. Многочисленные публикации Мастера довольно полно отражают спектр научных интересов. Сотни газетно-журнальных статей, написанных в 1970–1980 гг., со временем стали естественно и закономерно перерастать в обстоятельные каталожные статьи монографического характера и большие журнальные очерки.

Возвращение домой после длительной заграничной командировки позволило многое переосмыслить и по-новому взглянуть на то, что было сделано ранее. Внутренняя потребность сосредоточиться на одной большой теме приводит к мысли взяться за монографию о творчестве Федора Прокофьевича Осипова. Работа шла увлеченно, пока не вмешался случай. Осенью 1987 г. Ю. В. Викторов познакомился в Ленинграде с Петром Гавриловичем Кипарисовым. Эта встреча неожиданно и круто изменила все творческие планы. Сначала появилась большая газетная статья «С Чувашией в сердце», ставшая началом большой работы по изуче-

нию творчества нашего земляка, потом вступительная статья к каталогу, а когда Кипарисов ушел из жизни, Юрий Васильевич счел своим долгом в память о большом художнике и человеке в первоочередном порядке закончить начатое исследование. Глубина искусствоведческого анализа отличает многие разделы книги «Петр Кипарисов: художник и педагог» – «Песня», ставшая шедевром», «Песни новой Чувашии», «Художник и современность». В двух последних главах «Хороший художник – хороший педагог» и «Научно-педагогическое наследие П.Г. Кипарисова» впервые в чувашском искусствоведении столь подробно и всесторонне была освещена педагогическая деятельность художника. Издание этой книги пришлось на 1999 г., а уже в 2000 г. вышел из печати его многолетний труд, посвященный народному художнику Чувашии Ф. П. Осипову. Творческая судьба Федора Прокофьевича настолько богата разнообразными событиями, а его искусство столь многогранно, что ученому невольно пришлось идти на жесткий отбор публикуемого материала, а книгу выстроить в виде самостоятельных глав-очерков. Читатель видит, в какой среде и на основе каких духовных ценностей предвоенного и послевоенного времени формировался художник, как шло изучение основ профессионального мастерства и как через книжную и станковую графику он пришел в большое искусство.

В 2001 г. появляется очередной значительный труд Ю.В. Викторова – книга-альбом «Анатолий Брындин. Скульптор-монументалист». В 2003 г. в первом томе серии «Библиотека Президента Чувашской Республики» публикуется очерк Юрия Васильевича «Элли – значит мастер» о творчестве известного чувашского художника, много и плодотворно трудившегося в различных жанрах и видах изобразительного и декоративно-прикладного искусства. Неординарная личность Элли Михайловича Юрьева чрезвычайно сложна для исследования, но Викторов успешно справился с поставленной задачей, и уже через два года в серии «Замечательные люди Чувашии» вышел в свет большой научный труд – «Элли Юрьев. Художник и время» (Чебоксары, 2005). Уже из названия монографии видно, в сколь широком контексте ученый рассматривает художественное наследие мастера. У людей, мало знакомых с научной деятельностью Юрия Васильевича, могло создаться обманчивое впечатление, что он пишет легко и быстро. Некоторые задавались вопросом, когда же он успевает их писать? Ведь порою целый год уходит только на подготовку рукописи к изданию. Ответ легко найти, обратившись к библиографическому перечню, приведенному в каждой из монографий, и путем несложных подсчетов определить, сколько лет отделяют первые авторские публикации по данной теме от выхода основного труда.

Во всех научных трудах Юрия Васильевича есть одна общая черта – герои его книг не просто большие мастера изобразительного искусства, а люди с непростыми, подчас очень сложными характерами и судьбами, глубоко симпатичные автору.

Юрий Викторов не принадлежит к тому типу ученых, которые в своих исследованиях ограничиваются изучением исключительно только творческой составляющей художника, рассматриваемой в ее внутреннем саморазвитии. Напротив, его в первую очередь интересует сама личность и условия ее формирования – детство и юношество, годы учебы, начало профессионального становления, близкие друзья и духовная атмосфера и общественные идеалы времени. Столь пристальный интерес к деталям и окружению отнюдь не пристрастие к беллетристике (хотя определенный литературный дар у Ю. Викторова несомненно есть), а следствие того, что автор не только ученый-исследователь, но и художник-педагог, адресующий свои труды молодому поколению, вступающему в жизнь и искусство.

В настоящее время Юрий Васильевич продолжает плодотворно трудиться на педагогическом и научном поприщах. Вслед за книгой-альбомом «Вагиз Камалетдинов. В поисках истины: живопись» (Чебоксары, 2006) он завершает и сдает в печать иллюстрированный биографический справочник «Союз чувашских художников» (Чебоксары, 2008). Уже в дни его юбилея выходит очередной том серии «Библиотека Президента Чувашской Республики» – «Мастера изобразительного искусства», где Юрий Васильевич выступает в качестве научного редактора и автора семи очерков. Активно занимаясь научной деятельностью, он, как истинный педагог, не забывает о молодежи. Его стараниями и при непосредственном участии в Чувашском педагогическом университете открыта аспирантура по специальности «Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура».

Несмотря на постоянную занятость, Юрий Васильевич продолжает оставаться в гуще жизни. Благодаря его энтузиазму в г. Мариинском Посаде и с. Октябрьском открыты художественные галереи. Он член коллегии Министерства культуры, по делам национальностей, информационной политики и архивного дела Чувашской Республики.

Друзья и коллеги надеются, что богатый жизненный опыт и значительный научно-творческий потенциал, сформированный и накопленный за многие годы напряженного труда, приведут к созданию новых работ, посвященных выдающимся мастерам чувашского изобразительного искусства.

Основные научные труды

Каталог выставки произведений Владимира Авраменко (со вступит. статьей). Чебоксары, 1972. 16 с.

Ученик Чистякова // Художник. 1973. № 8. С. 53–54.

Педагогическая деятельность Д.А. Щербиновского // Проблемы художественного воспитания и образования. М., 1974. С. 88–97.

Художник из Петровска // Волга. 1974. № 2. С. 176–182.

О некоторых особенностях художественно-педагогической деятельности Д.А. Щербиновского (К вопросу о специфике труда художника-педагога) // Проблемы преподавания художественно-графических дисциплин в педагогическом институте и в средней школе. М., 1974. С. 32–40.

Д.А. Щербиновский. Художник. Педагог. Автореф. диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. МГПИ им. В.И.Ленина. М., 1974. 24 с.

Вступительная статья // Каталог «VI выставка произведений молодых художников Чувашии». Чебоксары, 1976. С. 3–5.

Чăваш портречĕн ĕстисем (Мастера чувашского портрета) // Ялав. 1976. № 8. С. 28–29.

Незаслуженно забытый // Художник. 1976. № 12. С. 57–58.

Героические будни // Лауреаты премии Комсомола Чувашии имени М. Сеспеля. Чебоксары, 1979. С. 62–70.

Земля и люди // Лауреаты премии Комсомола Чувашии имени М. Сеспеля. Чебоксары, 1979. С. 139–148.

Пир сĕнчи юрăсем (Песни на холсте) // Тăван Атăл. 1979. № 7. 77–80 с.

Роль изобразительного искусства в эстетическом воспитании населения // Повышать эффективность идейно-воспитательной работы. Опыт и проблемы. Чебоксары, 1980. С. 320–326.

Āсталăх (Мастерство) // Ялав. 1981. № 1. С. 18–19.

Щербиновский – художник и педагог // Юный художник. 1981. № 6. С. 37–41.

Каталог выставки произведений Павла Козлова (со вступительной статьей). Чебоксары, 1986. 32 с.

Ачалăх кĕввисем (Мотивы детства) // Хатĕр пул. 1986. № 5. 20–21 с.

Тăван сĕр илемĕ (Красота родной земли) // Ялав. 1986. № 5. С. 27.

Художники Чувашии // Художник. 1986. № 6. С. 35.

Об использовании опыта венгерских коллег в художественно-педагогическом образовании будущих учителей изобразительного искусства // Актуальные проблемы теории и практики коммунистического воспитания студентов высших учебных заведений в свете решений XXVII съезда КПСС. Чебоксары, 1986. С. 107–108.

Вступительная статья // Каталог выставки произведений Ивана Дырленкова. Чебоксары, 1987. С. 3–4.

Ĕсченлĕхе ĕсталăх (Трудолюбие и мастерство) // Ялав. 1987. № 10. С. 21.

Образ В.И. Чапаева в изобразительном искусстве // Легендарный герой Гражданской войны В.И. Чапаев. Чебоксары, 1988. С. 37–43.

Выставка произведений Владимира Чуракова // Художник. 1988. № 2. С. 39.

Правда образа // Художник. 1988. № 6. С. 8–14.

Художники Чувашии. Каталог выставки в г. Горьком (со вступительной статьей). Чебоксары, 1988. 24 с.

Каталог выставки «Художники Чувашии – Великому Октябрю» (со вступительной статьей). Чебоксары, 1988. 16 с.

Хар зураг (Рисунок). Учебник. [В соавторстве.] Улан-Батор, 1988. 224 с. (На монгольском языке).

Выставка произведений Петра Кипарисова // Художник. 1989. № 1. С. 33–34.

Вступительная статья // Каталог Зональной выставки самодеятельного изобразительного и декоративно-прикладного искусства «Атӑл тӑррисем» («Волжские узоры»). Чебоксары, 1989. С. 4–5.

Выставка произведений Николая Енилина // Художник. 1990. № 6. С. 34–35.

Вступительная статья // Каталог выставки творческих работ художника-педагога Б. Гадарина и его учеников. «Бумагопластика». Магнитогорск, 1990. С. 4–7.

Об использовании народного художественного творчества в процессе подготовки учителей изобразительного искусства // Совершенствование психолого-педагогической, методической и художественной подготовки студентов художественно-графического факультета к работе в школе. Уфа, 1991. С. 85–87.

Плакат тени тӑл лектӑр... (Плакаты, бьющие в цель) // Тӑван Атӑл. 1992. № 9–10. С. 70–73.

Художники – 100-летию поселка Ибреси. Каталог (со вступительной статьей). Чебоксары, 1993. 28 с.

Снимая покров таинственности... // Вестник Чувашской национальной академии. 1994. № 2. С. 83–85.

Изобразительное искусство Чувашии в 1993 г. Обзор // Чувашское искусство. Вопросы теории и истории. Чебоксары, 1994. Вып. I. С. 24–46.

Духовное пространство поэта // ЛИК Чувашии. 1995. № 2. С. 107–110.

Автор судьбы – сам художник // ЛИК Чувашии. 1995. № 3. С. 125–128.

Его сравнивали с Суриковым // ЛИК Чувашии. 1995. № 4. С. 75–80.

Сул усакан ӑсчах (Ученый-первооткрыватель) // Ялав. 1995. № 5. С. 88–90.

Хӗрарӑма халалласа (Посвящается женщине) // Пике. 1995. № 7–8. С. 32.

Чувашское изобразительное искусство в 1994 г. Обзор // Чувашское искусство. Вопросы теории и истории. Чебоксары, 1996. Вып. II. С. 65–89.

Ивы над речкой детства // ЛИК Чувашии. 1996. № 3–4. С. 114–115.

Илемлӗхне лайӑх кӑмӑл ӑсти (Мастер красоты и доброго настроения) // Пике. 1996. № 3–4. С. 30–31.

Изобразительное искусство Чувашии (1995 г.) // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. 1996. № 5. С. 40–58.

Художник. Педагог. Ученый // Ялав. 1997. № 6. С. 99–101.

Изобразительное искусство Чувашии в 1996 г. // Чувашское искусство. Вопросы теории и истории. Чебоксары, 1997. Вып. III. С. 228–250.

В поисках национального художественного образа // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. 1997. № 6. С. 28–39.

Щербиновский – «методический полпред» Чистякова // Вестник ЧГПИ им. И.Я. Яковлева. 1998. № 1 (2). С. 96–101.

Каталог выставки произведений Раисы Терюкаловой (со вступительной статьей). Чебоксары, 1999. 32 с.

Петр Кипарисов: художник и педагог. Чебоксары, 1999. 232 с.

Искусствоведение. Изобразительное искусство // Чувашский государственный институт гуманитарных наук. 1980–2000 гг. Чебоксары, 2000. С. 180–195.

Федор Осипов. Жизнь и творчество. Чебоксары, 2000.

ХГФ: вчера, сегодня, завтра // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2000. № 3. (16). С. 3–11.

Наш худграф // Ялав. 2000. № 7. С. 15–20.

«С природы меня никогда никто не срисовывал» (К вопросу об изобразительной яковлевиане) // И.Я. Яковлев и проблемы яковлеведенья. Чебоксары, 2001. С. 101–114.

Групповой портрет старейшин чувашского искусства // Художественный музей и культура. Чебоксары, 2001. С. 108–118.

Чувашское изобразительное искусство в 1997 году // Чувашское искусство. Вопросы теории и истории. Чебоксары, 2001. Вып. IV. С. 117–138.

Анатолий Брындин. Скульптор-монументалист: книга-альбом. Чебоксары, 2001. 144 с. «Этой картине нет конкурентов» // Выдающиеся люди Чувашии. Чебоксары, 2002. С. 97–102.

Элли – значит мастер // Выдающиеся люди Чувашии. Чебоксары, 2002. С. 219–228. Образы деятелей чувашской художественной культуры в творчестве Анатолия Брындина // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2000. № 3 (27). С. 28–36.

Проблема «герой и художественный образ» в творчестве А.К. Брындина // Чувашское искусство. Вопросы теории и истории. Чебоксары, 2003. Вып. V. С. 226–232.

Пятая Всероссийская выставка «Школа. Учитель. Искусство» // Каталог V Всероссийской выставки творческих работ преподавателей и студентов художественно-графических факультетов высших учебных заведений «Школа. Учитель. Искусство». Чебоксары: ЧГПУ, 2004. С. 4–7.

М.С. Спиридонов и консолидация сил профессиональных художников Чувашии // Художественная культура Чувашии: 20-е годы XX в. Чебоксары: ЧГИГН, 2005. С. 124–135.

Одухотворенный мир художника // Юрий Матросов: альбом. Чебоксары, 2005. С. 4–5.

Возрожденная традиция: Пятая Всероссийская выставка «Школа. Учитель. Искусство» // Школа. Учитель. Искусство: сб. ст. Чебоксары: ЧГПУ, 2005. С. 5–8.

Элли Юрьев. Художник и время. Чебоксары, 2005. 255 с.

Выдающийся мастер книги // Народная школа. 2005. № 3. С. 48–50.

Многогранное проявление национального // Вестник Чувашского университета. 2006. № 1. С. 22–37.

Образы, созданные навеки // Таван Атӑл. 2006. № 10. С. 130–134.

Национальная тема в творчестве П.Г. Кипарисова // Вестник Чувашского университета. 2006. № 6. С. 273–278.

Вагиз Камалетдинов. Живопись: В поисках истины: книга-альбом. Чебоксары: ЧГИГН, 2006. 80 с.

Союз чувашских художников: иллюстративный биографический справочник. Чебоксары, 2008. 174 с.

В поисках «чувашской формы» в искусстве // Чувашское искусство. Вопросы теории и истории. Чебоксары, 2009. Вып. VI. С. 124–133.

Художественно-графический факультет: становление и развитие: книга-альбом. Чебоксары, 2010. 136 с. (в соавторстве с А.В. Даниловым и Н.Б. Смирновой).

О времени и о себе. Студент (Чебоксары). Аспирант (Москва). Преподаватель-консультант (Улан-Батор) (подступы к автобиографии) // Призванные творить и обучать. Чебоксары: ЧГПУ, 2010. С. 51–75.

Михаил Сеспель в изобразительном искусстве // Михаил Сеспель и чувашская литература: традиции и новаторство. Чебоксары: ЧГИГН, 2011. С. 50–73.

Прижизненные публикации о творчестве Анатолия Миттова // Анатолий Миттов. Дорога в гору. Чебоксары, 2011. С. 59–71.

И.К. Кугураков.

АНДРАШ РОНА-ТАШ (К 80-летию со дня рождения)

В 2011 г. научная общественность всего мира отмечает 80-летие со дня рождения выдающегося венгерского языковеда-компаративиста, историка и этнолингвокультуролога, действительного члена Венгерской Академии наук и Турецкого лингвистического общества (Türk Dil Kurumu) (Анкара), члена-корреспондента Финно-угорского общества (Хельсинки), президента Международной ассоциации тибетологов, члена Постоянного комитета Европейской конференции ректоров Андраша Рона-Таша.

Андраш Рона-Таш родился 30 декабря 1931 г. в городе Будапеште в семье служащих. Отец его был врачом, мать — экономистом (погибла во время фашистской оккупации Венгрии). Уже во время учёбы в гимназии у будущего ученого появляется интерес к изучению иностранных языков, истории и культуры других народов. Больше всего внимание пытливого юноши привлекают восточные языки. Первоначальные увлечения Востоком получают вполне отчетливые контуры и научные перспективы в студенческие годы Андраша.

В 1950–1955 гг. А. Рона-Таш обучается на финно-угорском отделении Будапештского университета, где углубляет знания по истории, археологии, этнологии и лингвистике. Будапештский университет и в послевоенное время сумел сохранить свои особые традиции, включавшие в числе других требование широкого знакомства с языками и культурой народов Востока. Будучи студентом, под руководством выдающихся венгерских ученых-ориенталистов Д. Немета (1890–1976) и Л. Лигети (1902–1987) Андраш начинает углубленно заниматься тюркологией, алтаистикой и приступает к кропотливому изучению чувашского языка. Его в первую очередь интересует история языка, его место среди тюркских и, шире, алтайских языков. А это неизбежно приводит его к изучению внешних связей чувашского языка с финно-угорскими, монгольскими, иранскими, кыпчакскими и другими языками. Особую роль в становлении А. Рона-Таша как тюрколога, как алтаиста-компаративиста сыграли труды З. Гомбоца, посвященные изучению болгаро-тюркских («древнечувашских») заимствований венгерского языка (1908, 1912), и Д. Немета «Формирование венгерского народа эпохи обретения родины» (1930; 1991), продемонстрировавшие на лингвистическом материале ранние связи венгров с западной ветвью древних тюрков, в том числе с огурами, оногуро-булгарами, аварами, хазарами и проч.

По окончании Будапештского университета А. Рона-Таш защитил магистерскую диссертацию по тибетологии, алтаистике и культурной антропологии. В данной работе, в частности, была детально изучена социальная терминология, отраженная в одном из списков дунбуангской хроники. После защиты диссертации А. Рона-Ташу предоставляют должность научного сотрудника в родном Будапештском университете.

В 1957–1958 гг. А. Рона-Таш в качестве стажера-исследователя Венгерской Академии наук совершил лингвистико-этнографическую экспедицию в Монголию. По материалам экспедиции опубликовал две монографии: «Даригангский диалект» (Будапешт, 1961) и «По следам кочевников: Монголия глазами этнографа» (Будапешт, 1961; Москва, 1964). В области монголистики венгерский исследователь выступает не только исследователем многих аспектов и древних письменных источников по истории монгольских языков, но и как этнолог. Его монография «По следам кочевников: Монголия глазами этнографа» издана на многих языках, в том числе и на русском.

В 1964 г. А. Рона-Таш защитил кандидатскую диссертацию на тему «Тибето-монголика» (издана в 1966 г. отдельной книгой в Гааге и Будапеште). Тибетская тематика в научной деятельности венгерского ученого проходит красной нитью. Им опубликована ценная монография «Тибетские лексические заимствования в монгорском языке и развитие архаичных тибетских диалектов» (Гаага, 1966), исследованы развитие и структура фонетического строя тибетского текста, специальные термины в них, тибетские легенды и сказки, вопросы истории Тибета и т.д.

Научная деятельность А. Рона-Таша связана главным образом с исследованием ранней истории венгров, которая тесно переплетается с судьбами восточных народов, в том числе исторических предков чувашей.

В области финно-угроведения интересы ученого обращены прежде всего на изучение дискуссионных вопросов истории венгров до обретения ими новой родины на Дунае. Этот сложный период в нарративных источниках представлен чрезвычайно фрагментарно и скудно, да и эти крупинки истории трактуются неоднозначно. А. Рона-Таш, будучи филологом-компаративистом экстра-класса, основной упор делает на куда более информативные для рассмотрения дописьменных этапов истории лингвистические свидетельства. В высшей степени репрезентативными при изучении венгерской истории I тысячелетия н.э. являются многочисленные лексические заимствования, проникшие в венгерский язык преимущественно в V–IX вв. н.э., а может быть и несколько раньше, из западных тюркских языков болгаро-

чувашского типа. Без особой натяжки можно констатировать, что почти вся научно-исследовательская деятельность А. Рона-Таша укладывается в рамки необъятно широкой проблематики «Hungaro-Turcsica».

Ведущее положение в научной деятельности А. Рона-Таша занимает новаторское решение многих теоретических и методологических проблем сравнительно-исторического языкознания в целом и компаративной алтаистики в частности. Им написаны ценные исследования по теоретическим проблемам общего языкознания, алтаистики, тюркологии и чувашеведения.

К сфере общей тюркологии относятся его труды «Введение в тюркологию» (Сегед, 1991; на англ. яз.), «Язык и история: Исследования по сравнительной алтаистике» (Сегед, 1986), «Этногенез и основание государства» (Опладен, 1988), «Венгерский народ эпохи обретения родины» (Будапешт, 1996), «Западно-древнетюркский язык» (Висбаден, 1998), «Венгры и Европа в раннее Средневековье: Введение в раннюю венгерскую историю» (Будапешт, 1999; на англ. яз.) «Краткая праистория венгров: Ранняя история венгров до образования государственности» (Будапешт, 2007), и, конечно же, разработанный совместно с А. Бертой капитальный труд «Западный древнетюркский язык. Тюркские заимствования в венгерском языке» (Висбаден, 2011).

В 1965, 1973, 1978, 1988 гг. А. Рона-Таш совершал продолжительные научные командировки в Чувашию и другие регионы Среднего Поволжья. После первой своей экспедиции к чувашам А. Рона-Таш вплотную стал заниматься чувашским языком и особенно его историей. Появляются многочисленные труды, посвященные внешним связям болгаро-чувашского языка, в том числе заимствованиям из исторически контактировавших иносистемных (в частности, пермских, монгольских и др.) языков в самом чувашском, а также многочисленным лексическим заимствованиям, проникшим в другие языки из древних тюркских диалектов болгаро-чувашского типа.

В 1968 г. А. Рона-Таш начинает работать в Сегедском университете им. Аттилы Йожефа. В 1971 г. защищает докторскую диссертацию на тему «Родство алтайских языков. Теоретическое обоснование родства языков и чувашско-монгольские языковые связи» (частично опубликована в виде отдельных статей и извлечений). Основные идеи и теоретические положения диссертации спустя годы получили более широкое, развернутое изложение в фундаментальной монографии «Языковое родство». В этом глубоком исследовании теоретические проблемы алтаистики анализируются путём компаративно-контрастивно-контактологического изучения строевых элементов чувашского, других тюркских и монгольских языков. Подчеркивая решающую роль исторических контактов в формировании материальных общностей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, А. Рона-Таш приходит к выводу, что между тюркскими и монгольскими языками генетических связей не было, лексические параллели между чувашским и монгольскими языками хорошо объясняются контактными взаимосвязями.

С приходом А. Рона-Таша в Сегедский университет здесь широким фронтом разворачиваются исследования по алтаистике, древней истории венгров, истории и этимологии чувашского и других тюркских и финно-угорских языков. Кафедрой алтаистики А. Рона-Таш заведовал с 1968 по 1990 г., а в 1990–1992 гг. работал ректором Сегедского университета.

В научном наследии А. Рона-Таша значительное место занимают работы, непосредственно связанные с историей чувашского языка и определением его места среди тюркских и монгольских языков. Особое приращение венгерских ученых к чувашской тематике объясняется прежде всего уникальным положением чувашского языка среди тюркских языков, а чувашского этноса – в истории степного пояса Евразии. Приступив к работе в Сегедском университете, он организовал на возглавляемой им кафедре занятия по чувашскому языку для студентов, специализирующихся по истории древних венгров, тюркологии и алтаистике. Для обеспечения этого курса учебными пособиями А. Рона-Таш совместно с чувашским языковедом В.И. Сергеевым (ныне доктором филологических наук) подготовил учебник «Введение в изучение чувашского языка» (Будапешт, 1978) и краткую грамматику чувашского языка (Будапешт, 1987). К проблематике болгарских эпиграфических памятников относится целый ряд исследований венгерского ученого: «Волжско-болгарская надпись 1307 года», «Руническая

надпись в Куйбышевской области», «Этноним мадьяр на волжско-булгарской эпитафии 1311 г.», «Одно болгаро-тюркское предложение 1307 года», в которых раскрываются отдельные грани теории болгаро-чувакской этноязыковой преемственности.

Богатейший опыт изучения языков разного типа – финно-угорских, древних и современных тюркских, монгольских, сино-тибетских, современных западноевропейских, длительная и кропотливая работа в области сравнительно-исторического языкознания позволили А. Рона-Ташу создать и издать большую и очень актуальную в методологическом и научно-теоретическом аспектах монографию под лапидарным названием «Языковое родство» (Будапешт, 1978).

Велики заслуги А. Рона-Таша в стимулировании развития этимологических исследований лексики чувашского языка. В многочисленных статьях ученый-компаративист предлагает и разрабатывает новые и уточняет старые этимологии чувашских и тюркских слов. Практически каждая его работа, посвященная историческим взаимосвязям уральских и алтайских языков, является кладом этимологических генетических и диахронических пластов лексики чувашского языка.

А. Рона-Таш организовал в Сегедском университете подготовку специалистов по истории чувашского языка, налажил обмен студентами между Сегедским и Чувашским университетами: чувашские студенты стажировались в Венгрии, а венгерские – в Чувашии, в частности – и в Чувашском научно-исследовательском институте языка, литературы, истории и экономики. В Венгрии под руководством А. Рона-Таша развернулась работа по выявлению и систематизации чувашских этимологий, рассеянных по многочисленным научным публикациям венгерских лингвистов. Благодаря целенаправленной деятельности А. Рона-Таша в Венгрии изданы специальные сборники статей «Чувашские исследования» («Chuvash Studies») (Будапешт, Висбаден, 1982) и «Исследования по чувашской этимологии» («Studies in Chuvash Etymology I») (Сегед, 1982), а в Чувашии – сборник «Исследования венгерских ученых по чувашскому языку» (1985, составитель А. Рона-Таш). Непосредственные ученики и активные продолжатели его дела Клара Адягаши и Юдит Салонтаи-Дмитриева подготовили и издали аннотированный библиографический указатель основных исследований венгерских ученых XIX–XX вв. по чувашскому языку «Hungaro-Tschuwaschica» (Чебоксары, 2001).

А. Рона-Таш является лауреатом премий им. Кёрёши Чома, Альберта Сандёрди, Гумбольдта. Научные достижения и активная общественная деятельность Андраша Рона-Таша отмечена многими престижными премиями, он является членом ряда международных и венгерских научных обществ, редакций авторитетных журналов. С 1996 г. он является главным редактором журнала «Acta Orientalia» Венгерской Академии наук.

Вклад академика Андраша Рона-Таша в мировую гуманитарную науку отмечен многими высшими государственными наградами: в 2003 г. награжден Офицерским Крестом Ордена Венгерской Республики для гражданских лиц, в 2007 г. удостоен высшей государственной награды Турции – Ордена за заслуги перед Турецкой Республикой.

Поздравляя Андраша Рона-Таша с замечательным юбилеем, ученики, коллеги и друзья желают ему здоровья и многих плодотворных лет научной и педагогической деятельности.

Основные научные труды

1. Tibeto-Mongolica. The Tibetan loanwords of Monguor and the development of the archaic Tibetan dialects. Budapest: Akadémiai K., 1966. 232 p.
2. Some problems of Ancient Turkic, Acta Orientalia Havniae 32, 1970. P. 209–229.
3. On the Chuvash guttural stops in the final position: Ligeti L. (ed.), Studia Turcica. Bibliotheca Orientalis Hungarica 17. Budapest, 1971 P. 389–399.
4. Középmongol eredetű jövevényszavak a csuvasban [1.], in: Néprajz és Nyelvtudomány 15–16. Szeged, 1972. P. 77–88 (Среднемонгольские лексические заимствования в чувашском языке).
5. Epigraphica Bulgarica. A volgai bolgár-török feliratok, Studia Uralo-Altica 1. Szeged, 1973, 190 p. (Fodor Sándorral) (Булгарская эпиграфика: Волжские болгаро-тюркские эпитафии, в соавт. с Ш. Фодор.)

6. Some Volga Bulgarian words in the Volga Kipchak languages, in: Káldy-Nagy Gy. (ed.), *Hungaro-Turcica. Studies in Honour of Julius Németh*. Budapest, 1976. P. 169–175.
7. Bevezetés a csuvas nyelv ismeretébe. A csuvas szövegek összeállításában közrem. V. Szergeev. Budapest: Tankönyvkiadó, 1978. 480 p. (Введение в изучение чувашского языка, в соавт. с В.И. Сергеевым).
8. A nyelvrokonság. Kalandozások a történeti nyelvtudományban. Budapest: Gondolat, 1978. 487 p. (Языковое родство).
9. The periodization and sources of Chuvash linguistic history, in: Róna-Tas A. (ed.), *Chuvash studies, Bibliotheca Orientalis Hungarica 28. – Asiatische Forschungen 79*. Budapest–Wiesbaden, 1982. P. 113–169.
10. Language and history. Contributions to comparative Altaistics. *Studia Uralo-Altaica 25*. Szeged, 1986. 270 p.
11. A csuvas nyelv vázlatos nyelvtana, Budapest. 1987. 72 p. (Краткая грамматика чувашского языка).
12. Ethnogenese und Staatsgründung. Die türkische Komponente in der Ethnogenese des Ungartums, in: *Studien zur Ethnogenese Bd. 2, Rheinisch-Westfälische Akademie der Wissenschaften. Abhandlung 78*. Opladen, 1988. P. 107–142.
13. An introduction to Turkology, *Studia Uralo-Altaica 33*. Szeged, 1991. 170 p.
14. A honfoglaló magyar nép. Bevezetés a korai magyar történelem ismeretébe. Budapest: Balassi, 1996. 412 p. 8 t.
15. Hungarians and Europe in the early Middle Ages. An introduction to early Hungarian history. Budapest: Central European University Press, 1999. 566 p.
16. Where was Khuvrat's Bulgaria? *Acta Orientalia Hungarica 53*. 2000. P. 1–22.
17. Kis magyar őstörténet. Budapest: Balassi, 2007. 205 p. 8 t. (Краткая праистория венгров.)
18. West Old Turkic. Turkic loanwords in Hungarian. Part I-II. (with A. Berta). *Turkologica*. Herausgegeben von Lars Johanson. Band 84: Harrassowitz Verlag. Wiesbaden, 2011.

Э.Е. Лебедев, Н.И. Егоров.

ПАМЯТИ КОЛЛЕГ

МЕТИН ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ
1949–2011

7 ноября 2011 г. на 63-м году жизни скончался известный фольклорист и литературовед, педагог-методист, заведующий кафедрой чувашской литературы факультета чувашской филологии Чувашского государственного педагогического университета имени И.Я. Яковлева, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшего профессионального образования Российской Федерации Петр Николаевич Метин.

П.Н. Метин родился 20 февраля 1949 г. в с. Сугуты Батыревского района Чувашской АССР. После окончания в 1966 г. Сугутской средней школы работал в ней лаборантом. В указанной должности он трудился и после демобилизации из рядов Советской Армии. Одновременно заочно учился на историко-филологическом факультете Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова. Получив в 1976 г. диплом о высшем профессиональном образовании, молодой педагог в течение года трудился учителем чувашского языка и литературы в Шаймурзинской средней школе Батыревского района, а затем в течение года – директором Тюрарской восьмилетней школы в Цивильском районе.

Желание стать фольклористом-литературоведом у Петра Николаевича зародилось еще в детстве: с малых лет в среде односельчан он собирал народные юмор, сказки и песни. Эта любовь росла с каждым годом... Сбор произведений устного народного творчества он не прекращал и в годы работы в учебных заведениях. Молодой педагог не только собирал фольклор, но и сам сочинял оригинальные произведения, публиковал их в периодической печати. Благодаря стараниям Петра Николаевича и его ученика Н.Н. Осипова вышел предсмертный сборник его памфлетов, юмористических рассказов и шуток под названием «Чăвашла уйрăлу» (Развод по-чувашски) (к сожалению, получилось «Прощание по-чувашски»).

Больше всего учителю-словеснику П.Н. Метину нравились комические жанры словесного фольклора. Дарование педагога-фольклориста не осталось незамеченным: в 1978 г. его пригласили на работу в Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (ныне – Чувашский государственный институт гуманитарных наук). Здесь в течение 10 лет он работал в отделе литературы и фольклора: сначала младшим, затем старшим научным сотрудником, ученым секретарем и старшим мастером оперативной полиграфии. В институте П.Н. Метин изучал комическое в чувашском фольклоре, составил сборники юмористических рассказов Ивана Мучи и детского фольклора «Ача-пйăча сăмахлăхĕ» (в соавторстве с В.Я. Канюковым). С 1988 по 1995 г. трудится в Чувашском республиканском институте усовершенствования учителей (ныне – Чувашский республиканский институт образования). Почти 16 лет – с 1995 г. до последних

дней – работал в Чувашском государственном педагогическом институте имени И.Я. Яковлева (ныне – университет): доцентом, профессором, заведующим кафедрой чувашской литературы. Он являлся бессменным членом диссертационного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций при Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова. Под его научным руководством подготовлены 2 кандидата наук, которые и сегодня продолжают дело своего Учителя в стенах родного вуза.

И кандидатскую («Комическое в жанрах чувашского словесного творчества», 1994), и докторскую («Историко-жанровое развитие комического в чувашской литературе», 2001) диссертации П.Н. Метин защитил в ЧувГУ им. И.Н. Ульянова.

Главное направление научных исследований П.Н. Метина в области чувашской фольклористики и литературоведения – художественные и эстетические особенности комического. По указанной проблематике он печатал статьи еще в 70–80-е годы XX в.: «Сатира и юмор в чувашских народных сказках», «Чувашские пословицы и поговорки (Вопросы комического)», «Комическое в чувашской народной поэзии», «Намек – иносказательный прием народной педагогики» и др. По утверждению автора, жанры чувашской сатиры и юмора сохранились во всех видах устного народного творчества, социум пользуется ими весьма широко.

Многое сделал ученый и по систематизации публикаций по чувашскому фольклору. Он – составитель раздела «Фольклористика» увидевшего свет в 1980 г. справочного издания «Библиографический указатель трудов Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (1930–1979 гг.)». Им же подготовлено справочное издание «Чувашский фольклор: Библиографический указатель» (1986), в котором представлено 1480 наименований книг и статей по чувашскому фольклору, что является большим подспорьем для фольклористов и литературоведов, изучающих чувашское словесное искусство. П.Н. Метин является составителем сборника детского фольклора, школьного словаря терминов чувашской фольклористики и литературоведения («Литературапа халăх сăмахлăхĕн йăлавĕсем», совместно с А.И. Мефодьевым), автором исследований о чувашских анекдотах и пародиях («Чăваш анекдотĕ», «Чăваш пародийĕ», «Чăваш йăли-йĕркисенчи ача-пăча кулăшĕ») и др.

В последние годы жизни Петр Николаевич серьезное внимание уделял подготовке и изданию учебных и учебно-методических пособий для студентов-чувашеведов филологических факультетов вузов республики, внес значительный вклад в разработку программ спецкурса по чувашской литературе, методических указаний по анализу стихотворений и жанров прозы, по подготовке и оформлению курсовых и дипломных работ и т.д.

Научное и педагогическое наследие П.Н. Метина огромно. Он находился в расцвете творческих сил, был полон желания и дальше «распахивать» ниву чувашского литературоведения и фольклористики. Намеревался подготовить и издать отдельный том свода «Чувашское народное творчество», посвященный чувашским анекдотам, опубликовать отдельной книгой чувашские народные эротические песни-такмаки...

Светлая память о Петре Николаевиче Метине навсегда останется в наших сердцах.

В.А. Ендеров.

АНДРЕЕВ ИВАН АНДРЕЕВИЧ
1928–2011

31 декабря 2011 г. на 83-м году жизни остановилось сердце выдающегося чувашского языковеда, доктора филологических наук, заслуженного деятеля науки Российской Федерации профессора Ивана Андреевича Андреева. Языкознание и чувашская гуманитарная наука понесли невосполнимую утрату.

Жизнь И.А. Андреева – учёного, педагога и человека с большой буквы – достойный пример преданности науке и служения народу. Его отличали глубокая порядочность, принципиальность и честность. Имя Ивана Андреевича широко известно не только в Чувашии и России, но и в странах ближнего и дальнего зарубежья. Он автор более 200 научных работ – статей по актуальным проблемам чувашского и, шире, тюркского языкознания, учебников, словарей и монографических исследований, основатель генеральной картотеки чувашского языка, организатор науки и образования. Поколения филологов, учителей и журналистов, студентов и учащихся с благодарностью пользуются этим богатейшим научным и методическим наследием.

И.А. Андреев в течение длительного времени был членом Советского комитета тюркологов при Академии наук СССР (1972–1989), членом Головного совета по филологии при Министерстве высшего образования Российской Федерации (1971–1991). В Чувашской Республике входил в состав орфографической и терминологической комиссий.

И.А. Андреев родился 15 мая 1928 г. в д. Хомяково Аликовского района. Окончил Чувашский государственный педагогический институт им. И.Я. Яковлева по специальностям «чувашский язык и литература» (1950) и «русский язык и литература» (1954). В 1962 г. защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата филологических наук, в 1970 – доктора. В 1957–1970 гг. заведовал сектором языка в Научно-исследовательском институте языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук). С 1970 г. И.А. Андреев работал в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова: доцентом и профессором (с 1971) кафедры русского языка и литературы, заведующим кафедрой чувашского языкознания (1975–1999), деканом историко-филологического факультета (1983–1990). Преподавал общее языкознание, синтаксис современного чувашского языка, вел спецкурсы, руководил курсовыми и дипломными работами студентов, консультировал коллег, ассистентов и аспирантов. С 1992 г. действительный член Академии наук Чувашской ССР (позднее – Национальная академия наук и искусств Чувашской Республики). С 1999 г. до самой кончины работал профессором Чувашского республиканского института образования. И.А. Андреев подготовил более 20 кандидатов наук.

Круг научных интересов академика И.А. Андреева был необычайно широк. Его внимание привлекали проблемы синтаксиса и морфологии, словообразования и словоизменения, орфографии и пунктуации, социолингвистики и ономастики. Тематика научных исследований им определялась, как правило, в соответствии с практическими задачами препода-

вания чувашского языка в общеобразовательных школах, средних специальных и высших учебных заведениях. Результаты его научных поисков всегда находили практическое воплощение в учебных программах и пособиях, справочниках и словарях.

Первая же его монография «Причастие в чувашском языке» (1961) явилась заметным событием в научной жизни республики и вызвала большой интерес в среде лингвистов: была признана одной из наиболее успешных работ, посвященных изучению причастных форм тюркских языков. Двухтомное монографическое исследование «Чăваш синтаксисĕн ыйтăвĕсем» (Вопросы чувашского синтаксиса, Часть I, 1973.; Часть II, 1975) явилось новым словом в области изучения тюркского синтаксиса. В 2005 г. вышла в свет книга «Хальхи чăваш чĕлхи. Синтаксис» (Современный чувашский язык. Синтаксис).

И.А. Андреева всегда интересовали проблемы разграничения словообразования и словоизменения в тюркских языках. Этим вопросам посвящена целая серия его работ. В конце 1960-х гг. под руководством И.А. Андреева и по составленной им программе впервые в Чувашии было проведено социолингвистическое обследование с целью выявления распределения функций между родным и русским языками среди сельского населения. И.А. Андреев известен как страстный пропагандист знаний. Настольными справочными пособиями для всех тюркологов стали пятитомное издание «Языки народов СССР», второй том которого посвящен тюркским языкам (Москва, 1966); энциклопедический словарь-справочник «Государственные языки в Российской Федерации» (Москва, 1995); сборник «Тюркские языки» из серии «Языки мира» (Бишкек, 1996). Материалы, относящиеся к чувашскому языку, во всех этих изданиях составлены И.А. Андреевым.

В течение ряда лет И.А. Андреев по крупицам собирал традиционные дохристианские личные имена. В изданной в 1983 г. книге «Сын ячĕсем» (Антропонимы, 1983) он проследил пути исторического формирования системы чувашского антропонимикона. И.А. Андреев является автором чувашской части справочников личных имен народов РСФСР, изданных в качестве практического пособия для работников загсов (Москва, 1979, 1987 и др.). Им же опубликован ряд статей по проблемам традиционного и современного ономастикона чувашей. Он известен и как лексикограф. Является соавтором ряда чувашско-русских и русско-чувашского словарей. Принимал самое активное участие в организации и проведении орфографических и пунктуационных дискуссий (1956–1961 и 1987–1991), выступал со статьями, составлял и редактировал своды орфографических и пунктуационных правил; в 1990 г. выпустил в свет книгу, в который были рассмотрены теоретические и практические вопросы чувашской пунктуации (в 2004 г. переиздана с дополнениями и изменениями).

И.А. Андреев был автором проекта закона «О языках в Чувашской Республике», а также государственной программы по его реализации. Составил программу по чувашскому языку для V–IX классов общеобразовательных русских школ, программу и учебник для нефилологических факультетов вузов, техникумов и профессионально-технических училищ: «Учебник чувашского языка для русских. Начальный курс» (1992), «Чувашский язык: Начальный курс» (1996), «Чувашский язык. Практический курс» (2011).

За выдающийся вклад в развитие чувашского языкознания И.А. Андрееву были присуждены почетные звания заслуженного деятеля науки Чувашской АССР, заслуженного деятеля науки Российской Федерации. В 2006 г. он стал лауреатом Государственной премии Чувашской Республики в области гуманитарных наук.

Яркой личностной чертой Ивана Андреевича была человечность. Сотрудники института и профессорско-преподавательский состав Чувашского государственного университета хорошо помнят, что двери его кабинета, будь то деканат или кафедра, всегда были открыты для коллег, аспирантов и студентов. Иван Андреевич обладал удивительным талантом — находить выход из самых неразрешимых ситуаций и всегда доводил свои идеи и планы до логического завершения.

Только через годы по-настоящему будет понят и оценен масштаб ученого и его научного наследия. Не приходится сомневаться в том, что его творчество будет подвергнуто всестороннему анализу. Смерть остановила И.А. Андреева на пороге новых исследовательских проектов и учебников. На его письменном столе остались незавершенные школьные и вузовские учебники, академический синтаксис чувашского языка.

Светлая память об Иване Андреевиче навсегда останется в сердцах его коллег, учеников и друзей. Вечная ему память!

Н.И. Егоров.

ИТОГОВАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ

8–10 февраля 2011 г. в Чувашском государственном институте гуманитарных наук состоялась итоговая научная конференция, посвященная Дню российской науки. В отличие от предыдущих лет, она была организована в новом формате. При проведении форума был реализован ряд изменений, призванных улучшить качество и содержательность мероприятия. Во-первых, из числа заявленных отделами докладов были отобраны те, которые отличались новизной и имели проблемный характер. Во-вторых, чтобы обеспечить широкое и всестороннее обсуждение работ, они были предварительно опубликованы и разосланы по научным учреждениям и вузам Москвы, Казани и Чебоксар. В-третьих, по каждому докладу из числа высококвалифицированных специалистов республики и региона были назначены научные оппоненты.

В первый день форума на четырех последовательно работавших сессиях после выступлений докладчиков были заслушаны и содоклады их оппонентов. По каждому докладу состоялись дискуссии, в ходе которых участники мероприятия могли поделиться своим видением поднятых научных проблем. Во второй день работы форума секции, в основу организации которых был положен проблемный принцип, заседали также последовательно. Подобный прием обеспечил широкую аудиторию слушателей, представленную исследователями разных отраслей гуманитарных знаний. Кроме того, для участников мероприятия открылась возможность прослушать все заявленные доклады. На сессиях «За завесой древности», «Диалог культур», «Духовный мир чувашского социума» и «Власть и общество» было заслушано 16 выступлений. По каждому из них состоялся обмен мнениями.

Третий день работы форума прошел по традиционной схеме: доклады и сообщения заслушались на сессиях научных подразделений института. Всего на секциях «История и археология» и «Филология» прозвучало 19 выступлений.

В число докладов, выбранных для всестороннего и широкого обсуждения, вошли четыре работы: «Социокультурная динамика чувашского этноса: XVIII – начало XX века» (автор В.Г. Родионов), «Мир средневожской поликонфессиональной деревни в аспекте отношений «свой» и «чужой»: вторая половина XIX – начало XX века» (автор Г.А. Николаев), «Православное искусство в Чувашском крае: общее и особенное» (автор А.И. Мордвинова) и «Ранний неолит и проблемы неолитизации» (автор Н.С. Березина). Редколлегия научного журнала сочла необходимым опубликовать рецензии оппонентов на доклады В.Г. Родионова и Г.А. Николаева. Их авторы по ряду вопросов имеют несколько иные позиции, чем докладчики. Полагаем, что данные отзывы будут интересны и для читателей нашего издания.

ЧГВ, 2011 г., № 6

© Клэр Надин Саперстайн. Рец. на: Родионов В.Г. Социокультурная динамика чувашского этноса: XVIII – начало XX века. Чебоксары, 2010. 32 с. (Научные доклады / Чувашский государственный институт гуманитарных наук. Вып. 1.)

Ввиду того, что приведенный В.Г. Родионовым материал хорошо известен историкам Поволжья, представляется целесообразным сосредоточить внимание не на нем, а на наиболее важных вопросах, поднятых докладчиком. Мне в особенности интересна роль идей европейского Просвещения в исторической судьбе чувашского народа.

Клэр Надин Саперстайн – исследовательница из США; e-mail: claire.saperstein@gmail.com.

Доклад В.Г. Родионова являет собой описание социокультурной динамики чувашского этноса в исторической ретроспективе начиная с XVIII в. и опирается на идеи, которые в упрощенной форме излагаются в триаде «язык–культура–образование». В тексте данные понятия уточняются, квалифицируются и ставятся во главу угла. Поэтому в отзыве основное внимание уделено именно этим идеям, показу их значения для истории чувашского народа.

Первая составляющая – это язык. Опорной точкой для социокультурной динамики чувашей докладчик находит чувашский язык. Язык не является частью культуры, но в то же время он не нейтральный носитель культурных ценностей – язык определяет этничность (в том смысле, что в работе Родионова этничность неразрывно связана с языком) и воздействует на развитие народа. Так, ограничения в употреблении родного языка приравниваются к притеснению самого народа, а употребление национального языка, даже для распространения так называемых “ненациональных” идей (как при системе Золотницкого–Ильминского), воспринимается в качестве прогресса для народа, хотя и несовершенного. Как отмечает Родионов, такое понимание языка восходит к просвещенским идеям Екатерины II, которые, если немного отвлечься, очень сильно влияли и на романтические национальные движения Европы в первой половине XIX в. В теории Золотницкого–Ильминского эти идеи принимают другой облик, но следует отметить, что национальный язык у Ильминского сохраняет свою преемственность, по сравнению с другими проявлениями «культурь», и даже служит для притеснения других черт чувашской национальной культуры, как, например, языческие обряды. Теория Ильминского воздействовала на ленинскую теорию национальности, в измененном (некоторые говорят – искаженном) виде перешла к сталинской и является ключевой идеей в национальном вопросе на территории СНГ вплоть до наших дней.

Но в контексте рассматриваемого текста язык понимается не столько как средство бытового общения, сколько как инструмент письменной речи. Так, первое, что бросается в глаза при чтении доклада В.Г. Родионова, – это глубокая *текстуальность* его работы. Начиная с од, написанных в честь Екатерины II, и продолжая ранними словарями и первыми поэтическими опытами учеников И.Я. Яковлева, В.Г. Родионов основное внимание уделяет письменным источникам. Даже «элита», о которой в них говорится, – не неграмотные зажиточные крестьяне, не местные йомзи, а в основном образованные сословия общества – чиновники, ученые, монахи, священнослужители. Конечно, вплоть до XX в. эта страта составляла меньшинство чувашского народа – не в результате необходимости или несправедливости: грамотность была явлением вполне периферийным. Родионов понимает это как потерю «полноты» социальной структуры в результате исторических процессов и рассматривает появление чувашских чиновников, священнослужителей и прочих как своего рода «прогресс» для народа – как восстановление «полноты» социальной структуры народа. Поднимается историковедческий вопрос. Существуют ли источники, опирающиеся не на текстуальную, а материальную, устную, музыкальную и т.п. информацию для описания «социокультурной динамики чувашского этноса» в данном периоде? Думается, что такая информация дополнила бы и так уже обширную историю чувашского народа.

Другая категория, пронизывающая работу Родионова, – это понятие «традиционная культура». Понятие «культура» является ключевым в родионовском определении этноса. На первой странице введения В.Г. Родионов дает скорее не определение слова «культура», а описание ее адаптивных способностей: «Культура – это функционально обусловленная структура, что имеет даже в меняющихся культурно-политических условиях внутри себя механизмы самосохранения» и т.д. Хотя автор в своем определении употребил определяемое слово, но главный смысл об адаптивности культуры ясен. Сама сущность «культуры» – ее содержание – не раскрывается им, хотя он и ссылается на теоретика национализма Лурье, возможно справедливо ожидая, что большинство его читателей сами имеют понятие о том, что это такое.

Может быть, из-за того, что вопрос об определении «культуры» является очень спорным в американских научных кругах, особенно в области этнографии, истории и антропологии, я стала в докладе Родионова искать намеки на то, что он подразумевает под словом «культура», – именно содержание этого понятия. Хотя, уже в том, что доклад Родионова опирается

на письменные источники, есть намек на то, что именно подразумевает он под более обширным термином «культура». Очень показательна та часть доклада, в которой Родионов описывает национальную политику Екатерины II, «в основе которой находились идея самобытности национальных культур, веротерпимость и декларация об отрицании всяких форм рабства» (с. 6). Как доказательство любопытства или, возможно, уважения императрицы к прежденазванным «народным культурам», мы дальше читаем о празднике в ее честь в Казани в 1767 г. «Туда собрали представителей всех народов региона в своих национальных костюмах. Такая «живая» этнографическая выставка очень понравилась государыне». Дальше мы читаем о том, как представители этих же народов декламировали оды на своих языках, «в стиле польско-украинских виршей». По этим сведениям можно предположить, что для Екатерины II и мыслителей Просвещения культура – это совокупность таких составляющих, как национальный костюм, этнические праздники, народные пословицы и поговорки и т.п., то есть то, что в ранней советской политике называлось «национальной формой». Современный аналог подобной «культуры» – рок-опера «Нарспи», недавно поставленная в Чувашской филармонии, чувашская вышивка, которая появляется на каждой музейной выставке о чувашах, чувашская эстрада и т.п.

Конечно, подобная идея культуры применима в создании плюралистического строя и в системах образования в многонациональном обществе. В наихудших воплощениях результат подобного понятия культуры – национальный токенизм, непонимание существенных различий между культурами. Однако это довольно «легкое» понимание культуры: такие «культурные» явления, как национальный костюм и переделанная этническая музыка, легко вкладываются в школьную программу. Но другие «культурные» феномены, возможно, не так доступны для западной Просвещенческой системы образования. Интересно было бы узнать: где именно заканчивается «культура» и начинается «торговля», «земледелие», «режим дня» и т.п.? Ведь нельзя отрицать, что земледельческий образ жизни внес большой вклад в чувашское бытие, в чувашские обычаи и нравы, всё-таки в течение рассматриваемого периода земледелие было главным занятием большинства чувашского населения. Можно ли перенести чувашскую культуру на городской лад, создать национальную элиту в контексте русского культурного и языкового господства без коренных потерь в этой культуре? Как бы отвечая на этот вопрос, В.Г. Родионов сосредоточивает внимание на адаптивных качествах культуры. Но хотелось бы увидеть больше примеров вышеупомянутого «механизма самосохранения» чувашской культуры, узнать, как именно чувашская культура сохранила свою «чувашскость» в меняющихся обстоятельствах – особенно в начале XX в.

Для ясности один пример. Понятие «светскости», которое довольно часто появляется в данной работе – такое же сложное понятие, тесно связанное с культурой. В докладе «светская культура» (с. 17) противопоставляется христианской, которая вследствие устройства государства господствовала в первых чувашских школах, преобладала, хотя бы внешне, у всех грамотных чувашей до революции 1917 г. Но для традиционных религиозных культур (в том числе и языческой), в которых религия играет важнейшую роль в бытовой жизни, даже светский уклад с большим насилием может влиять на религиозную культуру народа. Выражаясь по-другому, светскость – не совсем нейтральная категория. В этом смысле фраза «национальная светская культура» (с. 17) может звучать как оксиморон. При любом толковании слова «культура» следует четко проследить тесное переплетение религии и культуры, учитывать глубокие следы, которые светский уклад оставляет на традиционной культуре. Пример современной Франции вполне иллюстрирует сложности столкновения светского общества с глубоко религиозной культурой.

Выше мы косвенно касались вопросов образования, которое является третьим компонентом триады в докладе В.Г. Родионова. Главная тема обсуждаемой работы – не педагогика, но он все-таки поднимает важнейшие педагогические вопросы. В свете вышеназванных вопросов о языке, о светскости и религиозности, о значении культуры вполне правомерен вопрос: в чем состояло бы настоящее национальное образование для чувашей, в отличие от поверхностных постсталинских понятий национального образования? Достаточно ли школьного образования для сохранения или поддержки «чувашскости»? И зачем нам нужно поддерживать чувашскую идентичность, чувашский язык и чувашскую культуру? Экономи-

ческих выгод нет; по мнению некоторых исследователей, даже государственное единство – против национального образования. В каком-то смысле – следует искать ценности, поддерживающие национальное образование, вне системы идей европейского Просвещения. Но это, как говорится, из другой оперы.

Доклад В.Г. Родионова проникнут ощущением линейного прогресса, развитием не только письменности, но и политической и этнической философии, систем образования и т.п. Эту тенденцию можно проследить по «триадам», которые автор приводит для описания состояния народного образования в каждом периоде чувашской истории. Первая триада возникает в описании «национальной идеи» в Поволжье во времена Екатерины II (с. 9): «язык–культура–образование». Позже приводится триада Сеспеля: «родной язык – национальная культура – образование». А в конце доклада Родионов описывает «усовершенствованную модель» 1920-х гг. Получается, В.Г. Родионов наглядно указывает на то, что с течением времени идеи уточнялись, системы образования улучшались. Такое же явление можно проследить и в заключении. «Начался активный поиск своего «Я», – утверждает Родионов, – в историческом прошлом, настоящем и будущем ... начался активный поиск возможных моделей ее (то есть нации. – *К.Н.*) развития» (с. 24). В своих последних выводах он делает акцент на «чувашской прогрессивной интеллигенции». Данный доклад с начала до конца привязан к идее линейного прогресса европейского Просвещения.

Таким образом, можно сказать, что в связи с историческими обстоятельствами начиная с века Екатерины II и проникновения идей европейского Просвещения в Россию, все понятия, которые В.Г. Родионов в качестве составляющих приводит в своей работе, являются определяющими в формировании чувашского национального самосознания и чувашской интеллигенции. Напоминаю, что главными в этом триединстве являются «язык» (с акцентом на письменность), «культура» (которая понимается отдельно от религии, и в связи с этим исключительно в плюралистическом смысле) и «образование», которое состоит в прогрессивном направлении народа к будущему. Иронично то, что именно тогда, когда русская интеллигенция разочаровалась в идеях европейского Просвещения (например, Л.Н. Толстой бросил писать и в поисках мудрости обратился к народному фольклору), – чувашская интеллигенция начала в значительной степени обращаться к этим идеям. Но мой главный вопрос к Виталию Григорьевичу и ко всем чувашским исследователям данной темы следующий: существуют ли другие источники теоретической поддержки национального? Обязательно ли иметь письменную литературу, светскую культуру или национальную систему образования, чтобы считаться «доразвитым» народом? В чем можно видеть достоинства каждого чувашского человека – каждого неграмотного, каждого деревенского, каждого, кто умирает «непросвещенным»? Кажется, что философия Просвещения по поводу этих вопросов ясного ответа не дает.

© И.К. Загидуллин. Рец. на: **Николаев Г.А. Мир средневожской поликонфессиональной деревни в аспекте отношений «свой» и «чужой»: вторая половина XIX – начало XX века.** Чебоксары, 2011. 36 с. (Научные доклады / Чувашский государственный институт гуманитарных наук. Вып. 2.)

История взаимоотношений религиозных общин Среднего Поволжья в свете происходивших в Российской Федерации и современном мире событий в сфере межконфессиональных отношений приобретает новое звучание и актуальность. По сути, освещение жизни поликонфессиональной деревни через призму отношений «свой» и «чужой» представляет собой новое и перспективное направление научных изысканий. Эта сложная, деликатная и имеющая «выход» на современную межэтническую ситуацию тема требует большой ответственности, я бы сказал, гражданского мужества исследователя.

Ильдус Котдусович Загидуллин – доктор исторических наук, заведующий отделом средневековой истории Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан; e-mail: zagik63@mail.ru.

Важно отметить, что толерантные отношения между народами Среднего Поволжья имеют глубокие традиции. Краткий исторический экскурс к заявленной теме позволил бы рассматривать события второй половины XIX – начала XX в. как продолжение этих традиций. Известно, что отсутствуют сведения о межконфессиональных противоречиях между народами Казанского ханства. Диалог между представителями различных этнических групп, язычниками и мусульманами существовал издавна. Местные народы знали языки своих соседей.

В период восстания под предводительством Е.И. Пугачева, в котором совместно участвовали русские и другие народы Урало-Поволжья, новокрещенные вымещали свой протест за разрушение традиционного уклада жизни на церковно- и священнослужителях. Согласно сведениям историка Русской церкви А. Можаровского, в годы пугачевщины в Волго-Камском крае было убито и замучено 132 духовных лица – практически все тогдашнее духовенство «новокрещенных» приходов татар, чувашей, марийцев, удмуртов¹.

XIX в. стал важнейшим этапом в эволюции мировоззрения новокрещенных. Если новокрещенные татары возвращались в ислам, то у чувашей, марийцев и удмуртов произошла трансформация сегмента религиозности: большинство из них стало идентифицировать себя христианами. Институты православия становились частью религиозного уклада этих этнических общин. Миссионерская деятельность церкви для большинства чувашей и финских народов перестала играть роль дестабилизирующего фактора. Система Ильминского создала для них письменность, национальную школу, интеллигенцию, религиозные институты. Однако признание ислама терпимой религией и установившиеся в последующем толерантные государственно-исламские отношения отнюдь не означали прекращения борьбы с «язычеством», продолжалась практика уничтожения священных рощ и т.п. мер. Во второй половине XIX в. непопулярные действия духовной власти касались уже лишь локальной группы нерусского населения: «язычников» и «отступников» от православия.

В докладе констатируется, что взаимодействие различных религиозных общин происходило в условиях их социально-экономической самодостаточности и одинаковом правовом положении. Действительно, отсутствовали экономические причины для противодействия между этносами, численность поликонфессиональных общин была весьма ограниченной.

Другим важным востребованным дополнением к тексту могла бы стать, на наш взгляд, краткая характеристика региона в социально-экономическом плане. Среднее Поволжье являлось аграрным регионом и представляло зону господства традиционного полунатурального хозяйства. Важно также отметить, что сохранение самобытного в культурном отношении этнокультурного пространства обеспечивала вся зона компактного расселения моноэтнического населения региона.

Учреждение национальных приходов, строительство церквей в селениях с жителями различной религиозной ориентации означали установление контроля над их религиозно-обрядовой жизнью со стороны духовной власти, христианизацию местного населения, что не содействовало укреплению взаимоотношений между «язычниками» и причтом, мусульманами и христианами. Напряженность возросла в начале XX в., после Манифеста 17 апреля 1905 г., в селениях, в которых проживали возвратившиеся в ислам крещенные татары и «язычники» и действовали миссионерские школы или имелся православный причт.

Автор удивительно точно подметил сегмент толерантности, представленный традиционным терпимым отношением к верованию соседних народов и к традиционным народным верованиям. Важными с научной точки зрения являются наблюдения докладчика о конфессиональных «шатаниях» и бикультурной ситуации в отдельных сельских обществах, констатация локальных конфликтов на религиозной почве между членами общины или семей. Он также правомерно выделяет различные поведенческие модели представителей разных возрастных групп сельского населения, проблемы отцов и детей в вопросах вероисповедания.

Более подробно остановлюсь на двух сюжетах доклада – о молитвенном месте «новых мусульман» в мечети традиционной общины. Проблема участия «отпавших» на общественных молитвах разрешалась по-разному. В 1860–1880-е гг. большинство мулл не пускало их в мечеть, потому что существовали статьи закона о наказании за соращение в ислам право-

славных (каторга или ссылка в Сибирь) и после массового отпадения 1865–1866 гг. от всех указных мулл и вступающих на духовную должность лиц брали расписку на неведение миссионерской деятельности среди крещеных народов. Поэтому муллам приходилось быть крайне осторожными. Ситуация коренным образом начала меняться в 1880–1890-е годы, когда рожденные в семьях «новых мусульман» дети стали взрослыми: у власти уже не было повода к привлечению их к ответственности, как лиц христианского вероисповедания. При выставлении обвинения на предмет участия «отпавших» на общественной молитве муллы объясняли тем, что их, находящихся в последнем ряду молящихся, они не заметили. В целом, вернувшиеся в ислам крещеные татары были восприняты татарами-мусульманами как братья по вере, предки которых сменили веру по вынужденным обстоятельствам, и получали моральную и определенную материальную поддержку.

Требуется также уточнение относительно «сына *русского* священника, В. Чебышева». Переписные листы Первой всеобщей переписи населения 1897 г., составленные крещено-татарскими священниками в Казанской губернии, свидетельствуют о том, что духовные лица даже в случаях, когда их жены были крещеными татарками, записывали своих детей русскими. Возможно, таким образом воспитывали детей и в семье отца В. Чебышева – Матвея Чебышева из «старокрещеных» татар д. Кулуши Мамадышского уезда Казанской губернии, окончившего Казанскую учительскую семинарию. Он, как один из самых сильных выпускников семинарии, был посвящен в священники и направлен в самый трудный приход – в с. Елышево, где в православии оставалась одна семья, имелась пустая церковь, причт без прихода и братская школа с бесплатным общежитием и питанием для детей соседних деревень (дети елышевцев ее не посещали). Таким образом, здесь речь идет о межконфессиональном, а не межэтническом противостоянии.

В плане пожелания также следует отметить, что автор, часто цитируя священников, порой сам начинает оперировать их терминологией. В современном светском обществе, в котором мы живем, становится некорректным использование таких терминов, как «магометанство», «мухаммеданство», поскольку они искажают истинное значение термина «мусульманин» и могут негативно восприниматься верующими мусульманами.

Научный доклад известного историка Геннадия Алексеевича Николаева носит новаторский характер, способствует формированию нового взгляда на рассматриваемую сложную и чрезвычайно интересную проблему и заставляет задумываться об исторических судьбах народов Среднего Поволжья. Желаю дальнейших творческих успехов автору.

Литература

¹ *Можаровский А.* Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1551 по 1867 гг. М., 1880. С. 98.

© Л.А. Таймасов. Рец. на: Николаев Г.А. Мир средневожской поликонфессиональной деревни в аспекте отношений «свой» и «чужой»: вторая половина XIX – начало XX века. Чебоксары, 2011. 36 с. (Научные доклады / Чувашский государственный институт гуманитарных наук. Вып. 2.)

Рецензируемый научный доклад посвящен актуальной теме этноконфессиональных взаимоотношений в средневожской деревне. Доминирующий концепт «свой»/«чужой» подчеркивает научную новизну рассматриваемых в нем вопросов межэтнического и межконфессионального взаимодействия в различных жизненных обстоятельствах на фоне масштабных преобразований российского общества в эпоху развития капитализма.

Леонид Александрович Т а й м а с о в – доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе Чебоксарского кооперативного института Российского университета кооперации; e-mail: pro_nauch@coop.chuvashia.ru.

Автор четко очерчивает проблематику своего исследования, обозначает круг использованных источников, дает историографическую оценку состояния изученности темы. Приведенная в докладе характеристика народонаселения Среднего Поволжья по данным Всероссийской переписи 1897 г. позволяет представить общую картину этноконфессиональной структуры, что весьма ценно для понимания исследуемых вопросов. Охарактеризованы наиболее крупные конфессиональные группы жителей волжской деревни – православных, мусульман и язычников. Особое внимание уделено самому многочисленному сообществу – православно-му. Оно включало в себя неоднородный этнический компонент – русских, марийцев, мордву, татар, чувашей и удмуртов и имело существенные различия в понимании христианского учения. Верно отмечено и документально подтверждено, что новокрещенные народы являли собой преимущественно «двоеверов» и «язычествующих» православных, а в среде русских и мордвы имелись староверы и приверженцы различных раскольнических сект. Правда, не совсем понятно, почему в этом ряду фигурирует марийская секта «Кугу сорта». Основательно отражены различия в степени приверженности этнических групп к православию. Обобщения автора значительно дополняют и обогащают существовавший материал об этноконфессиональном многообразии региона.

Г.А. Николаев выделяет и анализирует разные уровни взаимодействия «своих» и «чужих»: социальный, возрастной, семейно-брачный, бытовой и др. Он справедливо полагает, что выстраивание межличностных и межгрупповых отношений между представителями различных религий происходило на протяжении многих веков. Действительно, крестьяне различных этноконфессиональных групп в силу общности экономических, социальных и культурных интересов находили возможность добрососедского проживания и общения. Ссылка на распространенную в среде многонационального крестьянства мысль о том, что «Бог сделал 77 языков и 77 вер и каждый волен жить, как ему кажется», как нельзя лучше подчеркивает их этнорелигиозные настроения.

Наблюдения автора относительно закрытости мировоззренческого пространства религиозных систем христианства и ислама и попытка объяснить снижение уровня конфессиональной напряженности между монотеистами и политеистами региональными особенностями религий их «мягкостью» – интересны, оригинальны, но нуждаются в дополнительном сравнительном изучении.

Общие элементы языческого наследия у крестьян различной религиозной ориентации, по справедливому замечанию автора, позволяли иноверцу в «чужой» конфессиональной среде чувствовать себя несколько «своим», снижая, а то и сводя на нет социально-психологические трения. Солидарны также с мыслью автора о том, что мир гармонии и добра в своей семье и за ее пределами и русский крестьянин, и татарский хлебопашец строили, опираясь не столько на догматы веры, сколько на прагматическое начало, с детства усваивая данный опыт под воздействием таких традиционных социальных институтов, как семья и сельская община.

Заслуживают внимания размышления автора о конфессиональном «шатании» в среде приверженцев всех основных религий. В большей степени это относилось к язычникам и новокрещеным, однако полной стабильности не было в среде ни православных, ни мусульман. «Шатания» зависели от разных факторов – экономических, социальных, политических, культурных и т.д. Отличаются новизной суждения о различиях в поведении трех поколений хлебопашцев в ситуациях межконфессиональных трений и конфликтов. Хотя у каждой возрастной группы проявлялись особенные черты в отношении к «чужакам», а иногда возникали неприязненные и даже враждебные чувства, но, в конечном счете, здравый смысл, основанный на опыте предков, как правило, возобладал.

Г.А. Николаев справедливо считает, что по мере развития капитализма конфессиональная принадлежность приобретала все большую весомость. Повышение ее значимости было обусловлено не только экономическими, но и духовными переменами, в первую очередь ростом самосознания этносов. Рассматривая новокрещенные народы, он доказывает, что их крестьянские «миры» в пореформенное время разделились на «своих» и «чужих» – на христианскую и языческую партии. В данном вероисповедном противостоянии все чаще верх стала брать христианская партия, авангард которой был представлен молодым поколением. В этой связи было бы нелишним отметить и роль школы.

Хорошо освещены в докладе взаимоотношения в среде татарской этнической общности, которая вследствие христианизаторской церковно-государственной политики оказалась разделенной на три этноконфессиональные группы: мусульман, старокрещеных (кряшен) и новокрещеных. Аналитический материал позволил автору утверждать, что «отступники» из крещеных татар не всегда оказывались «своими» в среде «исконных мусульман» и испытывали со стороны последних определенные неудобства. Но все же, видимо, следовало бы признать, что это больше отвечало их духовным интересам, так как они среди православных воспринимали себя «чужими». Мысль о религиозном реформаторстве как дополнительном стимуляторе разобщения татар на «своих» и «чужих» можно было бы дать более развернуто.

Анализируя трансформационные процессы в этнически смешанных общинах, докладчик пришел к заключению, что в рассматриваемый период стало набирать силу движение за учреждение конфессионально и этнически «чистых» сельских обществ и земельных союзов. Между тем статистические материалы позволили бы представить этот аспект более аргументированно.

В целом же все обобщения и выводы доклада опираются на анализ документов, имеют стройную логику и обоснованную аргументацию. Автор убедительно показал, что вера в силу высокой значимости для идентификации культурного поля объективно является дифференцирующим социальную среду началом и определяет поведенческий стереотип членов крестьянского сообщества. Разумеется, в одном докладе невозможно отразить все многообразие этноконфессиональных отношений в мозаичном обществе Среднего Поволжья в эпоху масштабных перемен. Скорее всего, многие его положения вызовут неоднозначное восприятие и дискуссии. Но в том, что он поднимает целинные пласты масштабной темы и закладывает зерна будущего урожая, и заключается ценность исследования. Хочется надеяться, что автор еще порадует научное сообщество продолжением разработки этой интересной и актуальной темы. Научный доклад Г.А. Николаева отличают свежесть привлеченного материала, глубина научного анализа, и, вне всякого сомнения, работа заслуживает одобрения.

Правила для авторов «Чувашского гуманитарного вестника»

1. Материалы для публикации должны соответствовать тематике журнала и представлять оригинальное научное исследование, не издававшееся ранее. Как исключение к печати могут быть приняты сочинения, издававшиеся частично – до 25% объема. Текст представляемой научной продукции должен быть тщательно выверен авторами на предмет наличия орфографических ошибок и опечаток.

2. Представляемые в редакционную коллегию материалы должны иметь титульный лист, содержащий следующие сведения: фамилия, имя, отчество автора; почтовый адрес; адрес электронной почты; номер телефона (домашнего, рабочего, мобильного); место работы; должность; ученая степень и ученое звание; тематика научных изысканий. На первой странице рукописи печатаются: название статьи (сообщения); инициалы и фамилия автора (инициалы перед фамилией). Заголовок набирается строчными буквами. На первой странице под текстом указываются: полное имя, отчество и фамилия автора; ученая степень, ученое звание и должность. Форма: Иванов Иван Иванович – доктор филологических наук, профессор, заведующий ка-федрой литературоведения Чувашского государственного университета.

3. Материалы для публикации должны быть напечатаны в 2 экземплярах, на одной стороне листа. В редакционную коллегию они представляются вместе с электронным вариантом (на дискете). Распечатанный текст должен быть подписан автором (авторами). Основным параметром верстки печатного и электронного текстов: кегль – 14 пунктов, межстрочный интервал – полуторный, формат страницы – А-4, выравнивание по ширине (для заголовка – по центру), отступ абзаца – 1 см, все поля 2 см, без переносов, нумерация страниц снизу и по центру листа. Гарнитура Times New Roman. Редактор – MS Word. При наличии таблиц и рисунков они должны быть созданы стандартизированными средствами MS Word и внедрены в текст. Таблицы и рисунки должны иметь собственную нумерацию и названия. В таблицах обязательно указываются единицы измерения величин. Названия и нумерация к ним помещаются над конструкцией и набираются полужирным шрифтом 12. Текст внутри таблиц набирается шрифтом 12. Нумерация и пояснения к рисункам помещаются под конструкцией и набираются шрифтом 12. Формулы располагаются по центру страницы. Шрифт для греческих букв Symbol, для всех остальных – Times New Roman. Число таблиц и рисунков в рукописи не должно превышать 6. Фотографии прилагаются в двух файлах – в тексте рукописи и отдельной единицей – с разрешением 300 dpi в формате TIFF, JPEG.

4. Рукописи в редакционную коллегию авторами предоставляются вместе с двумя рецензиями, написанными кандидатами или докторами наук по профильной научной дисциплине. Они должны быть заверены печатью той организации, где работают рецензенты. Решением редакционной коллегии полученные материалы могут быть приняты к печати, отправлены на дополнительное рецензирование или возвращены на доработку. Возвращение рукописи на доработку не означает, что она принята к печати.

Доработанный текст автор вправе вновь предоставить вместе с первоначальным его вариантом и ответами на замечания в редакционную коллегию журнала.

5. Поступившие в редакционную коллегию рукописи, как принятые к печати, так и отклоненные, а также рецензии и сопутствующие материалы поступают в научный архив ЧГИГН. Они авторам не возвращаются.

6. В рукописях допускается использование общеизвестных аббревиатур (СССР, РСФСР и др.). В случае оперирования с малоизвестными аббревиатурами в тексте при первом употреблении им должны предшествовать расшифрованные формы. Например: Всероссийский союз городов (ВСГ). Замена ключевых понятий исследования (например, «СО» вместо «сельское общество») аббревиатурами не допускается.

7. Структура статьи (сообщения) должна определяться соображениями целесообразности. В ее (его) вводной части (не менее 0,5 стр.) обязательны постановка проблемы и определение исследовательских задач, в заключительной (не менее 0,5 стр.) – полученные в ходе анализа выводы. Статью (сообщение) завершают Примечания и Краткое резюме. Использованная литература и источники указываются в Примечаниях.

8. Ссылки на использованную литературу и источники даются с помощью автоматических номерных сносок в конце текста. Кегль – 14 пунктов. Фамилия и инициалы авторов исследований в сносках выделяются курсивом. Названия архивов даются аббревиатурами. При первом употреблении аббревиатуры должны быть расшифрованы. Форма: Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ).

9. Источники, представленные для публикации в качестве самостоятельной исследовательской единицы должны быть оформлены в соответствии с «Правилами издания исторических источников» (М., 1990) и иметь Предисловие, Примечания и комментарии.

10. Ориентировочный объем для публикаций: для статьи – до 25 страниц (50 тыс. знаков), сообщения – до 15 страниц (20 тыс. знаков), рецензии – до 7 страниц (12 тыс. знаков), аннотации – до 3 страниц (5 тыс. знаков). В печатный объем входят текст, таблицы, рисунки и список литературы. Источники, представленные к публикации в качестве самостоятельной исследовательской единицы, могут иметь объем до 23 страниц (40 тыс. знаков). Объем Краткого резюме к статье (сообщению) – 8–10 строк.

11. Редакционная коллегия вправе вносить в настоящие Правила изменения.

СОДЕРЖАНИЕ

История

- В.Д. Димитриев.* О чувашах в Сибирском ханстве 3
Д.А. Захаров. Военно-инженерное строительство на территории
Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны..... 18

Филология

- Э.Е. Лебедев.* Причастия со значением настоящего времени
в тюркских языках 30
А.В. Кузнецов. О невербальных компонентах чувашского
речевого этикета 47

Этнология

- Е.Г. Лебедева.* Особенности антропологического типа чувашей
(По материалам Чувашской антропозоологической экспедиции
1994–1995 гг.) 55
О.Н. Терентьева. Динамика ценностных представлений
чувашей (На материале фольклора) 125

Дискуссии и обсуждения

- Чувашское гуманитарное научное сообщество в зеркале мнений
ученых-гуманитариев 150

Исторический архив

- Ю.В. Гусаров.* «Всё, что сохранилось в памяти...»: Воспоминания
Н.В. Джемс-Леви о Цивильске и Казани в 1910–1920-е годы 158
А.А. Иванов. Земельные отношения в чувашской деревне Самарской,
Симбирской и Уфимской губерний в первой четверти XX столетия 189

Рецензии

- М.Г. Кондратьев.* Рец. на: Смирнова Е.М. Ритмический строй
музыкально-поэтического фольклора татар-мусульман Волго-Уралья
/ Казан. гос. консерватория. Казань, 2008. 580 с. 213
Ю.М. Артемьев. Рец. на: Трофимов А.А. Зороастризм:
суваро-болгарская и чувашская народная культура. Чебоксары:
ЧГИГН, 2009. 256 с., илл. 218

<i>И.И. Бойко.</i> Рец. на: Иванов В.П., Клементьев В.Н. Образование Чувашской автономии: предпосылки, проекты, этапы. Чебоксары, Чуваш. кн. изд-во, 2010. 191 с.	220
<i>В.Н. Клементьев.</i> Рец. на: Иванов М.И. Даниил Эльмень: острые грани судьбы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2010. 255 с.	223
<i>Э.Е. Лебедев.</i> Рец. на: Emine Yılmaz. Karıcağaçta malê türk dilbilimi çalǵımlarında Çuvaşça'nın yeri. I. Sesbilgisi: Turkesh Studies. International Periodical For the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. Volume 5/4 Fall. Erzincan, 2010. S. 728–741 [Эмине Йылмаз. Место чувашского языка в исследованиях по сравнительному тюркскому языкознанию. Часть 1. Фонетика: Вопросы тюркологии. Международное периодическое издание по вопросам языка, литературы и истории турецкого и тюркских языков. Том 5/4. Осень]. Эрзинджан, 2010. С. 728–741..	226

Новая зарубежная литература

<i>Э.Е. Лебедев.</i> Аннотация на статью: İbrahim Arıkan. Çuvaşça Türkçesinde Dilbilgiselleşen Bir Fiil: <i>tār-</i> : Modern Türklük Araştırmaları Dergisi. Cilt 8, Sayı 2 (Haziran 2011), ss. 36–62 – Ankara: Ankara Üniversitesi (Ибрахим Арыкан Грамматикализация глагола <i>tār-</i> в чувашском языке: Статья в журнале «Современные исследования по тюркологии». Том 8, № 2 (Июнь 2011), С. 36–62 – Анкара: Анкарский университет)	230
---	-----

Наши юбиляры

Артемяев Юрий Михайлович (К 70-летию со дня рождения)	233
Викторов Валерьян Николаевич (К 60-летию со дня рождения)	237
Викторов Юрий Васильевич (К 70-летию со дня рождения)	241
Андраш Рона-Таш (К 80-летию со дня рождения)	246

Памяти коллег

Метин Петр Николаевич (1949–2011)	251
Андреев Иван Андреевич (1928–2011).....	253

Итоговая научная сессия

<i>Клэр Надин Саперстайн.</i> Рец. на: Родионов В.Г. Социокультурная динамика чувашского этноса: XVIII – начало XX века. Чебоксары, 2010. 32 с. (Научные доклады / Чувашский государственный институт гуманитарных наук. Вып. 1.)	255
<i>И.К. Загидуллин.</i> Рец. на: Николаев Г.А. Мир средневожской поликонфессиональной деревни в аспекте отношений «свой» и «чужой»: вторая половина XIX – начало XX века. Чебоксары, 2011. 36 с. (Научные доклады / Чувашский государственный институт гуманитарных наук. Вып. 2.)	258

<i>Л.А. Таймасов.</i> Рец. на: Николаев Г.А. Мир средневожской поликонфессиональной деревни в аспекте отношений «свой» и «чужой»: вторая половина XIX – начало XX века. Чебоксары, 2011. 36 с. (Научные доклады / Чувашский государственный институт гуманитарных наук. Вып. 2.)	260
Правила для авторов	263

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Чувашский гуманитарный вестник
№ 6 2011

Научный журнал

Ответственный редактор *Г.А. Николаев*
Редакторы *В.А. Прохорова, А.П. Долгова*
Художественный редактор *А.А. Трофимов*
Корректор *Г.И. Алимасова*
Верстка *Л.Н. Сапоговой*

Публикуемые материалы
не обязательно отражают точку зрения редколлегии
При перепечатке материалов ссылка
на журнал «Чувашский гуманитарный вестник» обязательна

Учредитель: ГНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-39825 от 12 мая 2010 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Подписано к печати 28.12.2011. Формат 70×100¹/₁₆. Печать оперативная.
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 20,25. Тираж 200. Заказ № 48.

Издатель – БНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
428015, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1.
тел 8(8352) 45-00-10, 45-00-05, факс 45-00-05
e-mail: human2000@yandex.ru